

Старец Силуан Афонский архимандрит Софроний (Сахаров)

Аудио

Предисловие

Предисловие

ОТКРОВЕНИЕ о Боге говорит: «Бог есть любовь», «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1Иоан. 4, 8, 1:5).

Как трудно нам, людям, согласиться с этим. Трудно потому, что и наша личная жизнь, и окружающая нас жизнь всего мира свидетельствуют, скорее, об обратном.

На самом деле, где же этот СВЕТ ЛЮБВИ ОТЧЕЙ, если все мы, подходя к концу своей жизни, вместе с Иовом в горечи сердца осознаем: «Лучшие думы мои, достояние сердца моего, разбиты. Дни мои прошли; преисподняя станет домом моим... где же после этого надежда моя?», и то, что от юности тайно, но сильно искало сердце мое, «кто увидит?» (Иов. 17, 11–15).

Сам Христос свидетельствует, что Бог внимательно промышляет о всей своей твари, что ни одна малая птица не забыта Им, что Он заботится даже об убранстве травы, и что о людях его забота еще и несравненно большая, что «у нас и волосы на голове все сочтены» (Мф. 10, 30).

Но где же этот внимательный до последней мелочи промысл? Все мы подавлены зрелищем неудержимого разгула зла в мире.

Миллионы жизней, часто едва начавшихся, прежде, чем достигнуто самое осознание жизни, с невероятной жестокостью вырываются. Итак, зачем же дана эта нелепая жизнь? И вот, жадно ищет душа встречи с Богом, чтобы сказать Ему:

«Зачем Ты дал мне жизнь? ... Я пресыщен страданиями: тьма вокруг меня; зачем Ты скрываешься от меня? ... Я знаю, что Ты благ, но почему Ты так безразличен к страданию моему?

Почему Ты так... жесток и беспощаден ко мне?

Я не могу Тебя понять!»

* * *

ЖИЛ НА ЗЕМЛЕ человек, муж гигантской силы духа, имя его Силуан. Он долго молился с неудержимым плачем: «помилуй меня»; но не слушал его Бог.

Прошло много месяцев такой молитвы, и силы души его истощились; он дошел до отчаяния и воскликнул: «Ты неумолим!» И когда с этими словами в его изнемогшей от отчаяния душе еще что-то надорвалось, он вдруг на мгновение увидел живого Христа: огонь исполнил сердце его и все тело с такой силой, что если бы видение продлилось еще мгновение, он умер бы.

После он уже никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа, и последующие долгие годы своей жизни неустанно свидетельствовал, что Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая.

О нем, этом свидетеле Божественной любви, предстоит нам слово.

Со времени Иоанна Богослова, за истекшие девятнадцать веков, прошли целые сонмы таких свидетелей, но сей последний особенно нам дорог потому, что он был нашим современником. Частое явление среди христиан – желание, вполне естественное желание видимых знамений нашей веры, иначе изнемогают они в своем уповании, а повествования о чудесах давно минувших дней в их сознании становятся мифом. Вот почему так важно повторение подобных свидетельств, вот почему нам так дорог этот новый свидетель, в лице которого было возможно видеть самые драгоценные проявления нашей веры. Мы знаем, что и ему поверят лишь немногие, как немногие поверили в свидетельство прежних Отцов: и это не потому, что свидетельство ложно, а потому, что вера обязывает к подвигу.

Мы говорим, что за девятнадцать веков христианской истории прошли целые сонмы свидетелей любви Христовой, и все же в необъятном океане человечества их так мало, они так редки.

Редки подобные свидетели потому, что нет подвига более трудного, более болезненного, чем подвиг и борьба за любовь:

потому, что нет свидетельства более страшного, чем свидетельство о любви: и нет проповеди более возвышающей, чем проповедь любви.

Взгляните на жизнь Христа. Он пришел в мир, чтобы сообщить людям благовестие о вечной Божественной жизни, которое Он преподал нам в простых человеческих словах, в своих двух заповедях о любви к Богу и ближнему, и из евангельского повествования мы видим, каким искушениям подвергся Он от диавола, который сделал все, что мог, чтобы вынудить Христа хотя бы в чем-нибудь нарушить эти заповеди, и тем отнять у Него «право» давать их человеку.

Посмотрите, что было в пустыне (Мф. 4; Лк. 4). По ответам Христа мы видим, что там была борьба за первую заповедь, т. е. о любви к Богу. Победителя в этой борьбе – Христа, исшедшего на проповедь, диавол окружает атмосферой непримиримой убийственной вражды, преследуя Его на всех путях, но и тут не достигает он своей цели. Последние удары, нанесенные Христу: предательство ученика-апостола, общее отступление и неистовые крики облагодетельствованной толпы: «Распни, распни Его»; но и здесь побеждает любовь Христа, о чем Сам Он категорически свидетельствует: «Дерзайте, Я победил мир» и еще: «Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего».

Итак, диавол не смог отнять у Него право дать миру новую заповедь. Господь победил, и победа Его вечно пребывает, и уже никогда, и никто, и ничто не умалит этой победы.

* * *

Иисус Христос безмерно возлюбил мир: и эту любовь дано было действительно пережить Старцу Силуану, который и сам в ответ полюбил Христа и долгие годы провел в чрезвычайном подвиге за то, чтобы никто и ничто не отнял у него этого дара, и под конец жизни он мог бы, подобно великому Павлу, сказать: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?... Я уверился, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни

другая какая тварь, не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 35–39).

Остановившись на словах Апостола Павла, мы поймем, что так говорить он мог лишь пройдя через все эти испытания. И всякий, идущий вслед Христу, как показал опыт веков, проходит чрез множество испытаний.

Прошел чрез них и Старец Силуан.

* * *

Блаженный старец схимонах Силуан в течение сорока шести лет подвизался на Афонской горе в Русском монастыре Святого Великомученика Пантелеимона. В этом монастыре нам пришлось прожить около четырнадцати лет. В последние годы жизни Старца, с 1931 г. по день кончины его – 11/24 сентября 1938 г., просьбы вынудили нас написать его «житие». Задача для человека, не имеющего ни дара, ни опыта «писать», – нелегкая: но мы все же решаемся, потому что глубоко и искренно убеждены в том, что на нас лежит долг поведать людям об этом воистину великом человеке.

Настоящая книга по своему содержанию предназначается для узкого круга людей, интересы которых сосредоточены на христианском подвижничестве, и потому главной заботой нашей является не литературное искусство, а возможно более точный «духовный портрет» Старца.

Все наше внимание при общении с ним было поглощено его духовным обликом с единственной целью личной «пользы». Мы никогда не имели идеи писать его биографию, и потому многое, что, естественно, должно было бы интересовать биографа, нам осталось неизвестным. О многом мы обязаны умолчать потому, что это связано с людьми еще живыми. Мы приводим здесь лишь небольшое количество фактов из жизни Старца, рассказанных им по разным случайным поводам во время наших частых бесед или же услышанных нами от других подвижников Святой Горы, друзей Старца. Мы полагаем, что сложность сведений о его внешней жизни не составит существенного недостатка нашего труда. Мы были бы вполне удовлетворены, если бы нам удалось хотя бы отчасти выполнить более важную задачу, а именно – нарисовать

духовный образ Старца тем, которые не имели счастья непосредственного живого общения с ним. Насколько мы имеем возможность судить и поскольку нам приходилось соприкасаться с людьми, это был единственный бесстрастный человек, которого нам было дано встретить на нашем жизненном пути.

Теперь, когда его нет с нами, он представляется нам каким-то исключительным гигантом духа.

Когда Господь жил на земле, то смиренное явление во плоти закрывало от взоров людей Его подлинное Божественное величие, и лишь по Вознесении Господнем и по сошествии Святого Духа открылось умному взору учеников и Апостолов – Божество Христа.

Нечто подобное произошло с нами в отношении к Старцу Силуану. При жизни он был так прост и доступен, что при всем благоговении к нему, при всем сознании высокой святости этого мужа, мы все же не могли в полноте ощутить его величия, и лишь теперь, когда в течение целого ряда лет мы не встречаем на своем пути ничего равного, мы с опозданием начинаем понимать подлинное величие того, кого по непостижимому Промыслу Божию нам довелось так близко знать.

Иеромонах Софроний

Часть первая. Жизнь и учения старца Силуана

«Призови Меня в день скорби твоей; и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49, 15).

I. Детство и молодые годы

ЖИЗНЬ блаженного Старца Силуана внешне протекала мало интересно. До призывного возраста это была жизнь бедного русского крестьянина, потом обычная военная служба в нижних чинах, и затем долгие годы, 46 лет, монотонной монастырской жизни простого монаха.

Формуляр Монастыря говорит о нем следующее: Схимонах Отец Силуан, мирское имя – Семен Иванович Антонов, крестьянин Тамбовской губернии, Лебединского уезда, Шовской волости и села. Родился в 1866 г., на Афон приехал в 1892 г., в мантию пострижен в 1896 г.; в схиму – в 1911. Послушания проходил: на Мельнице, на Каламарейском метохе (владение Монастыря вне Афона), в Старом Нагорном Русике, в Экономии. Скончался 11/24 сентября 1938 года.

От «родился» до «скончался» – все бедно, не о чем рассказать: касаться же внутренней жизни человека пред Богом – дело нескромное, дерзновенное. Среди площади мира открывать «глубокое» сердце христианина – почти святотатство; но уверенные в том, что ныне Старцу, ушедшему из мира победителем мира, уже ничто не страшно, уже ничто не нарушит его вечного покоя в Боге, позволим себе попытку хоть что-нибудь рассказать о его чрезвычайно богатом, царственно высоком житии, имея в виду тех немногих, которые и сами влекутся к той же божественной жизни.

Поле духовной борьбы для всякого человека, прежде всего, является его собственное сердце; и тот, кто любит входить в свое сердце, оценит выражение Пророка Давида: «приступит человек и сердце глубоко» (Пс. 63, 7). Подлинная христианская жизнь течет там, в глубоком сердце, сокрытом не только от посторонних взоров, но в полноте и от самого носителя этого сердца. Кто входил в этот таинственный чертог, тот несомненно испытал невыявляемое изумление перед тайной бытия. Кто чистым умом погружался в напряженное созерцание своего внутреннего человека, тот понимает невозможность проследить в полноте течение своей жизни даже

за короткий отрезок времени, тот сознает невозможность уловить процессы духовной жизни сердца, которое своей глубиной касается того бытия, где уже нет процессов. А ведь перед нами, в данном житии, стоит как будто именно эта задача: изобразить внутренний процесс роста великого подвижника.

Нет, мы не поставим перед собой невыполнимой задачи. Мы лишь отчасти коснемся тех этапов его жизни, которые нам лучше известны. Еще в большей степени мы считаем неуместною попытку научного психоанализа, ибо там, где действует Бог, наука не приложима.

Из долгой жизни Старца наиболее ясно мы удержали в памяти несколько фактов, являющихся показательными для его внутренней жизни и в то же время его «историей». Первый из них по времени относится к его раннему детству, когда ему было не более 4-х лет. Отец его, подобно многим русским крестьянам, любил оказывать гостеприимство странникам. Однажды, в праздничный день, с особенным удовольствием он пригласил к себе некоего книгоношу, надеясь от него, как человека «книжного», узнать что-либо новое и интересное, ибо томился он своей «темнотой» и жадно тянулся к знанию и просвещению. В доме гостю был предложен чай и еда. Маленький Семен с любопытством ребенка смотрел на него и внимательно прислушивался к беседе. Книгоноша доказывал отцу, что Христос не Бог, и что вообще Бога нет. Мальчика Семена особенно поразили слова: «Где Он, Бог-то?»; и он подумал: «Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога». Когда гость ушел, маленький Семен рассказал отцу: «Ты меня учишь молиться, а он говорит, что Бога нет». На это отец ответил: «Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не слушай его». Но ответ отца не изгладил из души мальчика сомнения.

Много лет прошло с тех пор. Семен вырос, стал большим здоровым парнем и работал неподалеку от их села, в имении князя Трубецкого, где старший брат его взял подряд на постройку. Работали они артелью; Семен – в качестве столяра. У артельщиков была кухарка, деревенская баба. Однажды она

ходила на богомолье и посетила, между прочим, могилу замечательного подвижника – затворника Иоанна Сезеновского (1791–1839). По возвращении она рассказывала о святой жизни затворника и о том, что на его могиле бывают чудеса. Некоторые из присутствовавших стариков подтвердили рассказы о чудесах, и все говорили, что Иоанн был святой человек. Слыша эту беседу, Семен подумал: «Если он святой, то значит Бог с нами, и незачем мне ходить по всей земле – искать Его», и при этой мысли юное сердце загорелось любовью к Богу.

Удивительное явление: с четырехлетнего до девятнадцатилетнего возраста продержалась мысль, запавшая в душу ребенка при слышании книгоноши; мысль, которая, видимо, тяготила его, оставаясь где-то в глубине неразрешенной, и которая разрешилась таким странным, и, казалось бы, наивным образом.

После того, как Семен почувствовал себя обретшим веру, ум его прилепился к памяти Божией, и он много молился с плачем. Тогда же он ощутил в себе внутреннее изменение и влечение к монашеству, и, как говорил сам Старец, на молодых красивых дочерей князя он стал смотреть с любовью, но без пожелания, как на сестер, тогда как раньше вид их беспокоил его. В то время он даже просил отца отпустить его в Киево-Печерскую Лавру, но отец категорически ответил: «Сначала кончи военную службу, а потом будешь свободен пойти».

В таком необычном состоянии Семен пробыл три месяца, затем оно отступило от него, и он снова стал водить дружбу со своими сверстниками, гулять с девками за селом, пить водку, играть на гармонике, и вообще жить подобно прочим деревенским парням.

Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже и зажиточный, Семен наслаждался жизнью. В селе его любили за хороший миролюбивый и веселый характер, а девки смотрели на него, как на завидного жениха. Сам он увлекся одною из них, и прежде чем был поставлен вопрос о свадьбе, в поздний вечерний час с ними произошло «обычное».

Замечательно при этом, что на следующий день утром, когда он работал с отцом, тот тихо сказал ему: «Сынок, где ты был вчера, болело сердце мое». Эти кроткие слова отца запали в душу Семена, и позднее, вспоминая его, Старец говорил:

«Я в меру отца моего не пришел. Он был совсем неграмотный, и даже «Отче наш» читал с ошибкой, говорил «днесть» вместо «днесь», заучил в церкви по слуху, но был кроткий и мудрый человек».

У них была большая семья: отец, мать, пять братьев-сыновей и две дочери. Жили они вместе и дружно. Взрослые братья работали с отцом. Однажды, во время жатвы, Семену пришлось готовить в поле обед, была пятница, забыв об этом, он наварил свинины, и все ели. Прошло полгода с того дня, уже зимою, в какой-то праздник, отец говорит Семену с мягкой улыбкой:

– Сынок, помнишь, как ты в поле накормил меня свининой? А ведь была пятница; ты знаешь, я ел ее тогда как стерву.– Что же ты мне не сказал тогда? – Я, сынок, не хотел тебя смутить. Рассказывая подобные случаи из своей жизни в доме отца, Старец добавлял:

«Вот такого старца я хотел бы иметь: он никогда не раздражался, всегда был ровный и кроткий. Подумайте, полгода терпел, ждал удобной минуты, чтобы и поправить меня и не смутить».

* * *

Старец Силуан был весьма большой физической силы. Свидетельствуют об этом, между прочим, и следующие факты из его жизни.

Он был еще совсем молодой, до военной службы, однажды на Пасху, после обильного мясного обеда, когда братья его разошлись по гостям, а он остался дома, мать предложила ему «яичницу»: он не отказался: мать сварила ему целый чугун, до полусотни яиц, и он все съел.

В те годы он работал со своими братьями в имении князя Трубецкого, и в праздники иногда ходил в трактир, были случаи, что он выпивал за один вечер «четверть» (3 литра) водки, но пьяным не бывал.

Однажды в сильный мороз, ударивший после оттепели, сидел он на постоялом дворе. Один из постояльцев, переночевавший там, хотел возвращаться домой: пошел он запрячь свою лошадь, однако, скоро вернулся, говоря:

– Беда! Нужно ехать, и не могу: лед обложил копыта лошади толстым слоем, и она от боли не дается отбить его.

Семен говорит:

– Пойдем, я тебе помогу.

На конюшне он взял шею лошади около головы подмышку и говорит мужику: «Отбивай». Лошадь все время стояла не шелохнувшись; мужик отбил лед с копыт, запряг и уехал.

Голыми руками Семен мог брать горячий чугун со щами и перенести его с плиты на стол, за которым обедала их артель. Ударом кулака он мог перебить довольно толстую доску. Он подымал большие тяжести и обладал редкою выносливостью и в жару, и в холод: он мог есть очень помногу и много работать.

Но эта сила, которая позднее послужила ему для совершения многих исключительных подвигов, в то время была причиной его самого большого греха, за который он принес чрезвычайное покаяние.

Однажды, в престольный праздник села, днем, когда почти все жители весело беседовали около своих изб, Семен с товарищем гулял по улице, играя на гармонике. Навстречу им шли два брата – сапожники села. Старший – человек огромного роста и силы, большой скандалист, был «навеселе». Когда они поравнялись, сапожник насмешливо стал отнимать гармошку у Семена; но он успел передать ее своему товарищу. Стоя против сапожника, Семен уговаривал его «проходить своей дорогой», но тот, намереваясь, по-видимому, показать свое превосходство над всеми парнями села в такой день, когда все девки были на улице и со смехом наблюдали сцену, попер на Семена. И вот, как рассказывал об этом сам Старец:

– Сначала я подумал уступить, но вдруг стало мне стыдно, что девки будут смеяться, и я сильно ударил его в грудь: он далеко отлетел от меня и грузно повалился навзничь посреди дороги; изо рта его потекла пена и кровь. Все испугались; испугался и я; думаю: убил. И так стою. В это время младший

брат сапожника взял с земли большой булыжник и бросил в меня; я успел отвернуться; камень попал мне в спину, тогда я сказал ему: «Что же, ты хочешь, чтоб и тебе тоже было?», и двинулся на него, но он убежал. Долго пролежал сапожник на дороге; люди сбежались и помогали ему, омывали холодной водой. Прошло не меньше получаса прежде, чем он смог подняться, и его с трудом отвели домой. Месяца два он проболел, но, к счастью, остался жив, мне же потом долго пришлось быть осторожным: братья сапожника со своими товарищами по вечерам с дубинами и ножами подстерегали меня в закоулках, но Бог сохранил меня.

Так в шуме молодой жизни начал уже заглушаться в душе Семена первый зов Божий к монашескому подвигу, но избравший его Бог снова воззвал его уже некоторым видением.

Однажды, после нецеломудренно проведенного времени, он задремал и в состоянии легкого сна увидел, что змия через рот проникла внутрь его. Он ощутил сильнейшее омерзение и проснулся. В это время он слышит слова:

«Ты проглотил змию во сне, и тебе противно: так Мне нехорошо смотреть, что ты делаешь».

Семен никого не видел; он слышал лишь произнесший эти слова голос, который по своей сладости и красоте был совершенно необычный. Действие, им произведенное, при всей своей тихости и сладости было потрясающим. По глубокому и несомненному убеждению Старца – то был голос Самой Богородицы. До конца своих дней он благодарил Божию Матерь, что Она не возгнушалась им, но Сама благоволила посетить его и восстановить от падения. Он говорил:

«Теперь я вижу, как Господу и Божией Матери жалко народ. Подумайте, Божия Матерь пришла с небес вразумить меня – юношу во грехах».

То, что он не удостоился видеть Владычицу, он приписывал нечистоте, в которой пребывал в тот момент.

Этот вторичный зов, совершившийся незадолго до военной службы, имел уже решающее значение на выбор дальнейшего пути. Его первым следствием было коренное изменение жизни, принявшей недобрый уклон. Семен ощутил глубокий стыд за

свое прошлое и начал горячо каяться перед Богом. Решение по окончании военной службы уйти в монастырь вернулось с умноженной силой. В нем проснулось острое чувство греха, и в силу этого изменилось отношение ко всему, что он видел в жизни. Это изменение сказалось не только в его личных действиях и поведении, но и в его чрезвычайно интересных беседах с людьми, из которых мы, к сожалению, можем рассказать лишь немногие, наиболее отчетливо сохранившиеся в нашей памяти.

В какой-то праздник, когда водили в селе хороводы, Семен смотрел, как один мужик, средних лет, его односельчанин, играл на гармонике и плясал. Отозвав этого мужика немного в сторону, он спросил его:

– Как же, Степан, ты можешь играть и плясать, ведь ты же убил человека?

Он убил его в пьяной драке. Тогда тот отводит Семена еще немного далее и говорит ему:

– Знаешь ли, когда я был в остроге, то много молился Богу, чтобы простил меня, и Бог мне простил; потому я теперь спокойно играю.

Семен, который незадолго перед тем и сам чуть не убил человека, понял, что у Бога можно испросить прощение грехов, понял и спокойствие своего односельчанина – прощенного убийцы. Случай этот ярко рисует и ясное сознание греха, и сильное покаянное чувство, и глубокую религиозную интуицию русских крестьян.

Другой односельчанин Семена имел знакомство с одной девушкой из соседнего села, и девушка та забеременела от него. Семен, видя, что парень очень невнимательно относится к этому обстоятельству, убеждал его жениться на ней, говоря: – «иначе будет грех». Парень долго не соглашался с тем, что это грех, и не хотел жениться, но Семен все же убедил его, и он послушался.

Услышав из уст Старца эту историю, мы спросили его, почему же сам он не женился на той девушке, которую знал. На это Старец сказал:

– Когда мне захотелось пойти в монахи, то я много просил Бога устроить так, чтобы я мог спокойно это сделать, и Бог все так хорошо устроил. Я ушел в солдаты, а за это время один купец-хлеботорговец приехал в наше село для закупки хлеба; увидав ту девушку в хороводе, что она красивая, стройная, хорошо поет и очень веселая, он полюбил и взял ее. Они были счастливы и имели много детей.

Старец горячо благодарил Бога, послушавшего его молитвы, но преступления своего не забыл.

Время военной службы

ВОЕННУЮ службу Семен отбывал в Петербурге, в Лейб-Гвардии, в Саперном Батальоне. Уйдя на службу с живой верой и глубоким покаянным чувством, он не переставал помнить о Боге.

В армии его очень любили, как солдата всегда исполнительного, спокойного, хорошего поведения, а товарищи, как верного и приятного друга: впрочем это было нередким явлением в России, где солдаты жили очень по-братски.

Однажды под праздник, с тремя гвардейцами того же батальона он отправился в город. Зашли они в большой столичный трактир, где было много света и громко играла музыка: заказали ужин с водкой и весело беседовали. Семен больше молчал. Один из них спросил его:

– Семен, ты все молчишь; о чем ты думаешь?

– Я думаю: сидим мы сейчас в трактире, едим, пьем водку, слушаем музыку и веселимся, а на Афоне теперь творят бдение и всю ночь будут молиться, так вот – кто же из нас на Страшном Суде даст лучший ответ, они или мы?

Тогда другой сказал:

– Какой человек Семен! Мы слушаем музыку и веселимся, а он умом на Афоне и на Страшном Суде.

Слова гвардейца о Семене: – «а он умом на Афоне и на Страшном Суде» – могут быть отнесены не только к тому моменту, когда они сидели в трактире, но и ко всему времени пребывания его на военной службе. Мысль его об Афоне, между прочим, выражалась и в том, что он несколько раз посылал туда

деньги. Однажды ходил он из Усть-Ижорского лагеря, где летом стоял их батальон, на почту в село Колпино, чтобы сделать перевод денег на Афон. На обратном пути, еще недалеко от Колпина, по дороге, прямо навстречу ему бежала большая бешеная собака; когда она совсем уже приблизилась и готова была броситься на него, он со страхом проговорил: «Господи, помилуй!» Лишь только произнес он эту короткую молитву, как какая-то сила сразу отбросила собаку в сторону, словно наткнулась она на что-то; обогнув Семена, она побежала в село, где причинила много вреда и людям, и скоту.

Этот случай произвел на Семена глубокое впечатление. Он живо почувствовал близость хранящего нас Бога и еще сильнее прилепился к памяти Божией.

* * *

На военной службе снова проявилась сила его совета и доброго влияния. Увидел он в помещении роты одного солдата, окончившего свой срок, сидящим печально, с опущенной головой, на своей койке. Семен подошел к нему и говорит:

– Что ты печальный сидишь, а не радуешься, как другие, что окончил службу и теперь поедешь домой?

– Я получил письмо от своих, – сказал солдат, – пишут, что жена моя родила за это время.

Помолчав немного, качая головой, тихим голосом, в котором слышалась и скорбь, и обида, и озлобление, он проговорил:

– Не знаю, что я с ней сделаю... Ох, боюсь!... Так что ехать домой не хочется.

Семен спокойно спросил:

– А ты за это время сколько раз ходил в заведения?

– Да, бывали случаи, – словно что-то вспоминая, ответил солдат.

– Ты вот не мог утерпеть, – говорит ему Семен, – а ей, ты думаешь, легко было?... Тебе хорошо: ты мужчина, а она от одного раза родить может... Подумай, куда ты ходил! ... Ты перед ней больше виноват, чем она перед тобой... Ты прости ее... Приедешь домой, прими ребенка, как своего, и увидишь, что все будет хорошо...

Прошло несколько месяцев. Семен получил благодарное письмо от того солдата, который описывал, что когда подъезжал он к дому, то отец и мать вышли ему навстречу «скучные», а жена робкая и смущенная стояла около самого дома с ребенком на руках. У него же на душе, с того момента, как поговорил с ним Семен в казарме, было легко; весело он поздоровался с родителями, весело подошел к жене, поцеловал ее, ребенка взял на руки, тоже поцеловал. Все повеселели, вошли в дом, а потом пошли по селу навещать родных и знакомых; и всюду он с ребенком на руках; у всех было хорошо на душе. И после они жили в мире.

Солдат в письме много благодарил своего друга Семена за добрый совет. И нельзя не согласиться, что совет был действительно не только добрый, но и мудрый. Так уже в молодые годы Старец Силуан прекрасно понимал, что необходимым условием мира между людьми является сознание каждым своей вины.

Окончив свою службу в гвардии, Семен, незадолго до разъезда солдат его возраста по домам, вместе с ротным писарем поехал к Отцу Иоанну Кронштадтскому просить его молитв и благословения. Отца Иоанна в Кронштадте они не застали и решили оставить письма. Писарь стал выводить красивым почерком какое-то мудреное письмо, а Семен написал лишь несколько слов:

«Батюшка, хочу пойти в монахи; помолитесь, чтобы мир меня не задержал».

Возвратились они в Петербург в казармы, и, по словам Старца, уже на следующий день он почувствовал, что кругом него «гудит адское пламя».

Покинув Петербург, Семен приехал домой и пробыл там всего одну неделю. Быстро собрали ему холсты и другие подарки для монастыря. Он попрощался со всеми и уехал на Афон. Но с того дня, как помолился о нем Отец Иоанн Кронштадтский, «адское пламя гудело» вокруг него не переставая, где бы он ни был: в поезде, в Одессе, на пароходе, и даже на Афоне в монастыре, в храме, повсюду.

Приезд на Святую Гору

ПРИЕХАЛ Семен на Святую Гору осенью 1892 г. и поступил в Русский монастырь Святого Великомученика Пантелеймона. Началась новая подвижническая жизнь.

По афонским обычаям новоначальный послушник «брат Симеон» должен был провести несколько дней в полном покое, чтобы, вспомнив свои грехи за всю жизнь и изложив их письменно, исповедать духовнику. Испытываемое адское мучение породило в нем неудержимое горячее раскаяние. В таинстве покаяния он хотел освободить свою душу от всего, что тяготило ее, и потому с готовностью и великим страхом, ни в чем себя не оправдывая, исповедал все деяния своей жизни. Духовник сказал брату Симеону:

«Ты исповедал грехи свои перед Богом, и знай, что они тебе все прощены... Отныне положим начало новой жизни... Иди с миром и радуйся, что Господь привел тебя в эту пристань спасения».

Простая и верная душа брата Симеона, услышав от старца-духовника, что грехи ему все прощены, по слову его – «иди с миром и радуйся», – отдалась радости. Неопытный и наивный – он не знал еще, что подвижнику нужно воздержание и в радости, и потому сразу потерял то напряжение, в котором пребывала душа его после посещения Кронштадта. В последовавшем расслаблении он подвергся нападению блудной похоти и остановился на соблазнительных образах, которые рисовала ему страсть. Помысл говорил ему: «Иди в мир и женись».

Что потерпел молодой послушник, оставаясь наедине, – мы не знаем. Когда он пошел исповедоваться, то духовник сказал ему:

«Помыслов никогда не принимай, а как только придет, сразу отгоняй».

От неожиданного срыва, который постиг брата Симеона, душа его пришла в великий трепет. Ощувив страшную силу греха, он снова почувствовал себя в адском пламени и решил неотступно молиться, доколе Бог не помилует его.

После пережитых им адских мучений, после той радости, которую испытал он, получив прощение в таинстве исповеди, преткновение с помыслом, при сознании, что он снова опечалил Божию Матерь, было для него событием, потрясшим его душу; он думал, что прибыл в пристань спасения, и вдруг увидел возможность гибели и здесь.

«Падение» в помысле – отрезвило брата Симеона на всю жизнь. О степени этого отрезвления можно судить по тому, что с того дня, как сказал ему духовник: «помыслов никогда не принимай», – он за 46 лет своего монашества не принял ни одного блудного помысла. То, чему многие годами не могут научиться, он усвоил после первого же урока, показав тем свою подлинную культуру и мудрость, по слову древних эллинов: мудрому мужу дважды согрешать не свойственно.

Сильная горечь раскаяния послужила поводом к новой брани. Помысл внушал ему: «Иди в пустыню, надень вретище, и там спасайся». «Хорошо, – ответил Симеон, – я пойду к игумену просить на это благословение».

«Не ходи, – игумен не благословит», – говорит помысл.

«Ты только что гнал меня из монастыря в мир, – ответил Симеон, – а теперь гонишь в пустыню... Если игумен не благословит, значит не на добро ты толкаешь меня», – и с решимостью в глубине души сказал: «Умру здесь за грехи мои».

Вводился брат Симеон в духовный подвиг вековым укладом Афонской монастырской жизни, насыщенной непрестанной памятью о Боге: молитва в келлии наедине; длительные богослужения в храме; посты и бдения; частая исповедь и причащение; чтение, труд, послушание. Простой, неискушенный множеством вопросов, как это наблюдается с современными интеллигентными людьми, он, подобно другим монахам, усваивал новую жизнь скорее органическим слиянием с окружающей его средой, чем устными уроками. Устные наставления игумена, духовников и старцев в большинстве случаев бывают кратки и обычно носят форму положительных указаний – что и как должно делать.

Одним из таких уроков для новоначального послушника является наставление, что келлейная молитва должна

совершаться преимущественно по четкам с молитвой «Иисусовой». Многократное призывание святейшего Имени Иисуса уладило душу брата Симеона. Радовался он, узнав, что этой молитвою удобно молиться всегда и везде, при всякой работе и обстановке, что и во время церковных служб хорошо «держаться» ее, а когда нет возможности пойти в храм, то ею заменяются богослужения. – Молился он горячо и много, так как душа его пребывала в тяжелом томлении и потому сильно стремилась к Могущему спасти.

Так прошло немного времени, всего около трех недель, и однажды вечером, при молении пред образом Богородицы, молитва вошла в сердце его и стала сама совершаться там день и ночь, но тогда он еще не понимал величия и редкости дара, полученного им от Божией Матери.

* * *

Брат Симеон был терпеливый, незлобивый, послушливый: в Монастыре его любили и хвалили за исправную работу и хороший характер: и ему это было приятно. Стали тогда приходить к нему помыслы: «Ты живешь свято; покайся; грехи тебе прощены; молишься непрестанно; послушание исполняешь хорошо». От mnogой и усердной молитвы душа его по временам испытывала некоторый покой: тогда помыслы говорили ему: «Ты молишься и, может быть, спасешься: но если в раю ты не найдешь ни отца, ни матери, ни тех, кого ты любишь, то и там не будет тебе никакой радости».

Ум послушника колебался при этих помыслах, и тревога проникала в сердце, но по неопытности своей он не понимал, что же, собственно, с ним происходит.

Однажды ночью келлия его наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел свои внутренности. Помысл говорил ему: «Прими, – это благодать», однако, душа послушника смутилась при этом, и он остался в большом недоумении. Молитва и после этого продолжала в нем действовать, но дух сокрушения отступил настолько, что смех пришел к нему во время молитвы; он сильно ударил себя по лбу кулаком: смех пропал, но дух покаяния все же не

возвратился, и молитва проходила без сокрушения. Тогда он понял, что с ним произошло нечто недолжное.

После видения странного света, стали ему являться бесы, а он, наивный, с ними разговаривал, «как с людьми». Постепенно их нападения усиливались; иногда они говорили ему: «Ты теперь святой», а иногда – «Ты не спасешься». Брат Симеон спросил однажды беса: «Почему вы мне говорите по-разному: то говорите, что я свят, то – что я не спасусь?» Бес насмешливо ответил: «Мы никогда правды не говорим».

Смена демонических внушений, то возносящих на «небо» в гордости, то низвергающих в вечную гибель, угнетала душу молодого послушника, доводя его до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением. Спал он мало и урывками. Крепкий физически, подлинный богатырь, он в постель не ложился, но все ночи проводил в молитве или стоя, или сидя на табурете (без спинки); изнемогая, он сидя засыпал на 15–20 минут, и затем снова вставал на молитву. И так несколько раз. В общей сложности спал он за сутки от полутора до двух часов.

Его первым «послушанием» была работа на мельнице. Это было время расцвета русского монашества на Афоне. Монастырь расширился и стал словно город среди пустыни. Число братии достигало почти двух тысяч, а посетители и поклонники сотнями приезжали из России и часто подолгу жили в больших гостиницах Монастыря. Так что работа на мельнице была не малая. И вот, брат Симеон при столь коротком сне, при крайнем воздержании в пище, при непрестанной горячей молитве, при многом, глубоком, по временам отчаянном плаче, исправно выполнял свое тяжелое трудовое послушание, где за день приходилось ему ворочать и таскать множество больших мешков с мукой.

* * *

Проходили месяц за месяцем, а мучительность демонических нападений все возрастала. Душевные силы молодого послушника стали падать, и мужество его изнемогало, страх гибели и отчаяние – росли: ужас безнадежности все чаще и чаще овладевал всем его существом. Кто переживал что-либо подобное, тот знает, что никакое человеческое мужество,

никакая человеческая сила не может устоять в этой духовной борьбе. Надорвался и брат Симеон; он дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в келлии, в предвечернее время, подумал: «Бога умолить невозможно». С этой мыслью он почувствовал полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски. В этом состоянии он пребывал около часа.

В тот же день, во время вечерни, в церкви Святого Пророка Илии, что на мельнице, направо от царских врат, где находится местная икона Спасителя, он увидел живого Христа.

«Господь непостижимо явился» молодому послушнику, и все существо, и самое тело его исполнилось огнем благодати Святого Духа, тем огнем, который Господь низвел на землю Своим пришествием (Лк. 12, 49).

От видения Симеон пришел в изнеможение, и Господь скрылся.

* * *

Невозможно описывать то состояние, в котором находился он в тот час. Мы знаем из уст и писаний Блаженного Старца, что его осиял тогда великий Божественный свет, что он был изъят из этого мира и духом возведен на небо, где слышал неизрекаемые глаголы; что в тот момент он получил как бы новое рождение свыше (Ин.1:13, 3:3). Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего, радостного Христа привлек к Себе всего человека и затем, скрывшись, сладостью любви Божией восхитил дух его в созерцание Божества уже вне образов мира.

В явлении Господа послушнику Симеону, человеку простому, глубоко непосредственному, замечательно еще и то, что он «сразу узнал» и явившегося ему Христа, и Духа Святого, действовавшего в нем. В своих писаниях он без конца повторяет, что Господа познал он Духом Святым, что Бога узрел он в Духе Святом. Он утверждал также, что когда Сам Господь является душе, то она не может не узнать в Нем своего Творца и Бога.

Можно с уверенностью сказать, что и адское пламя, и адские муки, предварившие явление Христа послушнику

Симеону, и осиявший его Божественный свет – для большинства суть вещи неведомые, непонятные. То, что видит духовный человек, его переживания и весь его опыт – недуховному часто может показаться безумием, плодом патологического душевного состояния. Лишенный опыта реальностей духовного мира, он отрицает то, чего не познал. Потенциально всякий человек призван к полноте духовной жизни, но постоянная обращенность воли к миру вещественному, к плотским и душевным переживаниям приводит к тому, что многие одебелевают, доходя до состояния неспособности к духовным восприятиям. В нашей обыденной жизни это можно уподобить тому, что имеющий радиоприемник ловит волны, наполняющие атмосферу, в то время, как не имеющий такового не ощущает их присутствия.

Странна и непонятна духовная жизнь христианского подвижника; мы видим в ней сплетение поражающих противоположностей: демонические нападения, богооставленность, мрак смерти и муки ада с одной стороны, и богоявление и свет безначального бытия – с другой ¹. И невозможно словом выразить этого.

* * *

Каждый человек – явление неповторимое и своеобразное; путь каждого подвижника тоже своеобразен и неповторим, но все же люди в своем стремлении классифицировать явления по тем или другим признакам, проводят классификацию и в данном случае.

За истекшие века христианства опыт Отцов отмечает три рода или типа в отношении последовательности христианской духовной жизни.

К первому роду принадлежит подавляющее большинство людей. Привлекаются они к вере малою благодатью и жизнь свою проводят в умеренном подвиге хранения заповедей, и лишь при конце жизни своей, в силу переживаемых страданий, познают благодать в несколько большей мере. Некоторая часть из них, впрочем, подвизается усиленнее, тогда перед кончиной своей получают они большую благодать. Так бывает со многими монахами.

Второй род, – когда кто-либо, привлеченный сначала сравнительно малой благодатью, все же ревностно подвизается в молитве и борьбе со страстями, и в этом приболезненном подвиге, в середине пути своего познает большую благодать: проводя последующую жизнь в еще большем подвиге, они достигают высокой меры совершенства.

Третий, наиболее редкий род, – когда человек в начале своего подвижнического пути, за свою горячность, или, вернее, предузнанный Богом, получает великую благодать, благодать совершенных.

Этот последний род является не только самым редким, но и самым трудным, потому что никто, насколько возможно судить о том из житий и творений Святых Отцов, из устного предания подвижников последних веков, и на основании опыта современников, не может удержать в полноте полученный дар божественной любви и после, в течение долгого времени, переживает отнятие благодати и богооставленность. Объективно это не есть полное отнятие благодати, но субъективно душа и самое умаление благодатного действия переживает, как богооставленность.

Этот последний род подвижников страдает больше всех, потому что у них после познания благодати, после созерцания Божественного света, мрак богооставленности и приражения страстей переживается, в силу контраста, несравненно глубже и острее: знают они, ЧТО потеряли. Кроме того, пережитая благодать своим действием изменяет всего человека и делает его несравненно более чутким ко всякому духовному явлению.

Этот последний род страдает более всех потому, что любовь Христова в мире сем подвергается исключительно тяжким «огненным испытаниям» (1Петр.4:12), потому, что любовь Христова в мире сем неизбежно страдающая.

Блаженный Старец Силуан принадлежал к этому последнему роду, и тем объясняются его слова: «вы не можете понять моей скорби», или: «кто не познал Господа, тот не может с плачем искать Его».

Когда он описывает неутолимую скорбь и плач Адама по изгнании из рая, он, в сущности, описывает свой плач и скорбь

своей души после потери благодати.

* * *

Исключительно глубокое покаянное чувство Симеона вызывает вопрос: «почему» одни люди каются в своих грехах так глубоко и сильно, другие менее глубоко, а третьи – совсем слабо или вовсе не каются? «Чем» объясняется различие интенсивности сознания греха у людей?²

Мы не в состоянии ответить на этот вопрос: нам представляется невозможным проникнуть в тайну духовной жизни человека. Доступно нам лишь наблюдение за некоторыми явлениями во внутренней жизни религиозно живущего человека, когда они принимают форму психологического переживания, доступны нашему наблюдению некоторые характерные черты этих переживаний, но без возможности, однако, определить что-либо по существу, так как основой христианских религиозно-психических фактов является не подлежащее никакому определению абсолютно свободное действие Духа Божия ³.

«Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, но не знаешь, откуда приходит, и куда уходит; так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин.3:8).

Второй фактор, также не поддающийся определению, – свобода человека. Из этих двух факторов: проявления свободы человеческой и действия Божией благодати – складывается христианская духовная жизнь.

И вера наша, и покаяние в какой-то неопределимой мере зависят от нашей свободы, и, в то же время, являются даром Божией благодати. Бог по любви Своей ищет человека, чтобы дать ему не только жизнь, но и более, какой-то преизбыток жизни, как говорит Христос (Ин.10:10), но дается эта жизнь свободному человеку не без согласия самого человека. Принимая во внимание это обстоятельство, мы можем сказать, что от свободы человека зависит и мера дара Божия ⁴.

Дары Божии сопряжены с известным подвигом, и когда Бог предвещает, что человек к Его дару отнесется так, как должно отнестись, то этот дар изливает «независтно». Можно сказать, что причиной большего или меньшего дара является предуведанный Богом ответ человека на действие благодати.

Апостол Павел говорит: «Кого Бог предузнал, тех и предопределил быть подобными образу Сына Своего» (Рим. 8, 29). И еще: «Когда Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатию Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего... я не стал тогда советоваться с плотью и кровью» (Гал. 1, 15–16).

Предузнал Бог, что Симеон, впоследствии Схимонах Силуан, не станет советоваться с плотью и кровью, но жизнь свою проведет в подвиге, достойном великого дара, и потому вызвал его на ту необычную жизнь, которую мы в нем видим.

Мы вовсе не помышляем выразить здесь тайну сочетания абсолютно свободного творчества Великого Строителя мира – Бога с тварною свободою человека; но общение наше со Старцем, жизнь которого прошла в исключительно напряженном подвиге любви, в которой по преимуществу проявляется свобода, остановило нашу мысль на предуведении Богом свободного ответа человека на вызов Его любви.

Мы полагаем, что избрание для свидетельства любви чрезвычайно редко потому, что это свидетельство сопряжено с неизбежным отданием всего себя в жертву.

Нам приходит мысль, что в лице Старца Силуана промысл Божий дает миру новый пример и новое свидетельство о безмерности любви Божией, чтобы и чрез него, Силуана, воспрянули люди, парализованные отчаянием, подобно тому, как говорит Ап. Павел: «но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной» (1Тим. 1, 16).

Заповедь Христа для Старца Силуана не была этической нормой. Он не низводил христианства до уровня моралистического учения, как это делают лишенные подлинного религиозного опыта представители гуманистической культуры, доходящие в конце до сознания ненужности «для них» религии, в которой они видят лишь «сдерживающее начало» для невежд. Нет, слово Христа он воспринял, подобно Ап. Петру, как «Глаголы вечной жизни» (Иоан. 6, 68), как дух и жизнь, по слову

Самого Господа: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Иоан. 6, 63).

Для Старца Силуана слово Христа было – Животворящий Дух, сама вечная жизнь, Бог в Своем действии.

Вера его, по возрождению своем после тех фактов, о которых рассказано выше, сразу получила характер глубины. Он верил, что Бог будет судить людей, что те, которые творили грех и не покаялись, пойдут в муку вечную; те же, которые творили благое по заповеди Христа, унаследуют вечное Небесное Царство. Согласно с совершенно правильным замечанием Пр. Максима Исповедника: «Вера рождает страх» (а не страх веру) – (О любви 1 сотня, 2), горячая вера Симеона породила в его душе великий страх осуждения за те многие и немалые грехи, которые он признавал за собой.

И все же не можем мы не удивляться исключительной глубине чувства греха у Симеона. Несомненно, это было даром благодати.

* * *

Что есть грех в понимании христианина?

Грех, прежде всего, явление духовное, метафизическое. Корни греха в мистической глубине духовной природы человека. Сущность греха – не в нарушении этической нормы, а в отступлении от вечной Божественной жизни, для которой сотворен человек и к которой он естественно, т. е. по природе своей, призван.

Совершается грех, прежде всего, в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершенный – отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его: он отразится на судьбе самого творящего грех; он выйдет неизбежно за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а следовательно отразится на судьбе всего мира.

Не только грех Праотца Адама имел последствия космического значения, но и всякий грех, явный ли, тайный ли, каждого из нас отражается на судьбах всего мира.

Плотской человек, совершая грех, не ощущает в себе его последствий, как ощущает то духовный. Плотской человек не замечает в себе перемены состояния после совершения греха, потому что он всегда пребывает в смерти духовной, потому что он не познал вечной жизни духа. Духовный человек, наоборот, при всяком склонении воли своей на грех видит в себе изменение состояния в силу умаления благодати ⁵.

* * *

В Старце Силуане нас удивляет его исключительная чуткость и поразительная духовная интуиция. И до явления ему Господа, и тем более после явления, во всю свою последующую жизнь, грех он переживал чрезвычайно глубоко и сильно: сердце его болело от греха невыносимо, и потому покаяние бывало неудержимо-устремленным, с плачем, неотступное, доколе не почувствует душа, что Бог простил. Многим это покажется странным, а некоторым, может быть, преувеличенным, но пример Старца не для всех.

Каясь в грехе, он искал не извинения только, которое дается Богом легко, быть может, за один вздох сожаления, он искал полного прощения, так, чтобы душа ощутимо чувствовала в себе благодать. Он искал от Бога силы не повторить греха, если возможно, никогда; он молил Бога об избавлении от действующего в нас «закона греховного» (Рим. 7, 23). Следствие греха, – потерю благодати, – он переживал столь сильно и болезненно, что повторения чего-либо подобного он боялся. Отступление от души любви Божией и мира Христова для него было страшнее всего. Сознание, что он оскорбляет Бога, «такого» Бога, кроткого, смиренного, было для него нестерпимым. Он испытывал самые глубокие страдания совести, погрешившей против святой любви Христа. Кто в плане человеческого, сам имея любовь, совершил грех против любви, например, по отношению к родителям, тот знает, какая это несносимая мука совести: но все, что совершается в мире душевных отношений, есть лишь слабая тень духовных отношений с Богом.

Итак, от века предузнал Бог Семена-Силуана и неведомым для нас образом дал ему познать сущность греха с такой

глубиной и силой, что он подлинно переживал муки ада, и молился из этого «ада преисподнего», доколе не склонился к нему Господь и не явил ему Себя, дав ему познать воскресение души и увидеть Сына Человеческого во царствии Своем, прежде, чем познал он смерть по телу (Мф.16:28).

II. Монашеские подвиги

ЯВЛЕНИЕ Христа брату Симеону, несомненно, наиважнейшее событие его жизни. Оно не могло не отразиться самым существенным образом на всем ее дальнейшем развитии, не могло не произвести самых глубоких изменений в его душе и сознании. Внешне, однако, течение жизни мало изменяется: он остается на том же «послушании» – на мельнице, и распределение времени продолжает быть тем же, что и прежде – это общий порядок Монастыря; келейное правило, многочасовые богослужения в храме, трудовой день с обычными человеческими нуждами – питанием, отдыхом, сном. Порядок общий для всех, но жизнь у каждого разная, «своя». И если у каждого есть своя личная жизнь, то тем более была она у Симеона.

В момент явления ему Бога он всем своим существом был «извещен», что грехи ему прощены. Исчезло адское пламя, что гудело вокруг него, прекратилась адская мука, которую он испытывал в течение полугода. Теперь ему было дано переживать особую радость и великий покой примирения с Богом; его душой овладело новое сладостное чувство любви к Богу и к людям, ко всякому человеку.

Прекратилась молитва покаяния⁶, ушло то неудержимое горячее искание прощения, которое не давало ему смежить очей сном. Но означало ли это, что теперь он спокойно мог предаться сну?

Конечно, нет.

Познавшая свое воскресение и увидевшая свет подлинного и вечного бытия, душа Симеона первое время после Явления переживала пасхальное торжество. Все было хорошо: и мир великолепен, и люди приятны, и природа невыразимо прекрасна, и тело стало иным, легким, и сил словно прибавилось, и слово Божие радует душу, и ночные бдения в храме и особенно молитвы в келлии наедине – стали сладостны. От избытка радости душа жалела людей и молилась за весь мир.

Через некоторое время, в праздничный день, после всенощного бдения в храме, утром, когда брат Симеон прислуживал в общей трапезе, его вторично посетила благодать, подобная по роду первой, но с несколько меньшей силой, и затем постепенно ощутимое действие ее стало слабеть. Память о познанном сохранялась, но мир и радость в чувстве и сердце умаялись, а на смену им приходили недоумение и боязнь потери.

Что же делать, чтобы не допустить этой потери?

Подвиг бдения, поста и молитвы остается неизменно напряженным, и однако свет и любовь умаяются, а душа тоскует и скучает об удаляющемся Господе.

Началось внимательное искание ответа на растущее недоумение в советах духовника и в творениях Святых Отцов-аскетов.

Молодой монах узнает о себе, что он удостоился дара редкого, исключительного, но не понимает, почему же ум его, исполнившийся света богопознания, несмотря на весь подвиг хранения заповедей, снова омрачается видением бесов, которые исчезли первое время после Явления Господа?

* * *

Симеон, полный недоумения, пошел в Старый Русик за советом к старцу Отцу Анатолию.

Последний, услышав о всем происходящем с молодым монахом, говорит ему:

– Ты, наверно, много молишься?

– Я молюсь непрестанно, – ответил Симеон.

– Думаю, что ты неправильно молишься, и потому так часто видишь бесов.

– Я не понимаю, что значит правильно или неправильно молиться, но я знаю, что надо всегда молиться, и потому постоянно молюсь.

– Во время молитвы ум храни чистым от всякого воображения и помысла и заключаай его в слова молитвы, – сказал ему Старец Анатолий и объяснил при этом, что значит «чистый» ум и как его «заключать» в слова молитвы.

У старца Анатолия Симеон провел достаточно времени. Свою поучительную беседу отец Анатолий закончил словами нескрываемого удивления:

«Если ты теперь такой, то что же ты будешь под старость?»

Отец Анатолий был терпеливый и выдержанный подвижник, свою долгую жизнь, как говорил о нем Старец Силуан, он провел в подвиге поста и покаяния, но лишь под старость, на 45 году монашества испытал он великую милость Божию и познал, как действует благодать. Естественно, что он был удивлен жизнью молодого монаха, но, конечно, он не должен был выявлять своего удивления, и в этом была его ошибка, так как он дал молодому подвижнику сильный повод к тщеславию, с которым тот еще не умел бороться.

Ошибка старца Анатолия была не только педагогической, но и против благодати. Благодать Божия не допускает подлинного подвижника говорить своему собрату похвалу, которую даже совершенные нередко не могут понести без вреда. Похвалы говорятся только в том случае, когда кто-либо изнемогает от отчаяния, но открывать глаза «шуйцы» на то, что творит с нами десница Божия или совсем не должно, или с величайшим искусством и осторожностью.

Так или иначе, у молодого и еще неопытного монаха Симеона началась самая трудная, самая сложная, самая тонкая брань с тщеславием. Гордость и тщеславие влекут за собой все беды и падения: благодать оставляет, сердце остывает, ослабевают молитва, ум рассеивается и начинаются приращения страстных помыслов. Душа, созерцавшая иную жизнь, сердце, испытавшее сладость Духа Святого, ум, познавший чистоту – не хотят согласиться на принятие осаждающих дурных мыслей, но как достигнуть этого?

До Явления душа Симеона не умела бороться с помыслами и дошла до отчаяния, несмотря на непрестанно действующую молитву; после Явления – душа его познала мир благодати Святого Духа и жизнь была сплошной молитвой и славословием. Но все это снова стало удаляться и опять началась брань помыслов. Душа тоскует.

Просит, молится, плачет, пребывает в борьбе, чтобы удержать Неудержимого, но свет, если и возвращается, то ненадолго и не как прежде, и затем снова оставляет.

Начались долгие годы смены благодати и оставлений.

* * *

Ни испытанные адские муки, ни дар непрестанной внутренней молитвы, ни даже Явление Господа – не дало молодому монаху полного освобождения от бесовских нападений и брани помыслов. При всем напряжении молитвы – ум его по временам омрачался видением бесов и потерей мира. Весь его исключительный опыт не дал ему знания, как пребыть в том состоянии, которое познала душа во время видения, а принять спокойно удаление света – было уже невозможно.

Совет старца Анатолия, – заключать ум в слова молитвы, несколько помог Симеону очиститься умом, но недостаточно, и тогда пред ним во всей своей силе стала задача аскетической «борьбы с помыслом».

У вступившего на путь духовной жизни борьба помыслов не есть простое внутреннее размышление по тому или иному поводу. Внешняя форма, в которую облекается помысл, очень часто не дает возможности понять ОТКУДА он.

Часто помысл приходит тихо и осторожно, и первая словесная форма его может показаться не только вполне естественной, но и мудрою, и даже святою; и однако иногда достаточно легчайшего прикосновения такого помысла, чтобы произвести глубокие изменения в душе.

Суждение о природе помысла, можно сказать, никогда не должно исходить из его внешней формы, и только опыт приводит к познанию того, какой силы и вместе тонкости могут достигать демонические внушения. Возможны самые разнообразные виды последних. Даже когда помысл по природе своей добр, в него может быть привнесено нечто чуждое и тем существенно изменено его духовное содержание и действие.

Помысл – первичная стадия греха. Появление его в сфере сознания человека не вменяется в грех: это только предложение греха.

Отвержением помысла исключается дальнейшее развитие греха.

Православный монах своим главным делом считает внутреннее умное «внимание» с молитвою в сердце, что дает ему возможность «видеть помысл» прежде, чем он войдет в сердце. Ум, безмолвным вниманием стоящий в сердце, видит, как помысл приближается «извне», пытаясь проникнуть в сердце, и молитвою отгоняет его. Этому деланию, называемому «умным трезвением» или «умным безмолвием», стал учиться Симеон. С того дня, когда по дару Божией Матери в сердце его начала действовать Иисусова молитва, до конца жизни молитва его «никогда» не прекращалась, но при всем том она не была еще совершенною и не могла тогда быть таковою, потому что страсти оставались еще непреодоленными. Дар, полученный Симеоном, был велик и явился крепкою основою его духовной жизни, но он не приводил непосредственно к совершенству. С ним произошло нечто большее, но все же подобное тому, что случается со многими другими: своим горячим устремлением они достигают постоянной молитвы, но неочищенные от страстей долгим подвигом, несмотря на действие молитвы, они впадают в грехи по страсти. Подвижник таким состоянием не может удовлетвориться⁷.

Брат Симеон не умел еще «хранить ума»: молясь, он не останавливал воображения, чрез которое действуют демоны. Воображение, неизбежное у всякого начинающего духовную жизнь, вносит искажение в эту жизнь. Поскольку оно неизбежно в начальный период, оно не считается тогда «прелестью», но все же начинающий постепенно отводится от этого образа молитвы к другому, который состоит в том, чтобы «заключать ум в слова молитвы». Это более трудный и сухой образ молитвы, но зато более правильный и менее опасный.

У горячо устремленного к Богу, но совершенно простого и наивного брата Симеона молитва, сопровождавшаяся воображением, очень скоро приняла опасную форму и дала возможность бесам искушать молодого подвижника. И тот странный свет, который однажды ночью наполнил его келлию и даже осветил его внутренности, и те уродливые фигуры,

которые по ночам наполняли его келлию и даже днем являлись ему и беседовали с ним, – все это было чревато большими опасностями.

Правда, почти все святые подвижники прошли чрез борьбу с демонами⁸ и в этом смысле встреча с ними нормальное явление на путях к духовному совершенству, но сколько было таких, которые пострадали от них: сколь многие до конца жизни пребывали душевнобольными, сошли с ума: сколько людей дошло до страшного отчаяния и гибели; сколько самоубийств и всяких преступлений совершается в мире вследствие демонической духовности⁹.

Кто вел с ними борьбу, тот знает, как они бывают умны и часто льстивы с теми, кто принимает их, и как яростны – когда их отвергают.

Всякий раз, когда с подвижником происходит то, что было с братом Симеоном, духовный отец напрягает внимание свое. Борьба с демонами не должна приводить в страх: страх – наполовину поражение: появление его ослабляет душу и делает ее более доступною демоническому насилию.

Брат Симеон был наивный, но мужественный; однако, пребыть спокойным в подобных случаях невозможно.

* * *

Из Житий Святых, из творений Святых Отцов-аскетов, из бесед с духовниками и другими подвижниками Святой Горы молодой монах Силуан постепенно научается более совершенным аскетическим деланиям, пребывая неизменно в подвиге, который большинству покажется вообще невозможным. Сон его по-прежнему прерывчатый – несколько раз в сутки по

15–20 минут, в общей сложности от полутора до двух часов в сутки. В постель по-прежнему он не ложится, но спит сидя на табурете; пребывает в трудах днем, как рабочий; несет подвиг внутреннего послушания – отсечения своей воли; учится возможно полному преданию себя на волю Божию; воздерживается в пище, в беседах, в движениях; подолгу молится умною Иисусовою молитвою – делание наитруднейшее, сокрушающее положительно все человеческие

силы, и, несмотря на весь его подвиг, свет благодати часто оставляет его, а бесы толпою окружают ¹⁰ по ночам.

Смена состояний, то некоторой благодати, то оставленности и демонических нападений, не проходит бесплодно.

Благодаря этой смене, душа монаха Силуана пребывает в постоянной внутренней заботе, бодрствовании и усердном искании исхода. Непрестанная молитва и умное трезвение, которому он учился со свойственным ему терпением и мужеством, открыло ему новые горизонты духовного ведения и обогатило его новыми средствами в борьбе со страстями. Ум его чаще и чаще находил то место внимания в сердце, которое давало ему возможность наблюдать за совершающимся во внутреннем мире души¹¹.

Сравнение состояний и переживаний приводит к более ясному пониманию происходящего с ним. Зарождается подлинное духовное ведение и рассуждение. Приобретается знание о том, как подкрадываются помыслы различных страстей, а также и о том, как действует благодать. Силуан входит в жизнь разумного подвига, осознав, что главный смысл такового заключается в стяжании благодати. Так вопрос о том, как стяжевается благодать, как хранится, почему и за что оставляет душу – становится одним из основных и главнейших вопросов всей его жизни.

В своем подвиге за сохранение благодати монах Силуан доходил до мер, которые людям иного типа покажутся недопустимо жестокими и могут даже породить мысль, что такого рода беспощадность к себе является извращением христианства. Но это, конечно, не так. Душа, познавшая Бога, возведенная в созерцание мира вечного света и затем потерявшая эту благодать, находится в таком состоянии, о котором не имеет представления не познавший всего этого в такой же степени.

Страдание и скорбь этой души – неизъяснимы; она испытывает особую метафизическую боль. Для человека, видящего свет безначального бытия, испытавшего полноту, радость и невыразимую сладость любви Божией, – в мире сем

не остается уже ничего, могущего его прельстить. В каком-то смысле земная жизнь становится для него тяготой, безрадостной, и он с плачем ищет снова той жизни, к которой ему дано было прикоснуться. Муж, теряющий свою жену, горячо и глубоко любимое существо, или мать, потерявшая единственного возлюбленного сына, – лишь отчасти могут понять скорбь потерявшего благодать, потому что любовь Божия и по силе своей, и по достоинству своему, и по сладости своей, и по несравненной красоте своей и власти – безмерно превосходит всякую иную человеческую любовь, и потому Святой Иоанн Лествичник говорит о потерявших благодать, что страдания их превышают страдания приговоренных к смерти или страдания плачущих о мертвецах своих.

Исключительность потери и страдания с нею связанного – толкает на исключительные подвиги; и представьте себе мучение души, доходящей до изнеможения в своем подвиге и все же не достигающей искомого. Благодать лишь изредка на короткие минуты свидетельствует о своей близости, и затем снова скрывается. Душа тяжело страдает от мрака богооставленности; ум, несмотря на трудный подвиг непрестанной внутренней молитвы, омрачается и видит бесов; по ночам они часто приходят и беспокоят монаха, стараясь оторвать его от молитвы или, по крайней мере, не дать чисто молиться. Много неясного для души в этой борьбе, и недоумевает она, зачем и почему это так? От многих болезненных страданий сердца – плачет монах, душа тоскует и ищет Бога, а кругом мрачные бесы, бесстыдные, пошлые, злые, отвратительные. «Где же Ты, Господи... вскую оставил мя еси?» (Пс.21:2).

* * *

Великий и несравненный опыт наших Отцов из поколения в поколение показал, что сравнительно многие удостоились благодатных посещений в начале своего обращения к Богу, но лишь очень немногие устояли в том подвиге, который совершенно необходим впоследствии для того, чтобы по оставлении снова разумно стяжать познанную благодать. К этим немногим должно отнести монаха Силуана.

Те краткие слова, которые мы позволили себе сказать выше о страданиях богооставленной души, по своему значению не соответствуют и единой ночи борьбы, в которой пребывал он многие годы. Помним, как Старец, который вообще не любил много говорить об этом, сказал: «Если бы Господь не дал мне в начале познать, как много Он любит человека, то я и одной такой ночи не вынес бы, а их у меня было множество».

Прошло пятнадцать лет со дня явления ему Господа. И вот однажды, в одно из таких мучительных ночных борений с бесами, когда, несмотря на все старания, чисто молиться не давалось, Силуан встает с табурета, чтобы сделать поклоны, но видит перед собой огромную фигуру беса, стоящего впереди икон и ожидающего поклона себе: келлия полна бесов. Отец Силуан снова садится на табурет и, наклонив голову, с болезнью сердца говорит молитву:

«Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен я делать, чтобы они не мешали мне?» И был ему ответ в душе:

«Гордые всегда так страдают от бесов»¹².

«Господи, – говорит Силуан, – научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа». И снова в сердце ответ от Бога:

«Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

* * *

Эта краткая беседа с Богом в молитве – новое весьма важное событие в жизни Отца Силуана.

Средство необычное, непонятное; средство, казалось бы, жестокое, но он принимает его с радостью, с благодарностью. Сердце почувствовало, что Господь милостив к нему, и Сам руководит им. Держать себя во аде для него не было новым. До явления ему Господа – он пребывал в нем¹³.

Новое в указании Божиим – «и не отчаивайся»¹⁴.

Прежде он дошел до отчаяния; ныне снова, после многих лет тяжелой борьбы, частых богооставлений, он переживал часы если и не отчаяния, то все же близких к нему страданий. Память о виденном Господе не допускала его до последнего отчаяния, но страдания от потери благодати бывали не менее

тяжкими. Вернее, то, что он переживал, тоже было отчаянием, но иного рода, чем первое. В течение стольких лет, несмотря на все труды, предельно-доступные его силам, он не достигал желаемого, и потому терял надежду когда-нибудь достигнуть его.

Когда после трудной борьбы за молитву он встал с табурета, чтобы сделать поклоны Богу, но увидел перед собой беса, ожидающего себе поклонения, то душа его сильно заболела. И вот, Сам Господь указал ему путь к чистой молитве¹⁵.

* * *

Мы сознаем, что всякая попытка выразить словами глубокий духовный акт – есть попытка с недостаточными средствами, но не имея лучшего, воспользуемся тем, что нам доступно.

В чем сущность указания Божия Отцу Силуану?

В том, что отныне душе его открылось не отвлеченно-интеллектуально, а бытийно, что корень всех грехов, семя смерти есть гордость, что Бог – есть Смирение, и потому желающий стяжать Бога, должен стяжать смирение. Он познал, что то несказанно сладкое великое смирение Христово, которое ему было дано пережить во время Явления, есть неотъемлемое свойство Божественной любви, Божественного бытия. Отныне он воистину познал, что весь подвиг должен быть направлен на стяжание смирения.

Ныне душа монаха Силуана торжествует, торжествует особым, неведомым миру образом. Ему дано было познать великую тайну «Бытия», бытийно познать. О, как милостив Господь: смиренному рабу Он открывает тайны Свои и научает его путям вечной жизни. Отныне Силуан будет всеми силами души держаться указанного Самим Богом пути.

* * *

Начался новый этап в духовной жизни Монаха Силуана.

Первое явление ему Господа было полно неизъяснимого света; оно принесло богатство переживаний, множество любви, радость воскресения, подлинное и достоверное чувство перехода от смерти в жизнь, но возникает невольное

недоумение: почему же удалился этот свет? Почему дар этот не имел характера неотъемлемости по слову Господа: «и радости вашей никто не отнимет у вас?» (Ин. 16, 22). Дар ли был несовершенным, или принявшая его душа не смогла понести его?

Теперь обнаружилась и была осознана причина потери: душа не имела ни разума, ни силы понести дар. Ныне же Силуану дан был «свет разума»; отныне он начинает «разуметь Писание»; его умному взору ясно предстал путь ко спасению; ему открылись многие тайны в Житиях Святых и Писаниях Отцов.

Он духом проник в тайну борьбы Преподобного Серафима Саровского, который после явления ему Господа в храме, во время Литургии, переживая потерю благодати и богооставленность, тысячу дней и тысячу ночей стоял в пустыне на камне, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному».

Ему открылся подлинный смысл и сила ответа Преподобного Пимена Великого своим ученикам: «Поверьте, чада! Где сатана, там и я буду».

Он понял, что Преподобный Антоний Великий был послан Богом к Александрийскому сапожнику учиться тому же деланию: от сапожника он научился помышлять: «Все спасутся, один я погибну».

Ему стало ясно, что Преподобный Сисой Великий имел в виду именно этот помысл, т. е. «Все спасутся, один я погибну», – когда говорил ученикам: «Кто может носить помысл Антония? Впрочем я знаю человека, который может носить этот помысл» (Человек этот – сам Сисой).

Он увидел, он знал теперь, что мыслил Преподобный Макарий Египетский, говоря: «Сойди в сердце, и там сотвори брань с сатаною». Он уразумел, какая задача стояла перед юродивыми Христа ради, и вообще путь, которым шли великие Отцы-аскеты:

Виссарион, Герасим Иорданский, Арсений Великий и другие.

О, как милостив Господь; смиренному рабу Своему Силуану Он дает познать тайны Свои, открывает ему пути Жизни,

открывает не отвлеченно-рассудочно, но «самую вещь», т. е. бытийно.

Он познал в опыте жизни своей, что полем духовной битвы со злом, космическим злом, является собственное сердце человека. Он духом узрел, что самым глубоким корнем греха является гордость – этот бич человечества, оторвавший людей от Бога и погрузивший мир в неисчислимые беды и страдания; это подлинное семя смерти, окутавшее человечество мраком отчаяния. Отныне Силуан, выдающийся гигант духа, все силы свои сосредоточит на подвиге за смирение Христово, которое ему было дано познать в первом Явлении, но которое не сохранил.

Перенесенный духом в жизнь Отцов, он увидел, что ведение пути к вечной божественной жизни всегда было в Церкви и что действием Духа Святого передается оно через толщу веков из поколения в поколение.

* * *

Многие, соприкасаясь с монахами вообще и со Старцем Силуаном в частности, не видят в них ничего особенного, и потому остаются неудовлетворенными и даже разочарованными. Происходит это потому, что подходят они к монаху с неверною меркою, с неправильными требованиями и исканиями.

Монах пребывает в непрестанном подвиге, и нередко чрезвычайно напряженном, но православный монах – не факир. Его совершенно не увлекает достижение посредством специальных упражнений своеобразного развития психических сил, что так импонирует многим невежественным искателям мистической жизни. Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань, некоторые из них, как Отец Силуан, ведут титаническую борьбу, неведомую миру, за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, подлинным человеком, по образу совершенного Человека Христа, т. е. кротким и смиренным.

Странная, непонятная миру христианская жизнь; все в ней парадоксально, все в порядке как бы обратном порядкам мира, и нет возможности объяснить ее словом.

Единственный путь к уразумению – это творить волю Божию, т. е. блюсти заповеди Христа; путь, указанный Им Самим.

Монах Силуан, после данного ему Господом откровения, твердо стал на духовном пути. С того дня его «любимую песню», как сам он выражался, становится:

«Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе:

Где Ты, свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя».

Это делание скоро привело к миру души и чистой молитве. Но даже и этот огненный путь¹⁶ оказался не кратким.

Благодать уже не оставляет его, как прежде; он ощутимо носит ее в сердце; он чувствует живое присутствие Бога; он полон удивления пред милосердием Божиим; глубокий мир Христов посещает его; Дух Святой снова дает ему силу любви. И хотя теперь он уже не тот неразумный, что был прежде; хотя из долгой и тяжелой борьбы он вышел умудренным; хотя из него выработался великий духовный борец, – однако и теперь страдал он от колебаний и изменчивости человеческой натуры и продолжал плакать невыразимым плачем сердца, когда умалялась в нем благодать.

И так еще целых пятнадцать лет, доколе не получил он силу одним мановением ума, никак не выражаемым внешне, отражать то, что раньше тяжело поражало его.

* * *

По мере того, как возрастали благодатные посещения по силе своей и продолжительности, возрастала в душе Силуана благодарность Богу:

«О Господи, как же Тебя благодарить за эту новую неисповедимую милость: невежде и грешнику Ты открываешь тайны Свои. Мир погибает в оковах отчаяния, а мне, последнему и худшему всех, Ты открываешь вечную жизнь. Господи, не могу я один, дай всему миру познать Тебя».

Постепенно в молитве его начинает преобладать скорбь о мире, не ведающем Бога. «Молиться за людей – это кровь

проливать», – говорил Старец, Духом Святым наученный любви Христовой.

Любовь Христова есть блаженство ни с чем не сравнимое в мире сем, и вместе с тем любовь эта есть страдание, большее всех страданий.

Любить любовью Христа – это значит пить чашу Его, ту чашу, которую Сам Человек-Христос просил Отца «мимонести».

Через чистую умную молитву подвижник научается великим тайнам духа. Сходя умом в сердце свое, сначала вот это – плотяное сердце, он начинает проникать в те глубины его, которые не суть уже плоть. Он находит свое глубокое сердце, духовное, метафизическое, и в нем видит, что бытие всего человечества не есть для него нечто чуждое, постороннее, но неотделимо связано и с его личным бытием.

«Брат наш есть наша жизнь», – говорил Старец. Через любовь Христову все люди воспринимаются, как неотъемлемая часть нашего личного вечного бытия. Заповедь – любить ближнего, как самого себя, – он начинает понимать не как этическую норму; в слове «как» он видит указание не на меру любви, а на онтологическую общность бытия.

«Отец не судит никого, но весь суд дал Сыну... потому что Он Сын человеческий» (Ин.5:22–27). Сей Сын человеческий, Великий Судья мира, – на Страшном Суде скажет, что «единый от меньших сих» есть Он Сам; иными словами, – бытие каждого человека Он обобщает с Своим, включает в Свое личное бытие. Сын человеческий – все человечество, «всего Адама», воспринял в Себя и страдал за всего Адама. Апостол Павел говорит, что и мы должны иметь тот же образ мыслей и чувств, тот же строй жизни, что и во Христе (Фил. 2, 5).

Дух Святой, уча Силуана любви Христовой, давал ему действительно жить этой любовью, воспринимать в себя жизнь всего человечества. Молитва последнего напряжения, с глубоким плачем о всем мире, роднила и связывала его крепкими узами со «всем Адамом». Для него, пережившего воскресение души своей, стало естественным воспринимать каждого человека, как вечного брата своего. В земной жизни есть известный последовательный черед¹⁷, но в вечности все

мы едино, и потому каждый из нас должен заботиться не только о себе, но и об этом всеединстве.

После опыта адских страданий, после указания Божия: «держи ум твой во аде», для Старца Силуана было особенно характерным молиться за умерших, томящихся во аде, но он молился также и за живых и за грядущих. В его молитве, выходящей за пределы времени, исчезала мысль о преходящих явлениях человеческой жизни, о врагах. Ему было дано в скорби о мире разделять людей на познавших Бога и на непознавших Его. Для него было несносимым сознавать, что люди будут томиться во «тьме кромешной».

Помним его беседу с одним монахом-пустынником, который говорил:

– Бог накажет всех безбожников. Будут они гореть в вечном огне.

Очевидно ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем. На это Старец Силуан с видимым душевным волнением сказал:

– Ну, скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай, и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?

– А что поделаешь, сами виноваты, – говорит тот. Тогда Старец со скорбным лицом ответил:

– Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех.

И он действительно молился за всех; молиться только за себя стало ему несвойственным. Все люди подвержены греху, все лишены славы Божией. (Рим. 3, 22). Для него, видевшего уже в данной ему мере славу Божию и пережившего лишение ее, одна мысль о таком лишении была тяжка. Душа его томилась сознанием, что люди живут, не ведая Бога и Его любви, и он молился великою молитвою, чтобы Господь, по неисповедимой любви Своей, дал им Себя познать.

До конца своей жизни, несмотря на упадающие силы и болезни, он сохранил привычку спать урывками. У него оставалось много времени для уединенной молитвы; он постоянно молился, меняя, в зависимости от обстановки, образ

молитвы, но особенно усиливалась его молитва ночью, до утрени.

Тогда молился он за живых и усопших, за друзей и врагов, за всех.

* * *

Что же мыслил, что переживал, что говорил он Богу в долгие ночи молитвы за мир?

Примером таких молитв могут служить некоторые записи Старца; они дают возможность весьма большого приближения к этой тайне души ушедшего от нас святого мужа.

Слова этих молитв произносятся очень медленно одно за другим. Каждое слово с силой, глубоко захватывает все существо человека.

Весь человек собирается воедино; собирается весь даже физически.

Дыхание изменяется, делается стесненным, или, лучше сказать, – затаенным, чтобы своею «дерзостью» не нарушить устремления и внимания духа.

Весь ум, все сердце, все тело до костей – все собирается воедино. Ум безвидно мыслит мир; сердце безвидно живет страданием мира, и в нем самом страдание достигает последнего предела. Сердце, вернее, все существо объято плачем, погружено глубоко в плач.

Не многословны молитвы Старца, но они продолжались очень подолгу.

Часто молитва идет без слов. Ум в особом акте синтеза мыслит все сразу. Душа при этом стоит на той грани, когда каждую минуту может потерять всякое ощущение мира и тела своего, когда ум прекращает мыслить в отдельных понятиях; когда дух человека невидимо будет видеть только Бога; тогда забывает он мир, прекращается молитва, и лишь в безмолвном изумлении пребывает он в Боге.

«Когда ум весь в Боге, то мир забыт совершенно», – говорил Старец.

Когда же кончается это пребывание в Боге, по причине неведомой человеку, то уже нет молитвы, но в душе мир, любовь, и глубокий покой, а вместе и некая тонкая печаль, что

отошел Господь, потому что душа хотела бы вечно пребывать с Ним.

Душа тогда живет остатком созерцания.

III. Внешность и беседы старца

МЫ УЗНАЛИ Старца Силуана в этот период его жизни. Долгие годы титанической борьбы со страстями прошли¹⁸.

Духом в то время был он подлинно велик.

Наученный тайнам Божиим, свыше наставленный на духовную брань, он уже твердой ногой восходил к бесстрастию.

Внешне Старец держался очень просто. Ростом он был выше среднего; крупный, но не великан.

По телу он не был сухим, но не был также и грузным. Сильный торс, крепкая шея, крепкие, пропорциональные торсу ноги с большими ступнями. Рабочие руки, сильные, с большими ладонями и крупными пальцами. Лицо и голова очень гармонических пропорций. Красивый, округлый умеренный лоб, чуть больший длины носа. Нижняя челюсть крепкая, волевая, но без чувственности и жестокости. Глаза темные, небольшие; взгляд спокойный, мягкий, по временам пронизательно-пристальный; часто усталый от многого бдения и слез.

Борода большая, густая, несколько с проседью. Брови густые, несросшиеся, низкие, прямые, как у мыслящих людей.

Волосы на голове темные, до старости умеренно густые. Его несколько раз фотографировали, но всегда он выходил неудачно. Крепкие, мужественные черты его лица выходили сухими, жесткими, грубыми, тогда как в жизни он производил впечатление, скорее, приятное своим мирным и благодушным лицом, которое от малого сна и многого поста и умиления часто бывало бледным, мягким, совсем не суровым.

Так бывало обычно, но иногда он преображался до неузнаваемости. Бледное, чистое лицо с каким-то особым просветленным выражением бывало настолько поразительным, что смотреть на него не было сил; глаза при взгляде на его лицо опускались. Невольно вспоминалось Священное Писание, где говорится о славе лица Моисея, на которую не мог взирать народ.

Жизнь его была умеренно суровая, с совершенным невниманием к внешности и большим небрежением о теле. Как

большинство афонских подвижников, тела своего он не мыл. Одевался грубо, как рабочие монахи; носил на себе много одежды, потому что за годы полного небрежения о теле часто простужался и страдал от ревматизма. Во время своего пребывания на Старом Русике он сильно простудил себе голову, и мучительные головные боли вынуждали его ложиться в постель. Ночи тогда он проводил вне стен собственно Монастыря, в большом помещении продовольственного склада, которым заведовал; делал он это ради большего уединения.

Такова была простая и скромная внешность этого человека. Но если мы захотим говорить о его характере и внутреннем облике, то встанем пред очень трудной задачей.

В те годы, когда нам пришлось его наблюдать, он являл зрелище исключительной гармонии душевных и телесных сил.

Он был малограмотный, в детстве ходил в сельскую школу только «две зимы», но от постоянного чтения и слышания в церкви¹⁹ Священного Писания и великих творений Святых Отцов, он очень развился и производил впечатление начитанного в монашеском отношении человека. От природы у него был живой, сообразительный ум, а долгий опыт духовной борьбы, внутренней умной молитвы, опыт исключительных страданий и исключительных Божественных посещений – сделал его нечеловечески мудрым и проницательным.

Старец Силуан был человек удивительно нежного сердца, умиленной любви, чрезвычайной чуткости и отзывчивости на всякую скорбь и страдание, при полном отсутствии болезненной женственной чувствительности. Постоянный, глубокий духовный плач никогда не впадал в слезливую сентиментальность.

Неусыпная внутренняя напряженность не имела и тени нервозности.

Достоинство немалого удивления великое целомудрие этого мужа при его столь могучем и сильном теле. Он крепко хранил себя даже от всякого помысла, неугодного Богу, и несмотря на это, совершенно свободно, ровно и непринужденно, с любовью и мягкостью общался и обращался со всеми людьми независимо от их положения и образа жизни. В нем не было и тени гнушения даже нечисто живущими людьми, но в глубине

души он скорбел об их падениях, как любящий отец или мать скорбят о преткновениях своих нежно-любимых детей.

Искушения он встречал и переносил с великим мужеством.

Это был человек вполне бесстрашный и свободный, но вместе с тем в нем не было и намека на дерзость. Бесстрашный, он пред Богом жил в страхе: оскорбить Его хотя бы помыслом дурным – он действительно боялся.

Большого мужества, он в то же время был исключительной кротости. Мужество и кротость – какое редкое и необычной красоты сочетание.

Старец был человек глубокого подлинного смирения, смирения и пред Богом, и пред людьми. Он любил отдавать предпочтение другим, любил быть меньшим, первым приветствовать, взять благословение от носителей священного сана, особенно епископов и игумена, но делал это без всякого человекоугодия или заискивания. Он искренно почитал людей с саном и положением, или образованных, но никогда в нем не было ни зависти, ни унижения, быть может, потому, что он глубоко сознавал тленность всякого мирского положения, или власти, или богатства, или даже научных познаний.

Он знал, «как много любит Господь Своих людей», и по любви к Богу и людям – он воистину ценил и уважал всякого человека.

Внешнее поведение сего мужа было очень простым, и в то же время его несомненным качеством было внутреннее благородство, если хотите, аристократизм в высшем смысле этого слова. При общении с ним в самых разнообразных условиях человек даже самой тонкой интуиции не мог бы заметить в нем грубых движений сердца; отталкивания, неуважения, невнимания, позы и подобного. Это был воистину благородный муж, как может быть благородным только христианин.

Старец никогда не смеялся до звука; никогда не говорил двусмысленно, не насмехался и даже не подшучивал над людьми. На обычно серьезно спокойном лице его иногда намечалась едва уловимая улыбка, не раскрывавшая губ, если только при этом он не произносил слова.

В нем не было гнева, как страсти; но при удивительной мягкости, редкой уступчивости и послушании у него была великая твердость сопротивления всему ложному, лукавому, гнусному, не прилеплялось к нему осуждение, пошлость, мелочность и подобное; здесь проявлялась его упорная неподатливость, но так, чтобы не оскорбить принесшего что-либо подобное, не оскорбить не только внешне, но, что главное, и движением своего сердца, потому что чуткий человек уловит и его. Достигал он это тем, что, молясь внутренне, оставался спокойным, невосприимчивым ко всему дурному.

Редкой силы воля – без упрямства; простота, свобода, бесстрашие и мужество – с кротостью и мягкостью; смирение и послушание – без униженности и човекоугодия – это был подлинно человек, образ и подобие Бога.

Прекрасен мир, – творение великого Бога, но нет ничего прекраснее человека, подлинного человека – сына Божия.

* * *

Интереса к событиям внешней жизни Блаженного Старца у нас никогда не было. Быть может, это ошибка с нашей стороны, но теперь уже не поправить дела. При встрече со Старцем все наше внимание было совершенно поглощено желанием не упустить его духовного наставления; умом понять, сердцем уразуметь, душою удержать и усвоить его слово, вернее, устройство, дух.

Нам казалось иногда, что Старцу дана была сила чрез молитву влиять на беседовавших с ним.

Это было тем необходимее, что слово его по внешней форме своей было очень просто, как бы ничего «особенного» не заключающим в себе, тогда как по существу оно было о состоянии вышеестественном, и нужно было молитвою передать собеседнику то духовное состояние, из которого говорилось оно, иначе все будет напрасным; слово останется непонятым, не воспринятым, сокрытым.

Общение со Старцем носило особый, исключительный характер: совершенная простота и непринужденность, полная свобода от какого бы то ни было стеснения, боязни в чем-либо ошибиться; глубокая уверенность, что ничто, никакое действие

твое или слово неловкое, или даже нелепое, не вызовет надрыва, не нарушит мира, не встретит в ответ ни упрека, ни жесткого толчка. В его присутствии к сердцу не прикасалась боязнь, и в то же время какая-то самая внутренняя струна души напрягалась последним молитвенным напряжением, чтобы удостоиться дышать тем духом, какого он был исполнен.

Когда вы входите в место, исполненное благоухания, то грудь ваша невольно раскрывается, чтобы глубоким дыханием воспринять его всем своим нутром. Такое же движение души наблюдалось при общении со Старцем. Спокойное, мирное, но вместе очень сильное, глубокое желание овладевало душою – воспринять благоухание той сферы духа Христова, в которой дано было жить Старцу.

Какое редкое, исключительное и совершенно особого рода наслаждение дает общение с таким человеком.

* * *

Старец мог говорить просто, без малейшего тщеславия о вещах, выходящих за пределы человеческих норм. Если у слушателя была к нему вера, то чрез эту простую внешне беседу воспринимал он в доступной ему мере то вышеестественное состояние, в котором находился сам Старец.

Помним его рассказ об одном замечательном русском подвижнике – Отце Стратонике, приехавшем с Кавказа посетить Афон.

Отец Стратоник имел редкий дар слова и молитвы с плачем; многих пустынников и монахов на Кавказе восставил он от расслабления и уныния к новому подвигу, раскрывая им пути духовной брани. И на Афоне О. Стратоник был принят в кругу подвижников с большой любовью, и вдохновенное слово его производило на многих глубокое впечатление. Богатое рассуждение, красивый и сильный ум, обширный опыт, дар подлинной молитвы – все делало его центральной фигурой в кругу подвижников. Провел он на Святой Горе около двух месяцев и начал уже печалиться, что напрасно поднял большой труд далекого путешествия ради «пользы»; сам он из встреч с афонскими монахами ничего нового не приобрел.

Пришел он к духовнику Русского Монастыря Святого Пантелеймона – Старцу Агафодору и, рассказав о своей печали, просил указать кого-либо из отцов, с кем можно было бы поговорить о послушании и других деланиях монаха. Отец Агафодор послал его погостить на «Старый Русик», где в то время (до войны 1914 г.) собралось несколько замечательных подвижников из братии Монастыря.

Старый Русик расположен в горах, на высоте, приблизительно, 250 метров над уровнем моря, на восток от Монастыря, в расстоянии – час и десять минут ходу. Там был установлен более строгий постнический режим, чем в Монастыре. Место это пустынное, безмолвное, и потому туда тянулись монахи, желавшие большего уединения ради делания умной молитвы. В то время там жил и Отец Силуан. Отца Стратоника в Старом Русике приняли с большим расположением. Он много беседовал с отцами Русика и наедине, и в группах. Однажды в праздничный день схимонах о. Досифей пригласил к себе в келлию его, а вместе и несколько других монахов, среди которых были отцы:

Вениамин с Калягры, Онисифор и Силуан. Беседа была очень содержательной. Все были увлечены тем, что говорил Отец Стратоник, который не только как гость имел преимущество, но и по дару слова превосходил прочих. Отец Силуан из присутствующих был более молодой и потому, естественно, сидел в углу келлии и молчал. Он внимательно прислушивался к каждому слову кавказского подвижника. После беседы Отец Стратоник, еще не посетивший отдельно О. Силуана, выразил желание побывать у него на «калибке», которую он выстроил себе в расстоянии 5–6 минут на юго-восток от братского корпуса ради уединения. Условились на следующий день, в 3 часа. В ту ночь О. Силуан много молился, чтобы Господь благословил их встречу и беседу.

Отец Стратоник пришел в назначенный час. Беседа между двумя подвижниками началась легко и сразу приняла желательный характер. И тот и другой духом постоянно были устремлены к единой цели, и ум их неотрывно жил все теми же

вопросами, которые для них были единственно насущно важными.

Силуан, накануне внимательно слушавший Отца Стратоника, заметил, что последний говорил «от своего ума», и что слово его о встрече воли человеческой с волею Божиею и о послушании было «неясным».

Беседу он начал тремя вопросами, на которые просил ответа:

«Как говорят совершенные?»,

«Что значит предаваться на волю Божию?»,

«В чем сущность послушания?»

По-видимому, та удивительная атмосфера духа, в которой он пребывал, сразу повлияла на Отца Стратоника; он почуял важность и глубину вопросов и задумался. После некоторого молчания он сказал:

– Я этого не знаю... Вы мне скажите.– Силуан ответил:

– Они от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух.

Отец Стратоник в этот момент, видимо, переживал то состояние, о котором говорил Силуан.

Ему открылась новая тайна духовной жизни, дотоле ему неведомая. Он ощутил свои недочеты в прошлом, он понял, как был еще далек от совершенства, мысли о котором ему приходили после стольких встреч с монахами, когда очевидным было его превосходство; а ведь он встречался со многими и замечательными подвижниками. С благодарностью смотрел он на Отца Силуана.

После того, как разрешился первый вопрос в глубине души его из самого опыта этого состояния, данного ему по молитве Отца Силуана, другие два ему уже легко было усвоить.

Беседа далее коснулась молитвы. Отец Стратоник говорил, что если молитва проходит без слез, то это значит, что она не достигла своего места, и потому остается бесплодной. На это Силуан ответил, что слезы при молитве, как и всякая иная сила в теле, могут истощаться, но тогда ум, утонченный плачем, переходит к некоему тонкому чувству Бога, и чистый от всяких

помыслов безмолвно созерцает Бога. И это может быть дороже даже плача.

Отец Стратоник ушел благодарный. После он приходил к Силуану еще несколько раз, и до конца его пребывания на Святой Горе между ними сохранилась большая любовь. В одно из своих последующих посещений он подтвердил слова Силуана о молитве.

Видимо, и это состояние Бог дал ему познать.

* * *

Вскоре после этой беседы О. Стратоник, покинув Старый Русик, пошел к пустыннику О. Вениамину.

Это был человек редкого благородства, умный, начитанный, с богатым рассуждением; во всем его облике, в лице и в тонком, высоком, сухом силуэте, отразилась какая-то невысказанная внутренняя трагедия. Он десятки лет безмолвствовал на «Калягре», и нам хотелось бы многое рассказать об этом замечательном подвижнике, но не считаем возможным позволить себе здесь подобных отступлений, чтобы не удлинить повествования о главном предмете. О. Стратоник и раньше часто посещал О. Вениамина, и они много беседовали, но на сей раз он, сверх обыкновения, был молчалив и задумчив. О. Вениамин спросит его об одном, – молчание в ответ; спросит о другом, – то же самое.

Наконец, с удивлением раскрывая руки, со свойственной ему несколько театральной грацией, он спрашивает:

– Отец Стратоник, что с Вами? Я Вас не узнаю.

Всегда Вы бывали таким бодрым, а теперь сидите печальный, и закрылись Ваши вдохновенные уста... Что с Вами?

– Что же я Вам скажу на Ваши вопросы? – отвечает О. Стратоник.–

Не мне об этом говорить; у Вас есть Отец Силуан, его спросите.

Удивился О. Вениамин.

Силуана он знал давно, любил его и уважал, но не считал настолько великим, чтобы обращаться к нему за советами.

Не исключена возможность, что О. Стратоник в то время имел в душе очень сложное переживание. С одной стороны, он

приехал на Афон, ища себе «пользы», с другой – он из многих прежних встреч привык уже преимуществовать. Его исключительная выносливость в подвижничестве и редкий дар молитвенного плача – могли давать повод к мыслям о достигнутом уже совершенстве, и вдруг, так ярко и сильно обнаружилась его недостаточность при встрече с монахом простым и как будто не обладавшим теми блестящими дарованиями, которыми сам он был богат.

Возможно, что он молчал и был печален потому, что не удержал того состояния, которое познал во время беседы с Отцом Силуаном.

* * *

Однажды О. Вениамин Калягрский, гуляя в праздничный день по монастырскому лесу с О. Силуаном, предложил ему пойти к замечательному и весьма известному тогда на Афоне – Старцу О. Амвросию, духовнику Болгарского Монастыря «Зограф». Силуан немедленно согласился... Идут... О. Вениамин любопытствовал, о чем Силуан будет спрашивать Старца Амвросия.

– Я ни о чем не думаю спрашивать Старца, – ответил Силуан. – У меня сейчас нет никаких недоумений.

– Тогда зачем же ты идешь?

– Я иду, потому что ты так хочешь.

– Но ведь к старцам ходят ради пользы.

– Я отсекаю мою волю пред тобой, и в этом моя польза, большая, чем от какого бы то ни было совета Старца.

Удивился этой беседе О. Вениамин, но и на сей раз не понял он Силуана.

Незадолго перед своей кончиной О. Вениамин из пустыни приехал в Монастырь Святого Пантелеймона. Он заболел водянкой и слег в больницу, которую содержит Монастырь ради пустынников и вообще бездомных странников. Называется эта больница – «Покой». Помещается она в большом многоэтажном каменном здании, расположенном на самом берегу моря, вне врат собственно Монастыря. Рядом с этим зданием есть другое, меньшее, где находятся продовольственные магазины, которыми в то время заведовал Отец Силуан. Близость

магазина от «Покоя» позволяла Силуану часто навещать О. Вениамина и помогать ему. Но и сам О. Вениамин, хотя и с трудом, мог все же первое время ходить, и тоже нередко посещал своего друга.

Вскоре после своего приезда, О. Вениамин был у О. Силуана, и они имели большую и важную беседу. Нам пришлось посетить О. Вениамина в больнице на другой день. Он весь был под впечатлением этой беседы с О. Силуаном и много раз с нескрываемым чувством удивления и благодарности повторял:

– Какого друга дал мне Господь!... Вы знаете, как он все раскрыл во мне... Потом дал мне три указания, несколько раз повторил их, чтобы я не забыл, и в заключение добавил строго, как бы большой гвоздь вбил: «Если не сделаешь так, как говорю, то не спасешься».

По всему было видно, что эта встреча с Силуаном для О. Вениамина была большим откровением. Случилось это в понедельник, первый день Петрова поста. Несмотря на то, что по уставу Монастыря в этот день до вечера не полагается ничего вкушать, О. Силуан «напоил его чаем» и сам пил. И эта незначительная деталь была отмечена О. Вениамином, как показатель свободы О. Силуана от форм, свободы не по презрению, а по превосходству, ибо он знал его великое воздержание. Мы провели у О. Вениамина около часа, все это время он был очень сосредоточенным и ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить, и много раз повторял:

«Какого друга дал мне Господь!»

Так только под конец своей жизни он узнал, кто был Силуан; прежде он относился к нему хотя и очень дружелюбно, однако несколько снисходительно, как к хорошему монаху, но все же младшему. Подобным образом произошло и с некоторыми другими отцами на Святой Горе, которые лишь после смерти О. Силуана оценили его.

* * *

Монастырь Св. Пантелеймона очень большой, и хозяйство его сложно.

Отдельные отрасли этого хозяйства имеют своих заведующих, которые называются экономами. Экономы, в силу

своих обязанностей, не могут иногда следовать общему порядку Монастыря, и поэтому в большой братской трапезе имеется особый стол – «экономский», за которым они обедают, каждый, когда позволяют ему его дела. Последние многие годы Отец Силуан состоял экономом и ел в будни за этим столом.

В числе экономов был один из монахов – Отец П., человек резко выделяющийся из среды братии своими способностями, но как-то странно ему «не везло». Богатая инициатива Отца П. в большинстве случаев не встречала сочувствия среди отцов, и его предприятия нередко кончались неудачами. Как-то, по случаю очередного провала одного из его начинаний, в трапезе за экономским столом его действия подверглись резкой критике. Отец Силуан был вместе с другими, но не принимал никакого участия в «суде». Тогда один из экономов, О. М., обращаясь к нему, говорит:

– Ты молчишь, О. Силуан, значит ты за О. П. ... Тебе не дороги интересы Обители... Какой убыток причинил он Монастырю.

Отец Силуан промолчал, быстро окончил свой обед, и затем, подойдя к О. М., который в то время уже отошел от стола, говорит ему:

– Отец М..., сколько лет, как ты в Монастыре?

– Тридцать пять.

– Ты слышал когда-нибудь, чтобы я осуждал кого-либо?

– Нет, не слыхал.

– Так что же, ты хочешь, чтобы я теперь стал порицать О. П.?

Отец М. смутился и со стыдом ответил:

– Прости меня.

– Бог простит.

* * *

Когда Отец Силуан впервые был назначен экономом, то придя от Игумена в свою келлию, он горячо молился, чтобы Господь помог ему исполнять это ответственное послушание. После долгой молитвы был ему ответ в душе: «Храни благодать, данную тебе». Тогда понял он, что хранить благодать важнее и дороже всех прочих дел и потому, вступив в свое

новое послушание, он неусыпно следил за тем, чтобы не прерывалась молитва его.

Он имел под своим началом до 200 рабочих. Утром, обходя мастерские, он давал в общих чертах указания старшим мастерам и затем уходил в свою келлию плакать о «народе Божиим». Сердце его болело от скорби за рабочих, он оплакивал каждого.

«Вот Михаил, оставил свою жену с детьми в деревне и здесь за гроши работает. Ну каково ему быть так далеко от дому, не видеть ни жены, ни милых деток своих... Вот Никита, только что женился и оставил свою молодую беременную жену и старуху мать... каково было им отпустить этого еще юношу, любимого сына и мужа... Вот Григорий, – оставил стариков родителей, молодую жену и двух малышей-младенцев, и пришел сюда работать за кусок хлеба... и что он выработает здесь... Какая же бедность у них, чтобы решиться оставить всю семью... и какая должна быть у всех у них скорбь... И вообще, в какой ужасной бедности живет весь этот народ... Вот Николка, совсем еще мальчик... с какою болезнью отпустили его родители так далеко, среди чужих людей, ради нищенского заработка; как должно скорбеть сердце родителей... О, в какой бедности и страданиях живет народ... И все они, как овцы заброшенные, никто о них не попечется, ни об их воспитании и обучении... научаются они всяким порокам, дичают, грубеют...»

Так говорил блаженный Старец, и страдала душа его за всех бедняков, страдала, несомненно, больше, чем все они сами, так как он видел в их жизни еще и то, чего они сами в себе не замечали по необученности своей.

«Сердце сердцу весть подает», – говорит народная пословица. Тайно молился Старец о «народе Божиим», но рабочие это чувствовали и любили его. Он никогда не висел у них над душою во время работы, не подгонял их, но они, обласканные, веселее работали и с большей энергией, чем у других. Другие экономы «наблюдали обительские интересы», а кому не известно, что когда приходит забота об «интересах», тогда человека не видят.

Интерес, подлинный интерес Обители, Старец видел в том, чтобы соблюдалась заповедь Христа.

«Господу всех жалко», – говорил он, да и не только говорил, но и сам, исполненный Духа Христова, жалел всех. От видения окружающей жизни, из воспоминаний прошлого, от глубочайшего личного опыта – он жил страданием народа, всего мира, и не было конца его молитве. Он молился великою молитвою о всем мире.

Он забывал себя, он хотел страдать за народ от жалости к нему; за его мир и спасенье он влекся проливать кровь свою, и проливал ее в молитвах.

«Молиться за людей – это кровь проливать», – говорил Старец.

Нужно ли говорить о том, показателем какого молитвенного напряжения и плача являются эти слова?

Однажды мы спросили Старца: «Хлопотливое экономское послушание, при необходимости общаться со множеством людей, не вредило ли монашескому безмолвию?» – На это Старец ответил:

– Что есть безмолвие? Безмолвие – это непрестанная молитва и пребывание ума в Боге. Отец Иоанн Кронштадтский всегда был с народом, но он больше был в Боге, чем многие пустынники. Экономом я стал за послушание, и за благословение Игумена мне на этом послушании было лучше молиться, чем на Старом Русике, куда я по своей воле отпросился ради безмолвия... Если душа любит народ и жалеет его, то молитва не может прекратиться.

* * *

Невозможно не отметить одну замечательную черту в характере Старца, а именно о его отношении ко всякому несогласному и инакомыслящему. Самым искренним и глубоким бывало его желание понимать такового в наилучшем возможном смысле и не оскорблять в нем того, что для него свято. Он всегда оставался самим собою; он до последней степени был уверен, что «спасение во Христовом смирении», и в силу этого смирения он всей душой хотел понимать всякого самым добрым

образом; в каждом человеке он чутко воспринимал его одушевленность, его способность любить Христа.

Мы знаем о беседе Старца с одним Архимандритом, который занимался миссионерской работой среди инославных. Архимандрит этот очень уважал Старца и неоднократно приходил беседовать с ним во время своих пребываний на Святой Горе. Старец спросил его, как он проповедует? Архимандрит, еще молодой и неопытный, жестикулируя руками и двигаясь всем телом, возбужденно отвечал:

– Я им говорю: ваша вера – блуд, у вас все извращено, все неверно, и нет вам спасения, если не покаетесь.

Старец выслушал это и спросил:

– А скажите, Отец Архимандрит, веруют ли они в Господа Иисуса Христа, что Он истинный Бог?

– Это-то они веруют.

– А Божию Матерь чтут они?

– Чтут, но они неправильно учат о Ней.

– И святых почитают?

– Да, почитают, но с тех пор, как они отпали от Церкви, какие же могут быть у них святые?

– Совершают ли они богослужения в храмах, читают ли слово Божие?

– Да, есть у них и церкви и службы, но посмотрели бы Вы, что это за службы после наших, какой холод и бездушие.

– Так вот, Отец Архимандрит, душа их знает, что они хорошо делают, что веруют во Иисуса Христа, что чтут Божию Матерь и Святых, что призывают их в молитвах, так что когда вы говорите им, что их вера – блуд, то они вас не слушают... Но вот если вы будете говорить народу, что хорошо они делают, что веруют в Бога; хорошо делают, почитая Божию Матерь и Святых; хорошо делают, что ходят в церковь на богослужения и дома молятся, что читают Слово Божие, и прочее, но в том-то у них есть ошибка, и что ее надо исправить, и тогда все будет хорошо; и Господь будет радоваться о них; и так все мы спасемся милостию Божиею... Бог есть любовь, а потому и проповедь всегда должна исходить от любви; тогда будет польза и тому,

кто проповедует, и тому, кто слушает, а если порицать, то душа народа не послушает вас, и не будет пользы.

* * *

Однажды Старец беседовал с одним студентом, посетившим Афон и много говорившим о свободе. Как всегда, Старец с добрым вниманием следил за мыслями и переживаниями своего живого, симпатичного, но наивного собеседника. Конечно, его представления о свободе сводились, с одной стороны, к исканию политических свобод, с другой – возможности действовать вообще по своим побуждениям и желаниям.

Старец в ответ изложил ему свои взгляды и искания; он говорил:

«Кто не хочет свободы? Все ее хотят, но надо знать, в чем свобода, и как ее найти... Чтобы стать свободным, нужно, прежде всего, себя «связать». Чем больше сам себя будешь связывать, тем большую свободу будет иметь твой дух... Связать в себе нужно страсти, чтобы они не возобладали тобою; связать себя нужно, чтобы не делать ближнему вреда... Люди обычно ищут свободы, чтобы делать «что хочешь».

– Но это не есть свобода, а власть греха над тобою. Свобода творить блуд, или невоздержанно есть и пьянствовать, или злопамятствовать, насиловать и убивать, или другое что в этом роде – совсем не есть свобода, а как Господь сказал: «всякий, творящий грех, раб есть греха». Надо много молиться, чтобы избавиться от этого рабства.

Мы думаем, что истинная свобода в том, чтобы не грешить, чтобы всем сердцем и всею силою любить Бога и ближнего. Истинная свобода – это «постоянное пребывание в Боге». Несмотря на то, что сказанное Старцем по глубине своей превосходило меру понимания молодого студента; несмотря на то, что внешне слово Старца было очень простым, собеседник его ушел под очень сильным впечатлением.

* * *

У нас сохранилась письменная заметка об одной беседе Старца с посетившим его монахом; беседа эта происходила в нашем присутствии 18/31 марта 1932 г.

Старец говорил, что в опыте Святых Отцов можно усмотреть несколько различных способов борьбы с помыслом, но лучший из них – совершенно не вступать в беседу с ним (помыслом).

Ум, вступивший в беседу с помыслом, встретится с его непрерывным развитием и, увлеченный этою беседою, отрывается от памяти Божией, что и составляет цель демонов, которые оторванный от Бога ум так или иначе запутают, и из беседы с помыслом ум не выйдет чистым...

Пустынник Стефан, кормивший из рук леопарда («Лествица», Сл. 7, 50), пред кончиною, по привычке «противоречить» помыслам, вступил с ними в спор, и потому находился в состоянии борьбы с бесами.

Преподобный Марк Фраческий за то, что пред исходом утешал свою душу исчислением своих трудов, был задержан в воздухе на один час; а это «на один час» – значит, что существовала опасность так и пребыть...

Другие Отцы были более умудренными в духовной брани.

Преподобный Макарий Великий, проходя воздушные пространства, не переставал смирять себя, и когда уже издали кричали ему бесы, что он избежал их, ответил, что еще не избежал. Так отвечал он потому, что привык держать ум свой во аде, и тем действительно избежал бесов.

Преподобный Пимен Великий, наученный долгим опытом борьбы с бесами, зная, что наиопаснейший и сильнейший враг есть гордость, всю жизнь трудился, чтобы стяжать смирение, и потому говорил своим ученикам: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду», но в глубине души, зная, как благ и милостив Господь, крепко уповал, что Он спасет его.

Так смирять себя – есть лучший способ хранить свой ум чистым от всякого страстного помысла. Однако многие подвижники этого не понимают, и мыслить так не могут, но отчаиваются, не умея держать себя умом во аде и вместе уповать на милость Божию...

Не вступая вовсе в беседу с помыслом, всею мыслью и всею силою надо прилепиться к Богу и говорить:

«Господи, я грешен и недостойн Твоей милости, но Ты по единому милосердию Твоему спаси меня»...

Душа часто за один помысл сомнения в милосердии Божиим, – «а ну-ка Господь не простит», – теряет много... Отчаяние же хуже всего, это – хула на Бога, будто бы Он не в силах спасти, или мера грехов наших может превзойти меру милосердия Божия...

Он грехи всего мира полностью взял на Себя... Если мать все прощает своему дитяти, потому что оно неразумно, то тем более Господь прощает, если мы смиряемся и каемся...

Духовная брань во многом похожа на обычную войну; и в этой нашей брани также нужно быть мужественным. Духовное мужество состоит в крепком уповании на милость Божию. Мужественный подвижник если и попадет в грех, или прельстится и собьется с доброго пути, или даже поклонение воздаст бесу, – не теряется, но сейчас же с полным упованием обращается к Богу с покаянием, и тем побеждает врагов; а немужественная душа – смущается, отчаивается, и так пропадает...

Когда кто собьется с доброго пути и впадет в прелесть, то, прежде всего, необходимо принести покаяние пред духовником, рассказав ему все. После такой исповеди действие прелести ослабнет, а потом, хоть и не сразу, но придет и полное исправление.

Многие сбиваются, но, к сожалению, немногие исправляются. Многие сначала получают благодать, но очень немногие возвращают ее после того, как потеряют.

Монах спросил:

– Почему Преп. Иоанн Колов стал молиться, чтобы возвратились на него страсти?

На это Старец ответил:

– Преподобный Иоанн Колов своим горячим покаянием скоро преодолел страсти, но любви к миру и молитвы за мир не получил, и когда ощутил покой от страстей, тогда ослабела в нем молитва, и потому он стал просить, чтобы возвратились на него страсти, так как, борясь со страстями, он пребывал в непрестанной горячей молитве. А если бы он, после

преодоления страстей, достиг и молитвы за мир, то не нужно было бы ему, чтобы возвратились искушения, потому что когда человек борется со страстями, тогда не может он чисто созерцать Бога или пламенно молиться за мир... Я так думаю.

Монах спросил:

– Почему Преподобному Пимену Великому спрошенный им старец сказал, чтобы он допускал помысл в сердце и уже потом боролся с ним, а другому брату, менее опытному, сказал наоборот, чтобы сразу отсекал помысл?

Старец Силуан ответил:

– Из этого совета видно, что некоторые Отцы держались такого способа духовной борьбы, т. е. допускали сначала помысл в сердце, а потом уже боролись с ним; но здесь возможны два положения: одно, когда человек не умеет хранить своего ума, тогда помыслы проникают в сердце, и лишь после этого начинается с ними брань. Это такая игра, в которой можно и проиграть. Другое, – когда монах не по немощи своей, а сознательно оставляет помысл пройти в сердце, чтобы рассмотреть все его действия, но и этот способ все равно не даст пребывать в созерцании, а потому лучше совсем не допускать помыслов, а молиться чистым умом. А тот неопытный брат, которому старец дал совет отсекал помысл сразу и никак не вступать с ним в беседу, получил этот совет потому, что был слаб и не мог противиться помыслу страсти, но несмотря на совет старца, все равно он еще не мог их удерживать, как должно, и по заповеди старца только начинал учиться трудной науке – бороться с помыслом. Так что Преподобный Пимен был сильнее и опытнее в брани духовной, чем другой брат, но все же лучше всегда хранить ум чистым от всякого помысла, и всею силою души молиться, потому что молящийся чисто ум просвещается от Господа.

– Как возможно хранить ум свой чистым? – спросил монах.

– Святые Отцы нам оставили учение об умно-сердечной молитве; ею хранится ум, и я не вижу другого пути, который дал бы лучшую возможность вообще сохранять заповеди Божии.

* * *

Спрошенный несколько раз молодыми людьми о том, какой жизненный путь им избрать, Старец отвечал по-разному. Некоторым он советовал учиться богословию, ради последующего пастырского служения в Церкви, других «благословлял» учиться, но так, чтобы учение совмещалось с молитвою и монашеским воздержанием, а некоторым советовал не стремиться к образованию, а всю силу отдать молитве и духовному аскетическому подвигу.

Последний совет был наиболее редким, потому что Старец Силуан считал, что наступило то время, о котором предсказывал Отец Стратоник, когда многие «ученые» люди будут монахами в миру; он находил, что вообще условия для монашества в той форме, как оно существовало в древности, становятся неблагоприятными, но что призвание и стремление к монашеству всегда будет.

В Старце мы заметили весьма твердое убеждение, что духовная жизнь, т. е. молитвенно-аскетическая при глубокой вере, выше всякой иной, и потому тот, кому она дана, ради нее, как ради драгоценного бисера, должен отстраниться от всего прочего, даже и от «учения».

Он считал, что если духовный человек обратится к науке, оставляя аскетическую жизнь, то проявит большие способности в науке, чем тот, кто менее одарен духовно, т. е. говоря иным языком, человек, одаренный мистически, живущий духовно, живет в плане более высоком и большего достоинства, чем тот, к которому принадлежит научная жизнь, сфера логического мышления, и, как имеющий более высокую форму бытия, он, нисходя в план низший, и в этом низшем плане проявит большую одаренность, чем недуховный человек, хотя и не сразу. Он говорил, что «сыны века сего умнее сынов света» (Лк. 16, 8) не потому, что они «и на самом деле» умнее, а потому, что «духовный человек занят Богом и мало занимается мирскими делами».

В своих беседах с нами Старец часто переходил на отвлеченную форму, но в беседах с монахами он выражал свои взгляды в связи с конкретными случаями очень просто, чтобы быть понятным.

«Что удивительного в том, что недуховный человек устраивает житейские дела лучше, чем духовный. Один думает об этих делах, а другой умом старается пребывать в Боге. Это и среди мирян часто бывает; ловкий торговец смеется над ученым человеком, что тот не понимает в товаре, но это совсем не значит, что торговец умнее...» Приведем здесь одну характерную для Старца беседу. Вскоре после первой мировой войны 14–18 годов в Монастыре начали организовывать эксплуатацию монастырского леса; купили тогда паровую машину для лесопильни. Эконом, Отец Ф., способный, естественно одаренный русский человек, после установки машины и пуска ее в ход, довольный ее работою, стал восхвалять немецкий гений (машина была немецкой фабрикации); превознося немцев, он поносил русское невежество и неспособность. Отец Силуан, который в свободное время от своей работы в магазине ходил на лесопильню «помогать», молча слушал О. Ф., лишь к вечеру, когда рабочие-монахи сели за стол ужинать, он спросил О. Ф.:

– Как ты думаешь, О. Ф., почему же так немцы лучше русских умеют строить машины и другие вещи?

В ответ О. Ф. снова стал восхвалять немцев, как народ более способный, более умный, более даровитый, в то время, как «мы, русские, никуда не годимся».

Отец Силуан на это ответил:

– А я думаю, что тут совсем другая причина, а не то что неспособность русских. Потому, я думаю, это, что русские люди первую мысль, первую силу отдают Богу и мало думают о земном; а если бы русский народ, подобно другим народам, обернулся бы всем лицом к земле и стал бы только этим и заниматься, то он скоро обогнал бы их, потому что это менее трудно.

Некоторые из присутствовавших монахов, зная, что в мире нет ничего труднее молитвы, согласились с Отцом Силуаном.

* * *

Монастырь Святого Пантелеймона один из самых больших и организованных на Святой Горе. Он имеет прекрасную библиотеку, насчитывающую до 20 000 томов, среди которых

немало древних рукописей, греческих и славянских; много весьма ценных старых книг, составляющих библиографическую редкость; богатые отделы – богословский, исторический и другие. В больших и хорошо обставленных комнатах монастырской гостиницы часто принимают посетителей, преимущественно иностранцев, вступать в общение с которыми было поручено монаху О. В., человеку богословски образованному, владеющему многими иностранными языками.

В 1932 году Монастырь посетил один католический доктор, Отец Хр. Б. Он много беседовал с О. В. по разным вопросам жизни Святой Горы и между прочим спросил:

– Какие книги читают Ваши монахи?

– Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Федора Студита, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Варсануфия и Иоанна, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита, Григория Паламы, Максима Исповедника, Исихия, Диадоха, Нила и других Отцов, имеющих в «Добротолюбии», – ответил О. В.

– Монахи ваши читают эти книги!... У нас читают их только профессора, – сказал доктор, не скрывая своего удивления.

– Это настольные книги каждого нашего монаха, – ответил О. В. – Они читают также и иные творения Святых Отцов Церкви и сочинения позднейших писателей-аскетов, как, например: Епископа Игнатия Брянчанинова, Епископа Феофана Затворника, Преподобного Нила Сорского, Паисия Величковского, Иоанна Кронштадтского и других.

Об этой беседе О. В. рассказал Старцу Силуану, которого глубоко почитал. Старец заметил:

– Вы могли бы рассказать доктору, что наши монахи не только читают эти книги, но и сами могли бы написать подобные им... Монахи не пишут, потому что есть уже многие прекрасные книги, и они ими довольствуются, а если бы эти книги почему-либо пропали, то монахи написали бы новые.

За время своей долгой жизни на Афоне Старец встречался со многими большими подвижниками; некоторые из них опытом познали те состояния, о которых пишут такие великие аскеты,

как Исаак Сирин, Макарий Великий и другие, и потому слово Старца нам кажется вполне естественным.

В течение многих лет большою швальнею Монастыря заведовал отец Диадох, монах во всем примерный, до педантичности аккуратный; любитель богослужения, начитанный, тихий нравом и благородный в общении с людьми, он пользовался общим уважением.

Однажды, в день его Ангела, зайдя к нему, я нашел его в обществе своих духовных друзей: одного старца-духовника, Отца Трофима и Старца Силуана. Что было до меня – не знаю, но я услышал следующее:

Духовник рассказал что-то прочитанное им в газете и, обратившись к Старцу Силуану, спросил:

– А Вы, Отец Силуан, что скажете по этому поводу?

– Я, Батюшка, не люблю газет и газетных новостей, – ответил он.

– Почему так?

– Потому что чтение газет омрачает ум и мешает чисто молиться.

– Странно, – говорит духовник. – По моему, наоборот, газеты помогают молиться. Живем мы здесь в пустыне, ничего не видим, и так душа постепенно забывает о мире, замыкается в себе, и молитва от этого слабеет... Я когда читаю газеты, то вижу, как живет мир и как страдают люди, и от этого у меня появляется желание молиться. Тогда служу ли я Литургию, молюсь ли у себя в келлии, я от души прошу Бога за людей и за мир.

– Душа, когда молится за мир, без газет лучше знает, как скорбит вся земля, знает она и какие нужды есть у людей, и жалеет их.

– Как может душа знать от себя, что творится в мире?

– спросил духовник.

– Газеты пишут не о людях, а о событиях, и то неверно; они приводят ум в смущение, и правды из них все равно не узнаешь, а молитва очищает ум, и он лучше видит все.

– Неясно мне, что Вы хотите сказать? – опять спросил духовник.

Все ждали ответа Старца Силуана, но он сидел молча, с наклоненной головой, и не позволил себе в присутствии духовника и старых монахов объяснять – каким образом душа, вдали от всего, молясь о всем мире, духом может знать жизнь мира, и нужды и страдания людей.

Удостоенный познания, какого удостаиваются лишь единицы на поколения, он в беседах словно стыдился идти дальше намека, благодаря чему его великая мудрость и совершенно исключительный опыт часто оставались сокрытыми от собеседника.

Обычно Старец, видя, что его первые слова остались невоспринятыми, не надеялся уже «объяснениями» дать понять то, что познается прежде всего опытом, а раскрывать последний он не решался по своему духовному целомудрию.

Так при жизни своей он остался «неявленным».

Несомненно, это была не только воля Божия о нем, но и его собственное желание, которое принял Бог и исполнил, скрыв его даже от отцов Святой Горы.

Впрочем не до конца, не до полной неизвестности остался он скрыт. Некоторые монахи и не-монахи, лица, посетившие Афон или имевшие с ним переписку, оценили и глубоко полюбили его. Среди них были и епископы, и священники с высшим богословским образованием, и благочестивые миряне.

Помним такой случай. В Монастыре немалое время гостил один православный иностранец, на которого встреча со Старцем произвела глубокое впечатление. Он любил Старца и часто ходил к нему; об этом узнали монахи. Как-то один из наиболее влиятельных соборных старцев, Иеромонах Н., человек начитанный и живого ума, встретив его в коридорах Монастыря, сказал:

– Не понимаю, почему вы, ученые академики, ходите к Отцу Силуану, безграмотному мужику?

Разве нет кого-нибудь поумнее, чем он?

– Чтобы понять Отца Силуана, надо быть «академиком», – ответил гость не без боли в душе.

Тот же Иеромонах Н., продолжая не понимать, почему Старца Силуана почитают и посещают «ученые» люди, беседуя

с О. Мефодием, монахом, много лет заведовавшим книжной лавкой Монастыря, заметил:

– Удивляюсь, зачем они к нему ходят. Он, небось, ничего не читает.

– Он ничего не читает, но все делает, а другие много читают, но ничего не делают, – ответил Отец Мефодий.

IV. Учение старца

ПОМИМО рассказанного выше, читатель из Писаний самого Старца может ознакомиться с откровенными повествованиями о некоторых случаях из его жизни, мы же теперь позволим себе перейти к изложению учения Старца.

Собственно, никакого учения, в обычном смысле этого слова, он не имел. То, что мы предлагаем здесь, есть попытка суммировать услышанное нами за годы общения с ним. Мы считаем невозможным объяснить, как и почему пришла нам вера Старцу, но сказать немного о нашем подходе к нему, быть может, будет нелишним.

Темы наших бесед со Старцем очень часто вызывались нашей нуждой, нашим обращением к нему. Многие из того, что было затронуто в этих беседах, не вошло в Писания Старца. Обращаясь к нему с вопросами, или просто слушая его, мы сознавали, что слова его исходят из данного ему свыше опыта, и относились к ним до некоторой степени подобно тому, как весь христианский мир относится к Священному Писанию, которое сообщает нам об истинах, как о фактах познанных и несомненных. То, что говорил Старец, не было плодом «своего» умствования. Нет, его внутренний процесс был совершенно иным: действительный опыт и реальное познание предваряют его слова, благодаря чему эти последние носят характер положительного свидетельства о фактах духовного бытия. Ему было чуждо, как нечто излишнее, искание идущих снизу логических обоснований, как несвойственны таковые и Священному Писанию. Подобно Иоанну Богослову и он говорит: "Мы знаем". (1Ин.3:14, и др.).

Возьмем такой пример из Писаний Старца:

«Мы знаем, что чем больше любовь, тем больше страданий душе; чем полнее любовь, тем полнее познание; чем горячее любовь, тем пламеннее молитва; чем совершеннее любовь, тем святее жизнь» ²⁰.

Каждое из этих четырех положений могло бы явиться драгоценным увенчанием глубочайших и сложнейших

философских, психологических и богословских изысканий, но сам Старец не имеет нужды в них и не нисходит до них.

Мы уже сказали, что общение со Старцем имело совершенно исключительный характер.

Нам кажется, что он своими простыми по форме беседами, силою своих молитв, умел переводить своего собеседника в особый мир. Самым важным при этом было то, что собеседник вводился в тот мир не отвлеченно, но передававшимся ему внутренним опытом. Правда, удержать полученное состояние, осуществить после в жизни своей познанное при общении с ним, едва ли кто смог, насколько мы знаем. Несомненно, что в этом для них был неисчерпаемый источник скорби потом на всю жизнь, ибо не может не печалиться душа, видевшая свет и затем его потерявшая; но все же как будто еще печальнее, еще отчаяннее не знать вовсе этого света, и даже, что нередко приходится наблюдать, и не подозревать о его существовании. Из всего, что мы слышали об Отце Стратонике от знавших его подвижников Святой Горы, мы имеем некоторое основание предполагать, что потому он был одновременно и благодарен Старцу за полученное им откровение и печален, что признавал себя не в силах сохранить испытанное состояние. Мы достоверно знаем, что многие сначала с любовью прибегали к Старцу за наставлениями, но потом отпадали, потому что не могли они жить соответственно слову его²¹. Слово его было простым, спокойным, тихим, добрым, но чтобы следовать ему, надо иметь ту беспощадность к себе, какую имел сам Старец; надо иметь ту решимость, какой требует Господь от Своих последователей, т. е. до ненависти к себе (Лк. 14, 26).

О познании воли Божией

СТАРЕЦ говорил: «Хорошо всегда и во всем искать от Бога вразумления, что и как нужно сделать или сказать». Иными словами, – в каждом отдельном случае должно искать познания воли Божией и путей к осуществлению ее.

Искание воли Божией есть самое важное дело нашей жизни, так как, попадая на путь ее, человек включается в вечную божественную жизнь.

Познание воли Божией возможно различными путями.

Один из них – слово Божие, заповеди Христовы. Но в заповедях евангельских при всем их совершенстве, или лучше сказать, в силу их совершенства, воля Божия выражена в ее конечном общем смысле, и человек в жизни своей, встречаясь с бесконечным разнообразием положений, очень часто не понимает, как ему поступить, чтобы действие его было в потоке воли Божией.

Чтобы действие, поступок имел добрый конец, недостаточно знать только общее выражение воли Божией в заповеди, а именно – любить Бога всем сердцем, всем умом, всею крепостью, и ближнего, как самого себя; нужно еще иметь просвещение от Бога о способе осуществления в жизни этих заповедей; больше того, – нам необходима для этого и сила свыше.

Стяжавший любовь Божию в сердце своем, движимый этой любовью, действует по побуждениям, приближающимся к воле Божией; однако, только приближающимся, а не совершенным. Непостижимость полного совершенства делает обязательным для всех непрестанное обращение к Богу с молитвой о вразумлении и помощи.

Человеку не достает не только совершенства любви, но вместе и совершенства всеведения.

Действие, истекающее, казалось бы, из самого лучшего побуждения, часто имеет последствия нежелательные и даже недобрые. Это потому, что средства или образ осуществления был недобрым или просто ошибочным для данного случая.

Часто приходится слышать, что кто-либо оправдывает себя тем, что имел благое намерение, но этого недостаточно. И такими ошибками переполнена человеческая жизнь. Вот почему любящий Бога всегда ищет вразумления свыше, постоянно внутри себя прислушиваясь к голосу Божию.

Практически это совершается так: всякий христианин, и особенно епископ или священник, стоящий перед необходимостью найти в том или ином случае решение, согласное с волей Божией, внутренне отказывается от всех своих познаний, предвзятых мыслей, желаний, планов и,

свободный от всего «своего», внимательно в сердце молится Богу, и первое, что рождается в душе после этой молитвы, принимает, как указание свыше.²²

Подобное искание познания воли Божией чрез непосредственное обращение к Богу с молитвой, особенно в нужде и скорби, приводит к тому, что человек, как говорил Старец, «в душе своей слышит ответ от Бога и научается понимать руководство Божие... Так всем нам надо учиться познавать волю Божию; а если не будем учиться, то никогда не познаем этого пути».

Делание это в более совершенной форме предваряется навыком постоянно молиться, держа внимание в сердце. Но чтобы достовернее услышать голос Божий в себе, человек должен совлечься своей воли и быть готовым на всякую жертву, подобно Аврааму, и даже, по заповеди Апостола Павла, подобно Самому Христу, Который был послушен Отцу «даже до смерти» (Фил. 2, 8).

Вступивший на этот путь – преуспеет, если только на опыте познал он, как действует благодать Святого Духа в человеке, и если в сердце его укоренилось гневное самоотвержение, т. е. решительный отказ от своей маленькой «индивидуальной» воли, ради достижения и совершения святой воли Божией. Таковому откроется подлинный смысл вопроса, заданного Старцем Силуаном Отцу Стратонику: «Как говорят совершенные?»; ему станут родными слова²³

Святых Отцов: «Изволися Духу Святому и нам»; он будет яснее понимать те места в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов, где говорится о подобной непосредственной беседе души с Богом; он приблизится к истинному уразумению того, как говорили Апостолы и Пророки.

Человек создан по образу и подобию Божию и призван к полноте непосредственного богообщения, а потому все люди без исключения должны были бы идти этим путем, но в опыте жизни он оказывается доступным далеко «не для всех». Это потому, что большинство людей не слышит в сердце своем голоса Божия, не понимает его, и следует голосу страсти,

живущей в душе и заглушающей шумом своим кроткий голос Божий.

В Церкви исходом из такого плачевного положения является иной путь, а именно – вопрошание духовного отца и послушание ему. Сам Старец любил этот путь, шел им, указывал на него и писал о нем²⁴. Смиранный путь послушания он считал вообще наиболее надежным. Он твердо верил, что ради веры вопрошающего ответ духовника всегда будет добрым, полезным, богоугодным. Вера его в действенность таинства Церкви и благодати священства особенно утвердилась после того, как он на Старом Русике, великим постом на вечерне, увидел духовника старца Авраамия преображенным, «в образе Христа», «невыразимо сияющим».

Полный благодатной веры, он жил в реальности таинств Церкви, но, помним, он находил, что и «по-человечески», т. е. в плане психологическом²⁵, нетрудно увидеть преимущество послушания духовному отцу; он говорил, что духовник, совершая служение свое, дает ответ на вопрос, будучи свободным в тот момент от действия страсти, под влиянием которой находится вопрошающий, и в силу этого он яснее видит вещи и легче доступен воздействию Божией благодати.

Ответ духовника в большинстве случаев будет носить печать несовершенства; но это не потому, что духовник лишен благодати познания, а потому, что совершенное действие превосходит силы вопрошающего и недоступно ему.

Несмотря на несовершенство духовнического указания, оно, будучи воспринято с верой и действительно исполнено, всегда приведет к возрастанию в добре. Извращается этот путь обычно тем, что вопрошающий, видя пред собой «человека», колеблется в своей вере и потому не принимает «первого» слова духовного отца и возражает ему, противопоставляя свои мнения и сомнения.

Об этом важном предмете Старец Силуан беседовал с Игуменом, Архимандритом Мисаилом († 22 янв. 1940), мужем духовным, к которому благоволил и которому явно покровительствовал Бог.

Отец Силуан спросил Игумена:

– Как монах может познать волю Божию?
– Первое слово мое он должен принять за волю Божию, – сказал Игумен. – Кто так делает, на том почиет благодать Божия, а если кто воспротивится мне, то я, как человек, отступлю.

Слово Игумена Мисаила имеет следующий смысл:

Духовный отец, когда его спрашивают, молитвою ищет вразумления от Бога, но как человек, он отвечает в меру своей веры, по слову Апостола Павла: «Мы веруем, потому и говорим» (2Кор. 4, 13), но «мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем» (1Кор. 13, 9). В своем стремлении не погрешить, сам он, давая совет или делая указание, пребывает на суде Божиим, и потому, как только встретит возражение или хотя бы внутреннее сопротивление со стороны вопросившего, не решается настаивать на слове своем, не дерзает утверждать его, как выражение воли Божией, и «как человек, отступает».

Это сознание очень ярко выражалось в жизни Игумена Мисаила. Однажды он вызвал к себе новонаначального монаха О. С. и возложил на него сложное и трудное послушание. Послушник с готовностью принял его и, сделав положенный поклон, направился к двери. Вдруг Игумен позвал его. Послушник остановился. Наклонив голову на грудь, Игумен спокойно, но значительно сказал:

– Отец С., помни: Бог дважды не судит, поэтому когда ты что-нибудь делаешь за послушание мне, то я буду судим от Бога, а ты свободен от ответа.

Когда кто-либо на поручение или наставление Игумена Мисаила возражал хотя бы в малой мере, то этот мужественный вообще подвижник, несмотря на занимаемый им пост администратора, обычно отвечал: «Ну что же, делайте, как хотите», и после не повторял своего слова. И Старец Силуан, встречая сопротивление, тоже немедленно умолкал.

Почему же это так? Потому что, с одной стороны, Дух Божий не терпит ни насилия, ни спора, с другой, – слишком великое дело – воля Божия. В слове духовного отца, которое всегда несет на себе печать относительности, она не может вместиться, не может получить совершенного выражения, и

только тот, кто воспринимает слово, как угодное Богу, не подвергая его своему суду, или, как часто говорят, «без рассуждения», только тот нашел верный путь, ибо он действительно верует, что «Богу всё возможно» (Мф.19:26).

Таков путь веры, познанный и утвержденный тысячелетним опытом Церкви.

* * *

Говорить об этих предметах, составляющих нетайную тайну христианской жизни, выходящих, однако, за пределы ленивой повседневности и обычно малого духовного опыта, всегда не безопасно, потому что многие могут неверно понять слово и неправильно применять его на деле, и тогда вместо пользы возможен вред, особенно если человек приступает к подвигу с гордой самоуверенностью.

Когда кто-либо искал совета Старца, он не любил и не хотел давать ответ «от своего ума». Он помнил слова Преподобного Серафима Саровского: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки», и добавлял при этом, что ошибки могут быть малые, но могут быть и большие.

То состояние, о котором он говорил Отцу Стратонику, а именно, что «совершенные от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух», не всегда дается даже и тем, которые приблизились к совершенству, подобно тому, как Апостолы и прочие Святые не всегда творили чудеса, и Дух пророческий не равно действовал в Пророках, но иногда с великой силой, иногда же отходил от них.

Старец ясно различал «слово от опыта», от непосредственного внушения свыше, т. е. слова, которое «дает Дух». Ценно и первое, но второе выше и достовернее (1Кор. 7, 25). Иногда он с верою и определенно говорил спрашивавшему, что воля Божия, чтобы он сделал так-то, а иногда отвечал, что не знает воли Божией о нем. Он говорил, что Господь иногда не открывает Своей воли даже Святым, потому что обратившийся к ним обратился с неверным и лукавым сердцем.

По слову Старца, у того, кто усердно молится, бывает много перемен в молитве: борьба с врагом, борьба с самим собою, со страстями, борьба с людьми, с воображением, и в таких случаях

ум не чист и все не ясно. Но когда приходит чистая молитва, когда ум, соединившись с сердцем, безмолвно предстоит Богу, когда душа ощутимо имеет в себе благодать и предалась на волю Божию, свободная от омрачающего действия страстей и воображения, тогда молящийся слышит внушение благодати.

Когда к этому деланию – искания воли Божией через молитву – приступает не имеющий достаточного опыта, не могущий «по вкусу» с достоверностью различить действие благодати от проявления страстей, особенно гордости, тогда совершенно необходимо обратиться к духовному отцу, самому же, при встрече со всяким духовным явлением или внушением, до решения наставника строго держаться аскетического правила: «не принимать и не отвергать».

«Не принимая», христианин ограждает себя от опасности демонического действия или внушение счесть за Божественное, и таким образом научиться не «внимать духам обольстителям и учениям бесовским» и не воздавать божественное поклонение демонам.

«Не отвергая», человек избегает другой опасности, а именно: божественное действие приписать демонам и через то впасть в грех «хулы на Духа Святого», подобно тому, как фарисеи изгнание бесов Христом приписали «силе веельзевула, князя бесовского».

Вторая опасность страшнее первой, так как душа может привыкнуть отвергать благодать и возненавидеть ее, и настолько усвоить себе состояние богопротивления, что так определится и в плане вечном, благодаря чему грех сей «не простится ни в сем веке, ни в будущем» (Мф.12:22–32).

Тогда как при первом заблуждении душа скорее познает свою неправду и покаянием достигает спасения, потому что нет греха непрощаемого, кроме греха нераскаянного.

Об этом чрезвычайно важном аскетическом правиле – «не принимать и не отвергать», и о том, как оно применяется в жизни подвижника, следовало бы многое сказать, но так как в данном труде перед нами стоит задача изложения лишь основных положений, а не деталей, то мы возвратимся к прежней теме.

В своей более совершенной форме, познание молитвой воли Божией – явление редкое, возможное только при условии долгого труда, большого опыта борьбы со страстями, после многих и тяжелых искушений от демонов, с одной стороны, и великих заступлений Божиих, с другой.

Но усердная молитва о помощи – есть доброе дело и всем необходимое: начальствующим и подчиненным, старшим и младшим, учащим и учащимся, отцам и чадам. Старец настаивал, чтобы все без исключения, независимо от своего положения, или состояния, или возраста, всегда и во всем, каждый как умеет, просили Бога о вразумлении, чтобы таким образом постепенно приближать свой путь к путям святой воли Божией, доколе не достигнут совершенства.

О послушании ²⁶

С ВОПРОСОМ познания воли Божией и предания себя на волю Божию теснейшим образом связан вопрос послушания, которому Старец придавал чрезвычайное значение не только в личной жизни каждого монаха и христианина, но и в жизни всего «тела Церкви», всего Ее «исполнения» (плицомы).

Старец Силуан учеников, в обычном смысле этого слова, не имел и на учительскую кафедру не садился; и сам он не был учеником какого-либо определенного старца, но воспитался, подобно большинству Афонских монахов, в потоке общего предания: постоянным пребыванием в храме на богослужениях, слышанием и чтением слова Божия и творений Святых Отцов, беседами с другими подвижниками Святой Горы, строгим хранением положенных постов, послушанием игумену, духовнику и старшему по работе.

Совершенно исключительное внимание отдавал он внутреннему духовному послушанию игумену и духовнику, считая его «Таинством Церкви» и даром благодати. Обращаясь к духовнику, он молился, чтобы Господь через Своего служителя помиловал его, открыл ему Свою волю и путь ко спасению; и зная, что первая мысль, которая рождается в душе после молитвы, есть указание свыше, он ловил «первое слово» духовника, его «первый намек», и дальше не вел своей беседы.

В этом мудрость и тайна истинного послушания, цель которого познание и исполнение воли Божией, а не человеческой. Такое духовное послушание, без возражений и сопротивления не только выраженных, но и внутренних, невыраженных, – является вообще «единственным» условием для восприятия живого предания.

Живое предание Церкви, текущее чрез века из поколения в поколение, есть одна из самых существенных и вместе тонких сторон Ее жизни. Там, где нет со стороны ученика никакого сопротивления учителю, душа последнего, в ответ на веру и смирение, открывается легко и, быть может, до конца. Но как только вступает хотя бы малое сопротивление духовному отцу, так неизбежно прерывается нить чистого предания и закрывается душа учителя.

Напрасно думают многие, что духовник «такой же несовершенный человек», что ему «надо все обстоятельно объяснить, иначе он не поймет», что он «может легко ошибаться» и потому надо его «исправлять».

Возражающий и исправляющий духовника, себя ставит выше последнего и уже не ученик. Да, никто не совершен, и нет человека, который дерзнул бы учить, как «власть имущий» Христос, ибо предмет учения «не от человека» и «не по человеку» (Гал. 1, 11–12), но в «скудельных сосудах» хранится бесценное сокровище даров Духа Святого; не только бесценное, но и по характеру своему «неоткрываемое,» и только тот, кто идет путем неложного и полного послушания, проникает в это тайное хранилище.

Благоразумный послушник или исповедник с духовником ведет себя так: в немногих словах он говорит свой помысл или о своем состоянии самое существенное и затем оставляет духовника свободным.

Духовник, молясь с первого момента беседы, ждет вразумления от Бога, и если чувствует в душе своей «извещение», то дает свой ответ, на котором и следует остановиться, потому что когда упущено «первое слово» духовника, то вместе с тем ослабляется действенность

таинства, и исповедь может превратиться в простое человеческое обсуждение.

Если послушник (исповедник) и духовник сохраняют должное отношение к таинству, то извещение от Бога дается скоро; если же почему-либо нет извещения, то духовник может спросить дальнейших объяснений, и только тогда они уместны. Если же исповедник, не отдав должного внимания первому слову духовника, загромождает его своими пояснениями, то тем самым он обнаруживает недостаток своей веры и своего понимания и следует скрытому желанию склонить духовника к своей мысли. В таком случае начинается уже психологическая борьба, которую Ап. Павел назвал «неполезною» (Евр. 13, 17).

Вера в силу таинства, вера в то, что Господь любит человека и никогда не оставит того, кто отрекся от своей воли и рассуждения ради Имени Его и Его святой воли, делает послушника непоколебимым и бесстрашным. Получив от своего духовного отца заповедь или просто наставление, послушник, в своем стремлении исполнить его, презирает и самую смерть; и мы думаем, что это потому, что он «перешел от смерти в жизнь».

Старец Силуан с первых дней своего монашества был таким совершенным послушником, и потому для него каждый духовник был добрым наставником. Он говорил, что если монахи и вообще верующие христиане будут слушаться духовников и пастырей своих без суда над ними, без критики, и без внутреннего сопротивления, то и сами они не лишатся спасения, и вся Церковь будет жить полною жизнью.

Путь Старца был такой, что идущий этим путем скоро и легко получает дар великой милости Божией; а своевольные и своеумные, как бы ни были они учены и остроумны, могут убивать себя самыми суровыми подвигами, аскетическими или научно-богословскими, и лишь едва-едва будут питаться крохами, падающими от Престола Милосердия, больше же будут жить, воображая себя обладателями богатств, не будучи таковыми в действительности.

Старец говорил:

«Иное дело – веровать в Бога, и иное – знать Бога».

В великом море церковной жизни подлинное и чистое предание Духа идет тонкой струёй, и кто хочет припасть к этому тонкому ручью, тот должен отречься от «своего» рассуждения. Там, где появилось «свое» рассуждение, там неизбежно исчезает чистота, потому что премудрости и правде Божией противопоставлена мудрость и правда человеческая. Своеумным людям это кажется невыносимо тяжелым и даже безумием, но тот, кто не испугался стать «безумным» (1Кор.3:18–19), тот познал подлинную жизнь и подлинную премудрость.

О Священном Предании и Писании

ОТНОШЕНИЕ Старца к послушанию, как необходимому условию для научения духовной жизни, тесно связывалось с его отношением к Священному Преданию и к Слову Божию.

Жизнь Церкви он создавал, как жизнь в Духе Святом, и Священное Предание, как непрерывающееся действие Духа Святого в Церкви. Предание, как вечное и неизменное пребывание Духа Святого в Церкви, – есть наиболее глубокая основа Ее бытия, и потому Предание объемлет собою всю жизнь Церкви настолько, что и самое Священное Писание является лишь одною из форм его. Отсюда положение таково:

Если бы Церковь лишилась Своего Предания, то Она перестала бы быть тем, что есть, ибо служение Нового Завета есть служение Духа, «написанное не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2Кор.3:3–6).

Если же предположить, что по тем или иным причинам Церковь лишается всех Своих книг, т. е. Ветхого и Нового Заветов, Творений Святых Отцов и богослужебных книг, то Предание восстановит Писание, пусть не дословно, пусть иным языком, но по существу своему, и это новое Писание будет выражением все той же «единожды преданной Святым веры» (Иуд. 1, 3), выявлением все того же Единого Духа, неизменно действующего в Церкви, являющегося Ее основой, Ее сущностью.

Священное Писание не глубже и не важнее Священного Предания, но, как сказано выше, одна из его форм. Форма эта является ценнейшей и по удобству сохранения ее, и по удобству пользования ею; но изъятая из потока Священного Предания, Писание не может быть понято, как должно, никакими научными исследованиями.

Если Апостол Павел имел «ум Христов», то тем более имеет ум Христов Святая Церковь, включающая в Себя и Павла. И если писания Павла и других Апостолов являются Священным Писанием, то и новое Писание Церкви, т. е. по утере старых книг, стало бы таким же Священным, ибо, по обетованию Господа, Бог – Святая Троица неизменно пребывает в Церкви.

Неправильно делают те, которые, отталкиваясь от Предания Церкви, идут, как они думают, к истокам Ее, т. е. к Священному Писанию.

Не Священное Писание – истоки Церкви, а Священное Предание. В течение нескольких первых десятилетий Своей истории Церковь Писания Нового Завета не имела и жила только Преданием, хранить которое призываются верующие в посланиях Ап. Павла (2Сол.2:15).

Общеизвестный факт, что все ересиархи исходили из Священного Писания, с той лишь разницей, что понимали его «по-своему». О таком извращении смысла Священного Писания при толковании его по своему разумению, говорил еще Ап. Петр (2Петр.3:16).

Отдельные члены Церкви, не исключая и Ее лучших сынов и учителей, не достигают совмещения в себе всей полноты дарований Святого Духа, и потому в своих учениях и писаниях имеют те или иные несовершенства и даже иногда ошибки, но в целом учение Церкви, обладающей полнотою дарований и познания, пребывает во веки истинным.

Непоколебимая вера в истинность учения Соборной Церкви в его целом и глубокое доверие всему, что приняла и утвердила Она в Своем опыте, лежащие в основе жизни Афонского монаха, спасают его от бестрадиционного дилетантизма и робких исканий. Такое вхождение верою в жизнь Вселенской

Церкви делает монаха сообладателем Ее безмерных богатств и сразу придает его личному опыту категорический характер достоверности.

При изучении Священного Писания, Творений Святых Отцов и неисчерпаемых по своему догматическому и молитвенному содержанию сокровищ литургических книг – монах встречается с невыразимо великим богатством, и потому у него не является расположение писать и самому о том же, не внося чего-либо существенно нового. Но когда в жизни Церкви явится действительная нужда, тогда напишутся новые книги.

Каждая новая книга, имеющая притязание включиться в учение Церкви или выразить его, подвергается суду Церкви, Которая медлительно, но все проверяет и испытывает со всех сторон, и прежде всего со стороны влияния учения на жизнь. Этот критерий, т. е. влияние учения на жизнь, имеет чрезвычайно важное значение в силу теснейшей связи догматического сознания и жизни, и все, что окажется противоречащим или несоответствующим духу Христовой любви, которую живет Церковь, Она отвергнет.

Отдельные сыны и члены Ее на пути к этой любви – претыкаются, падают, совершают преступления, но Церковь в глубине Своей знает Духом Святым истину любви Христовой, и там, где привходит хотя бы и слово любовь, но с иным содержанием, там Церковь не прельстится никакою философиею, никаким блеском доктрин.

Церковь не обманывается.

Мы полагаем, что верный сын Церкви, Блаженный Старец Силуан, в своих писаниях указывает на последний и достовернейший критерий истины в Церкви.

Критерий сей – «Христова любовь к врагам и смирение Христово».

* * *

Старец писал:

«Никто не может знать от себя, что есть любовь Божия, если Дух Святой не научит, но в Церкви нашей любовь Божия познана Духом Святым, и потому мы говорим о ней».

«Господь благ и милостив, но мы сказать о любви Его ничего не могли бы кроме Писания, если бы не научил нас Дух Святой».

«Мы можем рассуждать лишь настолько, насколько познали благодать Святого Духа...»

«Святые говорят о том, что действительно видели и знают. Они не говорят о том, чего не видели...» (Кол.2:18).

«Святые от своего ума ничего не говорят».

Богодухновенное Писание – есть вернейшее слово (2Петр. 1, 19), полезное для научения и наставления на всякое доброе дело, угодное Богу (2Тим. 3, 16–17), но почерпаемое из него богопознание не может достигнуть искомого совершенства, если не научит еще Сам Господь Духом Святым.

При всем своем подлинном смирении и кротости, Старец с какою-то непоколебимою уверенностью и внутреннею самодостоверностью говорил, что не может человек «своим умом» постигать Божественное, которое познается «только Духом Святым», а потому и Священное Писание, «написанное Духом Святым», не может быть постигнуто посредством научного исследования, которому доступны лишь некоторые внешние стороны и детали, но никак не сущность.

Доколе человеку не будет дано свыше «разуметь Писания» и «знать тайны Царствия Божия», доколе он долгою борьбою со страстями не смиритя и самым опытом не познает воскресения своей души и всего, что лежит на этом великом и таинственном пути, доколе необходимо, чтобы он строго держался предания и учения Церкви и не дерзал учить от себя, как бы ни был он учен «по человеку», потому что даже самые гениальные человеческие домыслы далеко отстоят от подлинной жизни Духа.

Дух Святой, Дух Истины в какой-то мере живет в каждом человеке, и тем более христианине, но не следует этого малого опыта благодати преувеличивать и дерзновенно исходить из него.

Дух Святой, всегда реально пребывающий в Церкви, терпеливо и кротко ищет и ждет всякую душу, но сам человек не

дает Ему свободы действовать в себе, и потому остается вне Света и познания тайн духовной жизни.

Частое явление, что человек после некоторого опыта благодати, не возрастает в ней, но теряет ее; и религиозная жизнь его сосредоточивается в мозгу, как отвлеченное понимание. Пребывая в этом состоянии, он нередко мнит себя обладателем духовного ведения, не разумея, что подобное отвлеченное понимание, хотя бы и предваренное испытанием некоторой благодати, есть своеобразное извращение слова Божия, и Священное Писание, по существу, остается для него «книгой, запечатанной семью печатями» (Откр. 5, 1).

Священное Писание есть слово, которое «изрекали Святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2Петр. 1, 21). Но изречения Святых не являются чем-то совершенно независимым от умственного уровня и духовного состояния тех, к кому они обращались; нет, они были живым словом к живым конкретным людям, и потому неизбежно ошибочным будет научное (историческое, археологическое, филологическое и подобное) истолкование Писания.

Во всем Священном Писании сокрыта определенная последняя цель, но к этой всегда единственной и неизменной цели Святые Пророки, Апостолы и другие Учителя Церкви вели живых, окружавших их людей, приспособляясь к их уровню и пониманию.

Особенно яркий в этом отношении пример – Апостол Павел, который, конечно, никогда не отступал от своего единого богословия и боговидения, и который, однако, «для всех был всем, чтобы спасти...» (1Кор. 9, 19–22). Иными словами, Павел со всеми говорил по-разному; и если подойти к его посланиям только с научным анализом, то сущность его «богословской системы» неизбежно останется невыясненной.

Старец весьма почитал богословскую науку и представителей ее, но положительную роль и заслуги научного богословия он относил исключительно к историческим условиям жизни Церкви, и никак не к подлинной вечной жизни Духа.

В человеческом слове есть некоторая неизбежная текучесть, неопределимость. И это свойство его остается даже в

Священном Писании, и потому лишь в ограниченных пределах возможно выражение божественной истины человеческим словом. Этим не низводится на степень простой человеческой относительности Слово Божие. Нет. Мысль Старца в том, что постижение Слова Божия лежит на путях исполнения заповедей Христа, а не на путях научного исследования. Так учил и Сам Господь:

«И дивились иудеи, говоря: как Он знает Писания, не учившись? Иисус отвечая им, сказал: Мое учение – не Мое, но Пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Иоан. 7, 15–17). Господь все Священное Писание свел к короткому слову: – любите Бога и ближнего (Мф. 22, 40). Но Христово слово – любовь – во все века останется тайною для всех филологов. Слово это есть имя Самого Бога, и его подлинный смысл открывается не иначе, как только действием Самого же Бога ²⁷.

Об Имени Божиим

СТАРЕЦ чаще всего именовал Бога именем – Господь. Иногда под этим именем он разумел Святую Троицу, иногда Бога-Отца, иногда Бога-Сына, и очень редко Духа Святого, Имя Которого он призывал весьма часто, и там, где, казалось бы, возможно было употребить местоимение, он снова и снова повторял полностью имя Духа Святого. Несомненно, он делал это потому, что имя Духа Святого, как и имя – Господь и другие имена Божии, неизменно вызывали в его душе живой отклик, чувство радости и любви.

Это явление, т. е. радость и чувство света и любви в сердце при призывании Бога, было причиною долгих богословских споров о природе Имени Божия. Начавшись на Афоне в связи с книгой кавказского пустычника схимонаха Илариона – «На горах Кавказа», споры эти перекинулись затем в Россию и в годы 1912–1916 глубоко захватили русскую богословскую мысль и Церковную Иерархию, приведя в догматическом отношении к вполне удачным результатам.

Споры об Имени Божиим совпали с тем периодом духовной жизни Старца, когда он пребывал в усиленной борьбе со всяким

проявлением в нем страстей тщеславия и гордости, как главных причин его тяжелых страданий. Нося в сердце своем сладчайшее Имя Христа постоянно, так как молитва Иисусова никогда не прекращала в нем своего действия, он, однако, удалялся от всякого спора о природе этого Имени. Он знал, что чрез молитву Иисусову приходит в сердце благодать Святого Духа, что призывание Божественного Имени Иисуса освящает всего человека, попадая в нем страсти, но от догматической интерпретации переживаемого им опыта он уклонялся, боясь «ошибиться в мысленном рассуждении». Таких ошибок было сделано не мало и той, и другой стороной, прежде чем было найдено правильное догматическое понимание.

Споры приняли весьма неблагоприятный и бурный характер, и это печалило душу Старца, который ночи свои проводил в «Адамовом плаче».

Мысли Старца: о растениях и животных

БЛАЖЕННЫЙ Старец был для нас великим даром свыше и исключительным явлением.

Это был поражавший нас своим совершенством образ подлинного христианина; мы наблюдали в нем удивительно гармоническое сочетание, казалось бы, несовместимых крайностей.

Так, с одной стороны, мы видели его, необычное для подобных ему мужественных людей, сострадание всему живому, всякой твари, доходившее до тех пределов, когда естественной становится мысль о патологической чувствительности, и вместе тут же встречались с другой стороной его жизни, показывавшей, что первое было не патологическим явлением, а подлинно вышеестественным величием и милосердием по благодати.

Старец бережно относился даже к растениям; даже по отношению к ним всякую грубость, наносившую им вред, он считал противною учению благодати. Помню однажды мы шли с ним по тропинке, ведущей от Монастыря на калибу²⁸, где я провел один год. Калиба эта стоит от Монастыря в расстоянии

одного километра. Старец шел посмотреть на мое жилище. В руках у нас были палки, обычные для горных мест.

По обеим сторонам тропинки росли отдельные редкие кустики высокой дикой травы. С мыслью не допустить зарастание тропинки этой травой, я ударил палкой по одному стволу около верхушки так, чтобы, надломив ствол, воспрепятствовать созреванию семян.

Это движение Старцу показалось грубым, и он недоуменно слегка покачал головой.

Я понял, что это значило, и мне стало стыдно.

Старец говорил, что Дух Божий учит жалеть всю тварь, так что «без нужды» и листа не дереве не хочется повредить.

«Листок на дереве зеленый, и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок, жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить».

Но это жаление зеленого листа на дереве или полевого цветка под ногой совмещалось в нем с самым реальным отношением ко всякой вещи в мире. Он по-христиански сознавал, что вся тварь создана для служения человеку, и потому когда «нужно», человек может пользоваться всем. Сам он косил сено, рубил лес, заготавливал себе дрова на зиму, ел рыбу²⁹.

В писаниях Старца обратите внимание на его мысли и чувства по отношению к животным. Здесь действительно было поразительным, с одной стороны, его жаление всякой твари, о котором можно составить себе представление по его рассказу о том, как он долго оплакивал свою «жестокость к твари», когда «без нужды» убил муху, или когда кипятком облил летучую мышь, поселившуюся на балконе его магазина, или о том, как «стало ему жалко всю тварь и всякое творение страдающее», когда он увидел на дороге убитую и изрезанную на куски змию, и, с другой стороны, – его отрыв от всякой твари в горячем устремлении к Богу.

О животных, о зверях он мыслил, что они суть «земля», к которой не должен прилепляться ум человека, ибо Бога должно любить всем умом, всем сердцем, всею крепостью, т. е., всею полнотою, забывая землю.

Часто наблюдаемую привязанность людей к животным, доходящую иногда даже до «дружбы» с ними, Старец считал извращением установленного Богом порядка, и противною нормальному состоянию человека (Бытие 2, 20). Гладить кошку, приговаривая: киска, киска, или играть и разговаривать с собакой, оставляя мысль о Боге, или в заботе о животных забывать страдание ближнего, или вступать из-за них в спор с людьми – все это для Старца было нарушением заповедей Божиих, верное хранение которых совершенным творит человека.

Во всем Новом Завете мы не находим ни единого места, которое говорило бы о том, что Господь остановил внимание Свое на животных, а ведь Он, конечно, любил всю тварь. Достижение этого совершенного человечества, по образу Человека-Христа, – есть задание нам, соответствующее нашей природе, созданной по образу Божию, и поэтому душевную привязанность и пристрастие к животным Старец считал снижением человеческого образа бытия. Он пишет об этом так:

«Некоторые привязываются к животным, но этим они оскорбляют Творца, ибо человек призван вечно жить с Господом, царствовать с Ним и любить Единого Бога. К животным не должно иметь пристрастия, но должно только иметь сердце, милующее всякую тварь».

Он говорил, что все создано для служения человеку, и потому, когда есть необходимость, всем можно пользоваться в творении; но на человеке, вместе с тем, лежит долг заботиться о всем творении, и потому всякий вред, без нужды нанесенный животному или даже растению, противоречит закону благодати. Но и всякое пристрастие к животным также противно заповеди Божией, потому что умаляет любовь к Богу и ближнему, Кто воистину любит человека и в своих молитвах плачет за весь мир, тот не может привязаться к животным.

О красоте мира

ДУША СТАРЦА восторгалась красотой видимого мира. Восторга этого он не выявлял ни положением тела, ни движениями; его можно было уловить лишь в выражении лица и

интонации голоса. В таком сдержанном невыявлении себя еще сильнее чувствовалась подлинность глубокого переживания. Всегда сосредоточенный на своем внутреннем человеке, он мало смотрел на внешний мир, но когда взор его обращался на видимую красоту мира, тогда это бывало новым поводом к видению славы Божией и нового обращения сердца к Богу. В этом отношении он был подобен детям: его все удивляло. Вполне справедливо замечает он в своих записках, что потерявший благодать не воспринимает, как должно, красоты мира и ничему не удивляется.

Все невыразимо великолепное творение Божие – не трогает его. И наоборот, когда благодать Божия с человеком, тогда всякое явление в мире поражает душу своею непостижимой чудесностью, и душа от созерцания видимой красоты приходит в состояние чувства (чувствования) Бога, живого и дивного во всем.

Старец с большим чувством красоты смотрел на облака, на море, на горы, леса, луга, на отдельное дерево. Он говорил, что слава Творца великолепна даже в этом видимом мире, но видеть славу Самого Господа в Духе Святом – есть видение, бесконечно превосходящее всякую мысль человеческую.

Однажды наблюдая движение облаков на изумрудно-голубом аттическом небе, он сказал:

– Я думаю: какой величественный наш Господь.

Какую красоту создал Он во славу Свою, для блага народа Своего, чтобы народы в радости славил Творца своего... О, Владычице, удостой народ видеть славу Господню.

Так останавливаясь на короткое время на созерцании видимой красоты и славы Божией в ней, он снова обращался к молитве за народ.

О храмовом богослужении

СТАРЕЦ очень любил длительные божественные службы в храме, бесконечно-богатые по своему духовному содержанию, и высоко ценил труд певчих и чтецов, и много молился за них, прося им у Бога помощи, особенно во время всенощных бдений³⁰. Но при всей своей любви к великолепию, красоте и

музыке богослужений, он все же говорил, что хотя они установлены по дару благодати Св. Духа, однако, по форме своей являются несовершенною молитвою, и даны «народу верующих», как посильные и полезные для всех.

«Господь дал нам церковные службы с пением, как немощным детям; мы еще не умеем молиться, как должно, тогда как пение всем полезно, когда поют во смирении, Но лучше, когда сердце наше становится храмом Господним, а ум – престолом Его», писал он. И еще:

«Господь славословится во святых храмах, а монахи-пустынники славят Бога в сердцах своих. Сердце пустынника – храм, а ум его служит престолом, ибо Господь любит обитать в сердце и уме человека».

И еще говорил он, что когда непрестанная молитва утвердится в глубине сердца, тогда весь мир превращается в храм Божий.

О уподоблении человека Христу

СТАРЕЦ много и говорил, и писал, что хранящие заповеди Господни похожи на Христа. Уподобление Христу может быть и большим и меньшим, но пределов этому уподоблению не положено; так непостижимо велико призвание человека: он воистину становится подобен Богу.

Старец говорил:

«Так возлюбил Господь создание Свое: человек подобен Богу».

Он вспоминает при этом слова Св. Иоанна Богослова: «Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Иоан. 3, 2).

Старец бесконечно любил слова Христа:

«Отче, которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою» (Иоан. 17, 24).

Бог есть любовь, и как бесконечная любовь. Он всего Себя хочет отдать человеку: «Славу, которую Ты дал Мне, Я дал им» (Иоан. 17, 22).

И если слава сия будет дана человекам, то хотя по сущности своей человек остается тварью, но по благодати

становится богом, т. е. получает образ божественного бытия.

Подобно тому, как Христос, имеющий образ божественного бытия, в воплощении своем воспринял образ человеческого бытия, и человек, имеющий образ рабского бытия, во Христе воспринимает образ Божественного бытия (Флп. 2, 6–7).

Об этом в своей целомудренной сдержанности не любит говорить даже Священное Писание.

Почему?.. Быть может потому, что слышащие возбуждаются в своем воображении и устремляются мечтанием в заоблачные высоты, забывая, или не ведая, что Бог есть Смирение.

Сознавая Господа самым близким, самым дорогим, самым родным Отцом, Старец говорил, что «сроднил нас Дух Святый». Дух Святый Своим пришествием в душу естественно роднит человека с Богом, так что душа с великим и несомненным чувством говорит Господу:

Отче.

* * *

Душа Старца была пленена видением величия Господа, страдающего за грехи людей, всего мира.

Он изумлялся безмерности любви Божией и смирению Бога. В душе своей он пел хвалу Господу за Его искупительные страдания и знал, что этой песне его научила благодать Святого Духа, и песня эта была для него сладка больше, чем что бы то ни было другое.

Славословие небесных сил он понимал, как неумолкаемое прославление Господа за Его смирение и страдания, которыми Он искупил человека от вечной смерти. Старец таинственно духом слушал эти песни херувимские, которые, как он выражался, «слышат все небеса» и которые «сладки, ибо они поются Духом Святым».

Об искании Бога

У СТАРЦА была своеобразная мысль, что искать Бога может только тот, кто Его познал и затем потерял. Он считал, что всякое искание Бога предваряется как-то внушением Бога.

Бог не творит над человеком никакого насилия, но терпеливо стоит у сердца человеческого и смиренно ожидает,

когда откроется Ему это сердце.

Бог Сам ищет человека, прежде, чем человек взыщет Его; и когда, уловив удобный момент, Господь является человеку, только тогда человек познает Бога в данной ему мере и начинает уже искать Бога, Который скрывается от сердца. Старец говорил: «Как будешь искать то, чего не терял? Как будешь искать то, чего не знаешь вовсе? Но душа знает Господа, и потому ищет Его».

Об отношении к ближнему

КАЖДЫЙ человек видит в других то, что в опыте духовном познал о себе самом, поэтому отношение человека к ближнему есть верный показатель достигнутой им степени самопознания.

Кто на себе познал, с одной стороны, какой глубины, какой силы могут достигать страдания человеческого духа, отлученного от света истинного бытия, и с другой, – ЧТО есть человек, когда он в Боге, тот знает, что каждый человек есть непроходящая вечная ценность, большая, чем весь прочий мир; он знает достоинство человека, знает, что дорог пред Богом каждый «единый от малых сих» (Мф, 25, 40), и потому никогда даже внутренне не помыслит убийства, не позволит себе вредить ближнему или хотя бы оскорбить его. Кто «только верует», кто испытал на себе лишь умеренную благодать и еще неясно «предчувствует» вечную жизнь, тот в меру любви своей к Богу хранит себя от греха, но любовь его далеко не совершенна, и он может оскорбить брата.

А кто без жалости, «ради пользы своей и интереса», вредит другим, замышляет или совершает убийства, тот, или уподобился зверю и в глубине своей себя самого сознает существом скотоподобным, т. е. не верит в вечную жизнь, или встал на путь демонической духовности. Сам Старец, явлением ему Христа, был научен переживать богоподобие человека. Людей вообще он воспринимал, как чад Божиих, как носителей Духа Святого. Дух Святой, как Дух и Свет Истины, в какой-то мере живет в каждом и просвещает каждого человека, и тот, кто пребывает в благодати, тот и в других видит ее, а кто не чувствует в себе благодати, тот и в других не видит ее. Он

говорил, что по тому, как воспринимает человек ближнего своего, можно судить о мере благодати, которую он носит в себе: «если человек в брате своем видит присутствие Духа Святого, то это значит, что и сам он имеет большую благодать, а если кто ненавидит брата своего, то это значит, что сам он одержим злым духом».

Это последнее для Старца было совершенно несомненным; он определенно сознавал, что всякий человек, кто бы он ни был, возненавидевший брата, сердце свое сделал жилищем злого духа и тем отлучился от Христа.

О единстве духовного мира и о величии Святых

ЖИЗНЬ духовного мира Старец сознавал, как единую, и в силу этого единства, каждое духовное явление неизбежно отражается на состоянии всего этого мира, и если явление благое, то весь мир святых духов, «все небеса», радуются, и наоборот, если злое, печалются. Хотя всякое духовное явление неизбежно оставляет свой след в бытии всего мира духовного, но та чуткая включенность, о которой говорил Старец, свойственна, главным образом, Святым. Такое выходящее за пределы человеческой ограниченности ведение – он приписывал действию Святого Духа. Душа в Духе Святом «видит» весь мир и объемлет его своей любовью. Старец был уверен, что Святые слышат наши молитвы. Он говорил, что это видно из постоянного опыта общения со Святыми. В Духе Святом еще здесь на земле Святые получают этот дар отчасти, а по отшествии он возрастает.

Говоря о таком воистину богоподобном свойстве Святых, он дивился безмерности любви Божией к человеку: «Так возлюбил Господь человека, что дал ему Духа Святого, и в Духе Святом человек стал подобен Богу.

Те, что не верят этому и не молятся Святым, не познали, как много любит Господь человека и как возвеличил его».

О духовном видении мира

СТАРЕЦ многожды говорил, что «когда весь ум в Боге, то мир забыт», и вместе он же пишет: «Духовный, как орел летает в высоте, и душою чувствует Бога, и видит весь мир, хотя и молится в темноте ночи».

Встает вопрос: нет ли здесь противоречия? И другой вопрос: не есть ли это видение мира – воображение?

Но вот опять он же пишет: «Редкие души знают Тебя, и мало с кем можно говорить о Тебе».

В числе не знающих Бога и не могущих говорить о Нем – прежде всего сознаем мы себя, а потому просим всех тех, что познали Бога, по снисхождению своему простить нам дерзкую и безумную попытку хотя бы немного приоткрыть смысл слов Блаженного Старца.

Чистая молитва влечет ум внутрь сердца и воедино собирает всего человека, даже и тело его. Ум, погружаясь в сердце, отходит от образов мира, и душа, всеми силами устремленная к Богу во внутренней молитве, при свете, исходящем от Бога, видит себя совершенно особым образом. Видит она при этом не внешние явления и условия жизни, а себя самое обнаженною в своем естестве и раскрытою в своей глубине.

При всей безвидности, простоте и «стянутости» этого созерцания, направленного к истокам жизни, к Богу, в нем открываются пределы, между которыми движется бытие всего тварного духовного мира, и душа, от всего оторвавшись и ничего не видя, в Боге видит весь мир и сознает свое единство с ним, молясь за него,

«А я хочу только одного; чтобы молиться за всех, как за самого себя», – пишет Старец.

Все мы не раз восторгались, созерцая величие и красоту природы. Но вот – перед нами маленькая бесцветная фотография, и вместо необъятных, не достигаемых глазом просторов – мы видим клочок бумаги, и вместо невыразимого богатства света, движения, красок и форм – ничтожный ряд темных и серых пятен. Насколько велико различие между маленькой, мертвой фотографией и тем, что изображено на ней,

настолько, и даже более велико различие между сказанными выше словами и тою жизнью, что скрыта за ними.

О двух образах познания мира

СТАРЕЦ был одарен живым, красивым и необычайно дерзновенным умом. Он пишет:

«Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце; и когда мы просим Бога: дал Ты солнце, Скажи нам, как сделал ты солнце, – то слышим в душе ясный ответ: – смири себя, и будешь знать не только солнце, но и Творца его. Когда же душа Духом Святым познает Господа, то от радости забывает весь мир и оставляет заботу о земном знании».

Здесь, под почти наивной формой выражения, скрыто указание на два различных образа познания о бытии. Обычный и всем известный путь к познанию выражается в том, что познавательная способность человеческого духа, направленная вовне, встречается с бесчисленным разнообразием явлений, видов, форм, и с бесконечным дроблением всего происходящего, и потому познание никогда не достигает ни полноты, ни подлинно реального единства.

При этом образе познания, ум, ища настойчиво единства, прибегает к синтезу, всегда и неизбежно искусственному, и то единство, которого он достигает на этом пути, не есть нечто реально и объективно сущее, но лишь свойственная ему форма отвлеченного мышления.

Иной путь к познанию о бытии лежит чрез обращение человеческого духа внутрь себя и затем к Богу. При этом происходит нечто обратное тому, что мы видели в первом образе познания: ум отходит от бесконечной множественности и раздробленности явлений мира и всею силою обращается к Богу и, пребывая в Боге, видит и себя и весь мир.

К такому образу познания через молитву – стремилась душа Старца, и хотя он не терял здорового чувства реальности этого мира, однако, до конца жизни своей оставался далеким от мирских дел, чуждым любопытства и привязанностей.

Дух его всегда был занят только Богом и человеком.

О признаках благодати и прелести

В СВОЕМ желании узнать от Старца, есть ли несомненный признак, дающий возможность достоверно отличить истинный духовный путь от тех «призраков истины», которые лежат на отступлениях от этого пути, мы вели с ним беседы об этом предмете, и слово его было для нас бесценно дорогим. Он говорил:

«Когда Дух Святой исполнит всего человека сладостью любви Своей, тогда мир забыт совершенно, и душа вся в неизреченной радости созерцает Бога; но когда душа снова вспомнит мир, тогда от любви Божией и жалости к человеку – она плачет и молится за весь мир.

Предавшись плачу и молитве за мир, порожденный любовью, душа от сладости Духа Святого снова может забыть мир и снова упокоеваться в Боге; вспоминая же мир, опять в великой печали слезно молится, желая всем спасения.

И это есть истинный путь, которому научает Дух Святой.

Дух Святой есть любовь, мир и сладость. Дух Святой научает любить Бога и ближнего. А дух прелести – есть гордый дух; он не щадит человека и прочую тварь, потому что он ничего не создавал; он действует, как вор и хищник, и путь его исполнен разрушения.

Дух прелести не может дать истинной сладости; он приносит только тревожную сладость тщеславия; в нем нет – ни смирения, ни мира, ни любви; а есть холодное безразличие гордости.

Дух Святой учит любви Божией, и душа скучает о Боге и сладко со слезами ищет Его день и ночь, а враг приносит свою тоску, тяжелую и мрачную, убивающую душу.

По этим признакам можно ясно распознавать благодать Божию от прелести вражией».

Мы говорили Старцу, что есть люди, которые бесстрастие понимают не как любовь Божию, а как особое созерцание бытия, стоящее выше различения добра и зла, и что такое созерцание они считают большим, чем христианская любовь. На это Старец сказал:

– Это вражья наука; Дух Святой так не учит.

И слушая Старца, мы не могли не вспоминать демонических образов тех «сверхчеловеков», которые восходят «по ту сторону добра и зла».

Старец говорил:

– Дух Святой есть любовь, и Он дает душе силу любить врагов. И кто не любит врагов, тот не знает Бога.

Этот последний критерий в душе Старца занимал совершенно исключительное и бесспорное место. Он говорил:

– Господь – милостивый Создатель, и Ему всех жалко.

Господь жалеет всех грешников, как мать жалеет своих детей даже тогда, когда они идут недоброй дорогой, и где нет любви к врагам и грешникам, там нет Духа Господня.

Мысли о свободе

ВЫШЕ МЫ приводили беседу Старца с одним молодым студентом, из которой отчасти видны его взгляды на свободу, а здесь мы хотим дополнительно привести и иные его мысли, услышанные нами от него и частью выраженные письменно, но на языке для большинства непонятном.

Жизнь Старца преимущественно проходила в молитве, а молящийся ум не мыслит, т. е. не рассуждает, но живет. Действие молящегося ума не есть оперирование отвлеченными понятиями, а соучастие в бытии. Ум, истинно молящийся, имеет дело не с категориями рационального мышления, а с категориями качественно иными, и этот иной род категорий – есть само бытие в его действенности, не укладывающееся в узкие рамки отвлеченных понятий.

Старец не был философом в обычном смысле этого слова, но он был воистину мудрец, обладавший ведением того, что выходит за пределы философии.

Возьмем для примера опыт «смертной памяти». Под этим именем в аскетической письменности Отцов разумеется не обычное сознание человеком своей смертности, не простая память о том, что мы умрем, а особое духовное чувство.

Начинается смертная память с переживания краткости нашего земного существования: то ослабляясь, то усиливаясь,

она по временам переходит в глубокое ощущение всего земного тленным и преходящим, изменяя тем самым отношение человека ко всему в мире; все, что не пребывает вечно, обесценивается в сознании, и появляется чувство бессмысленности всех стяжаний на земле.

Внимание ума отвлекается от окружающего внешнего мира, сосредоточиваясь внутри, где душа поставляется лицом перед непостижимой бездной мрака. Это видение приводит душу в ужас, порождающий напряженную молитву, неудержимую ни днем, ни ночью.

Время теряет свою протяженность, но сначала не потому, что душа увидела свет вечной жизни, а наоборот, – потому, что все поглощено чувством вечной смерти. Наконец, пройдя многие и различные стадии, душа действием благодати возводится в область безначального Божественного света. И это не есть философский «трансцензус», а жизнь в ее подлинном выявлении, не имеющая нужды в диалектических «доказательствах».

Это – неопределимое, недоказуемое и не выявляемое ведение, но несмотря на всю свою неопределимость, оно, как подлинная жизнь, несравненно могущественнее и внутренне убедительнее, чем самая безупречная отвлеченная диалектика. Старец молится:

«Господи, люди забыли Тебя, Творца их, и ищут свободы своей, не разумея, что Ты милостив, и любишь кающихся грешников, и даешь им Свою благодать Святого Духа».

Молясь всеведущему Богу, Старец не многословит и не поясняет своих мыслей.

«Люди ищут свободы «своей», т. е. вне Бога, вне истинной жизни, там, где ее нет и быть не может, где «тьма кромешная», ибо свобода только там, где нет смерти, где подлинное вечное бытие, т. е. в Боге.

«Ты милостив и даешь им благодать Святого Духа». Бог дает дар Святого Духа, и тогда человек становится свободным. «Где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3, 17). «Всякий, делающий грех, есть раб греха. Раб не пребывает в доме вечно.

Итак если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Иоан. 8, 34–36).

В благодатной молитве бытийное или, как говорил Старец, опытное познание человеческой свободы чрезвычайно глубоко. Он всей душой сознавал, что подлинное рабство есть только одно – рабство греху, что подлинная свобода есть только одна – воскресение в Боге.

Доколе человек не достигнет своего во Христе воскресения, дотоле в нем все искажено страхом смерти, а следовательно и рабством греху, а из непознавших еще благодати и воскресения искажений избегают лишь те, о которых сказано: «Блаженны не видевшие, но уверовавшие».

* * *

Непостижимой и неопределимой в своих истоках, в своей вечной основе духовной жизни, простой и единой в своем существе – мы не знаем имени. Быть может кто-нибудь назвал бы эту область – сверхсознанием... но слово это и непонятное и ничего не определяющее, кроме соотношения между рефлексивным сознанием и тем миром, который выходит за пределы его.

Из этой неопределимой области, переходя в сферу, подлежащую уже нашему внутреннему наблюдению и даже известному контролю, духовная жизнь выявляется двояко, а именно: как духовное состояние или переживание, и как догматическое сознание. Эти два аспекта, различные и как-то даже отдельные в своем «воплощении», т. е. в своем оформленном выявлении в нашей эмпирической жизни, по существу своему есть единая нераздельная жизнь. В силу этого – всякое аскетическое действие, всякое духовное состояние неразрывно связано с соответствующим ему догматическим сознанием.

Имея в виду вышесказанное, мы всегда старались уразуметь – с каким догматическим сознанием была связана великая молитва и великий плач Старца за мир.

Если слова Старца, трудно постижимые в их святой и великой простоте, перевести на язык, более доступный

пониманию современных людей, то ниже мы надеемся приблизиться к выражению его догматического сознания.

Старец говорил и писал, что любовь Христова не может потерпеть ничьей гибели и в своей заботе о спасении всех она идет к достижению своей цели путем жертвы.

«Монаху Господь дает любовь Святого Духа, и от этой любви сердце монаха печально о народе, потому что не все спасаются. Сам Господь до того был печален о народе, что предал Себя на крестную смерть. И Божия Матерь ту же печаль о людях носила в сердце Своем; и Она, подобно Своему возлюбленному Сыну, всем до конца желала спасения. Того же Духа Святого дал Господь Апостолам и Святым Отцам нашим и пастырям Церкви» («О Монахах»).

Подлинно по-христиански спасти можно только любовью, т. е. привлекая, никакому насилию нет места.

В своем искании спасения всех – любовь влечется идти до конца, и потому она объемлет не только мир ныне живущих на земле, но и уже умерших, и самый ад, и тех, которые еще имеют родиться, т. е. всего Адама. И если ликует и радуется любовь, когда видит спасение братьев, то плачет и молится, видя обратное, т. е. гибель их.

Мы спросили Старца: как может кто-либо любить всех людей? И где найдешь такую любовь, чтобы стать единым со всеми? Старец ответил:

– Чтобы стать со всеми единым, как говорит Господь: «да будут все едино» (Иоан. 17, 21), не нужно нам ничего придумывать, у всех у нас единое естество, и потому естественно было бы нам всех любить, а силу любить дает Дух Святой.

Сила любви – велика и победоносна, но не до конца. В человеческом бытии есть некая область, где даже любви положен предел, где даже она не достигает полноты власти. Что же это такое?

Свобода.

Свобода человека подлинно реальна и настолько велика, что ни жертва Самого Христа, ни жертва всех, пошедших вслед Христу, не может с необходимостью привести к победе.

Господь сказал:

«Когда Я буду вознесен от земли (т. е. распят на кресте), то всех привлеку к Себе» (Иоан. 12, 32–33). Так любовь Христова надеется всех привлечь к себе, и потому идет до последнего ада. Но даже на эту совершенную любовь и совершенную жертву – кто-то, неведомо кто, и много ли их будет или немного, тоже неведомо, может ответить отвержением даже в плане вечном и сказать: а я – не хочу.

И эта страшная возможность свободы, познанная в духовном опыте Церкви, привела к отвержению идеи оригенистов.

Нет сомнения, что из оригенистического сознания не может родиться такая молитва, какую мы видим в Старце.

Познанное Старцем в связи с явлением ему Христа – было для него выше всяких сомнений и колебаний. Он «знал», что Явившийся есть Господь-Вседержитель. Он знал, что познанное им смирение Христово и та любовь, которой он исполнился до предела своей силы понести, есть действие Святого Духа-Бога. Он Духом Святым познал, что Бог – есть беспредельная любовь и бесконечное милосердие, и однако познание сей истины не привело его к мысли, что «все равно все спасутся». Сознание возможности вечной гибели глубоко осталось в его духе, и это потому, что в состоянии благодати душе открывается мера свободы человека.

* * *

Сущность абсолютной свободы в том, чтобы вне всякой зависимости или необходимости, вне всякого ограничения – самому во всем определить свое бытие. Это свобода Бога, человек такой свободы не имеет.

Искушение для тварной свободы, являющейся образом Божиим, – самому создать свое бытие, самому определить его во всем, самому стать богом, а не принять только то, что дается, так как в этом есть чувство зависимости.

Блаженный Старец говорил, что и это искушение преодолевается верою в Бога, как и всякое другое. Вера в Бога благого и милостивого, вера, что Он выше всякого совершенства, привлекает к душе благодать и тогда нет

тягостного чувства зависимости, но душа любит Бога, как самого родного Отца и живет Им.

* * *

Старец был человек малограмотный, однако, устремление его к познанию истины было никак не меньшим, чем у кого бы то ни было, но путь его к познанию искомой истины был совершенно непохожим на методы умозрительной философии. Зная это, мы с великим интересом следили за тем, как в совершенно особой атмосфере и своеобразной форме в его уме проходили самые различные богословские проблемы и выливались в его сознании в форму решения. Он не мог диалектически развивать вопроса и выражать его в системе рациональных понятий, он боялся «погрешить в мысленном рассуждении», но высказываемые им положения носили печать исключительной глубины. И невольно возникал вопрос: откуда у него такая премудрость?

Всем своим бытием Старец свидетельствовал, что познание высших духовных истин лежит на пути хранения евангельских заповедей, а не «внешнего» обучения. Он жил Богом, и свыше от Бога получал просвещение, и познание его было не отвлеченным пониманием, а жизнью.

В начале этой главы мы предположили изложить учение Старца, но в процессе работы склонились к мысли, что, быть может, лучше достигнем своей цели, изображая в доступной нам мере его духовный опыт, так как с одной стороны, будучи действием Великого Бога, опыт сей в каждом своем конкретном историческом явлении несет с собою нечто вечно новое, и с другой стороны – все его мысли, касающиеся самых глубоких религиозных проблем, являются следствием его молитвенного подвига и божественных благодатных посещений.

Христианство – не философия, не «учение» (доктрина), а "жизнь", и все беседы и писания Старца суть свидетельство об этой жизни.

О личном отношении человека к Личному Богу

ГОСПОДЬ сказал Понтийскому Пилату: «Я на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине». Пилат скептически ответил: «Что есть истина?» и, уверенный, что на этот вопрос вообще нет ответа, не стал дожидаться такового и от Христа, но вышел к Иудеям.

Пилат был прав: на вопрос – ЧТО есть истина?, если иметь в виду последнюю истину, лежащую в основе всего бытия мира, ответа нет.

Но если бы Пилат, имея в виду Первоистину или Самоистину, поставил бы вопрос так, как должно было бы его поставить, а именно:

КТО есть истина?, то получил бы в ответ то, что незадолго перед тем, предвидя вопрос Пилата, Господь на Тайной Вечере сказал Своим возлюбленным ученикам, а чрез них и всему миру: «Я есмь истина» (Ин. 14, 6, 18:37–38).

Наука и философия ставят себе вопрос: ЧТО есть истина?, в то время, как подлинное христианское религиозное сознание всегда обращено к истине «КТО».

Представители науки и философии нередко считают христиан беспочвенными мечтателями, себя же стоящими на твердой почве, и потому именуют себя – позитивистами.

Станным образом не понимают они всей негативности своего «ЧТО», не понимают, что Истина подлинная, абсолютная может быть только «КТО» и никак не «ЧТО», потому что Истина не есть отвлеченная формула или отвлеченная идея, но есть «Саможизнь».

В самом деле, – что может быть абстрактнее и негативнее истины ЧТО? И этот великий парадокс мы видим на всем историческом пути человечества с момента грехопадения Адама. Зачарованное своим рассудком, человечество живет в каком-то дурмане, так что не только «позитивная» наука и философия ставят себе подобно Пилату, вопрос: ЧТО есть истина?, но даже и в религиозной жизни человечества наблюдается все тот же великий обман, и там люди постоянно сходят на путь искания истины "ЧТО".

Рассудок полагает, что если он познает искомую им истину – "ЧТО", то достигнет обладания магической силой и станет

свободным властелином бытия.

В религиозной жизни человек, сходящий на путь рассудочных исканий, неизбежно впадает в пантеистическое мировосприятие. Всякий раз, когда богословствующий ум пытается своею силою познать истину о Боге, понимает он то, или не понимает, роковым образом впадает все в ту же ошибку, в которой погружены и наука, и философия, и пантеизм, а именно – в искание и созерцание истины "ЧТО".

Истина "КТО" – рассудком никак не познается. Бог "КТО" – познается только чрез общение в бытии, т. е. только Духом Святым. Это постоянно подчеркивал Старец Силуан.

Сам Господь об этом говорит так: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое, и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему, и обитель у него сотворим» ... «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему» (Ин. 14, 23–6).

В православном аскетическом опыте путь отвлеченных созерцаний отвергается, как неправильный. Кто в своих богомыслиях останавливается на отвлеченном созерцании Блага, Красоты, Вечности, Любви и подобн., тот встал на ложный путь. Кто только совлекается всех эмпирических образов и понятий, – тот тоже еще не познал истинного пути.

Православное богосозерцание не есть отвлеченное созерцание Блага, Любви и проч. Не есть оно и простое совлечение ума от всех эмпирических образов и понятий.

Истинное созерцание «дается» Богом чрез пришествие Бога в душу, и тогда душа созерцает Бога и видит, что Он любит, что Он благ, великолепен, вечен; видит Его надмирность и неизреченность. Но отвлеченно «ничто» не созерцается. Подлинная духовная жизнь чужда воображения, но во всем до конца конкретна и положительна.

Подлинное богообщение ищется человеком не иначе, как чрез личную молитву к Богу Личному. Подлинный духовный христианский опыт – есть общение с Богом абсолютно свободным, и потому не зависит от одних усилий и воли человека, как это возможно в опыте не-христианском (пантеистическом).

Мы никогда не сможем достигнуть чрез наше неуклюжее слово передать читателю то, чем мы поражались при общении со Старцем. Живая беседа с ним носила совершенно особый характер. Несмотря на всю простоту и кротость беседы, слово его было чрезвычайно действенно, как слово, исходившее из глубокого опыта бытия, как слово подлинного носителя Духа жизни.

Явление Христа Силуану было – «личной» встречей, в силу чего его обращенность к Богу приобрела глубоко личный характер. Молясь, он беседовал с «Богом лицом к Лицу». Чувство Личного Бога очищает молитву от воображения и отвлеченных рассуждений, переводя все в некий невидимый центр живого внутреннего общения. Сосредоточиваясь во внутрь, «молитва» перестает быть «взыванием в пространство», и ум становится – весь внимание и слух. Призывая имя Божие, Отче, Господи и другие, он пребывал в таком состоянии, о котором «нельзя говорить» (2Кор. 12, 4), но кто сам испытал присутствие живого Бога, тот поймет.

Один замечательный подвижник Монастыря, Отец Трофим, заметил это в Старце Силуане и пришел в страх и недоумение, о чем сам поведал нам уже после кончины Старца.

О любви к врагам

ПОДОБНО ТОМУ, как всякое рационалистическое мировоззрение имеет свою логическую последовательность, свою диалектику, так и духовный мир имеет, выражаясь, конечно, условно, свою конструкцию, свою диалектику. Но диалектика духовного опыта вполне своеобразна и не совпадает с ходом обычного мышления.

Так рационалистам, возможно, покажется странным указываемый блаженным Старцем критерий истинной веры, истинного богообщения, признак подлинного благодатного действия, а именно – любовь к врагам.

Здесь, при всем нашем желании быть возможно кратким и избежать все излишнее, мы считаем нужным сказать несколько пояснительных слов.

Человеку дано упование в грядущем веке получить дар великого богоподобия и полноты блаженства, но здесь он познает лишь «залог» будущего состояния. В пределах земного опыта человеку, облеченному плотию, дано во время молитвы совместить пребывание в Боге с памятью о мире, но когда пребывание в Боге достигает большей полноты, тогда «забывается мир», подобно тому, как всецело «прилепившийся земле» – забывает Бога.

Но если в состоянии более полного пребывания в Боге мир «забыт», то возможно ли говорить о любви к врагам, как критерии истинного богообщения? Ведь забывая мир, человек не мыслит ни о друзьях, ни о врагах.

Бог по сущности Своей надмирный, запредельный (трансцендентный) миру. Своим действием пребывает в мире (имманентен миру).

Полнота и совершенство надмирного состояния Бога нисколько не нарушается непрерывным действием Его в мире. Но человек на земле, облеченный плотию, не имеет такого совершенства, и потому когда всецело, т. е. всеми силами своего ума и сердца пребывает в Боге, тогда уже не имеет в своем сознании ничего от мира. Однако из этого не должно делать вывода, что полнота пребывания в Боге не имеет связи с любовью к врагам. Старец утверждал обратное, а именно теснейшую связь одного с другим.

В явлении Господа ему была дана та степень познания, которая исключает сомнения и колебания. Он категорически утверждал, что кто любит Бога Духом Святым, тот непременно любит и все творение Божие, и прежде всего человека. Эту любовь он познал, как дар Святого Духа; он воспринял ее, как нисходящее свыше действие Бога; и наоборот, он испытывал всецелое погружение в Бога, приходившее в силу благодатной любви к ближнему.

Говоря о врагах, Старец употреблял язык окружавшей его среды, когда много говорилось и писалось о врагах веры.

Сам он делил людей не на врагов и друзей, а на познавших Бога и непознавших Его.

Если бы историческая обстановка была иною, то и Старец, полагаем, выражался бы иначе, что и бывало много раз, когда говорил он о любви к сочеловеку вообще, т. е. ко всем людям, и благотворящим и злотворящим. В этом он видел уподобление Христу, Который «руки распростер на кресте», чтобы «всех» собрать.

В чем сила заповеди Христа: «Любите врагов ваших»?

Почему Господь сказал, что хранящие заповеди Его узнают, «откуда сие учение?» (Ин. 7, 17). Как Старец понимал это?

Бог есть любовь, любовь абсолютная, объемлющая в преизбытке всю тварь. Бог и во аде присутствует, как любовь. Дух Святой, давая человеку, в меру вместимости его, познать действительно эту любовь, тем самым открывает ему путь к полноте бытия.

Там, где есть «враги», там есть и отвержение. Отвергая, человек неизбежно выпадает из Божественной полноты, и уже не в Боге.

Достигшие Царства Небесного и пребывающие в Боге, в Духе Святом, видят все бездны ада, ибо нет такой области во всем бытии, где бы не присутствовал Бог.

«Все небо Святых живет Духом Святым, а от Духа Святого ничто во всем мире не скрыто»... «Бог есть любовь, и во Святых Дух Святой есть любовь» («О Святых»).

Пребывая на небе, Святые видят ад и его тоже объемлют своей любовью.

Ненавидящие и отвергающие брата – урезаны в своем бытии, и Бога истинного, Который есть всеобъемлющая любовь, они не познали, и пути к Нему не обрели.

Несовмещение полноты пребывания в Боге с полнотой пребывания в мире для человека в смысле «одновременности» – приводит к тому, что суждение о подлинности или, наоборот, «мечтательности» созерцания становится возможным лишь «по возвращении» к памяти и чувству мира.

Он утверждал, что если после духовного состояния, воспринятого как богосозерцание и богообщение, нет любви к врагам, а следовательно и всей твари, то это верный

показатель, что созерцание было не подлинным, т. е. не в Боге истинном.

«Восхищение» в созерцание может прийти к человеку прежде, чем он даст себе в этом отчет. В состоянии самого восхищения, даже когда оно не от Бога, человек может не уразуметь, что с ним произошло. И если плодом созерцания «по возвращении» явилась гордость и безразличие к судьбам мира и человека, то, несомненно, таковое было ложным. Итак, истинность или обман созерцания познается по плодам его.

Обе заповеди Христа, т. е. о любви к Богу и о любви к ближнему, составляют единую жизнь, и потому если кто мнит, что он живет в Боге и любит Бога, а брата своего ненавидит, тот пребывает в заблуждении.

Так вторая заповедь дает нам возможность проверить, насколько истинно живем мы в Боге истинном.

Различение добра и зла

ПОДОБНО ТОМУ, как для проверки истинности нашего пути к Богу Старец считал, что вторая заповедь – о любви к ближнему является верным руководящим началом, так и для распознавания добра от зла верным показателем является не столько святая и высокая по своей внешней формулировке цель, сколько средства, избираемые для достижения этой цели.

Абсолютен только Бог. Зло, не будучи самосущным бытием, а лишь противлением свободной твари начальному Бытию – Богу, не может быть абсолютным, и потому зло в «чистом» виде – не существует, и не может существовать. Всякое зло, совершаемое свободными тварями, по необходимости паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе «оправдание», предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра. Зло всегда неизбежно смешивается с некоторой долей положительного по форме искания, и этой своей стороной «прельщает» человека. Свой положительный аспект зло стремится представить человеку, как ценность настолько важную, что ради достижения ее – «дозволены все средства».

В эмпирическом бытии человека абсолютное добро не достигается; во всяком человеческом начинании начальствует некоторая доля несовершенства. Наличие несовершенств в человеческом добре, с одной стороны, и неизбежное наличие доброго предлога во зле – с другой, делает различение добра от зла очень трудным.

Старец считал, что зло всегда действует «обманом», прикрываясь добром, но добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область чуждая духу Христову. Добро злыми средствами не достигается, и цель не оправдывает средств. «Добро, недобро сделанное, – не есть добро». Это завет нам от Апостолов и от Святых Отцов. Если нередко побеждает добро и своим явлением исправляет зло, то неправильно думать, что к этому добру привело зло, что добро явилось результатом зла. Это невозможно. Но сила Божия такова, что там, где она является, она исцеляет все без ущерба, ибо Бог – полнота жизни и творит жизнь из ничего.

Путь Церкви

«НАШЕЙ ЦЕРКВИ Духом Святым дано разуметь тайны Божии, и крепка Она Своею святою мыслью и терпением»...

Тайна Божия, которую разумеет Церковь Духом Святым, есть – любовь Христова.

Святая мысль Церкви в том, «чтобы все спаслись». И путь, которым идет Церковь к этой святой цели, – терпение, т. е. жертва.

Проповедуя в мире любовь Христову, Церковь зовет всех к полноте божественной жизни, но люди не разумеют этого зова и отвергают его. Призывая всех хранить заповедь Христа: – «Любите врагов ваших», Церковь через то становится посреди всех враждующих сил, и тот гнев, которым полны эти враждующие между собою силы, встречая Церковь на своём пути, естественно обрушивается на Нее. Но Церковь, осуществляя дело Христа на земле, т. е. спасение всего мира, сознательно принимает на Себя тяготу общего гнева, подобно

тому, как Христос взял на Себя грехи мира. И если Христос в этом мире греха был гоним и должен был пострадать, то и истинная Церковь Христова тоже неизбежно будет гонима и будет страдать. Это духовный закон жизни во Христе, о котором говорил и Сам Господь, и Апостолы; Павел же божественный категорически выразил его такими словами: «Все, хотящие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2Тим. 3, 12).

И это – всегда, и везде, во всем мире, где только живет грех.

«Блаженны миротворцы, потому что они сынами Божиими нарекутся». Здесь Господь говорит, что проповедующие мир Божий, уподобятся Ему, Единородному Сыну Божию; и уподобятся во всем, т. е. не только в славе и воскресении Его, но и в унижении и в смерти. Об этом много говорится в Писании, и потому проповедующие истинно мир Христов пусть никогда не забывают о Голгофе.

И все это только за слово: – «любите врагов ваших».

«Вы ищите убить Меня, потому что слово Мое не вмещается в вас», – говорит Христос иудеям (Ин. 8, 37). И проповедь Церкви, которая есть то же слово: – «любите врагов ваших», не вмещается миром, и потому мир во все века гнал и будет гнать истинную Церковь, убивал и будет убивать Ее служителей.

* * *

При общении с Блаженным Старцем мы никогда не имели и тени сомнения в том, что глаголы его – суть «глаголы жизни вечной», – услышанные им свыше, и что не чрез внешнее хитросплетенное слово научился он этой истине, которую свидетельствовал всей жизнью своей.

Очень многие с легкостью говорят о любви Христовой, но дела их – соблазн миру, а потому и слова их лишены животворной силы.

Жизнь Старца, которую мы видели в течение ряда лет так близко и о которой теперь по безрассудству нашему дерзаем писать, была великим подвигом и настолько прекрасным, что мы не в силах найти человеческих слов для выражения нашего удивления, и вместе с тем она была так проста, так естественна

и воистину смиренна, что всякое громкое или вычурное слово внесет чуждый элемент, и потому так трудно о нем писать.

Есть люди, которые за простым словом неспособны увидеть его действительного содержания, но есть и такие, слух которых оскорбляется чуждыми нотами нескромных слов. Святое и чистое слово Старца, к сожалению, недоступное для понимания многих в силу своей простоты, мы решаемся до некоторой степени сопровождать нашей сухой и уродливой речью, предполагая, вероятно, ошибочно, что таким образом мы кому-нибудь, привыкшему к иному стилю жизни и выражений, поможем его понять.

Возьмите для примера краткое поучение Старца:

«Что нужно для того, чтобы иметь мир в душе и теле?

Для этого надо всех любить, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти».

Обычно у людей при мысли о близкой смерти душа приходит в беспокойный страх, а часто и отчаяние, настолько, что от страданий души – заболевает тело, и как же Старец говорит, что постоянная готовность к смерти и любовь ко всем исполняет миром не только душу, но и тело? Странное и непонятное учение.

Говоря здесь о мире в душе и теле, Старец имеет в виду такое состояние, когда не только душе, но и телу ощутимо сообщается благодатное действие. Однако, в данном случае он говорит о мере меньшей, чем та, которую он испытал во время явления Господа. В этом последнем случае благодать и в душе и в теле была такой силы, что и тело ясно ощущало свое освящение, и в самом теле сладость Духа Святого вызывала столь сильную любовь ко Христу, что и оно хотело страдать за Господа.

О различии христианской любви и человеческой справедливости

ЛЮДЯМ обычно свойственно юридическое понимание справедливости. Возложение на кого-либо ответственности за вину другого – они отвергают, как неправду.

В их юридическом сознании это не укладывается. Но иное говорит дух любви Христовой. По духу этой любви разделение ответственности за вину того, кого любим, и даже несение всей полноты ее, не только не чуждо, но и до конца естественно. Больше того, в этом несении чужой вины выявляется подлинность любви и достигается ее самосознание. Если от любви пользоваться только ее услаждающей стороною, то где разумность? Но когда приходит свободное принятие на себя вины и трудов любимого, тогда любовь достигает своего всестороннего совершенства.

Многие не могут или не хотят понять и доброю волею понести последствия первородного греха Адама. Они говорят:

«Адам и Ева съели запрещенный плод, а причем тут я? Я готов отвечать за мои грехи, но только за свои личные, а никак не чужие». И не понимает человек, что таким движением своего сердца он в самом себе повторяет грех Праотца, и последний становится уже его личным грехом и падением. Адам отрекался от ответственности, возлагая вину на Еву и Бога, давшего ему эту жену, и тем разбил единство Человека и единение его с Богом. Так всякий раз, когда мы отрекаемся от несения вины за общее зло, за дела ближних своих, мы повторяем тот же грех и также разбиваем единство Человека. Господь спросил Адама прежде Евы. И нужно думать, что если бы он не оправдывался, но взял бы на себя ответственность за их общий грех, то иными были бы судьбы мира, как изменятся они, если и мы будем брать на себя тяготу вины ближних.

Всякий человек, во всяком деле многое может сказать в свое оправдание, но если он внимательно посмотрит в сердце свое, то увидит что, оправдываясь, не избегает лукавства.

Оправдывается человек, во-первых, потому, что не хочет признать себя хотя бы частично виновником зла в мире, оправдывается потому, что не сознает себя одаренным богоподобною свободою, а лишь явлением, вещью мира сего, и потому зависимым от него. В таком сознании есть много рабского, и потому оправдываться – рабское дело, а не богосыновнее.

В блаженном Старце мы не видели склонности оправдываться. Но странно, такой образ действия, т. е. принятие на себя вины и прошение прощения, представляется многим как раз чем-то рабским. Так различны представления сынов Духа Христова и недуховных людей.

Недуховному кажется невероятным, что весь человеческий мир можно ощущать, как некое целостное бытие, включаемое в личное бытие каждого человека, без устранения прочих лиц. Всю совокупность общечеловеческого бытия, по смыслу второй заповеди: «Возлюби ближнего, как самого себя», должно и возможно включить в свое личное бытие.

Тогда всякое зло, происходящее в мире, будет восприниматься не как постороннее, но как и свое собственное.

Если каждая человеческая личность-ипостась, созданная по образу абсолютных Божественных Ипостасей, способна вместить в себе полноту всечеловеческого бытия, как каждая Божественная Ипостась является носителем всей полноты Божеского бытия, а таков глубокий смысл второй заповеди, то и бороться со злом, космическим злом каждый будет, начиная с самого себя.

* * *

Сам Старец всегда говорил только о любви Божией, и никогда о справедливости, но мы нарочно вызывали его на эту беседу. Он говорил приблизительно так:

«О Боге нельзя сказать, что он несправедлив, т. е. что в Нем есть неправда, но нельзя и говорить, что Он справедлив так, как мы понимаем справедливость. Святой Исаак Сирин говорит: «не дерзни Бога назвать справедливым; ибо какая же это справедливость – мы согрешили, а Он Сына Единородного предал на крест?» А к тому, что говорит преподобный Исаак, можно добавить: мы согрешили, а Бог Святых Ангелов поставил на службу нашему спасению. Но Ангелы, как исполненные любви, и сами имеют желание служить нам и в том служении принимают на себя скорби. А вот бессловесных животных и прочую тварь Господь предал закону тления, потому что не должно было оставаться ей свободною от этого закона, когда человек, ради которого она сотворена, чрез грех свой стал

рабом тления. Так что, кто добровольно, а кто и не добровольно, но «вся тварь стенает и мучится до ныне», по слову Апостола (Рим.8:20–22), сострадая человеку. И это не есть закон справедливости, а закон любви».

* * *

Любовь Христова, как Божественная сила, как дар Духа Святого, Единого, действующего во всех, онтологически связует воедино; любовь усваивает жизнь любимого. Любящий Бога – включается в жизнь Божества; любящий брата, включает в свое ипостасное бытие жизнь брата; любящий весь мир, духом объемлет весь мир.

Та великая молитва за мир, которою молился блаженный великий Старец Силуан, приводит именно к такому восприятию, лучше сказать, к осознанию онтологической общности своего личного бытия с общечеловеческим бытием. Если возможно говорить, как говорят многие современные философы, что наше чувственное восприятие какой-либо вещи (объекта) не есть только субъективный психический акт, отдельный от объективного бытия самой вещи, но есть сама та вещь, своим реальным действием входящая в наше сознание, чем устанавливается общение в бытии, то тем более должно сказать об общности бытия там, где действует единая, всепроницающая Божественная благодать Святого Духа – Всеизждителя.

Непрерывность молитвы Старца

ГОСПОДЬ пред Своим приходом сказал: «Грядет князь мира сего, и во Мне не обретает ничего» (Иоан.14:30).

Кто когда-либо пытался действительно хранить заповеди Христа в своей жизни, тот в какой-то степени может уразуметь безмерность величия сказанного Христом; безмерность для всякого человека за всю историю мира.

В дни земной жизни Христа, люди, слушая Его, бывали в таком же недоумении, как и теперь. То, что говорил Христос, не было «по человеку» (Гал.1:11), это видели все, и, будучи не в силах воспринять явление Бога в столь скромном виде, восклицали:

«беса имеет»; другие же говорили: «нет, глаголы Его, глаголы не бесноватого». Многие говорили: «Он бесноватый и безумствует; что слушаете Его?» Но другие им отвечали: «Воистину Он пророк» и «Распря бывала в народе о Нем» (Ин. 7, 20, 7:43, 8:48–9, 9:16, 10:19–21).

Старец Силуан был человек, и к нему всецело относятся слова церковной молитвы: «Несть человек, иже жив будет, и не согрешит», но все же в его беседах и записках мы встречаемся с такими словами, которые превосходят меру обычного человека, которые подходят к той грани, куда не достигает разумение «нормальных» людей, и вместе с тем нет и не может быть сомнения в том, что он говорил о себе чистую правду. Почти полвека он прожил в Монастыре на глазах многих сотен людей, многие из которых живы до сего дня; прожил в условиях общежития, где особенно ярко выявляется всякая душевная болезнь, многие не любили его, некоторые ругали в глаза, называли: «прельщенный», некоторые говорили: «У, проклятый святой», и он «ни разу не» ответил не должным образом. Конечно, это было даром благодати, за сохранение которой он всю жизнь провел в чрезвычайном подвиге.

Чтобы не перегружать нашей книги, мы не будем здесь приводить всех тех слов Блаженного Старца, которые выходят за пределы обычной человеческой меры и которые внимательный читатель сам найдет в его Писаниях, где он, например, исходя из своего многолетнего опыта, говорит, что у святых молитва никогда не прерывается, или следующее:

«В начале по неопытности я принял блудный помысл; пошел к духовнику и говорю: «я принял блудный помысл». Духовник говорит: «Никогда не принимай». И с тех пор прошло сорок пять лет, и я ни разу не принял блудного помысла, ни разу ни на кого не прогневался, ибо душа моя помнит любовь Господню и сладость Духа Святого, и я забываю обиды».

Был такой случай. В числе братии Монастыря был замечательный подвижник, схимонах Спиридон, проживший в обители полвека.

От природы это был человек кряжистый, крепкий телом и душой и очень трудолюбивый. Это был подлинный монах,

сильный в подвиге. С первых лет монастырской жизни он полюбил молитву Иисусову и неизменно пребывал в этом «делании», требующем исключительного терпения, внимания и самоограничения. Как большинство монахов Святой Горы, Отец Спиридон был очень простой, почти безграмотный, но все же это был мудрый человек; из долгого опыта «умного делания» он вынес ясное понимание о человеческих силах, о свойствах души.

Он понимал, что умная молитва требует свободы ума от всяких впечатлений, и с твердостью глубокой веры нес этот непостижимый для большинства людей подвиг.

Послушание у Отца Спиридона было хлопотливое: он был экономом на монастырском метохе (имении), называемом «Крумица», расположенном в северо-западной части Афонского полуострова. Главные отрасли Крумичного хозяйства – масличные сады и виноградники. Последние три-четыре года своей жизни он провел в монастырской больнице, так как сильно страдал от ревматизма, изуродовавшего суставы рук и ног и лишившего его трудоспособности.

Совпало так, что когда зимой Старец Силуан заболел гриппом и временно слег в больницу, ему дали «койку» рядом с Отцом Спиридоном, тогда же в соседней комнате находился один больной иеродиакон.

Однажды днем Отец Спиридон сидел на своей койке лицом в сторону Отца Силуана, последний лежал одетый, т. е. в подряснике и препоясанный, как это вообще принято у подвижников на Афоне в знак своей непрестанной готовности, и днем и ночью, восстать на молитву. Отец Спиридон говорил о молитве, а Старец Силуан слушал молча.

– Так вот держишь, держишь молитву, а когда займешься работою, которая требует соображения, то и перебивается молитва...

Бывало пойдешь чистить маслины, и когда осматриваешь ветви и думаешь, как лучше их обрезать, то и упустишь молитву, – сказал Отец Спиридон.

При этих словах Старец Силуан поднялся с койки, надел сапоги, надел теплую куртку, было холодно, и сказав тихо: «У

нас так не бывает», – ушел из больничной палаты к себе в келлию.

Удивленный Отец Спиридон просидел некоторое время в недоумении, а потом подошел к постели больного иеродиакона в соседней комнате, рассказал ему о своей беседе с Отцом Силуаном и говорит:

– Отец диакон, вы хорошо знаете Отца Силуана, скажите, что значат эти слова: у нас так не бывает? Дьякон молчал. Отец Спиридон продолжал:

– Или он в ошибке, или он велик. Иеродиакон, зная Отца Спиридона, как старого и опытного подвижника, говорит ему:

– Отец Спиридон, вы сам лучше меня можете понять, что значат эти слова.

О. Спиридон задумчиво просидел еще некоторое время, и затем отошел, сказав:

– Да, удивительная вещь.

V. Об умном безмолвии и чистой молитве

ВСЯ ЖИЗНЬ блаженного Старца Силуана была молитвою. Он непрестанно молился, меняя в течение дня образ молитвы в зависимости от условий дневной жизни.

Имел он дар и высшей умной молитвы, которой посвящал главным образом ночное время, когда возможно было иметь благоприятствующие этой молитве полную тишину и мрак.

Вопрос о видах или образах молитвы – является одним из главнейших вопросов аскетики вообще; таковым он был и для Старца, и потому позволим себе остановиться на нем.

О трех образах молитвы

МОЛИТВА – есть творчество, творчество высочайшее, творчество по преимуществу и в силу этого – она бесконечно разнообразна, но все же есть некоторая возможность различения ее на виды в зависимости от установки или направленности главных духовных сил человека, что и делают Отцы Церкви.

В этом отношении молитва совпадает с этапами нормального развития человеческого духа. Первое движение ума – есть движение во вне; второе – возвращение его к самому себе, и третье – движение к Богу чрез внутреннего человека.

В соответствии с таким порядком Святые Отцы устанавливают три образа молитвы: первый, в силу неспособности еще ума непосредственно восходить к чистому богomyслию, характеризуется воображением, второй – размышлением, а третий – погружением в созерцание.

Действительно правильною, должною и плодотворною Отцы считают только молитву третьего образа, но учитывая невозможность для человека иметь такую молитву с самого начала его пути к Богу, и два первых образа молитвы считают явлением нормальным и в свое время полезным. Однако, они указывают на то, что если человек удовлетворится первым образом молитвы и будет его культивировать в своей

молитвенной жизни, то помимо бесплодности возможны и глубокие духовные заболевания. Что же касается второго образа молитвы, то хотя он и превосходит во многом первый по своему достоинству, однако, тоже малоплоден и не выводит человека из постоянной борьбы помыслов и не дает достигнуть ни свободы от страстей, ни, тем более, чистого созерцания. Третий, наиболее совершенный образ молитвы – есть такое состояние ума в сердце, когда молящийся из глубины своего существа, вне образов, чистым умом предстоит Богу.

Первый вид молитвы держит человека в постоянном заблуждении, в мире воображаемом, в мире мечты и, если хотите, поэтического творчества, божественное и вообще все духовное представляется в различных фантастических образах, а затем и реальная человеческая жизнь постепенно тоже пронизывается элементами из сферы фантазии.

При втором образе молитвы – внутренние входы сердца и ума широко раскрыты для проникновения всего постороннего, в силу чего человек живет, постоянно подвергаясь самым разнородным влияниям извне; не разумея при этом, что же собственно происходит с ним объективно, т. е. каким образом возникают в нем все эти помыслы и брани, он оказывается бессильным противостоять натиску страстей как должно. При этом роде молитвы человек иногда получает благодать и приходит в доброе устроение, но в силу неправильности своей внутренней установки удержаться в нем не может.

Достигнув некоторого накопления религиозного познания и относительного благообразия в своем поведении, и удовлетворенный этим состоянием, он постепенно увлекается в интеллектуальное богословствование, по мере преуспения в котором усложняется внутренняя брань тонких душевных страстей – тщеславия и гордости, и усугубляется потеря благодати. При своем развитии этот образ молитвы, отличительной чертой которого является сосредоточение внимания в головном мозгу, приводит человека к рассудочным философским созерцаниям, которые также, как и первый образ молитвы, выводят его в мир представляемый, воображаемый.

Правда, этот вид отвлеченного мысленного воображения менее наивен, менее груб, и менее далек от истины, чем первый.

Третий образ молитвы – «соединение ума с сердцем» – есть вообще «нормальное религиозное состояние» человеческого духа, желательное, искомое, даруемое свыше. Соединение ума с сердцем испытывает всякий верующий, когда он внимательно, «от сердца», молится; еще в большей степени он познает его, когда приходит к нему умиление и сладостное чувство любви Божией. Плач умиления при молитве есть верный показатель того, что ум соединился с сердцем, и что настоящая молитва нашла свое первое место, первую степень восхождения к Богу; вот почему он так ценится всеми подвижниками. Но в данном случае, говоря о третьем образе молитвы, мы имеем в виду нечто иное и большее, а именно: «ум, молитвенным вниманием стоящий в сердце».

Характерным следствием или свойством такого движения и водворения ума во внутрь является прекращение действия воображения и освобождение ума от всякого образа, в него проникшего. Ум при этом становится – весь слух и зрение, и видит, и слышит всякий помысл, приближающийся «извне», прежде, чем этот последний проникнет в сердце.

Совершая при этом молитву, ум не только не допускает проникновения помыслов в сердце, но и отталкивает их, и сам сохраняется от сложения с ними, чем достигается пресечение действия всякой страсти в ее первичном состоянии, в самом зарождении ее.

Вопрос этот чрезвычайно глубок и сложен, и мы можем дать здесь лишь самый примитивный очерк.

О развитии помысла

ГРЕХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ по прохождении определенных стадий своего внутреннего развития.

Первый момент – приближающееся к человеку извне некое духовное влияние, которое сначала может быть совсем неясным, неоформленным. Первичная стадия оформления – появление в поле внутреннего зрения человека – некоего

образа, и так как это не зависит от воли человека, то и не вменяется в грех.

Образы в иных случаях носят характер по преимуществу видоподобный, в иных же – по преимуществу мысленный, но более часто – смешанный. Так как и видоподобные образы влекут за собою ту или иную мысль, то всякие образы у подвижников именуются «помыслами».

У бесстрастного человека «владычественный» ум может остановиться на пришедшем помысле как познающая бытие сила, оставаясь при этом вполне свободным от власти его. Но если в человеке есть «место», есть соответствующая почва, как расположение к тому духу, который заключен в помысле, тогда энергия этого последнего стремится захватить психический мир, т. е. сердце, душу человека, достигает же этого тем, что в предрасположенной к пороку душе вызывает некоторое чувство услаждения, свойственного той или иной страсти. В этом услаждении и заключено «искушение».

Но и этот момент услаждения хотя и свидетельствует о несовершенстве человека, однако, не вменяется еще в грех, это только «предложение» греха.

Дальнейшее развитие греховного помысла грубо-схематически может быть изображено так: предлагаемое страстью услаждение привлекает к себе внимание ума, что является чрезвычайно важным и ответственным моментом, потому что соединение ума с помыслом составляет благоприятное условие для развития этого последнего. Если внутренним волевым актом ум не оторвется от предложенного услаждения, но продлит свое пребывание в нем вниманием, тогда появляется расположение к нему, приятная беседа с ним, затем «сложение», которое может перейти в полное и активное «согласие», далее, – продолжающее возрастать страстное услаждение может уже овладеть умом и волею человека, что называется – «пленением».

После этого все силы плененного страстью направляются к более или менее решительному осуществлению греха делом, если к тому нет внешних препятствий, или же, при наличии препятствий, к исканию возможности такого осуществления.

Подобное пленение может остаться единичным и никогда больше не возобновиться, если оно было следствием лишь неопытности человека, пребывающего в подвиге и борьбе. Но если пленения повторяются, то они приводят к «навыку» страсти, и тогда все естественные силы человека начинают служить ей.

От первичного появления услаждающего действия страсти, что названо выше «предложением», должна начинаться борьба, которая может происходить на всех ступенях развития греховного помысла, и на каждой из них он может быть преодолен и, таким образом, не завершиться делом, но все же с момента колебания воли элемент греха уже есть, и должно принести покаяние, чтобы не потерять благодать.

Неопытный духовно человек обычно встречается с греховным помыслом уже после того, как он пройдет незамеченным первые стадии своего развития, т. е. когда он приобретет уже некоторую силу, и даже больше: когда приблизится опасность совершения греха делом.

Чтобы этого не допустить, необходимо установить ум с молитвою в сердце. Это – насущная нужда для всякого подвижника, желающего через истинное покаяние утвердиться в духовной жизни, потому что, как сказано выше, при такой внутренней установке грех пресекается в самом его зарождении. Здесь, может быть, уместно вспомнить слова Пророка: «Дочь Вавилона, опустошительница!... блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» имени Иисуса Христа (Пс.136:8–9).

Это дивное делание, непостижимое для ленивого большинства, достигается великим трудом и весьма немногими. Оно совсем не так просто, совсем не так легко, и мы, в поисках краткого, но ясного выражения, еще не раз будем вынуждены беспомощно возвращаться к нему с разных сторон, без надежды, однако, исчерпать и сколько-нибудь удовлетворительно представить его.

* * *

Сущность аскетического пути Старца может быть выражена в немногих словах: – хранение сердца от всякого постороннего

помысла посредством внутреннего умного внимания, чтобы, устранив всякое чуждое влияние, достигнуть предстояния Богу в чистой молитве.

Это делание именуется – «умное безмолвие». Оно унаследовано нами чрез живое и письменное предание от Святых Отцов с первых веков христианства до наших дней, и потому говорить о подвижническом пути Старца можно, как и сам он делал, говоря о пути православного монашества вообще.

Блаженный Старец говорил:

«Если ты богослов, то ты чисто молишься, если ты чисто молишься, то ты богослов».

Аскет-монах не богослов в академическом смысле слова, но он богослов в ином смысле, так как через чистую молитву удостоивается подлинно божественных созерцаний.

Началом пути к чистой молитве является борьба со страстями. Ум, по мере очищения от страстей, становится более сильным в борьбе с помыслами и более устойчивым в молитве и богомыслии; сердце же, освобождаясь от омрачения страстей, все духовное начинает видеть чище, яснее, до убедительной осязаемости.

Монах предпочитает этот путь – пути научного богословия по тем соображениям, что существует возможность посредством отвлеченного философского созерцания дойти до постижения неприложимости к Богу наших эмпирических понятий и достижения, таким образом, того состояния, когда ум начинает «молчать».

Но это «молчание ума» богослова-философа далеко не всегда есть настоящее созерцание Бога, хотя и приближается к граням его.

Достижение подлинного созерцания без очищения сердца – невозможно. Только сердце, очищенное от страстей, способно к особому изумлению при созерцании непостижимости Бога. При этом изумлении ум радостно молчит, обессиленный величием созерцаемого.

К состоянию созерцания иным путем идет богослов-мыслитель, и иным – аскет-монах. Ум последнего не занят

никакими размышлениями; он только, как сторож, безмолвно внимает тому, чтобы ничто постороннее не вошло в сердце. Имя Христа и заповедь Его – вот чем живут сердце и ум при этом «священном безмолвии»; они живут единою жизнью, контролируя все совершающееся внутри не логическим исследованием, а особым духовным чувством.

Ум, соединившись с сердцем, пребывает в таком состоянии, которое дает ему возможность видеть всякое движение, происходящее в «сфере подсознания». (Этот термин современной научной психологии употребляем здесь условно, так как он не совпадает с представлениями православной аскетической антропологии). Пребывая внутри сердца, ум усматривает в окружении его появляющиеся образы и мысли, исходящие из сферы космического бытия и пытающиеся овладеть сердцем и умом человека. В форме помысла, т. е. мысли, связанной с тем или иным образом, является энергия того или иного духа.

Натиск идущих извне помыслов чрезвычайно силен, и, чтобы ослабить его, монах вынуждается в течение всего дня не допускать ни единого страстного взирания, не позволить себе пристрастия ни к чему. Монах постоянно стремится к тому, чтобы число внешних впечатлений довести до последнего возможного минимума, иначе в час внутренней, умной молитвы все отпечатлевшееся неудержимою стеною идет на сердце и производит большое смятение.

Цель монаха – достигнуть непрерывного умно-сердечного внимания; и когда после многих лет такого подвига, «труднейшего» всех других подвигов, чувство сердца утончится, а ум, от «многого плача», получит силу отталкиваться от всякого приражения страстных помыслов, тогда молитвенное состояние становится непрерывным, и чувство Бога, присутствующего и действующего, – великой силы и ясности.

Таков путь монаха-аскета, и им шел Блаженный Старец.

Путь «Ареопагистов»

– иной: в нем преобладает размышление, а не молитва. Идущие этим путем часто обманываются, потому что легко достигая интеллектуального усвоения даже апофатических

форм богословия, они удовлетворяются испытываемым ими интеллектуальным наслаждением. Не придавая должного значения непреодоленным страстям, они легко воображают себя достигшими того, о чем говорится в творениях «Ареопагита», тогда как в подавляющем большинстве случаев, постигая логическую структуру его богословской системы, не достигают подлинно Искомого.

Сущность «безмолвия».

Старец видел не в затворе и не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы непрестанно пребывать в Боге. В виду большой важности этого вопроса – остановимся на нем подробнее.

Старец говорил, что и затвор и удаление в пустыню сами по себе являются лишь вспомогательными средствами и никак не целью. Они могут содействовать уменьшению внешних впечатлений и влияний, устранению от житейской молвы, и тем благоприятствовать чистой молитве, и только в том случае, если это удаление совершилось по благоволению Божию, а не по своей воле; в последнем случае и затвор, и пустыня, и всякий иной подвиг останется бесплодным, потому что сущность нашей жизни не в самовольном подвиге, а в послушании воле Божией.

Многие думают, что самый высокий образ жизни – есть безмолвие в пустыне; иные считают таковым – затвор; некоторые предпочитают юродство; другие – пастырское служение или научный богословский труд, и подобное. Старец считал, что ни один из этих видов подвижничества сам по себе не является высшим образом духовной жизни, но каждый из них может быть таковым для того или иного лица, если он соответствует воле Божией о данном лице; а воля Божия о каждом человеке может быть особою.

Но какова бы ни была воля Божия о каждом человеке, когда идет речь о том или ином образе подвига, или месте или форме служения, во всех случаях остается обязательным искание чистой молитвы.

Молитву чистою

– Старец считал, когда она приносится с умилением, так что и сердце и ум согласно живут словами произносимой молитвы, которая ничем при этом не перебивается, т. е. ни рассеянностью внимания на что-либо внешнее, ни размышлением о чем-либо постороннем данной молитве. Этот вид молитвы является, как сказано выше, нормальным религиозным состоянием, весьма плодотворным для души; в той или иной мере он известен очень многим верующим, но лишь в редких случаях он переходит в молитву совершенную.

Другой вид чистой молитвы – это когда ум заключен в сердце и там безмолвно, вне посторонних мыслей и образов, поучается в памяти имени Божия. Это молитва сопряжена с постоянным подвигом, она есть действие, зависящее в известной мере от произволения человека; она есть – труд, аскетическое делание. Все что было сказано выше об этом удивительном образе умной молитвы, а именно, что он дает возможность видеть помысл, прежде, чем тот войдет в сердце, или, условно выражаясь, дает возможность контролировать глубины подсознания, дает возможность освободиться от смятения, в котором держится человек по причине постоянного восхождения возможных влияний из темной области подсознания, вернее – глубокой бездны греховной космической жизни, – все это составляет отрицательный аспект этого делания, в то время как положительный аспект его превосходит всякую человеческую идею.

Бог есть Свет неприступный. Его бытие превышает всякого образа, не только вещественного, но и умного, и потому доколе ум человеческий занят мышлением, словами, понятиями, образами – он совершенства молитвы не достиг.

Тварный человеческий ум, тварная человеческая личность в своем предстоянии Уму Первому, Богу Личному только тогда достигает подлинно чистой и совершенной молитвы, когда от любви к Богу оставит позади всякую тварь, или, как любил говорить Старец, совершенно забудет мир и самое тело свое, так что не знает уже человек – был ли он в теле или вне тела в час молитвы.

Такая в преимущественном смысле чистая молитва – есть редкий дар Божий, она никак не зависит от человеческих усилий, но приходит сила Божия и с неуловимой осторожностью и неизъяснимой нежностью переносит человека в мир Божественного света, или лучше сказать – является Божественный свет и любовно объемлет всего человека так, что он уже ни о чем не может вспомнить, ни о чем не может размышлять.

Имея в виду эту последнюю молитву, Старец говорил: «Кто чисто молится, тот богослов».

Кто не имел этого опыта, тот богословия, понимаемого, как состояние боговидения, – не достиг. Ум, никогда не испытывавший чистоты, ум, никогда не созерцавший вечного Божественного света, как бы он ни был изошрен в своем интеллектуальном опыте, неизбежно подвержен воображению и в своих попытках познать Божественное – живет гаданиями и строит домыслы, которые, к сожалению, нередко принимает за подлинные откровения и богосозерцания, не понимая своей ошибки.

В основе безмолвия лежит заповедь Христа: любить Бога всем умом и всем сердцем

НЕКОТОРЫЕ Святые Отцы в своих аскетических творениях проводят различие между двумя образами духовной жизни – деятельным и созерцательным, именуя первый из них – путем хранения заповедей.

Старец Силуан мыслил несколько иначе: он тоже разделял жизнь на деятельную и созерцательную, но и ту и другую рассматривал именно как хранение заповедей. Главной основой аскетического умного безмолвия для него были слова первой заповеди: – возлюби Бога всем сердцем, всем помышлением, всей душою. Он пишет:

«Кто познал любовь Божию, тот скажет: не сохранил я заповеди. Хотя я и молюсь день и ночь и стараюсь всякую добродетель творить, но заповеди о любви к Богу я не исполнил.

Лишь редкие минуты постигаю я заповедь Божию, но душа хотела бы все время пребывать в ней. Когда к уму примешиваются посторонние мысли, тогда ум помышляет и Бога и вещь; значит заповедь: любить – любить всем умом и всем сердцем – не исполнена. Но когда ум весь в Боге, и нет других помыслов, тогда исполняется первая заповедь, но опять еще не совсем».

В аскетическом опыте чистой молитвы – ум, совлекшийся всякого образа и понятия, удостаивается, после глубокого покаяния и многого плача, подлинного боговидения.

Умное безмолвие всегда встречало много противников, особенно на западе, которые, не обладая необходимым опытом, в своем отвлеченном подходе к этому образу молитвы – думали, что речь идет об искании какого-то механического приема, приводящего к Божественному созерцанию. Но это, конечно, не так.

Бог, абсолютно свободный, не подвержен никакому механическому воздействию и вообще никакому принуждению. Умное безмолвие сопряжено с великим самоотречением и есть подвиг наитруднейший. Произволение человека на это великое страдание ради лучшего сохранения заповедей Божиих – привлекает Божию благодать, если подвиг сей совершается в духе смирения.

Гордый человек, какие бы приемы ни употреблял, подлинного богообщения не достигнет. По одному желанию человека – ум не соединится с глубоким сердцем, а если и проникает как-то в сердце, то видит там только самого себя, свою тварную красоту, которая великолепна, ибо создана по образу Божию, но Бога истинного не обретает.

Вот почему блаженный Старец, борясь за то, чтобы смириться, прибегал к тому огненному оружию, которое дал ему Господь:

«Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

Этот не изощренный интеллектуально человек, «престец» и «невежда», многожды удостоился чистого умного богосозерцания и потому действительно имел основание говорить: «Если ты чисто молишься, то ты богослов». И еще:

«Верующих на земле много, но таких, которые знают Бога, очень мало».

Под знанием он разумел не гностические богословские построения, но опыт живого общения, опыт причастия Божественного света.

Знание – с о б ы т и е.

Антропологическая основа умного безмолвия

ПРЕСЛЕДУЯ в данном Житии изложение положительного опыта Старца, насколько это возможно для нас, мы не желаем придать нашему труду научно-формальный характер и потому принципиально уклоняемся от многих сопоставлений и ссылок на Творения Святых Отцов.

Настоящий труд – есть попытка дать образ Старца и описание пройденного им духовного пути, который хотя и лежит всецело в русле аскетического предания Православной Церкви, но, как подлинно живое явление, носит на себе печать своеобразия и неповторимости.

Догматические вопросы, затрагиваемые здесь, не составляют богословского трактата. Мы останавливаемся на них, исходя из того факта, что догматическое сознание органически связано со всем ходом внутренней духовной жизни. Измените в своем догматическом сознании что-либо, и неизбежно изменится в соответствующей мере и ваш духовный облик и вообще образ вашего духовного бытия. И наоборот, уклонение от истины во внутренней духовной жизни повлечет изменение в догматическом сознании.

Говоря об умном безмолвии, которое так любил Старец, мы считаем не лишним в немногих словах изложить антропологическую основу этого делания, как она выясняется из самого опыта. Антропология Старца может быть выражена словами Пр. Макария Великого и Преп. Исаака Сирина, творения которых он прекрасно знал.

«Душа не от Божия естества и не от естества лукавой тьмы, но есть тварь умная (поега), исполненная лепоты, великая и

чудная, прекрасное подобие и образ Божий, и лукавство темных страстей вошло в нее вследствие преступления» (Макарий Вел., Беседа 1, параграф 7).

«Бог, созданного по образу, создал бесстрастным..., посему... страсти не в природе души..., но суть нечто придаточное, и в них виновна сама душа» (Исаак Сирин, Слово 3).

«Когда чувства заключены безмолвием, тогда увидишь, какие сокровища имеет душа скрытыми в себе» (там же).

Когда мы говорили, что ум, молитвенно стоящий в сердце, оттуда видит всякий помысл, приближающийся к сердцу, прежде, чем он войдет в него, то имели в виду энергию извне идущих на душу «лукавых страстей», что, по выражению Св. Исаака, «придаточным» является, а не заключенным в природе души. Всему этому придаточному, постороннему, чуждому, стремящемуся войти в сердце, ум из сердца противостоит молитвою и ею, молитвою, отражает.

Но возможно и еще более глубокое вхождение ума в сердце, когда он по действию Божию как-то так соединяется с сердцем, что совлекается положительно всякого образа и понятия, и в то же время закрываются все входы в сердце для всего постороннего, и тогда душа входит во «мрак» совершенно особого порядка, и затем удостоивается неизреченного предстояния Богу чистым умом.

«Кто чисто молится, тот богослов»,— говорил Старец. Богослов не в академическом смысле этого слова, но богослов в смысле — боговидец, боговедец.

Но есть нечто больше этого, т. е. такие состояния, когда человек бытийно и с неопровержимою очевидностью причащается вечной жизни и невыразимого покоя в Боге. Однако, не оставляется человек надолго в таком состоянии, если Господь, по Ему Единому ведомым планам, благоволит продолжить еще жизнь его на земле, и снова возвращается он в мир, и, как Апостол Петр на Фаворе, говорит о своем внутреннем с Богом пребывании: «Хорошо нам, Господи, быть здесь с Тобою».

Опыт вечности

УМНОЕ БЕЗМОЛВИЕ – есть поразительная по своему богатству и великолепию жизнь, описание которой, в силу ее особенности, принимает характер как бы непоследовательный и противоречивый. Мы не сомневаемся, что многих, логически мыслящих людей, могут смутить слова о том, что человек на какое-то время бытийно и с неопровержимою очевидностью вводится в вечную жизнь. Очевидная нелепость – стать вечным на какой-то срок. Но попытаемся дать некоторое пояснение этому выражению.

Время и вечность – в понимании подвижника суть два различных образа бытия. Первый, т. е. время, есть образ тварного, непрестанно возникающего и в своем движении развертывающегося бытия, непостижимо Богом творимого из ничего. Второй, т. е. вечность, есть образ Божественного бытия, к которому не приложимы наши понятия протяжения и последовательности. Вечность – единый, непротяженный, непостижимой полноты акт Божественного бытия, которое, будучи надмирным, непротяженно объемлет все протяженности тварного мира. Вечный по существу – Единый Бог. Вечность не есть нечто отвлеченное или отдельно сущее, но Сам Бог в Своем бытии. Когда человек по благоволению Божию получает дар благодати, то он, как причастник Божественной жизни, становится не только бессмертным в смысле бесконечного продолжения его жизни, но и безначальным, ибо та сфера Божественного бытия, куда он возведен, не имеет ни начала ни конца. Говоря здесь о человеке, что он становится «безначальным», мы имеем в виду не предсуществование души, и не преложение нашей тварной природы в безначальную Божественную природу, но приобщение безначальной Божественной жизни в силу обожения твари благодатным действием.

Когда ум и сердце, устремленные ко Христу, не своими усилиями, но действием Божиим соединятся некоторым таинственным соединением, тогда человек подлинно находит самого себя в своей самой глубокой основе; тогда он, как ум

богообразный, как дух богоподобный, как бессмертная ипостась (лицо), безвидно видит Бога, но доколе он связан с плотью, ведение его не достигает совершенства, и не может он постигнуть, каковым будет его вечное бытие по прошествии последнего порога земной жизни, т. е. по разрешении от дебелости плоти и по вступлении, уже вне ее тяжести, в область безначального Света Божества, если благоволит Господь принять ее. Но вопрос: – каковым будет вечное бытие? встает не в момент видения, когда душа вся в вечном Боге и не знает в теле ли она или вне тела, но лишь тогда, когда снова увидит она этот мир, когда снова ощутит себя в узах плоти, и снова вместе с тем найдет на нее некое покрывало этой плоти.

В самом себе, т. е. в пределах своего тварного существа, человек вечной жизни не имеет. Причащаясь Божественной жизни по дару благодати, он становится вечным. Эту вечность еще здесь он может переживать с неодинаковой силой, иногда большею, иногда меньшею.

Парадоксальны здесь все выражения, но быть может более понятным будет такое выражение: поскольку мы в Боге, постольку мы вечны.

Постольку,— поскольку, но не о количестве здесь слово, а о даровании Божиим.

В состоянии видения душа ни о чем не вопрошает. Это невыразимый акт введения ее в Божественный мир совершается не по ее воле, потому что она и не может желать того, чего вовсе не ведала раньше, но акт сей не без ее участия в том смысле, что в какие-то предварительные моменты она доброю волею горячо стремится к Богу в хранении Его заповедей. Видение предваряется большими страданиями, многим плачем, глубоким покаянным плачем глубокого сердца; горячим плачем, который выжигает в человеке плотскую, и душевную, и духовную гордость.

Не может человек, покамест он во плоти, достигнуть совершенного познания, но то, что ему дает Бог,— есть подлинное, несомненное, бытийно-опытное переживание вечного Царства, и хоть «отчасти», как говорит Старец, но достоверно знает он о нем.

Созданный «по образу Божию», создан для жизни и «по подобию». Достигший «спасения» в Боге, получает жизнь, подобную жизни Самого Бога. Бог – вездесущий и всеведущий, и святые в Духе Святом получают подобие вездесущия и всеведения. Бог есть Свет, и святые в Духе Святом становятся светом. Бог есть Любовь, объемлющая все сущее, и святые в Духе Святом своею любовью объемлют весь мир. Бог – един Свят, и святые в Духе Святом святые. Святость же не есть понятие этическое, но онтологическое. Свят не тот, кто высок по человеческой морали, или по жизни своей в смысле подвига и даже молитвы (и фарисеи постились и совершали «долгие» молитвы), но тот, кто носит в себе Духа Святого. Единый Бог есть Истина и Жизнь, и причастники Духа Святого становятся живыми и истинными, тогда как отпадающие от Бога, умирают духовно и уходят во «тьму кромешную».

Сказав выше о том, что человек, вызванный к бытию творческим актом Бога из «ничто», вечной жизни в себе не имеет, мы вовсе не мыслим, что умирая, он возвращается снова в «ничто», в полное небытие. Нет. Отпадая от Бога, отвращаясь от Него, как одаренный свободой, он отходит от Жизни и Света в область вечной смерти и мрака кромешного, но эта тьма и смерть не есть то «ничто», то небытие, из которого вызвана тварь к бытию, это есть – «состояние» разумной твари, неуничтожимой в своем существе. Отвращаясь от Бога, тварь, однако, не может уйти в такую область, которая недостижима для Него: и во аде любовь Божия объемлет всех, но будучи радость и жизнь для любящих Бога, она мучительна для ненавидящих его.

* * *

Говоря об опыте вечности и воскресения души, мы говорим о том великом благоволении Божиим, которое изливаясь на человека, «восхищает» его в область Вечного Света, давая ему с несомненностью переживать свою свободу от смерти, свою вечность.

«Возвращение» из состояния этого видения хотя и налагает на человека некий «покров», но все же и личное сознание его и восприятие мира существенно видоизменяется, и не может не

измениться по многим причинам. Опыт своего падения и страданий и в каждом другом человеке обнаруживает ту же трагедию. Опыт личного бессмертия приводит к тому, что и в каждом другом человеке видится бессмертный брат. Живой опыт вечности и внутреннего созерцания Бога в отвлечении от твари неизъяснимым образом исполняет душу любовью к человеку и всякому творению. Обнаруживается, что только познавши величие человека в своем духовном опыте, возможно подлинно ценить и любить сочеловека.

И вот еще необъяснимое явление: в момент видения, по выражению Старца, «мир забыт совершенно»; время видения не есть время размышления, совсем нет: обычное дискурсивное мышление тогда прекращается; действие ума остается, но действие совершенно особого рода; и удивительно, как та безвидность при своем схождении облекается в форму мыслей и чувств... Состояние видения – есть свет любви Божией, и действием этой любви порождаются в душе новые чувства и новые мысли о Боге и мире.

Первое «восхищение» в видение дается человеку свыше без его искания, потому что он в силу неведения о нем не мог его и искать. Зато после он уже не может забыть о нем и со многою печалью сердца снова и снова ищет его, и не только для себя, но и для всех людей.

Начало духовной жизни – борьба со страстями

К АСКЕТИЧЕСКОЙ антропологии, касающейся умного делания, добавим еще немного в объяснение этого делания и его результатов.

Посредством молитвенного внимания в сердце, подвижник стремится сохранить ум свой чистым от всякого помысла. Помыслы могут быть естественными человеку в условиях земного существования, но могут быть и следствиями демонических влияний. Когда подвижник молится, он на время, в пределах возможности, различной у каждого, отрекается от нужд своего естества, помыслы же демонического

происхождения он вовсе отвергает от себя. Таким образом получается, что в час молитвы ум отталкивается от всякого помысла и естественного и демонического.

Подпадая демоническому влиянию, человек претерпевает поражение своей богоподобной свободы и отпадает от Божественной жизни. Такое состояние, как страдательное, в аскетике именуется «страсть». В этом наименовании выражена с одной стороны идея страдательности в смысле пассивности и рабства, с другой – идея страдания в смысле разрушения и смерти. «Всякий, творящий грех, есть раб греха; раб же не пребывает в доме вечно; сын пребывает вечно» (Ио. 8, 34–5). Итак в состоянии греховной страсти есть два аспекта страдания, т. е. порабощения и разрушения, и потому «раб греха» не может иметь подлинного сознания величия богоподобной свободы человека, как сына Божия.

Страсти обладают влекущею к себе силою, но внедрение или утверждение какого бы то ни было страстного образа или помысла в душе всегда происходит не без согласия на то человека, ибо во всем бытии нет ничего столь сильного, что могло бы лишить свободного человека возможности сопротивления и отвержения. Когда же какой-либо страстный помысл или образ утвердится в душе, тогда человек становится в той или иной мере одержимым. Страсти суть «одержимости» различной степени напряжения и силы.

Влекущая сила страсти состоит в обещании услаждения. Страдание в смысле разрушения – есть следствие страстных услаждений. Если бы в страстном движении не было услаждающего момента, но сразу начиналось бы оно страданием, то не могло бы склонить на свою сторону волю человека. Страсть, как страдание и смерть, воспринимается сразу только духовным человеком, познавшим животворное действие Божественной благодати, которая порождает в душе отвращение, «ненависть» к греховным движениям в себе.

Начало духовной жизни – есть борьба со страстями. Если бы эта борьба была сопряжена только с отказом от услаждения, то она была бы легка. Более трудным в данной борьбе является ее второй этап, а именно – когда неудовлетворенная страсть

начинает терзать человека самыми различными болезнями. В этом случае подвижнику необходимо весьма большое терпение и продолжительное, так как благотворное следствие сопротивления страстям приходит не скоро.

Нормально человеку, в его настоящем состоянии, всю жизнь пребывать в борьбе, но есть два крайних состояния, которые можно охарактеризовать ее отсутствием. У бесстрастного нет борьбы в том смысле, что предлагаемое страстью услаждение нисколько не влечет его, и все кончается на «голом» помысле. И тот, кто хотя и подвержен приражениями помыслов, но не доступен их влекущей силе, может быть назван бесстрастным. Признаком же полного порабощения также является отсутствие борьбы, но уже потому, что на всех ступенях развития страстного помысла человек не только не оказывает сопротивления, но и сам идет навстречу ему, живет им.

В условиях плотского земного существования человек имеет и негреховные страсти, т. е. такие страдания или нужды, без удовлетворения которых невозможно продолжение жизни, например – питание, сон и подобные. На непродолжительные промежутки времени подвижник презирает эти потребности, и если голос этих потребностей начинает угрожать болезнями, то в какие-то моменты подвижник идет, в своей решимости не подчиниться им, на смерть, но замечено, что действительная смерть в таких случаях обычно не приходит, и даже больше того, человек хранится Богом в еще большей мере. Эта мужественная решимость нужна, иначе невозможно получить свободу от помыслов даже на короткое время.

Погрузившийся в глубокое сердце ум, в самом акте этого молитвенного погружения совлекается всякого образа, не только видимого, но и мысленного, и в состоянии этой чистоты удостоивается предстоять Богу; и то, что исходит из этой глубины внеобразной, хотя позднее и выльется в форме мысли или облечется в тот или иной образ, не есть уже страсть, но подлинная жизнь в Боге.

В этом состоянии обнаруживается, что душа естественно стремится к Богу, и подобна Ему, и бесстрастна по естеству своему.

Из смены состояний: причастия благодати и отнятия ее – человек с достоверностью убеждается, что «жизни в себе не имеет», что жизнь его в Боге, вне Его – смерть. Когда душа удостоивается пришествия Божественного света, тогда она подлинно живет вечною жизнью, т. е. Самим Богом; а где Бог, там невыразимая в слове свобода, потому что вне смерти и страха тогда человек.

В этом состоянии человек познает себя, а познавая себя, познает вообще человека в силу единосущия всего человеческого рода.

В своей глубине, там, где раскрывается подлинное богоподобие естества человеческого, там, где выявляется его великое призвание, подвижник видит то, что не входившему в сердце совершенно неведомо.

В стихирах погребальных Преп. Иоанн Дамаскин говорит:

«Плачу и рыдаю, когда помышляю смерть, и вижу во гробе лежащую по образу Божию созданную нашу красоту безобразную и бесславную».

Так плачет и рыдает всякий, познавший в Боге первозданную красоту человека, когда возвратившись с невыразимого пира духовного в глубоком чертоге сердца, – видит царящее в мире безобразиие и бесславие.

VI. О видах воображения и о борьбе с ним

ДЕРЗНУВ писать о «Священном безмолвии», которое так любил Старец Силуан, мы вынуждаемся говорить о необходимости аскетической борьбы с воображением. И этот вопрос духовной жизни чрезвычайно труден и сложен, и с ним мы не надеемся удовлетворительно справиться. В силу того, что нашею основною задачею является изложение определенного конкретного опыта, мы считаем для себя обязательным обрисовать лишь то сознание и те представления, которые доселе существовали среди подвижников Святой Горы и которых держался сам Старец, оставляя в стороне теории современной научной психологии. Мы не входим ни в сравнение ни в критику ни тех ни других; отметим только, что они во многом не совпадают, так как в основе аскетических взглядов лежат совершенно иные космологические и антропологические представления.

Старец пишет:

«О, братья, забудем землю и все, что на ней, ибо она отвлекает нас от созерцания Святой Троицы, Которая непостижима нашему уму, но которую святые зрят на небесах Духом Святым. А мы пребудем в молитве без всякого воображения...»

«Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту непрестанно удивляется она милосердию Божию, и величию, и могуществу Его, и Господь Сам, Своею благодатью, милостиво, как мать любимое дитя, учит душу смиренными благими помышлениями и дает чувствовать Свое присутствие и близость Свою душе, и душа в смирении созерцает Господа без всяких помышлений».

Способность воображения весьма разнообразна в своих проявлениях. Подвижник прежде всего борется с тем видом воображения, который связан с действием грубых плотских страстей. Он знает, что всякая страсть имеет свой образ, так как принадлежит сфере тварного бытия, неизбежно существующего в той или иной форме, носящего тот или иной образ. Нормально

в человеке действие страстного похотения только тогда приобретает силу, когда внутренне воспринятый образ страсти привлечет к себе ум. Если ум оттолкнется от принесенного ему образа страсти, то последняя не может получить своего развития и погаснет. Например, когда приходит плотское похотение, хотя бы и нормальное физиологически, тогда подвижник ум свой хранит от образа, возникающего в нем, приносимого ему извне, предлагаемого ему страстью; и если ум не воспринял этого образа, страсть действия своего развить не может и непременно погаснет. Говоря здесь об уме, мы имеем в виду не рассудок, не логическое рассуждение ума, а то, что, быть может, лучше будет определено словом – внимание. Такое хранение ума от образа страсти дает действительную возможность, доказанную тысячелетним аскетическим опытом, в течение всей жизни соблюсти полноту целомудренного воздержания даже при сильном теле, как это мы видим и на примере Старца. И наоборот, если ум человека с услаждением воспринимает страстный образ, то энергия этого последнего даже изнемогающее, больное и неспособное тело подвергнет титаническому насилию.

Возьмем другую страсть, например – ненависть. И эта страсть также имеет свой образ, и если ум охранится от сложения с этим образом, то страсть не может развиваться; если же соединится с ним, то страсть в меру этого соединения будет приобретать все большую силу и может достигнуть степени одержимости.

Другой вид воображения, с которым борется подвижник, обычно именуется – мечтанием. Человек отходит от реального положения вещей в мире и живет в сфере фантазии. Порождения фантазии, бессильной создать что-либо совсем не сущее, совсем «из ничего», не могут носить характер совершенно чуждый окружающему нас миру; иными словами: в них неизбежно будут элементы действительного, реального мира, подобно тому, как они есть в снах, и потому они не являются абсолютно недостижимыми. Например, бедный человек воображает себя царем, или пророком, или великим ученым. История знает случаи, когда бедные люди, занимавшие

в социальной иерархии низшие места, становились императорами и подобн., но это обычно происходит не с теми, которые мечтают.

Читателю, надеемся, ясно, что мы разумеем, говоря о «мечтании», и чтобы не удлинить слова, перейдем к иному виду проявления силы воображения. Человек, пользуясь способностью памяти и представления, может размышлять над разрешением какой-либо проблемы, например, технической, и тогда ум его размышлением ищет возможности практического осуществления той или иной идеи. Этого рода деятельность ума, сопровождающаяся воображением, имеет великое значение в человеческой культуре и необходима в строительстве жизни, но подвижник, заботящийся о чистой молитве, стремится нестяжанием ограничить себя во всем, чтобы и этот род воображения не препятствовал ему «первую мысль и первую силу отдать Богу», т. е. всецело сосредоточиться в Боге.

И, наконец, еще один вид воображения, о котором мы хотим говорить – это попытки рассудка проникнуть в тайну бытия и постигнуть Божественный мир. Такие попытки неизбежно сопровождаются воображением, которое многие склонны называть высоким именем богословского творчества. Подвижник умного безмолвия и чистой молитвы решительно борется в себе с этим видом «творчества», потому что оно является процессом обратным порядку действительного бытия, так как при этом человек творит Бога по образу своему и по подобию.

Возможно, что сказанное вызовет много недоумений и возражений, но мы не можем останавливаться на объяснениях, надеясь, что при добром желании будем поняты, как должно.

Подвижник молитвы исходит из веры, что Бог нас сотворил, а не мы творим Бога, и потому в своем отвлечении от всякого богословского и философского творчества – безвидною молитвою обращается к Богу, и если снизойдет боговоление Божие к молящемуся и будет дано ему вкусить приближение Бога, то и в этом случае ведение о Боге сверхобразном

предложится в тот или иной образ, однако, образ этот не «выдуман» подвижником или пророком, но «дан» ему свыше.

Подвижник молитвою ищет Бога – Творца своего, и Бог по снисхождению и благоволению Своему ведение о Себе дает в образах, доступных человеку. Эти образы пожидают в человеке страсти и освящают его, но если он воспримет их, как завершение откровения, то впадет в заблуждение, и тогда даже свыше данные образы могут стать непреодолимым препятствием к более совершенному богопознанию.

Творческая идея Бога осуществляется и материализуется в мире, но тварная свобода идет обратным путем: она ищет Самого Бога, в Котором ее последняя цель и последний смысл ее бытия. Цель тварного мира не в его бытии самом по себе, в самом себе, ради самого себя, в своем образе бытия, а познание тварью Творца и обожение твари.

Причиной сотворения мира является преизбыточествующая благодать Божия и никак не необходимость воплощения Бога-Слова; иными словами: воплощение Бога-Слова никак не являлось необходимым для Самого Слова, и творение мира никак не являлось только предварительным актом для воплощения Бога.

Снисхождение Слова не есть показатель самодовлеющей ценности мира, но цель или смысл этого снисхождения открывается в том имени, которое воспринял смиренно воплотившийся Бог-Слово: Иисус-Спаситель «и наречешь имя Ему Иисус, ибо Он спасет людей Своих» (Мф. 1,21).

Бог не есть – идеальный мир, в смысле – мир идей; и образ данного эмпирического бытия не есть реализация божественного идеального мира, т. е. такая реализация, без которой и самое Божественное бытие явилось бы ущербным, несовершенным.

В творчестве человеческом, обращенном к миру, человеческая идея ищет своего воплощения, реализации, без чего она остается незавершившейся в своем развитии, но в мире Божественном воплощение Бога-Слова не есть завершение теогонического процесса, т. е. завершение развития

в Самом Божестве, и в этом смысле необходимое для Самого Бога, для полноты Его бытия.

Такова вкратце догматическая основа духовной молитвы, о которой идет слово.

Духовная молитва не есть – ни художественное творчество, ни научная работа, ни философское искание и размышление, ни отвлеченное рассудочное богословие; духовная жизнь не есть удовлетворение наших эмоциональных стремлений чрез их реализацию, т. е. осуществление в переживаниях или материализованных образах, например, искусства. Все, здесь переименованное, составляет различные виды проявления воображения. Некоторые из них могут быть поставлены выше, другие ниже, т. е. возможно установление иерархии этих форм по аксиологическому признаку, но все же все это относится к той сфере воображения, которая должна быть преодолена, ибо иначе невозможно достигнуть ни совершенной молитвы, ни истинного богословия, ни истинно богоугодной жизни.

Итак путь православного подвижника таков: он ищет истинного Бога Творца; для этого он чрез умную молитву ведет борьбу с тьмами тем всяких образов – и видоподобных, т. е. имеющих ту или иную внешнюю форму, очертания, протяжение пространственное или временное, цвет и подобное, и мысленных, т. е. понятий, чтобы, совлекшись всякого тварного образа, помолиться Богу лицом к Лицу.

Бог творит мир, и это творение идет в порядке снисхождения; но человек идет к Богу в порядке восхождения, и в своем восхождении от твари к Богу подвижник не отрицает реальности и ценности творения, но лишь не абсолютизирует и не боготворит его, не усматривает в нем самоцель и самоценность. Бог сотворил мир не для того, чтобы Сам Он жил жизнью твари, но для того, чтобы разумную тварь приобщить Своему Божественному бытию, и когда разумная тварь не достигает обожения, которое не может совершиться без ее соучастия, тогда исчезает и самый смысл ее бытия. Из этого сознания рождается великий восторг пред Богом-Творцом от созерцания творения и самое реальное восприятие всего в мире тварном, но вместе с тем это же сознание приводит к

отрыву от всякой твари ради созерцания Бога. Этот отрыв не есть отрешение от реального тварного бытия в смысле совлечения или отрицания его, как «призрака»; не есть этот отрыв поэтическое или философское витание в сфере высоких и прекрасных образов или «чистых» идей, как бы ни были они высоки аксиологически, потому что и такая установка снова переносит нас в мир воображаемый. Нет, – это есть тяга к Богу живому и истинному в силу любви к Нему, в силу призвания нашего – жить в Боге, в Котором Самоцель и Самоценность. В Боге – завершенность, не имеющая нужды в воплощении; в Боге совершенство, исключаящее всякую борьбу и трагизм. Бог не есть – «по ту сторону добра и зла», «ибо Он есть Свет, в Котором нет ни единой тьмы».

Для простого и смиренного верующего освобождение от власти воображения достигается простым и целостным устремлением жить по воле Божией. Это так просто, и вместе «сокрыто от премудрых и разумных», и нет возможности объяснить это словами.

В этом искании воли Божией заключено «отречение» от мира. Душа хочет жить с Богом и по-божьи, а не «по-своему», и потому отрекается от своей воли и воображения, не могущих создать действительного бытия, но являющихся «тьмой кромешной».

Мир человеческой воли и воображения – это мир «призраков» истины. Этот мир у человека общий с падшими демонами, и потому воображение – есть проводник демонической энергии.

И демонические образы, и образы, творимые самим человеком, могут влиять на людей, видоизменяя или преображая их, но при этом одно неизбежно: всякий образ, созданный самим человеком, или внушенный демонами, и воспринятый душой, будет извращать духовный образ человека, созданного по образу и по подобию Божию. Такое «творчество» в своем конечном развитии приводит к самообожению твари, т. е. к утверждению божественного начала, как заключенного в самом естестве человека.

В силу этого – естественная религия, т. е. религия человеческого разума, роковым образом принимает пантеистический характер.

И человеческие и демонические образы имеют свою силу, иногда очень большую, но не потому, что они реальны в последнем смысле, как божественная сила, творящая из ничего, но потому, что воля человеческая склоняется пред ними, и только в случае склонения своего формуется ими. Но Господь освобождает кающихся от власти страстей и воображения, и освобожденный от них христианин смеется над силою образов.

Сила космического зла над человеком колоссально велика, и ни один из наследников Адама не может преодолеть его без Христа и вне Христа; Он есть Иисус-Спаситель в собственном и единственном смысле этого слова.

Такова вера православного подвижника, и потому молитва умного безмолвия совершается непрерывным призыванием имени Иисуса Христа, отчего молитва сия получила наименование «Иисусовой» молитвы.

Безмолвствующий монах в тяжелом подвиге борьбы с воображением, искажающем духовную жизнь, встречается с многообразными проявлениями его, которые могут быть классифицированы различным образом.

Старец сводил их к указанным выше четырем формам, которые давали ему возможность выразить сущность вопроса.

Первая форма имеется в виду при борьбе вообще со всякою страстью.

Вторая – свойственна молящимся по первому образу. К этой форме воображения относится также известный метод «богомыслия» или «медитации», когда усилием воображения человек создает в своем уме зрительные картины из жизни Христа или иные священные образы. Обычно к этому деланию прибегают новоначальные или неопытные подвижники. Делатель такой «воображательной» молитвы не заключает ума своего в сердце ради внутреннего трезвения, но останавливаясь на зрительной стороне им же творимых божественных, как он думает, образов, приводит себя в состояние душевного (эмоционального) возбуждения, которое

при большой концентрации может дойти до своеобразного патологического экстаза.

При этом он радуется своим «достижениям», привязывается к таким состояниям, культивирует их, находит их духовными, благодатными и даже высокими, себя самого мнит святым и созерцателем Божиих тайн, а в результате доходит до галлюцинаций, тяжело заболевает душевно, или, в лучшем случае, пребывает «в прелести», проводя жизнь свою в фантастическом мире.

О третьей и четвертой формах воображения можно сказать, что они лежат в основе всей рационалистической культуры, и потому отказаться от них особенно трудно образованному человеку, видящему в этой культуре свое духовное богатство, отречение от которого несравненно труднее, чем от материального. Это обстоятельство приводит к странному явлению, которое нам пришлось наблюдать, а именно: среди простых и малограмотных подвижников, полюбивших умную молитву, чаще встречается достижение большой высоты и чистоты, чем среди образованных, которые в подавляющем большинстве случаев останавливаются на втором образе молитвы.

Глубоко религиозно и аскетически настроенные люди – третью форму воображения быстро уразумевают, как обращенность к земле, и так как очевидна ее разнородность по отношению к молитве, борьба с нею в час молитвы упрощается. Иначе обстоит дело с четвертой формой, которая может достигать чрезвычайной тонкости и представляться, как жизнь в Боге.

Исключительная важность этого вопроса в аскетике заставляет остановиться на нем несколько подробнее.

* * *

У молящихся по первому образу преобладает мечтательное воображение, а у молящихся по второму образу преобладает искушение – все постигнуть рассудочным путем. У сих последних жизнь сосредоточивается в мозгу. Ум их не соединен с сердцем и постоянно рвется наружу в стремлении все понять и всем овладеть. При наличии некоторого подлинного

религиозного опыта, но еще недостаточного, они «своим умом» стремятся восполнить пробелы этого опыта и проникнуть в тайны Божественного бытия, и тогда «неизбежно» впадают в воображение. В своем увлечении они не хотят или не могут понять, что опрокидывают истинную иерархию бытия, подлинный порядок вещей, и как бы забыв, что Бог сотворил нас по образу Своему и по подобию, сами начинают творить, внося в Божественное бытие элементы по образу своему и по подобию. Та идеальная сфера, в которой они при этом живут, при известной интеллектуальной одаренности дает им кажущееся превосходство пред другими, и это обстоятельство усугубляет их доверие к самим себе.

Характерным извращением, к которому приводит второй образ молитвы, является – рационализм.

* * *

Богослов-рационалист строит свою систему, подобно тому, как архитектор строит дворец или храм, пользуясь эмпирическими и метафизическими понятиями в качестве строительного материала и заботясь не столько о соответствии своего идеального построения действительной истине бытия, сколько о великолепии и гармонической целостности своего произведения в его логическом аспекте.

Как это ни странно, но многие большие люди не устояли пред этим, в сущности, наивным искушением, скрытым началом которого является гордость.

Порождения рассудка бывают автору дороги так же, как матери дорого дитя, порождение ее чрева. Свое творчество он любит, как самого себя, ибо отождествляется с ним, замыкаясь в своей сфере. В таких случаях никакое человеческое вмешательство извне не в силах помочь, и если сам он не отречется от своего мнимого богатства, то никогда не достигнет чистой молитвы и истинного созерцания.

Всякий молящийся по третьему образу – знает трудность подобного отречения, но слово об этом мы отнесем на другое место.

* * *

Многие богословы-философы, будучи по существу рационалистами, восходят до сверхрациональной, мы бы сказали – сверхлогической мысленной сферы, но эта сфера сверхлогического не есть еще Божественный мир, а заключена в пределах человеческого тварного естества, и как таковая, т. е. заключенная в естестве, доступна разуму в естественном порядке.

Их умные видения не укладываются в рамки энномического мышления, т. е. формальной логики, и переходят в сферу металогики и антиномического мышления, но и при этом они остаются по существу результатом рассудочной деятельности.

Преодоление узкого энномического рационализма есть показатель высокой интеллектуальной культуры, но это не есть еще «истинная вера» и подлинное боговидение.

Эти люди, обладающие нередко выдающимися способностями к рационалистическому мышлению, в силу именно этой способности вполне последовательно восходят к познанию условности законов человеческого мышления и невозможности обвить все бытие стальными обручами логических умозаключений, и чрез это познание поднимаются до сверхрационального, вернее сверхлогического созерцания, но и тогда созерцают лишь красоту созданного по образу Божию; и в силу того, что впервые входящие в эту сферу «молчания ума» испытывают некий «мистический трепет», свои созерцания они принимают, как опыт мистического богообщения, тогда как в действительности остаются еще в границах тварного человеческого естества.

Те категории, которыми оперирует в подобных состояниях ум-рассудок, выходят за пределы временных и пространственных измерений и своему созерцателю дают ощущение вечной мудрости. Это – последние пределы, которых может достигнуть рассуждающий ум на путях своего естественного развития и самосозерцания. Сей опыт, вне зависимости от того, как он будет интерпретирован, т. е. какая догматическая формулировка будет ему дана, по существу своему является опытом пантеистического порядка.

Достигая этих «границ света со тьмою» (Иов.26:10), человек созерцает свою умную красоту, которую многие приняли за Божество.

Созерцаемый ими свет – есть свет, но не тот Свет Истинный, в Котором нет ни единой тьмы, а естественный свет ума по образу Божию созданного человека.

Этот свет ума, превышающий по своему достоинству свет всякого эмпирического знания, с таким же основанием может быть назван «мраком», ибо он есть мрак совлечения или отвлечения, и Бога в нем нет; и, быть может, в этом случае больше, чем во всяком другом, должно вспомнить слова Господа: «Смотри, свет, который в тебе, не есть ли тьма?» (Лк.11:35). Ведь первая космическая доисторическая катастрофа, т. е. падение Денницы – Люцифера, ставшего мраком, явилась следствием самовлюбленного созерцания своей красоты; созерцания, окончившегося самообожением.

Мы говорим холодным и бессвязным языком, но тот, кто стоял в этих духовных местах, возможно, скажет: «Но так ведь страшно... Где же гарантия истинного богообщения а не мечтательного, философского, пантеистического?»

Блаженный Старец Силуан категорически утверждал, что таковою гарантией в плане,

подлежащем нашему логическому контролю, является – любовь к врагам.

Он говорил:

«Господь смиренный и кроткий, и любит создание Свое, и там, где Дух Господень, там непременно будет смиренная любовь к врагам и молитва за мир. И если ты не имеешь этой любви, то проси, и даст тебе Господь, Который сказал: «просите, и дастся вам, ищите и обрящете» (Мф.7:7).

И пусть никто не дерзает унижать этого «психологического» признака, ибо такое психическое состояние есть следствие подлинного Божественного действия. Спасаящий Бог – спасает «всего» человека, так что не только ум-дух, но и душевность эмоции, и мышление и самое тело – все освящается Богом.

* * *

Мы едва и как бы вскользь касаемся труднейших, вековых вопросов духовного бытия человека. Мы очень далеки от притязаний диалектически раскрыть их до возможности рассудочно понять. Если бы пред нами стояла задача такого выяснения, то было бы необходимо исследовать целый ряд исторических примеров, но этот труд пусть возьмет на себя кто-либо другой. Мы лично считаем неосуществимым подобное отвлеченное выяснение и совершенно убеждены, что единственный путь к постижению истины лежит через веру и живой опыт, т. е. путь самого бытия. Однако, тут же должны указать, что тот опыт, который мы разумеем, не зависит от одного произволения человека, но дается ему свыше, как дар благоволения. Опыт философский и опыт пантеистический – возможны в порядке естественной способности и произволения человека, но христианский опыт вышеестественного богообщения выходит за пределы нашего произволения.

Христианская жизнь – это согласие двух воль:

Божественной и тварной человеческой.

Бог может явиться всякому человеку на всех путях, во всякий момент времени и во всяком духовном и физическом месте, но Сам превысший всякого принуждения, Он никогда не насилует свободы Своего образа, и если тварная свобода себялюбиво обращена к себе, или утверждает себя, как нетварное божественное начало, то несмотря ни на какую высоту созерцаний, она бывает закрыта для действия Божественной благодати.

Общение с Богом достигается на путях молитвы, и слово наше – о молитве. Если мы переходим в какой-то мере в сферу диалектики, то не потому, что надеемся убедить кого-нибудь этим путем, но с тем, чтобы указать, что и чрез эту сферу человеческого бытия проходят пути молитвы. На всякую попытку рационализировать духовный опыт мы видим возможность самых различных возражений. Эта возможность объясняется тем, что каждый из нас в идеальной сфере своего мирозозерцания свободен устанавливать любую иерархию ценностей.

Продолжая слово о молитве, мы попытаемся схематически обрисовать одно из труднейших борений, которое встречает на своем пути православный подвижник при переходе от второго образа молитвы к третьему, а именно – борьбу с «рассудочным воображением».

* * *

При внимательном самосозерцании человек обнаруживает психологическое свойство рассудочного мышления, которое можно определить как имманентную достоверность нашего мышления, или иначе выражаясь, как субъективную очевидность правильности наших умозаключений. Есть какая-то принудительность в доводах рассудка, в его доказательствах, и нужна великая культура и глубокий духовный опыт, чтобы обнаружить этот странный обман, а чтобы освободиться от власти его, необходима Божественная помощь.

Обнаружение этого обмана в известной мере возможно и на путях умозрительного исследования основных законов нашего мышления, т. е. закона тождества и закона достаточного основания.

Первый, т. е. закон тождества, есть статический момент нашего мышления; его неподвижная опорная точка, мертвая в своей неподвижности.

Второй момент нашего мышления – динамический – выражается законом «достаточного» основания. Многовековой опыт истории с большою убедительностью показал всю условность этого закона; суждение о достаточности основания всегда субъективно: что одному представляется достаточным, то для другого вовсе не является таковым. И если мы поглубже рассмотрим, то увидим, что, в сущности, оно никогда не бывает совершенно достаточным.

Православный подвижник обнаруживает относительность нашего мышления иным образом, как и вообще все проблемы бытия решаются им на иных путях, и именно на путях веры и молитвы. Он верит не своему немощному рассудку, а Великому Богу. Он верит, что заповеди Христа – суть непогрешимое мерило, канон истины; что по самому существу своему они суть Божественная сила и сама вечная жизнь, и эта вера приводит

его к непрерывному стоянию на суде Божиим, единственно праведном. Всякое дело, всякое слово, всякое даже малейшее невыявленное внешне движение мысли или чувства – все поставляется на суд слова Христова.

Когда благодать Святого Духа входит в нас и становится действующею в нас внутреннею силою, тогда движения нашей души естественно приближаются к совершенству заповедей; когда же приходят часы богооставленности, богоудаленности, и Божественный свет сменяется тяжелым мраком восстания страстей, тогда все изменяется в нас, и великая брань разворачивается в душе.

Многообразны духовные брани, но глубочайшая из них и тягчайшая – брань с гордостью.

Гордость – противница Божественного закона. Извращая Божественный порядок бытия, она всюду вносит распад и смерть.

Она проявляется и в плане плоти, но больше ей свойственно безумствовать в плане мысленном, духовном. Поставляя себя на первое место, она ведет борьбу за преобладание над всем, и в этой борьбе ее главным орудием является ум-рассудок (Ratio).

Рассудок, выступая со своими доводами, заповеди Христа, и среди них – «Не судите, да не судимы будете» (Мф.7:1), отвергает, как безумие. Он говорит, что способность суждения составляет отличительное достоинство человека, в этой способности заключено его превосходство над всем миром; благодаря ей он только и может господствовать.

Чтобы утвердить свой примат в бытии, он указывает на свои достижения, на свою культуру; он приводит множество доказательств, сильных своею самоочевидностью, показанных якобы в опыте исторической жизни, что ему, и только ему принадлежит право решения, право установления или констатации истины; он именуется – регулирующим бытие разумом.

Безличный в законах своего функционирования, являющийся, по существу, лишь одним из выявлений жизни человеческой личности, одною из энергий личности, рассудок, в

том случае, когда ему отводится первенствующее место в духовном бытии человека, последовательно доходит до того, что начинает уже бороться со своим источником, т. е. личным началом.

Восходя, как он мнит, до последних высот; нисходя, как ему кажется, до последних бездн, он стремится нащупать пределы бытия, чтобы всему дать собственное ему «определение», и не достигая этой цели своей, ниспадает в изнеможении и решает: «Бога нет!»

Потом, продолжая борьбу за преобладание, с дерзостью, а вместе и с тоскою, говорит: «Если есть Бог, то «как» могу я согласиться, что этот Бог – не я?» (Это выражение принадлежит одному из тех, кто шел таким путем).

Не достигнув пределов бытия и приписав себе эту беспредельность, он восстает гордым восстанием и говорит:

«Я исследовал все и нигде не нашел большего себя, следовательно – я Бог».

И действительно, ум-рассудок, когда на нем и в нем сосредоточивается духовное бытие человека, царит и властвует в свойственной ему отвлеченной сфере настолько, что высшего себя не обретает, и потому кончает признанием в себе божественного начала.

Это последний предел рассудочного воображения и в то же время – последняя глубина падения и мрака.

* * *

Есть люди, которые идут навстречу указанным выше притязаниям рассудка и принимают их, как истину, но православный подвижник вступает с ними в борьбу. При этом борении обнаруживается вмешательство странных посторонних сил, брань с которыми принимает трагический характер и достигает чрезвычайного напряжения, и победный исход для подвижника возможен только через веру, побеждающую мир (1Ин.5:4). «Всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша».

Для решения этих вопросов монах не садится в удобное кресло кабинета, но в ночной тишине, далеко от мира, никем из

людей неслышимый и невидимый, с великим плачем падает пред Богом с молитвою:

«Боже, милостив буди мне грешному», как мытарь, или как Петр: «Господи, спаси меня» (Лк.18:13; Мф.14:30). Духом он зрит разверзшуюся пред ним бездну «кромешной тьмы», и потому молитва его горяча...

Слово бессильно показать тайну этого видения и силу этой борьбы, которая может длиться годами, доколе не очистится человек от страстей, доколе не придет Божественный свет, который откроет неправду судов наших, который изведет душу на безмерные просторы истинной жизни.

* * *

Мы много беседовали со Старцем по этим вопросам; он говорил, что причина брани лежит не в рассудке как таковом, а в гордости нашего духа; от гордости усиливается действие воображения, а от смирения оно прекращается; гордость пыжится создать «свой» мир, а смирение воспринимает жизнь от Бога.

За долгие годы тяжелой борьбы блаженный Старец приобрел силу стоять умом в Боге, отвергая приходящие помыслы. В брани с врагами он перенес очень много страданий, но когда мы его узнали, о прошлом он говорил с великим миром души и в очень простых выражениях:

«Ум с умом борется... наш ум – с умом врага... Враг пал гордостью и воображением, туда же он и нас влечет... В этой брани нужно большое мужество... Господь оставляет своего раба побороться, а Сам смотрит на него, как смотрел на Великого Антония, когда тот боролся с бесами... Вы помните, конечно, как в Житии Святого Антония говорится, что служивший ему друг его отнес Преподобного в церковь селения; когда ночью Антоний пришел в чувства, то умолил своего друга отнести его обратно в гробище. Совершенно больной, он не мог стоять на ногах и молился лежа; по молитве он снова подвергся жестокому нападению бесов, и когда, терпя тяжкие болезни от них, возвел очи и увидел свет, то познал в нем пришествие Господа и сказал:

«Где же был Ты, милостивый Иисусе, когда враги уязвляли меня?» А Господь ему ответил:

«Я здесь был, Антоние, и смотрел на мужество твое».

«Так нам надо всегда помнить, что Господь видит нашу борьбу с врагом, и потому не устрашаться, хотя бы весь ад наступал на нас, но быть мужественным».

«Святые научились брани с врагом; они знали, что враги действуют обманом через помыслы, и потому всю жизнь не принимали помыслов, помысл сначала приходит по виду неплохой, но потом он оторвет ум от молитвы и дальше уже начнет запутывать, поэтому необходимо всякие помыслы отвергать, хотя бы и хорошие по виду, но иметь ум чистым в Боге... А если все же придет помысл, то не надо смущаться, но крепко уповать на Бога и пребывать в молитве... Не должно смущаться, потому что враги радуются и нашему смущению...

Молитесь, и помысл отойдет... «Это путь Святых».

О гордости Старец говорил, что она не знает конца своим притязаниям. В его записках есть такая образная притча:

«Один охотник любил ходить в лес и в поле за добычею.

Однажды долго восходил он на высокую гору, выслеживая зверя, и, утомившись, сел на большом камне отдохнуть. Увидав стаю птиц, перелетающих с одной высоты на другую, он стал думать: «Почему Бог не дал крыльев человеку, чтобы мог он летать?» В это время тем местом проходил смиренный отшельник, и, узнав мысли охотника, сказал ему:

Вот, ты помышляешь, что Бог не дал тебе крыльев; но если тебе дать крылья, то ты все равно не будешь доволен и скажешь: «Крылья мои слабы, и я не могу с ними долететь до неба, чтобы увидеть, что есть там»; и если тебе будут даны такие сильные крылья, чтобы ты мог подняться до неба, то и тогда ты будешь недоволен и скажешь: «Я не разумею, что тут происходит». И если тебе будет дан разум, то опять ты не будешь доволен и скажешь: «Почему я не ангел?» И если тебя сделают ангелом, то ты снова будешь недоволен и скажешь: «Почему я не херувим?» И если ты станешь херувимом, то ты скажешь: «Почему Бог не дал мне управлять небом?» И если дано будет тебе управлять небом, то и тогда ты не

удовлетворишься и, как некто другой, дерзко взыщешь большего.

Поэтому всегда смирай себя и будь доволен тем, что тебе даруется, и тогда будешь жить с Богом».

Охотник увидел, что отшельник сказал истину, и возблагодарил Бога, что послал ему монаха, который вразумил его и открыл ему путь смирения».

Старец очень настойчиво подчеркивал, что путь Святых состоит в том, чтобы смирая себя, очистить ум свой от всякого воображения.

«Святые говорили: я буду мучиться во аде. И это несмотря на то, что творили чудеса. Они опытом познали, что если душа осудит себя во ад, но будет вместе надеяться на милосердие Божие, то сила Божия приходит в душу, и Дух Святой ясно свидетельствует спасение. Чрез самоосуждение душа смиряется, и уже нет в ней никаких помыслов, но чистым умом предстоит она Богу. «Вот мудрость духовная».

* * *

Землю железом сверлит человек, чтобы из недр ее добыть нефть, и достигает поставленной цели. Небо рассудком сверлит человек, чтобы похитить огонь Божества, но отвергается Богом за гордость.

Божественные созерцания даются человеку не тогда, когда он их, и именно их ищет, а тогда, когда душа сойдет во ад покаяния и действительно ощутит себя хуже всякой твари. Созерцания же, как бы насильственно достигаемые рассудком, не суть истинные, а «мнимые»; и когда это мнимое принимается за истину, тогда в душе человека создаются условия, которые затрудняют и самую возможность действия благодати, т. е. подлинного созерцания.

При благодатном созерцании открываются вещи, превосходящие и самое богатое творческое воображение, как о том говорит божественный Павел: «...и ухо не слышало, и на ум не приходило, и на сердце не лежало» (1Кор.2:9). Когда, подобно Апостолам, человек благодатью бывает восхищен в видение Божественного Света, тогда после он богословствует, «рассказывая» о виденном и познанном. Подлинное богословие

не есть домыслы человеческого ума-рассудка, или результат критического исследования, а поведание о том бытии, в которое действием Святого Духа человек был введен. При этом иногда дается и слово, а иногда встречаются трудности найти понятия, найти выражения, посредством которых можно было бы как-то поведать о том, что выше всякого земного образа и понятия, но, несмотря на эти трудности и неизбежность различных форм выражения, кто «познал», тот и в иной словесной форме узнает и отличит истинно созерцавшего от мечтательно рассудочного домысла, как бы ни был гениален сей последний.

VII. О прозорливости и видах ее

ЗАКРЫВАЯ входы в сердце, поставив там стражем обнаженный от воображения и размышления, но вооруженный молитвою и именем Иисуса Христа ум, подвижник вступает в борьбу со всяким влиянием и всяким помыслом, исходящим извне. В этом сущность умного трезвения. Цель его – борьба со страстями. В более широком и всеобъемлющем смысле победа над страстями достигается хранением заповедей Христа; но в данном случае мы говорим о специальном образе аскетического трезвения, которое начинается после того, как подвижник, пройдя известные этапы духовного развития, оставит воображительную молитву по первому образу, а затем и по второму, осознав на опыте и его несовершенство.

Хранение ума и сердца от всяких помыслов сопряжено с длительной борьбою, чрезвычайно трудною и тонкою. Человек, живущий среди бесконечного множества самых разнообразных влияний и впечатлений, вследствие постоянной смены этих влияний и впечатлений, не постигает ни рода их, ни силы. Но подвижник, делатель умного безмолвия, в своем отвлечении от всего внешнего, в стремлении в течение дня и ночи довести число приходящих извне впечатлений до последнего возможного минимума, удаляясь для этого от любопытного смотрения на внешний мир, от слышания посторонних бесед, от чтения книг, всею силою сосредотачивается на своем внутреннем бытии, и там вступает в «единоборство» с помыслом. Только при этом условии можно познать его род и силу, иногда колоссальную. Недостаточно внимательный внутренне человек весьма легко поддается влиянию помысла и становится его рабом. Чрез склонение своей воли к помыслу человек уподобляется духовно и даже отождествляется с тем духом, энергия которого заключена в помысле. Принимая душою страстный помысл, который очень часто есть результат демонического влияния, человек чрез то становится орудием демонического действия.

Глубоко молящийся ум иногда чувствует приближение извне какого-нибудь духа, но если молитвенное внимание не нарушилось, то он отходит не воспринятым, так что не может после молитвы сказать человек – кто, зачем и с чем приходил.

Иногда при углубленной молитве происходит нечто трудноизъяснимое. Около ума проходят святоносные явления, которые стремятся привлечь к себе внимание ума, и если ум не отдает им своего внимания, то они как бы говорят уму: «Я несу тебе мудрость и разумение, и если сейчас ты не примешь меня, то, быть может, никогда уже не увидишь меня». Но опытный ум не внимает им «никак», и они уходят не только не воспринятыми, но даже и неопознанными.

Не знает достоверно ум даже и того, был ли то злой враг или добрый ангел; но он знает из опыта, что остановившись вниманием на рассмотрении принесенной блестящей мысли, он теряет молитву и после уже с великим трудом снова ищет ее. Опыт показал, что в час молитвы не должно останавливаться даже на добрых по виду мыслях, потому что при этом ум непременно встретится с иными помыслами и, как говорил Старец, «чистым не выйдет». Потеря чистой молитвы – ничем вознаградимый ущерб.

Борясь за свою свободу, подвижник ведет брань с помыслом настолько напряженную, что не испытавший сего на опыте не может себе представить. В этой внутренней брани с помыслом, в этом прямом противостоянии ему, при котором душа новонаначального нередко претерпевает частичное поражение, а иногда одерживает и победу, подвижник имеет возможность изучить характер помысла до изумительной тонкости, так что хотя он и не совершает делом предложенного ему греха, однако, знает действие (энергию) всякой страсти значительно глубже и тоньше, чем одержимый ею. Последний может в себе и в других, на себе и на других наблюдать выявление энергии той или иной страсти, но чтобы достигнуть более глубокого познания ее, необходимо дойти до того духовного места, в котором пребывает молящийся по третьему образу и видящий всякую страсть в ее зарождении.

Знание страстей, приобретенное чрез преодоление их, приводит к прозорливости от опыта. Но надо заметить, что прозорливость, являющаяся следствием опыта долгой борьбы со страстями, не достигает того совершенства, которое имеет дар прозорливости по особому действию благодати. Первая – по некоторым движениям, по лицу, по отдельным словам, по роду молчания или беседы, по психической атмосфере, создаваемой человеком, узнает о его духовном состоянии; однако, наиболее верным основанием для суждения о человеке имеет беседу с ним, так как в слове его выявится мера подлинного духовного опыта и то, что является следствием лишь внешнего научения. Вторая же, т. е. благодатная прозорливость, все познает чрез молитву и не имеет нужды в присутствии человека.

* * *

В процессе продолжительной внутренней брани подвижник встречается, кроме указанного выше, с тремя видами прозорливости: первый – в силу естественной некоторым людям интуиции, повышающейся от постнического жития; второй – по действию демоническому, и третий – по дару благодати.

Первый вид для благочестиво настроенного и смиренного человека может быть полезен и добрым образом использован, так как содействует более тонкому хранению заповедей Христа в отношении к ближнему. Гордому и страстному он повредит, ибо умножает поводы к страстям и открывает большие возможности их удовлетворения.

Второй вид чрезвычайно опасен для тех, кто его принимает, ибо рано или поздно приведет к болезненному нарушению всех душевных и духовных сил человека, исказив и самый облик его.

Третий вид сопряжен с величайшей ответственностью и является источником многих духовных страданий для своего обладателя. Гордому он вообще не дается.

Все эти три вида прозорливости причиняют страдания. При первом виде, т. е. естественной интуиции, страдания являются следствием повышенной чувствительности нервно-психического аппарата. При втором – в силу вообще разрушительного,

разлагающего свойства демонических действий, что становится явным нередко лишь по прошествии долгого времени. При этой прозорливости если и проявляется иногда способность «прочитать» чужую мысль, то все же глубокий внутренний человек остается недоступным. С несколько большею достоверностью она иногда проявляется по отношению к событиям, имеющим внешний характер. Тем, кто ее принимает, она дает случаи к услаждению тщеславием.

Подлинная духовная прозорливость – есть дар благодати. При этой прозорливости открывается глубина человеческой души, часто скрытая от самого человека. Эта прозорливость ни в какой мере не имеет психопатологического характера и причиняет страдания своему носителю только потому, что, как дар Божий, она полна любви, а видеть ей приходится преимущественно «безобразие и бесславие» человека. Это – страдание любви. Имеющие сей дар никогда не стремятся его удерживать; им чуждо возношение и тщеславие.

* * *

Выше, в предыдущем слове, мы несколько особое место уделили тому виду прозорливости, которая истекает из опыта. Святые Отцы называют его – даром рассуждения и считают высшим аскетическим достижением. Сущность его состоит, с одной стороны, в способности опознать причины того или иного духовного явления, т. е. происходит ли оно от благодати, или от демонических влияний, или в порядке естественного человеческого развития; с другой – в том, чтобы знать порядок духовной жизни, последовательность духовных состояний и их относительную ценность или достоинство.

Дар сей чрезвычайно высоко ценится подвижниками потому, что он всегда является не иначе, как результат долгого опыта борьбы со страстями, опыта больших благодатных заступлений и посещений, опыта многих искушений и вражеских нападений. Он драгоценен в наставниках, потому что враг любит облекаться в образ ангела света, и редки могущие распознавать его ясно.

Нам известны случаи, когда блаженный Старец Силуан чрез молитву провидел «далече сущая, яко близ происходящая»,

когда он прозревал будущее человека, или когда ему открывались глубокие тайны души человеческой, о чем могли бы засвидетельствовать многие, познавшие то на себе и еще «сущие в живых», но сам он никогда не только не стремился к этому, но даже и не придавал большого значения. Душа его всецело была поглощена состраданием миру; весь он был сосредоточен на молитве за мир, и в своем духовном бытии дорожил больше всего этой любовью.

* * *

Из долгого общения с блаженным Старцем мы имели возможность убедиться, что ему были ведомы тайны духа, и потому он был действительно «верным наставником».

После тех исключительных, нечастых в истории Церкви благодатных посещений, которых он удостоился, после почти полувекового неослабного подвига, в котором он пребывал, после некоторых ошибок, которые потерпел он в течение первой половины своей долгой подвижнической жизни, Старец приближался к той мере ведения, к той мере совершенства, которая делала его несомненной опорой для других.

Он знал иерархию духовных состояний, т. е. последовательность духовного возрастания, что так важно, а подчас даже и необходимо для обеспечения непреткновенного преуспевания. Совсем нередкое явление в духовной жизни и монахов и не-монахов – нарушение или извращение этой иерархии, которое состоит в том, что известное духовное состояние или делание аскетическое удовлетворяет человека, и он отказывается от того, что лежит на пути, как дальнейшая ступень, почитая это новое состояние низшим прежнего, и тем полагает предел своему преуспеванию.

Старец обладал опытным знанием духовного пути. Он указывал на три существенных этапа этого пути: первый – получение благодати; второй – потеря ее, и третий – возвращение благодати или новое стяжание ее чрез подвиг смирения.

Многие получили благодать, и не только из пребывающих в Церкви, но и вне Ее сущих, ибо у Господа нет лицеприятия, но

никто не сохранил первой благодати, и лишь очень немногие снова стяжали ее.

Кто не знает этого вторичного периода, кто опытом не прошел подвига за возвращение благодати, тот, в сущности, не имеет подлинного духовного ведения.

Старец Силуан был богат не только личным внутренним опытом, но и теоретически он был хорошо осведомлен в аскетической письменности Отцов Церкви, и по дару Божию он был не только верен преданию Церкви, но и в нем самом повторился опыт великих Отцов.

Читал он очень мало, он не любил читать, потому что процесс чтения ему мешал молиться; но он любил слушать, так как, не прекращая Иисусовой молитвы, он одновременно мог «внимать» чтению. Слушал он чтение в церкви, во время ночных служб; немного читал у себя в келлии; многое воспринял он чрез живую беседу с другими подвижниками Святой Горы, среди которых было не мало богато одаренных; в тридцатых годах, в течение долгого времени он часто ходил к своему другу схимонаху Кассиану, когда тот жил около Монастыря в «Кипарисах». Отец Кассиан любил и очень уважал Старца, дорожил его приходами и с удовольствием читал ему вслух. Старец многое хорошо помнил из Творений Святых Отцов, что облегчалось для него общностью опыта.

Помнить духовное – очень трудно, потому что в духовном бытии слишком мало внешнего выражения, образности, чтобы было на что опереться вещественной памяти; не потому ли всеведущий Господь Свое учение о тайнах Царствия преподавал народу в живых образах действительности и в притчах?... Возможен некоторый суррогат духовного ведения чрез «внешнее научение», что наблюдается у людей с большим интеллектуальным опытом, но, конечно, по-настоящему помнить учение Отцов может только тот, кто и сам все выстрадал, кому дано было свыше опытное познание тайн духовного мира.

Этот «простой» человек из своего долгого борения вышел обладателем глубокого знания и методов и средств подвижничества; это знание, при его духовной силе, сделало его с одной стороны – внутренне свободным от рабства форме,

с другой – избавило его от блуждания по чужим дорогам с недоумением и непониманием происходящего.

Много чужих дорог лежит на параллелях единого истинного пути. Много замкнутых, чуждых христианству сфер представляется умному взору подвижника, и не может он в них разобраться, если нет с ним Божественного света. Старец, который в Духе Святом удостоился узреть Христа, который Духом Святым был возведен в видение несозданного света, носил в себе этот свет, и потому с поражающею проницательностью мог распознавать подлинную истину от тех масок и призраков истины, которые неизбежно встречаются человека на его духовных путях.

VIII. О Несозданном Божественном свете и образах созерцания его

НЕСОЗДАННЫЙ Божественный свет по природе своей есть нечто совершенно отличное от света физического. При созерцании его прежде всего является чувство живого Бога, поглощающее всего человека; невещественное чувство – Невещественного; чувство умное, но не рассудочное; чувство с властною силою восторгающее человека в иной мир, но неизъяснимо осторожно, так что не улавливает человек того момента, когда с ним это свершилось, и не знает он тогда о себе – в теле ли он, или вне тела.

Он сознает себя при этом так действенно-сильно и глубоко, как никогда в обыденной жизни, и вместе забывает и себя и мир, увлеченный сладостью любви Божией. Он духом видит Невидимого; дышит Им, весь в Нем.

К этому сверхмысленному, всепоглощающему чувству живого Бога присоединяется видение света; но света совершенно иного по природе своей, чем свет физический. Сам человек тогда пребывает во свете и уподобляется созерцаемому свету, одухотворяется им, и не видит и не чувствует ни своей вещественности, ни вещественности мира.

Приходит видение непостижимым образом; во время, когда не ожидается; приходит не извне, и даже не изнутри, а неизъяснимо объемлет дух человека, возводя его в мир Божественного света; и не может он сказать, был ли то экстаз (extasis), т. е. исступление души из тела, потому что и возврата в тело он не замечает; так нет во всем этом явлении ничего патологического.

Действует Бог; человек – воспринимает; и не знает он тогда ни пространства, ни времени; ни рождения, ни смерти; ни пола, ни возраста; ни социального, ни иерархического положения, ни иных условий и отношений мира сего.

Пришел Господь, Безначальный Начальник и Свет жизни, милостиво посетить кающуюся душу.

* * *

Свет Божественный созерцается независимо от обстановки, и во мраке ночи и при свете дня. Благоволение Божие посещает иногда таким образом, что сохраняется восприятие и тела и окружающего мира.

Тогда человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть два света, т. е. и свет физический и свет Божественный. Такое видение у Святых Отцов называется видением «естественными» очами. Это не значит, однако, что акт видения Божественного света по всему аналогичен обычному психофизиологическому процессу естественного видения; т. е. не значит, что свет Божественный, подобно физическому, независимо от того, какую научную теорию света мы примем, производит известное раздражение оптического нерва, которое затем переходит в психологический процесс видения, ибо свет Божественный иной по природе своей; это – свет ума, свет духа, свет любви, свет жизни.

Образом Божественного света в мире физическом является естественный свет. Подобно тому, как видение окружающих нас предметов возможно только при свете, и если свет малый, то глаз едва различает предметы; если свет обильнее, то видит их лучше, и, наконец, при полном солнечном свете видение достигает известной полноты; так и в мире духовном всякое истинное видение возможно не иначе, как при свете Божественном. Но свет сей не в равной мере дается человеку: и вера есть свет, но малый; и надежда – свет, но не совершенный; и любовь – свет, но уже совершенный.

Свет несозданный, подобно солнцу, освещает духовный мир и дает видеть духовные пути, незримые иным образом. Без этого света не может человек ни разуместь, ни созерцать, ни, тем более, исполнить заповеди Христа, ибо пребывает во мраке.

Свет несозданный несет в себе вечную жизнь и силу Божественной любви; вернее сказать: сам он есть и вечная жизнь и Божественная любовь.

Кто с силою и извещением не созерцал несозданного света, тот истинного созерцания не достиг. Кто прежде видения несозданного света дерзновенно «своим умом» простирается в созерцание тайн духа, тот не только не видит их, но и путь к ним

преграждает себе. Он будет видеть только маски и призраки истины, создаваемые им же самим, или же приносимые ему сопротивною силою демонических мечтаний.

Созерцание подлинное приходит свыше беструдно, тихо. Созерцание духовное не есть то же, что и отвлеченное, интеллектуальное; оно качественно «иное», оно есть свет жизни, даруемой свыше благоволением Бога, и органический путь к нему – не рассуждение, а покаяние.

* * *

Свет Божественный есть – вечная жизнь, Царство Божие, несозданная энергия Божества. Он не заключен в тварном естестве человека; он иноприроден нам, и потому не может быть раскрыт в нас никакими аскетическими средствами, а приходит исключительно, как дар милосердия Божия.

Мы спрашивали Старца: каким образом может человек из опыта своего познать сие? Блаженный Старец утверждал, что когда Бог является в великом свете, тогда невозможно никакое сомнение в том, что это Господь, Творец и Вседержитель. Но кто удостоился созерцать лишь малый свет, тот, если будет исходить не из веры свидетельству Отцов Церкви, а лишь из своего опыта, не может ясно познать его иноприродность по отношению к душе, и для него путем к этому познанию может явиться только дальнейший опыт повторных посещений и оставлений, которые научат его различать Божественное действие от естественного человеческого.

Если молитва человека впервые переходит в видение Божественного света, то созерцаемое и переживаемое им тогда столь ново и необычно для него, что не может он уразуметь ничего; он чувствует, что пределы его бытия невыразимо «расширились,» что пришедший свет перевел его от смерти в жизнь, но от величия происходящего он пребывает в удивлении и недоумении, и лишь при повторных посещениях уразумевает полученный от Бога дар. Душа при этом видении и после него бывает исполнена глубокого мира и сладостной любви Божией; нет в ней тогда стремлений ни к славе, ни к богатству, ни к иному какому-либо земному счастью и даже к самой жизни, но все сие ей кажется ничтожным, и «желанно влечется» она к

живой беспредельности Христу, в Котором нет ни начала, ни конца; ни тьмы, ни смерти.

Из описанных выше двух образов созерцания Божественного света – Старец отдавал предпочтение тому, когда «мир забыт совершенно», т. е. когда во время молитвы дух человека вне образов мира вводится в область безграничного света, ибо такое видение дает большее познание о тайнах «будущего века». В состоянии этого видения душа с великою действенностью переживает свое причастие к Божественной жизни, подлинно испытывает такое пришествие Бога, о котором человеческий язык не может говорить. Когда же кончается это видение по неведомым человеку причинам и также независимо от воли его, как независимо и началось, тогда с некоторою медлительностью возвращается душа к восприятию окружающего мира, и в тихую радость любви Божией приходит некая тонкая печаль о том, что снова будет видеть она свет этого физического солнца.

* * *

Человек – образ Божий, но спрашивается: что в нем является образом Божиим? Или иначе: в чем заключается этот образ? В теле? В психическом или психофизическом строении человека? В тройственности его душевных сил или проявлений?...

Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен. Какие-то преломления и отблески образа Божия не исключены во всем перечисленном, но самым существенным является – «образ бытия». Тварное существо по дару благоволения приобщается нетварному безначальному Бытию... Как это возможно? Это также необъяснимо и непостижимо, как непостижима тайна творения мира из «ничего»; и все же таково благоволение Небесного Отца, что созданный «по образу и подобию» наделен способностью воспринять обожение, т. е. стать причастником Божественной жизни, получить Божественный образ бытия, стать богом по благодати.

Обожение человек «воспринимает», т. е. в акте обожения – Бог есть действующее начало, человек – воспринимающее, однако, восприятие сие не есть состояние пассивности, и акт

обожения может совершиться не иначе, как с согласия самого человека, в противном случае исчезает и самая возможность обожения.

В этом существенное различие первичного акта творения от последующей стадии его: – обожения умной твари.

Если непостижимо велика тайна творения мира вообще, то тайна творения вечных богов еще и бесконечно величественнее. Если вся окружающая нас жизнь есть поражающее своим величием чудо, то сознание Божественного чуда в человеке, входящем в мир Несозданного света, – достигает несравненно большей глубины и силы.

Для каждого человека, если он остановится на факте своего бытия, этот факт будет предметом великого удивления. Нам приходилось встречать людей, которые, восходя в умную сферу, свойственную человеку по естеству, поражались ее светозарным великолепием, но когда человек действием Божиим вводится в мир Несозданного света, тогда его «удивление Богу» достигает совершенной невыразимости, и не может найти он ни слов, ни образов, ни воздыханий благодарности.

О богоподобном бесстрастии

НЕСОЗДАНЫЙ СВЕТ, исходящий от бесстрастного Бога, своим явлением сообщает человеку богоподобное бесстрастие, которое составляет конечную цель христианского подвига.

Но спрашивается: что есть бесстрастие? По своей филологической форме – это понятие отрицательное; не является ли оно отрицательным и по своему реальному значению? Не означает ли оно – совлечения бытия? Нет. Христианское бесстрастие не есть совлечение бытия, но облечение в новую жизнь, святую, вечную, т. е. в Бога. Апостол Павел говорит: «Мы не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное было поглощено жизнью» (2Кор.5:4).

Стремясь к бесстрастию, православный подвижник стремится к живому и подлинному общению с Богом, Которого знает бесстрастным.

Бесстрастие Бога не есть нечто мертво-статическое; ему не свойственно безучастие в жизни мира и человека. Бесстрастие Бога не есть отсутствие в Нем движения, сострадания, любви. Но едва мы произносим эти слова, как в уме нашем встают эти понятия в их эмпирической ограниченности и тем порождается ряд недоумений. Движение, сострадание, любовь и подобное – не вносит ли относительности вообще в бытие Бога?

Говоря так, не переносим ли мы на Бога недостойный Его антропоморфизм?

Бог есть весь – жизнь, весь – любовь. «Бог есть свет, в котором нет ни единой тьмы», т. е. тьмы страдания в смысле разрушения и умирания, тьмы неведения, небытия или зла, тьмы непреодоленных внутренних несовершенств и противоречий, провалов или срывов бытия. Бог есть – Бог живой, динамический, но динамика Божественной жизни есть – бесконечная и безначальная полнота бытия, исключаящая какой бы то ни было теогонический процесс.

Бог бесстрастен, но не безучастен в жизни твари. Бог любит, жалеет, сострадает, радуется, но все это не вносит в Его бытие разрушения, относительности, *страсти*. Бог промышляет о Своем творении до мелочей с математической точностью; Он спасает, как Отец, как Друг; Он утешает, как мать; Он принимает ближайшее участие во всей истории человечества, в жизни каждого человека, но этим участием не вносятся ни изменения, ни колебания, ни последовательность процесса в самое Божественное Бытие.

Бог живет всю трагедию мира, но это не значит, что и в Самом Боге, в недрах Божества также совершается трагедия, или происходит борьба, как следствие Его собственной неполноты или тьмы, в Нем Самом сущей и непреодоленной.

Бог любит мир, действует в мире, приходит в мир, воплощается, страдает и даже умирает во плоти, не переставая быть неизменным в Своем надмирном бытии. Все сие Он совершает так же бесстрастно, как непротяженно и целостно объемлет в Своей вечности все протяженности и все последовательности тварного бытия. В Боге статический и динамический моменты составляют такое единство, которое не

допускает приложения к Его бытию ни единого из наших раздельных понятий.

Стремясь к богоподобному бесстрастию, православный подвижник мыслит это бесстрастие не как «холодное безразличие», не как «совлечение призрачного бытия», не как созерцание «по ту сторону добра и зла», но как жизнь в Духе Святом.

Бесстрастный полон любви, сострадания, участия, но все сие исходит от Бога, действующего в нем. Бесстрастие можно определить, как «стяжание Духа Святого»; как Христа, живущего в нас. Бесстрастие – есть свет новой жизни, порождающей в человеке новые святые чувства, новые божественные мысли, новый свет вечного разума.

Святые Отцы Церкви бесстрастие определяют как «воскресение души прежде общего воскресения мертвых» (Иоанн Лествичник), как «достижение в беспредельную беспредельность» (Авва Фаласий, 1, 56).

* * *

Органический путь к бесстрастию:

Вера, понимаемая не как логическое убеждение, а как чувство живого Бога; от веры рождается страх суда Божия; от страха – покаяние; от покаяния – молитва, исповедание, слезы. Покаяние, молитвы и слезы, умножаясь и углубляясь, приводят сначала к частичному освобождению от страстей, откуда рождается надежда.

Надежда умножает подвижнические труды, молитвы и слезы; утончает и углубляет чувство греха, в силу чего возрастает страх, переходящий в глубочайшее покаяние, которое преклоняет милосердие Божие, и душа удостоивается благодати Святого Духа, исполненной света Божественной любви.

И вера есть любовь, но малая; и надежда есть любовь, но несовершенная. Каждый раз, когда душа восходит от меньшей меры любви к большей, она неизбежно проходит через страх. Любовь своим явлением изгоняет страх, но изгнанный малою любовью, он, при переходе души к большей любви, снова возрождается, и снова преодолевается любовью; и лишь

совершенная любовь, по свидетельству великого Апостола любви, совершенно изгоняет страх, т. е. тот страх, в котором есть мучение.

Есть иной страх Божий, в котором нет муки, но радость и дыхание святой вечности. Об этом страхе, который не должен оставить человека в пределах земного бытия, Старец говорит так:

«Пред Богом должно жить в страхе и любви. В страхе, потому что Он Господь; в страхе, чтобы не оскорбить Господа плохим помыслом; в любви, потому что Господь есть любовь».

* * *

Умное безмолвие православного монаха родилось органически из глубокого покаяния и стремления сохранить заповеди Христа. Оно совсем не является искусственным приложением в духовной жизни ареопагитического богословия.

Богословские положения «Ареопагита» не противоречат результатам безмолвия, и в этом смысле соприкасаются и совпадают с ним, но мы считаем необходимым указать, как на весьма существенный момент, что отправным моментом и основанием безмолвия является не отвлеченная философия апофатического богословия, а покаяние и борьба с действующим в нас «законом греховным» (Рим.7:23). И именно на этом пути, в стремлении заповеди Христа сделать единственным и всецелым законом нашего вечного бытия, познается «непостижимость» Божества; и именно на этом пути совлекается дух человека всех образов мира и бывает выше мира.

Последнее совершается с ним, когда он глубоко осознает себя – «хуже всякой твари».

О мраке совлечения

БОГ, СЫЙ СВЕТ, в котором нет ни единой тьмы, всегда является во свете и как свет. Но при совершении художественной умной молитвы душа подвижника встречает некоторый совершенно особого порядка мрак, слово о котором внешне будет так же противоречиво и парадоксально, как и о большинстве других предметов христианского духовного опыта.

Противоречивость сия вызывается, с одной стороны, природою этого опыта, с другой – тем местом или точкою зрения, с которой рассматривается и определяется духовное событие.

В тот мрак, о котором идет речь, погружается внутренне душа подвижника, когда он волевым актом, посредством специальных аскетических методов, совлекается всякого представления и воображения видимых вещей и рассудочных размышлений и понятий; когда он «останавливает» ум и воображение, и потому его можно назвать «мраком совлечения»; молитву же эту принято именовать «художественною» в силу того, что совершается она по специальному, существующему на сей предмет методу.

Если искать определения духовного «места» этого мрака, то возможно сказать, что он стоит на грани явления несозданного света; но когда делание умной молитвы совершается без должного покаяния и молитвенного к Богу устремления, то обнаженная от всех представлений душа может пребыть некоторые моменты времени в этом мраке совлечения, не узрев Бога, ибо в нем, т. е. мраке этом, самом по себе – Бога еще нет.

Пребывая во мраке совлечения, ум испытывает своеобразное наслаждение и покой, и если при этом он как-то обратится на самого себя, то может ощутить некое подобие света, который, однако, не есть еще несозданный свет Божества, а естественное свойство ума, созданного по образу Божию. Как исход за грани временного, это созерцание приближает ум к познанию непреходящего, и тем делает человека обладателем нового познания, однако, еще отвлеченного познания, и горе тому, кто мудрость сию принимает, как познание истинного Бога, и созерцание сие, как приобщение Божественному бытию. Горе потому, что в таком случае мрак совлечения, стоящий на грани истинного боговидения, становится непроницаемым покровом Божества и крепкою стеною, отделяющею от Бога более, чем мрак восстания грубых страстей, мрак явных демонических наваждений или мрак потери благодати и богооставленности.

Горе потому, что это было бы заблуждением, «прелестью», ибо Бога во мраке совлечения еще нет. Бог является во свете и как свет.

Когда мы наше рациональное познание и рефлексивное сознание именуем светом, то с этой точки зрения, в каком-то смысле, возможно говорить о «мраке боговидения», потому что оно неизъяснимо в рациональных понятиях, потому что для нашего ума Бог пребывает непостижимым, недостижимым. Но этот образ выражения, т. е. «мрак боговидения», совсем условен, ибо Бог есть Свет, в котором нет ни единой тьмы, и является всегда, как свет, и Своим явлением вводит человека во свет вечного Божественного бытия.

Действие Божественного света в грешном человеке попускает страсти, и потому в известные периоды он может ощущаться, как огонь опаляющий. Горение в этом огне неизбежно проходит всякий христианин-подвижник, благочестно желающий жить.

* * *

Мрак совлечения не есть единственное «место», где является несозданный свет Божества.

Бог может явиться всякому человеку на всяком его пути, даже гонителям Своим.

Правда, явлением Своим Он восхитит человека из мира сего, и в этом смысле также последует обнажение или совлечение чувственных образов и рассудочных понятий, но то будет иной порядок и иная последовательность. И кому Бог благоволил явить Свой свет, тот не прельстится уже естественным светом своего ума; так что заблуждение, о котором говорилось немного выше, возможно только в том случае, когда человек, прежде явления ему несозданного света, посредством аскетических упражнений достигает мрака совлечения, и при том доверяет себе, а не следует руководству Отцов.

Когда явившийся свет оставит человека, тогда душа тоскует о нем и снова жадно ищет его всеми способами, какие только она обретает и какие указываются Отцами Церкви, и среди них – художественная умная молитва. Прибегание к этому

аскетическому искусству, как показал вековой опыт, вполне законно, но не должно преувеличивать его значения; как и наоборот, не должно отвергать его, что делают некоторые неразумные. Этот художественный метод необязателен для спасения; он только подспорье в тех случаях, когда благодатное действие, беструдно соединяющее ум с сердцем, ослабляется, тогда это соединение ума с сердцем ищется трудом самого человека.

Нормально художественная молитва должна сопровождаться положительным содержанием, иначе говоря – она должна исходить из чувства покаяния и устремления к Богу, а если этого нет, тогда в ней остается лишь отрицательное аскетическое действие, которое уже в силу своей негативности не может быть признано целью, а только средством в нашем эмпирически данном состоянии грехопадения и одержимости страстями, т. е. когда действующий в нас грех стал почти законом нашего земного бытия.

И здесь мы снова повторим сказанное в конце предыдущего слова, что православное безмолвие не есть искусственное приложение к жизни «ареопагитической апофатики». Нет. Оно вытекает из глубокого покаяния; в основе его, по словам Старца Силуана, лежит заповедь Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею, и всем разумением твоим» (Лк.10:27). Апофатика аскетического совлечения вызывается поиском живого Бога, «Которого знает душа»; поиском свободы ума от всех образов мира, с тем, чтобы предстать Богу в полноте любви, лицом к Лицу, чистым умом в чистой сердечной молитве.

Это прежде всего молитва, а не рассудочный философский анализ.

* * *

Старец любил художественное безмолвие и постоянно прибегал к нему. Оно давалось ему легко, потому что сердечная молитва его вообще никогда не прерывалась с тех пор, как он получил сей дар от Божией Матери.

Для совершения художественной умной молитвы удобным внешним условием является возможно полный покой от всяких

чувственных раздражений, и прежде всего – темнота и тишина. Старец, как и все вообще безмолвствующие, вынуждался искать эти внешние удобства. Здесь мы скажем о некоторых известных нам несущественных мелочах его жизни.

Будучи еще сравнительно молодым, он ради безмолвия «выпросился» у Игумена на Старый Русик, где построил себе небольшую отдельную «калибку» недалеко от общежительного корпуса (5 минут ходьбы в юго-восточном направлении). Там он принимал и Отца Стратоника. Недолго он прожил на Старом Русике; его снова перевели в Монастырь и назначили экономом. Тогда он закрывался в своей келлии, будильник убирал глубоко в шкаф, чтобы не слышать его тиканья, а иногда толстую шерстяную монашескую шапку нахлобучивал так, что она закрывала ему и глаза и уши. Когда он стал заведовать продовольственным магазином, который находится вне стен Монастыря, тогда в обширном помещении магазина он устроил себе удобный для безмолвия угол и там проводил ночи, приходя в храм на утреню, перед началом которой открывались ворота Монастыря.

В магазине он еще больше простудился и много страдал от ревматизма. Болезнь вынудила его последние годы жизни зимою оставаться в келлии внутри Монастыря, которую он хорошо отапливал.

Последняя келлия его была на том же этаже, где находится келлия Игумена.

Ночью он нередко ходил в другую маленькую келлию, служившую ему дровником; находилась она на том же этаже, в ряду с такими же келлиями, обращенными после умаления числа братий в дровники, в глухом и глубоком коридоре-тупике с чрезвычайно толстыми каменными стенами. В этом каменном мешке он имел и большее уединение, и полную тишину и мрак.

Для внешнего наблюдателя Старец до конца своих дней пребывал «обычным» человеком. Жил он, как вообще живут хорошие монахи: исполнял послушание, хранил воздержание во всем, соблюдал монастырские уставы и порядки; причащался два раза в неделю; в посты – три раза. Работа его в магазине была несложною, а для его сил и легкою; отнимала она

сравнительно, мало времени, хотя и требовала присутствия в магазине днем. До конца он пребыл спокойным и благодушным; никаких надрывов, ни страстных искажений во всем его внутреннем и внешнем облике не было. Как действительно опытный аскет, он умел не выявляться внешне, предстоя Отцу, по заповеди Господней, втайне. До конца он оставался далеким от мирских интересов и безразличным к вещам мира сего, но в глубоком сердце своем он непрестанно носил огонь любви Христовой.

IX. О благодати и о рождаемом ею догматическом сознании

В ПИСАНИЯХ Блаженного Старца постоянно повторяется слово – благодать. Для лучшего понимания, что должно понимать под этим словом, позволим себе остановиться на том, как понимает благодать православный монах.

В русском слове Благодать выражена отчасти богословская идея о ней, понимание ее природы, а именно: благой дар Бога, или дар благодати Божией; несозданная надмирная сила (энергия) Божества.

Человек создан по образу Бога-Творца. В существе тварного человека нет ничего несозданного. Сей тварный образ Бога не может быть причастным Божественной сущности, но он наделен способностью вступить в общение с несозданным Божеством чрез причастие Его благодати.

И хотя не причастен человек Божественной сущности, однако, чрез благодать он становится общником Божественной жизни.

Благодать, как несозданная энергия Бога, по православному пониманию, есть – «Божество».

Когда Божество благоволит соединяться с человеческим существом, тогда человек видит, ощущает в себе действие Божественной силы, преображающей его, делающей его богоподобным уже не только потенциально, «по образу», но и актуально, «по подобию» бытия.

Благодать-Божество освящает человека, обожает его, т. е. творит его богом.

Заповедь Христа не есть, как уже мы говорили, этическая норма, но она сама в себе есть вечная божественная жизнь.

Естественный человек этой жизни в своем тварном существе не имеет, и потому творить волю Божию, т. е. жить по заповеди Божией, человек своею силою не может; но ему свойственно стремиться к Богу, к блаженной вечной жизни.

Стремления естественного человека так и оставались бы только стремлением без возможности их реального

осуществления, если бы не приходила навстречу Божественная сила – благодать, – которая сама в себе и есть искомое, т. е. вечная божественная жизнь.

В своем опыте христианский аскет убеждается, что благодать, по ее действию, может быть только божественного происхождения. В опыте он убеждается, что в самом естестве человека нет этой силы. Чрез опыт, далее, он удостоверяется, что не только человек ищет Бога, но и Сам Бог ищет человека, и даже в несравненно большей мере. Бог постоянно ищет человека, и потому как только человек проявляет свое стремление к добру и осуществлению его, так благодать уже предваряет. Однако, действия или воздействия благодати ни в какой мере не подлежат произволу человека.

Благодать приходит и уходит по воле непонуждаемого, абсолютно свободного Бога. Что бы ни делал сам человек, если не благоволит Бог, человек пребудет вне подлинной жизни, вне божественного света, во «тьме кромешной».

Познав это в своем опыте, православный монах весь смысл своей жизни полагает в стяжании благодати Святого Духа.

Вопрос стяжания благодати был центральным и в жизни Старца Силуана; это выражалось в его постоянном стремлении к ней, в его постоянных беседах о том, как стяжается она и почему теряется нами.

* * *

Исходя из данных Истории Церкви и общения со многими подвижниками, мы пришли к заключению, что опыт благодати у тех, которые удостоились великих посещений и видений, лишь по прошествии многих лет подвижничества, усваивается более глубоко и принимает форму духовного ведения, что мы предпочитаем определить, как догматическое сознание, но не в академическом смысле этого слова.

Исторический опыт Церкви, в который мы включаем Святых Апостолов и великих древних и новых Отцов, дает возможность определить этот срок, начиная с 15 лет.

Так первое послание Апостола Павла (к Фессалоникийцам) было написано им по прошествии, приблизительно, 15 лет

после явления ему Господа на пути в Дамаск. У многих он длится 20, 25, 30 и даже более лет.

Евангелисты и другие Апостолы написали свои свидетельства и послания по прошествии многих лет после Вознесения Господа. Святые Отцы поведали о своих видениях и о своем опыте, в большинстве случаев, в конце своего подвижнического пути. В жизни Старца Силуана, мы видим, прошло более 30 лет прежде, чем он излил свой опыт письменно с законченным и зрелым догматическим сознанием. Так длителен процесс усвоения благодати.

То догматическое сознание, которое мы здесь имеем в виду, рождается из духовного опыта помимо рассудочной деятельности нашего ума. Выражение опыта в слове у Святых не имеет характера схоластических построений, а есть – раскрытие души. Слово о Боге и жизни в Нем приходит без раздумывания, просто; само рождается в душе.

Подвижническое догматическое сознание не есть рассудочная рефлексия на пережитый внутренний опыт, которая вообще психологически естественна.

Подвижники отстраняются от путей рассудка, потому что рассудочная рефлексия не только понижает интенсивность созерцания Света, но и приводит к прекращению подлинного созерцания; и тогда душа погружается во мрак, оставаясь с одним лишь отвлеченным рациональным знанием, лишенным жизненной силы.

Что пользы рассуждать о природе благодати, а действия ее не ощущать в себе? Что пользы витийствовать о Фаворском свете, не пребывая в нем бытийно? Есть ли смысл тонко богословствовать о Троице, не имея в себе святой силы Отца, кроткой любви Сына, несозданного света Святого Духа?

Догматическое сознание, понимаемое, как духовное ведение, даруется Богом, как и всякая подлинная жизнь в Боге, возможная не иначе, как чрез пришествие Бога. Оно далеко не всегда изливалось в слове устном или написанном. Когда нисходит Божие благоволение на человека, тогда отсутствует в душе стремление к изъяснению опыта в рациональных понятиях и логических истолкованиях.

Душа не имеет в них никакой необходимости, ибо она достоверно знает недоказуемым, но и не требующим доказательств знанием, что живет истинным Богом. И если есть еще в ней сила, то стремится к большей полноте; если же действие Божие превышает ее силы, то молчит в блаженном изнеможении.

Невозможно духовный опыт облечь безупречно в слова; не может человеческое слово равновесно выразить жизнь духа.

Невыразимое и непостижимое в порядке логического мышления – постигается бытийно. Верою и живым общением познается Бог; а когда вступает человеческое слово со всею своею условностью и текучестью, тогда открывается поле для бесконечных недоумений и возражений.

Можно с уверенностью сказать, что никто из Святых не стал бы искать словесного выражения своего духовного опыта, и навсегда пребыл бы в молчании, этом «таинстве будущего века»³², если бы не стояла пред ним задача – научить ближнего; если бы любовь не порождала надежды, что хоть кто-нибудь, «хотя бы одна душа», как пишет Старец, услышит слово и, восприняв покаяние, спасется.

Основы догматического ведения без ущерба даются уже в первом опыте благодати, и если этот аспект единого и нераздельного духовного бытия не сразу выявляется ясно, то это не потому, что дар Божий имеет недостаток в самом себе, а потому, что усвоение этого дара человеком сопряжено с длительным внутренним процессом.

Человек, впервые созерцающий несозданный Божественный свет, впервые вводимый в мир вечного бытия, в силу новизны видения и несоизмеримости, несовместимости его со всем окружающим нас миром вещей, поражается недоумением и пребывает в блаженном удивлении. Он не в силах выразить его словами. Он будет немотствовать или говорить нечто, почти нелепое. Если он не призван на служение благовестника, то услышанные им, невыражаемые на человеческом языке глаголы он скроет в сердце своем.

Но как ни велик первый дар Божественной благодати, доколе он не усвоен, человек снова может подвергнуться не

только колебаниям, но и падениям. Прекрасный пример тому мы имеем в лице Апостола Петра. На Фаворе – он в блаженном недоумении; после, во время страданий Христа, он отрекается; а много лет спустя, в своем послании, ссылается на свое фаворское видение, как на свидетельство истины.

Длительность процесса усвоения благодати не у всех одинакова. Нормальный же путь этого усвоения в общих чертах таков. Первый опыт Божественного посещения глубоко поражает всего человека и увлекает его всецело во внутреннюю жизнь, в молитву, в борьбу со страстями. Этот период богат чувством сердца и изобилует переживаниями настолько сильными, что ум весь привлекается к соучастию в них.

Последующий период, потери благодати, погружает человека в великую скорбь и недоуменное искание причин потери и путей к возвращению Божьего дара. И лишь по прошествии многих лет смены духовных состояний, сопровождающихся обычно чтением Священного Писания и творений Святых Отцов Церкви, беседами с духовными наставниками и другими подвижниками благочестия, после долгой борьбы со страстями, человек обнаруживает в себе свет познания путей духа, пришедший таинственно без наблюдения (Лк.17:20). Это познание, названное нами догматическим сознанием, есть глубокая жизнь духа, и никак не отвлеченный гносис.

* * *

Бог не завистлив. Бог не самолюбив и не честолюбив. Он Сам смиренно и терпеливо ищет всякого человека на всех путях его, и потому каждый может в той или иной мере познавать Бога не только в Церкви, но и вне Ее, однако, совершенное познание Бога помимо Христа или вне Христа – невозможно (Мф.11:27).

Вне Христа никакой духовный (мистический) опыт не дает человеку познать Божественное Бытие, как Единую непостижимую абсолютную Объективность в Трех непостижимых абсолютных Субъектах, т. е. как Троицу Единосущную и Нераздельную.

Во Христе же это откровение, это ведение становится светом вечной жизни, изливающимся на все проявления

человеческого бытия.

В писаниях Старца Силуана ясно видно, как он без всяких противоречий жил Единым Богом в Трех Лицах. Одни и те же имена: Отец, Господь, Владыка, Царь, Создатель, Спаситель и другие, он в своих молитвах относит то отдельно к каждому Лицу Святой Троицы, то к Единству Трех Лиц.

По категорическому свидетельству Старца

– Духом Святым познается Божество Иисуса Христа. Познавший таким образом Божество Христа, чрез духовный опыт постигает в Нем неслиянное соединение двух естеств и двух волей. Также Духом Святым, в духовном опыте, познается несозданная природа Божественного Света и другие догматы нашей веры. Но здесь необходимо заметить, что то догматическое сознание, которое приходит чрез опыт благодати, качественно отличается от подобного ему по внешности догматического сознания, когда таковое является следствием или «веры от слуха», или академической учебы, или в порядке философского убеждения, как отвлеченно идеальные представления.

«Иное веровать в Бога, и иное – знать Бога», говорит Старец.

Отвлеченно идеальные представления могут соответствовать истине бытия, но даже и в этом случае, в своей отдельности от положительного опыта благодати, они не являются тем ведением Бога, которое по существу своему есть вечная жизнь (Иоан.17:3). Однако и они драгоценны, потому что во всякий момент могут послужить человеку и в плане подлинной духовной жизни.

* * *

Богослов-интеллектуалист о писаниях Старца, возможно, скажет: я не нахожу здесь богатства богословской мысли; я не вижу здесь догматического ведения. Так скажет он потому, что его духовность принадлежит иному плану религиозной жизни.

Богослов-рационалист занят множеством проблем и ищет разрешения их на путях рассудочного умозрения. Его подлинный религиозный опыт невелик; главный опыт его принадлежит сфере рассудка, а не живого богообщения. Свою

научную эрудицию и рассудочный опыт он считает духовным богатством, и ставит его настолько высоко, что всякий другой опыт в его глазах отступает на второстепенный план.

Для человека подлинно религиозного, ищущего живого богообщения, живущего Богом, очевидна наивность увлечений рационалиста. Он недоумевает, в каком-то смысле – не понимает, как может умный человек удовлетворяться своими домыслами и отвлеченными построениями?

Рационалисты, для примера, веками бьются над разрешением проблемы соотношения благодати и тварной свободы. Они словно забывают, что есть иной путь к разрешению этих вопросов: путь бытийного познания взаимодействия Божественной благодати и человеческой свободы. Этим путем шел Старец Силуан. Это есть вообще путь Церкви. Церковь сильна и богата не Своею научною эрудициею, а, прежде всего, действительным обладанием дарами благодати. Церковь живет Духом Святым, дышит Им, и из факта общения знает, как Он действует, знает также и то, как и в каких пределах проявляется человеческая свобода.

Взаимодействия благодати и свободы бесконечно разнообразны. Разнообразие это является следствием с одной стороны меры, или степени, или силы благодати, с другой – духовного состояния каждого отдельного человека. По свидетельству Отцов Церкви и Старца, когда Господь приходит в душу человека, когда Свет Божий объемлет всего человека, когда весь человек в Боге, тогда он как бы теряет свободу; тогда свобода его проявляется лишь в том, что он всецело отдается Богу и уже не действует от себя, а только воспринимает даруемое Богом. В этом состоянии человек «не спрашивает ничего» (Иоан.16:23).

Выражаясь иными словами: тогда отпадают все вопросы, всякая «проблематика».

Говоря так, мы вовсе не помышляем отвергнуть законность и естественность недоуменных исканий и вопрошаний души.

Нет. Но мы говорим о различных путях. В то время, как один удовлетворяется или требует ответа в плане рациональном, другой ищет его в порядке подлинного бытия. Рационалист,

чтобы удовлетворить запросы своего ума, строит сложнейшие богословско-философские системы; продельывает колоссальную работу, чтобы диалектически, если не доказать, то, по крайней мере, развить и показать положение вещей, как оно ему представляется. Нередко этому посвящаются все силы, богатые дарования, вся жизнь. И странным образом от взора его точно ускользает беспочвенность такого искания.

Разве возможно решение стоящих пред нами вопросов вечной жизни на этих путях? И если бы было возможно, – то, все равно, отвлеченное знание есть ли подлинная жизнь? Разве может дух человека удовлетвориться таким наивным разрешением?

Блаженный Старец с молодых лет ощутил нужду в подлинном бытии; он горячо искал ту реальность, которая сама в себе несет неопровержимое свидетельство нашему духу о вечном бытии, подобно тому, как неопровержимо непосредственное свидетельство нашего сознания о факте нашего земного существования.

История человеческой мысли и духовного опыта знает один замечательный момент, когда были сказаны слова: «Я мыслю, значит я существую» (Декарт). Другой философ, нашего времени, иначе осознал жизнь: «Я бы сказал: я люблю, значит я существую; потому что более глубоким основанием для осознания нашего бытия считаю любовь». Иные говорили: «Я ем, хожу, значит я существую», то есть: «всякое действие и проявление моего я – есть показатель моего бытия».

Все эти выражения носят в себе элементы рассудочной рефлексии на вопрос: существую ли я? Но и вне этой рефлексии, в сфере иррационального самосознания всякий человек сознает себя существующим.

Так есть духовные состояния, когда человек с достоверностью знает непосредственным знанием, что он не умирает, что он причастен вечной жизни; когда Дух Святой, по выражению Старца, свидетельствует душе спасение. И искание такого разрешения стоящих пред нами проблем – воистину достойно мудрого мужа. Этот путь – есть путь бытия, которым идет Церковь Христова.

Богатство Церкви составляет подлинный опыт Божественного бытия. И Блаженный Старец богат именно этим опытом вечного бытия, даруемого Духом Святым, и из него исходит.

Старец говорит:

«О, Душе Святой...

Ты открыл мне непостижимую тайну».

И если сказать ему: – раскрой же нам эту тайну, которую дал тебе познать Дух Святой, то следует ответ не такой, какого мы искали. Он говорит:

«Дух Святой невидимо дает душе знание».

«Он дал мне познать Господа – Создателя моего. Он дал мне познать, как много нас любит Господь... Объяснить этого невозможно»...

Так беден Старец диалектически. Однако, было бы ошибкою думать, что это есть следствие его необразованности. Но и человек, исключительно одаренный интеллектуально и способный к рационалистическому мышлению, так же будет немотствовать, когда соприкоснется с тем бытием, о котором говорит Старец. Тут не может быть «богатства» мыслей и богословских концепций. Слово человеческое не в силах выражать того бытия, к которому мы призваны, которое дарует Бог. Даже Сам Господь уклонился от описания его словом, но сказал: «Когда приидет Дух истины, то Он наставит вас на всякую истину... и в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Иоан. 16:13–23).

Х. Духовные испытания

ЧЕЛОВЕКУ с Богом не всегда легко. В период отнятия благодати, который обычно весьма продолжителен, Бог иногда может представляться душе беспощадным мучителем. Не достигая милости Божией, несмотря на предельно доступный для него подвиг и труд, человек страдает настолько тяжело, что, если бы было возможно, отказался бы вообще от всякого бытия.

В чем же его страдания? Ответить на этот вопрос – задача нелегкая.

Испытав Бога, познав жизнь во свете Лица Божия, душа уже ни в чем в мире не находит себе ни покоя, ни удовлетворения и ни на чем не может остановиться, и вместе все, кроме Бога, окружает ее. Все, что познала она, как зло, как тьму, всякое демоническое действие обуревают ее, и мучительство страстей по временам доходит до последнего напряжения, а Бог словно отвратился от человека и не внимает никаким призывам его. Как самое беспомощное существо повисает он над страшною бездною, и кричит к Богу о помощи, но все крики остаются неслышанными. Богу как бы безразлично до всех его страданий. Душа знает о своем отступлении от любви Божией и терзается сознанием своей неправды и измены Богу, но вместе она взывает к Нему о помиловании, и не находит его.

Лишь как обличитель в беззакониях предстает Бог душе, и она истлевает от этих обличений. Она сознает правду суда Божия, но страдания ее от этого не умягчаются. Не воображением, но действительно погружаясь в сень смертную, и не обретая с собою Бога, Которого зовет день и ночь, душа страдает невыносимо. Встает вопрос: зачем же все это? Во время самого испытания душа не может воспринять его, как проявление милосердия Божия, или доверия Бога к ней; как желание Его приобщить человека святости и полноте бытия в Себе. Душа знает только одно, что Бог оставил ее после того, как явил ей Свой Свет, и тем безмерно умножил ее страдания. И когда обессиленная в конец, она не видит Бога, склоняющегося к ней Своим милосердием, тогда приходят такие

мысли и чувства, о которых хранится молчание. Душа нисходит во ад, но не так, как нисходят не познавшие Духа Божия, не имеющие в себе света истинного богопознания и потому слепые; нет – она нисходит туда способная к осознанию созерцаемого ею мрака.

Так бывает лишь с теми, кто познал Божественную благодать и затем потерял ее. Семя любви Божией, которое несет в глубине своей душа, порождает тогда в ней покаяние, которое по силе и полноте своей превосходит меру обычного религиозного сознания. Человек с великим плачем обращается к Богу «всем существом» своим, всею силою, и так научается подлинной молитве, которая исторгает его из мира сего в иной мир, где слышит он неизрекаемые на человеческом языке глаголы.

Неизрекаемые, потому что как только облекутся они в готовые слова и понятия, так каждый слышащий его будет видеть и разуметь в них только то, что познал в опыте своем и не больше. Когда же пройдет душа чрез весь этот ряд тяжелых испытаний, тогда она ясно видит в себе, что нет в мире такого места, такого страдания, такой радости, такой силы, такой твари, которые могли бы оторвать ее от любви Божией; и света этой жизни уже не может поглотить тьма.

* * *

С Богом человеку не всегда легко. Так же и со святым жить не всегда легко. Многие наивно думают, что со святыми приятно и радостно; жалеют, что они окружены грешными, и мечтают встретить святого.

Из отдельных встреч, которые исполняют нередко прежде печальную душу светлой надеждою и новыми силами, они готовы сделать заключение, что пребывание со святыми всегда так окрыляюще действует на душу. Это заблуждение. Никакой святой не может освободить от необходимости борьбы с живущим в нас грехом. Он может содействовать молитвою, помогать словом и поучением, укреплять своим примером, но освободить от труда и подвига он не может. И когда святой призывает и влечет нас жить по заповедям, тогда он может показаться «жестоким». Ведь сказали же некоторые, и до ныне

говорят, о Самом Христе, что «жестокое слово Его; кто может Его слушать» (Иоан.6:60). Так и слово святых, когда они требуют от нас хранения заповедей в чистоте, становится непосильным и «жестоким».

Старец Силуан всегда был кроток, снисходителен, мягок, но по существу никогда не отступал от того, чему был научен Богом. Его подход был прост и ясен: «Господу всех жалко...

Он так возлюбил людей, что взял на Себя тяготу всего мира... И от нас Он хочет, чтобы мы любили брата». Когда слушаешь Старца, то всею душою сознаешь, что он говорит истину, но следовать за ним непосильно тяжело. И многие отходили от него. Его духовное благоухание порождало в душе глубокий стыд за себя, и чувство собственного зловония и гадости. Если вы жалуетесь ему на обидчиков, то он хотя и понимает вашу скорбь и печалится вместе с вами, но гнева вашего не разделит. Если вы думаете воздать злом за понесенное вами зло, то он опечалится уже на вас.

Если вы считаете вредным ответить злему человеку добром, то он недоумевает, как вы, именуя себя христианином, считаете, что поступок, согласный с заповедью Христа, может принести какой-либо вред. Заповеди Христа для него были законом абсолютного совершенства, и единственным путем к преодолению зла в мире и к вечному свету. Хранение их может быть только полезно; полезно и для того, кто им следует, и для того, по отношению к кому они исполняются. Нет, и не может быть такого случая, когда следование заповедям Христа могло бы причинить вред, если о вреде судить не по временному внешнему ущербу, а в плане подлинного и вечного бытия, ибо заповедь Христа есть выявление абсолютного блага».

Был случай, когда один иеромонах сказал Старцу, что если действовать, как он говорит, то этим воспользуются враги, и зло восторжествует. Старец в тот момент остался безмолвным, потому что возражавший ему был неспособен воспринять слово, но после сказал, не ему, а другому: «Разве дух Христов может замышлять кому-нибудь зло? Разве мы к этому призваны Богом?»

Лукавство совести у страстного человека – велико и тонко. В религиозной жизни, человек, одержимый страстью, часто выставляет ее, как искание правды и пользы, и нередко, как борьбу за славу Божию. Во имя Христа, предавшего Себя на смерть за врагов, люди иногда готовы стоять даже до крови, только крови не своей, а «брата-врага».

Так бывало во все времена, но жизнь Старца совпала с таким моментом истории, когда подобное извращение выявлялось с особенною силою. «Это ли путь Христа?», говорил он со скорбью.

* * *

«Жестоко» слово Старца. Кто может его слушать?

Жить по нему – значит предать себя на мучение не только в исключительном смысле этого слова, но и в повседневности.

Не помним сейчас, где повествуется об одном благочестивом человеке, который всю жизнь просил у Господа – дать ему мученическую смерть; и когда приблизился час его мирной кончины, то он с печалью сказал: «Господь не услышал моей молитвы». Но едва произнес он эти слова, как получил извещение, что вся жизнь его была мученическою, и принята, как мученичество.

Старец говорит, что благодать, которую он получил в начале, была «как у мучеников», так что он думал даже, что ему, быть может, Господь положил мученическую смерть; но подобно тому благочестивому человеку, он скончался мирно. Старец был в высшей степени трезвым во всем. Он не предавался мечтательности о совершенстве; но, познав совершенную любовь Христову, он всю жизнь крепко подвизался, чтобы стяжать ее. Он больше, чем кто-либо знал, что «дух бодр, а плоть немощна», и потому говорит, что иногда встречается у людей желание пострадать за Христа, но если нет благодати и в теле, то человек может не вынести мук.

Поэтому не должно дерзать на такой подвиг, но если Господь призовет, то надо просить у Него помощи, и Он поможет.

Старец не искал мученичества, хотя и познал «мученическую» благодать. Однако, жизнь его была подлинным

мученичеством. Возможно сказать даже большее. Мученик иногда за короткий период своего мужественного исповедания платится жизнью. Но десятилетиями подвизаться, как подвизался Старец, и десятилетиями молиться за мир, как он молился, – «молиться за людей – это кровь проливать», – выше простого мученичества.

Путь христианина вообще есть мученичество; и кто проходит его должным образом, с трудом решается на проповедь. Душа его полна желания видеть брата своего причастным вечного света, но страдания хочет понести лишь он сам, и потому прежде всего и больше всего обращается он к молитве за мир.

* * *

В пределах земной жизни, в этой сфере, предоставленной Богом для выявления не только положительных, но и отрицательных возможностей свободы, никто и ничто не может совершенно остановить проявлений зла; однако, молитва любви сильна весьма многое изменить в ходе событий и сократить размеры зла.

«Жизнь есть свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Иоан.1:4–5). Тьма небытия не может поглотить свет жизни.

Все благое, что исходит от Бога и возвращается к Богу, – «неуничтожимо». Молитва есть одна из высочайших форм благого бытия, неуничтожимого, вечного.

Это та «благая часть, которая не отымается» никогда (Лк.10:42).

В поисках спасения, своего и ближних, подвижник, сосредоточенный на своем внутреннем человеке, в самом себе видит силу «закона греховного» (Римл.7:23). Видя, как грех убивает, умерщвляет его (Римл.7:11) при всем напряжении делать добро, он нередко доходит почти до отчаяния и в этом тягостном состоянии молится.

Помним замечательное посещение. К нам пришел один монах-пустынник. Ему тогда было около семидесяти лет. Жил он в глухом месте, лежащем на пути от Монастыря к Скиту, в овраге, у потока воды, среди леса. Измученное, покрытое

морщинами, бледное, давно неумытое, сероватого цвета лицо; неопрятные, седые, темно-серые волосы на голове и бороде; ввалившиеся серо-голубые глаза. Мы долго беседовали.

Он рассказал о себе следующее:

«Много лет болит душа моя от мысли, что вот мы, монахи, отреклись от мира, покинули и родных, и родину, оставили все, что составляет обычно жизнь людей; дали обеты пред Богом, и святыми ангелами, и людьми жить по закону Христа; отказались от своей воли и проводим, в сущности, мучительную жизнь, и все же не преуспеваем в добре. Много ли из нас спасающихся? Я первый погибаю. Вижу и других, что страсти обладают ими. А когда встречаю мирских, то вижу, что живут они в великом невежестве, нерадиво и не каются. И вот понемногу, незаметно для себя, я втянулся в молитву за мир. Я много плакал от мысли, что если мы – монахи, отрекшиеся от мира, не спасаемся, то что же вообще творится в мире? Так постепенно скорбь моя росла, и я стал плакать уже слезами отчаяния. И вот, в прошлом году, когда я так в отчаянии, усталый от плача, ночью лежал на полу, явился Господь и спросил меня: «Ты почему так плачешь?»... Я молчу...

«Разве ты не знаешь, что Я буду судить мир?»... Я опять молчу... Господь говорит:

«Я помилую всякого человека, который хотя бы однажды в жизни призвал Бога»...

Во мне пробежала мысль: «Тогда зачем мы так мучаемся на всякий день?» Господь на движение моей мысли отвечает: «Те, что страдают за заповедь Мою, в Царствии Небесном будут Моими друзьями, а остальных я только помилую». И отошел Господь».

Это произошло с ним наяву. Тогда же он рассказал еще о двух видениях, бывших ему в легком сне после скорбной молитвы за мир.

Мы не называем имени этого монаха, потому что он еще жив, и от оценки видения мы уклоняемся.

Мы слушали его без малейшего проявления своего отношения к рассказанному им, следуя суровому правилу

Афонских отцов – быть особенно осторожным, когда речь идет о видениях.

Возможно, что наша сухая бдительность, возможно что-либо другое нелепое в нас оттолкнуло этого старца-монаха, но только после он уже не приходил к нам. У нас, правда, была нескромная мысль: испытать его больше. Может быть это оскорбило его? Не знаем.

За время нашего общения с монахами Святой Горы, мы встретили девять человек, которые любили молиться за мир, и молились с плачем. Однажды мы слышали беседу двух монахов. Один из них сказал:

– Не могу понять, почему Господь не дает мир миру, если Его умоляет в том хотя бы один человек?

Другой на это ответил:

– И как возможен полный мир на земле, если останется хотя бы только один человек с злой волей?

Но возвратимся к своей основной теме.

* * *

С Богом человеку не всегда легко.

Мы повторяемся, но предмет нашей беседы таков, что этого не избежать. Не богат и не разнообразен круг мыслей подвижника, но они касаются того бытия, которое совсем нелегко усваивается. Проходят века, и в долгом течении их все тот же опыт повторяется почти неизменно, и несмотря на это, немногие знают последовательность христианского подвига и теряются на этом пути.

Господь сказал: «Тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немного таких, которые обретают его» (Мф.7:14).

Мы снова хотим говорить о том, что было также предметом долгих бесед Старца Силуана с Отцом Стратоником. Путь христианина, в общих чертах, таков. Сначала человек привлекается к Богу даром благодати, и когда он уже привлечен, тогда наступает длительный период испытания.

Испытывается свобода человека и его доверие к Богу, и испытывается, подчас, «жестоко». В начале обращения к Богу и малые и большие, едва высказанные просьбы, обычно скоро и чудесно исполняются Богом; но когда наступает период

испытания, тогда все изменяется, и небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям. Ревностному христианину все в жизни становится трудным. Отношение к нему людей ухудшается; его перестают уважать; что прощается другим, ему не прощают; труд его, почти всегда, оплачивается ниже нормы; тело становится легко подверженным болезням; природа, обстоятельства, люди – все обращается против него. При всех естественных дарованиях, не меньших, чем у других, он не находит применения им. Ко всему этому он терпит многие нападения демонических сил. И последнее, самое тяжкое и неносимое страдание – Бог оставляет его. Тогда страдание достигает своей полноты, ибо им поражен весь человек во всех планах своего бытия.

Бог оставляет человека?.. Разве это возможно?.. И, однако, в душе на смену испытанному чувству близости Бога приходит другое, – что Он бесконечно, недостижимо далек, дальше звездных миров, и все призывания Его погибают беспомощно в пространствах. Душа внутренне усиливает свой крик к Нему, но не видит ни помощи, ни даже внимания. Все тогда тяжело. Все достается несоразмерно многим трудом, сверхсильным. Жизнь становится страдальческой, и у человека появляется сознание, что над ним тяготеет клятва и гнев Божий. Но когда пройдут эти испытания, тогда увидит человек, что непостижимо чудесный промысл Божий внимательно хранил его на всех путях.

Опыт тысячелетий, передаваемый из рода в род и из поколения в поколение, говорит, что когда Бог видит верность Ему души подвижника, как видел Он верность Иова, тогда поведет его по недоступным никому другому безднам и высотам. Чем полнее и крепче верность и доверие человека к Богу, тем большею будет и мера испытаний и полноту опыта, могущего достигнуть степеней, когда очевидным становится достижение тех пределов, которые вообще доступны человеку.

* * *

Доколе в человеке сильна гордость, дотолé он может подвергаться приступам особо мучительного, адского отчаяния, которое извращает все представления о Боге и о путях Его промысла. Гордая душа, пребывая в тягостном страдании и

мраке ада, виновником своих мучений считает Бога и мыслит Его, как безмерно жестокого. Лишенная подлинного бытия в Боге, она все оценивает из своего болезненно-страдальческого состояния, и начинает ненавидеть и свою жизнь и вообще все бытие мира. Пребывая вне Божественного света, в своем отчаянии она доходит до того, что и бытие Самого Бога начинает ей представляться, как безнадежная бессмыслица, в силу чего отталкивание от Бога и ненависть ко всякому бытию становятся все большими и большими.

Подобного отчаяния и ненависти избегают люди веры, ибо верою спасается человек; верою в любовь и милосердие Бога, верою слову Его, верою свидетельству Отцов Церкви. Большинство благочестивых христиан в течение своей жизни, быть может, не переживали своего воскресения, но вера в него хранит их.

Об этой вере многожды говорит Старец, ссылаясь на слова Господа: «Блаженны не видевшие, но верующие» (Ин.20:29).

Придет час, когда вера эта изведет человека из мрака и тесноты рабства на просторы истинной, нетленной жизни, великолепия которой совершенно особое, непохожее на обычную человеческую идею о великолепии и красоте.

* * *

Иначе действует враг-дьявол с теми, кто принимает его, и иначе по отношению к тем, которые борются с ним. Иное – страдание гордого отчаяния, и иное – души благочестивой, когда Бог позволяет сатане сотворить брань с душою. Это последнее искушение чрезвычайно тяжело и попускается редко.

Когда впервые промыслительно Богом оставленный человек испытывает приближение сатаны, тогда все его существо, и душа и тело, подавляется великим страданием и страхом, который нельзя сравнить со страхом от преступников и убийц, потому что в нем есть мрак вечной гибели. Душа тогда познает, ЧТО есть дьявол; познает силу его жестокости; и пораженная колоссальностью стоящего пред нею зла – вся сжимается. От ужаса, отчаяния и трепета, она приходит в такое изнеможение, что не находит в себе силы молиться. Она не чувствует с собою Бога-Заступника, а враг говорит: «Ты в моей

власти... А на Бога не надейся и забудь Его; Он неумолим». В эти минуты душа, не желая принять дьявола, или безмолвно, без слов замирает с мыслью о Боге, или же, в лучшем случае, находит в себе силы призвать имя Божие. После уже она познает, что именно в этой борьбе Бог исключительно внимает ей.

* * *

Из писаний Старца вы увидите, что он дважды испытал такую брань с сатаной. В первый раз был спасен тем, что произнес молитву Иисусову, которую не успел еще закончить, как явился ему Господь; во второй раз он был уже более крепким и мужественным, и нашел в себе силы сесть и обратиться к Богу с молитвою, и тогда получил в ответ необычные и странные слова: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

Тогда он познал, каким оружием побеждается дьявол, при всяком приближении которого душа всю силу ненависти обращает на себя и как своего последнего врага осуждает себя на вечную муку, добавляя: «Бог же свят, истинен и благословен во веки».

Вооруженная таким оружием, душа освобождается от всякого страха и становится неприступною для врага. Такая «опытная» душа, при каждом приступе врага с великим гневом бросает себя в бездну вечной тьмы, как достойную того, и враг отступает от нее, не выдерживая силы встречаемого огня, и душа, уже свободная от него, чистым умом может обратиться к Богу с молитвою.

* * *

«Враг пал гордостью». Гордость – начало греха; в ней заключены все виды зла: тщеславие, славолюбие, властолюбие, холодность, жестокость, безразличие к страданиям ближнего; мечтательность ума, усиленное действие воображения, демоническое выражение глаз, демонический характер всего облика; мрачность, тоска, отчаяние, ненависть; зависть, приниженность, у многих срыв в плотскую похоть; томительное внутреннее беспокойство, непослушание, боязнь смерти или наоборот – искание покончить жизнь, и, наконец, что

нередко, полное сумасшествие. Вот признаки демонической духовности. Но доколе они не проявятся ярко, для многих остаются незамеченными.

Не все указанные признаки могут характеризовать того, кто «прельстился» демоническими помыслами, или видениями, или «откровениями». У иных преобладает мегаломания, славолюбие и властолюбие; у иных – тоска, отчаяние, скрытое беспокойство; у иных – зависть или мрачность и ненависть; у многих – плотская похоть. Но у всех непременно будут воображение и гордость, могущая скрываться под видом даже последней приниженности.

* * *

Когда человек «прельщается» врагом и следует за ним, не разумея ЧТО есть враг, он не познает силы прямой с ним борьбы, и страдает потому, что уводится врагом от света истинной жизни во мрак, в котором тот пребывает. Страдания эти носят на себе печать духовной слепоты. В некоторых случаях враг приносит беспокойное услаждение гордым сознанием своего мнимого величия; в других, породив в душе сильную болезнь, возбуждает ее против Бога; и она, не разумея подлинной причины своих страданий, ненавистью обращается к Богу.

Благочестивая же душа, познавшая любовь Божию, страдает от прямой борьбы с врагом, от направленной на нее в этом противоборстве великой силы зла дьявола, и человек ясно видит, что эта сила может поразить его всего до конца.

В первом случае, обычно, долго бьется душа, не обретая исхода к Богу; во втором – Бог в великом свете является человеку, лишь только истечет время испытания, долгота и сила которого измерены Богом.

У некоторых оно длится каких-нибудь три минуты; у других – час или более; а один подвижник пребывал в нем три дня.

Длительность срока может зависеть, с одной стороны, от меньшей силы напряжения борьбы, с другой – от большей выдержки человека, ибо не равна сила душ.

Нет искушения более сильного, чем описанное выше борение души с сатаной. Это горе, сильнейшее всех бедствий,

возможных на земле. Но есть одно страдание, мучительность которого превышает и его. Это страдание души, до глубины уязвленной любовью к Богу, и не достигающей Искомого.

Непостижимо, как Бог общается с душою. Породив в ней горячую любовь, Он странным образом скрывается от нее, и когда душа изнемогает от этого оставления, тогда Он снова тихо приходит со Своим невыразимым утешением. В отдельные моменты мука богооставленности превышает всякое адское страдание, но она отличается тем, что в ней заключена животворящая сила Божия, прелагающая скорбь в сладкое блаженство любви Божией.

* * *

Человек, живущий в этой дебелой плоти, не может пребывать непоколебимым. В отдельные моменты чистой молитвы душа подвижника прикасается к подлинному вечному бытию, которое является ее последнею и единственною целью, но когда кончается та молитва, то снова нисходит она в состояние или среднего богоощущения, или даже чувственного мироощущения, вместе с которым возвращается мрак плоти и ослабляется сила внутреннего извещения.

У многих людей чувственное мироощущение настолько постоянно, что они почти не знают иного, и тогда становятся «плотью», не принимающею закона Божьего. Но подвижник возврат от чистой молитвы к дебелисти плотского мироощущения воспринимает, как удаление от Господа.

Апостол Павел говорит: «водворяясь в теле, мы удаляемся от Господа... дерзаем же и благоволим лучше выйти из тела, и водвориться у Господа» (2Кор.5:6–7).

Лишь непрерывным подвигом удерживается подвижник от того снижения, к которому своею тяжестью постоянно влечет его плоть. И чем чаще и длительнее его духовные состояния, тем тягостнее переживает он схождение в плотское мироощущение.

* * *

Когда подвижник, движимый духом любви Божией, молится с глубоким плачем, то достигая некоторого состояния, свыше которого в данный момент не имеет сил подняться, он испытывает покой духа от близости к Богу; но когда кончается

молитва, то покой этот удерживается в душе лишь некоторое время, иногда большее, иногда меньшее, и затем снова начинает она обуреваться. Смена этих состояний приводит к различным результатам. Одни в каком-то месте своего духовного пути достигают той меры молитвы, которая приводит их душу в страх и трепет, и затем постепенно снижаются и ослабевают в молитве. Другие, мужественные души, наоборот, неустанно возрастают, ища все большей полноты молитвы, и так доколе не укоренится в душе их желание и даже потребность – не щадить себя до конца, как бы «возненавидеть и погубить» свою душу. Но и это, как видим из писаний Старца, не есть еще последняя любовь, которую дает Господь познать Своим рабам, и от сладости которой человек легко переносит всякое страдание и даже смерть.

* * *

Блаженный Старец знал до последней очевидности, что та любовь, которой учил его Дух Святой, есть "Истина", стоящая в своей онтологической, бытийной подлинности выше всякого сомнения. Эту степень познания он испытал при явлении ему Господа. Он говорил, что когда Сам Господь является душе, тогда не может она не познать Своего Творца и Бога.

Действием Святого Духа ему было дано созерцать совершенную святость Бога, и он стремился к приобщению и стяжанию этой святости всем сердцем, всем существом своим.

Стоящий на этом пути не может отдаваться отвлеченному рассудочному мышлению даже о таинствах веры.

Душа его отклоняет всякое «мысленное рассуждение», вносящее своеобразный распад в целостность и единство жизни молитвенно устремленного к Богу духа.

От постоянного пребывания в молитве – слабеет память на все внешнее, и если бы не приходила на помощь привычка прежних лет, освобождающая от необходимости обдумывать действия повседневной жизни, то он не мог бы и их совершать.

«Душа, познавшая Господа и сладость Духа Святого, стала как бы безумною; сидит, молчит, говорить не хочет; и как бы безумная смотрит на мир, и не хочет его, и не видит его. И люди не знают, что она созерцает любимого Господа, и мир остался

как бы позади и забыт, и не хочет мыслить о нем душа, потому что нет в нем сладости».

XI. «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся»

В ДУХОВНОМ созерцании подвижник становится зрителем вещей, которые для подавляющего большинства людей являются тайною, но он стоит пред невозможностью поведать об этой тайне, потому что переводимая на человеческий язык, она предстает слышащему о ней совсем иною. Язык человеческих слов и понятий дает очень ограниченную возможность передавать внутреннее состояние одного – другому.

Непременное условие взаимного понимания – общность или тождество опыта. Нет этой общности, не будет достигнуто и понимание, потому что за каждым нашим словом сокрыта вся наша жизнь; во всякое понятие каждый из нас влагает объем своего опыта, почему все мы неизбежно говорим на разных языках.

Но в силу единосущия рода человеческого возможно и чрез слово вызывать новый опыт в душе слышащего, и тем как бы порождать в нем новую жизнь.

И если это так при нашем человеческом взаимодействии, то тем более это происходит при Божественном действии.

Слово Божие, при известном внутреннем расположении души, восприимлющей его, своим явлением действительно приносит новую жизнь, и ту жизнь, которая заключена в нем, т. е. вечную.

Имея в виду не только несовершенство нашего средства – языка, но и свое невежество и неспособность, все же позволим себе возвратиться к той странной по форме беседе-молитве, о которой мы говорили выше, а именно, к словам: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

Кто читал Евангелие, не мог не обратить внимания на своеобразие бесед Христа. Внешне, формально, в них нет, кажется, никакой последовательности. Возьмите, например, беседы с Никодимом, с Самарянкой, с Учениками на Тайной Вечере. Внимание Христа обращено не столько на то, что

говорит человек, сколько на то, что есть в глубине его и что способен он воспринять от Бога.

Так и в этой молитве-беседе Старца Силуана внешне как будто немного смысла, а некоторым она может показаться просто нелепым бредом. Но если бы нам открылось ее действительное содержание и сила данного в ней Силуану откровения, то, с уверенностью можно сказать, все наше существо было бы потрясено до последней глубины.

Старец Силуан десятилетиями рыдал «до великих слез» о том, чтобы мир познал Бога. Он сознавал, что если бы народы, – он мыслил о народах, нося их в молитвенной любви сердца своего, – познали любовь и смирение Божие, то оставили бы они, подобно Апостолу Павлу, как сор (Фил.3:7–8), как детские игрушки, свои увлечения, все то, чем поглощено их существо, и стали бы гнаться за этим смирением и этой любовью день и ночь всеми силами своей души. И если бы это совершилось, то изменилось бы лицо земли, и судьбы всех людей, и весь мир преобразился бы, как говорил Старец, «в один час». Так велика эта сила.

Вам, быть может, странно услышать, что Силуану открылась тогда тайна падения и искупления, и все духовные пути человека? Божественному Петру на Фаворе и в день сошествия Святого Духа открылось с последнею очевидностью, что «нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежит спастись». И не только еврейские старейшины и книжники удивлялись категорическому заявлению Петра и Иоанна, людей простых и некнижных, как повествует Писание (Деян.4:12–13), но и доныне удивляемся все мы. Невольно возникает вопрос: «О, Петре, откуда ты, простой и некнижный, знаешь какие имена даны под небом? Разве тебе была известна история культур и религий Китая, Индии, Вавилона, Египта и проч.?»

«Некнижному и простому» Силуану также открылись тайны, скрытые «от мудрых и разумных», и ночь, когда произошла та вышеестественная молитва-беседа, в его жизни имеет чрезвычайное значение. Мир погружен во тьму духовного неведения.

Путь к вечной жизни не преставаая проповедуется на всех языках, но подлинно познавшие этот путь едва обретаются, единицы на поколения.

* * *

«Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». Непонятное выражение. Что значит – держать ум во аде? Не значит ли это – воображать себе что-то подобное тем, нередко лубочным, картинам, которые рисует наивное человеческое воображение?.. В данном случае – нет. Отцу Силуану, как и некоторым великим Отцам, например, Антонию Великому, Сисою Великому, Макарию и Пимену Великим, и другим, дано было за время жизни реально переживать состояние адских мучений. Повторение этого состояния, в результате, глубоко отпечатлевается в их сердце, так что они по своей воле уже могут возобновлять его в душе своей, возвращаться к нему посредством соответствующего внутреннего движения Духа. И к этому деланию они прибегали, когда в душе их начинала так или иначе проявляться какая-либо страсть, и особенно самая глубокая и самая тонкая из них – гордость.

Борьба с гордостью – последний этап борьбы со страстями. В первый период подвижник борется с грубыми плотскими страстями, затем с раздражительностью, и, наконец, с гордостью. Последняя борьба есть, несомненно, самая трудная. Познав в долгом опыте своем, что гордость приводит к потере благодати, подвижник особым внутренним движением сходит душою во ад, и адским огнем выжигает в себе действие всякой страсти.

Старец замечал, что большинство людей, приближаясь к этим граням, малодушно ужасаются и не выдерживают. Вот почему Великий Сисой и говорил об этом вопросительно: «Кто может носить помысл Антония? Впрочем я знаю человека (это он сам – Сисой), который может носить его».

Старец Силуан объяснял, что Сисой имел в виду тот помысл, которому научился Великий Антоний у Александрийского сапожника.

Преподобный Антоний молился, чтобы Господь открыл ему, в какую меру он достиг. И было ему указание, что в меру

Сапожника он не пришел. Придя к Сапожнику, Преподобный спросил его, как он живет. Тот отвечает, что треть заработка отдает он на храм, треть – нищим, остальное удерживает на свои нужды. Антония, который бросил все свое имение и жил в пустыне в большей, чем Сапожник, нищете, сие делание не удивило. Не в нем было его превосходство. Тогда он говорит Сапожнику: «Господь послал меня к тебе узнать, как ты живешь?» Смиренный Сапожник почитал Антония и, испугавшись такого слова, говорит: «Ничего я не делаю, а лишь работая, смотрю на проходящих мимо людей и помышляю: все спасутся, один я погибну».

Антоний, Богом посланный научиться у Сапожника; Антоний, приготовленный к правильному восприятию услышанного им слова долгим и чрезвычайным подвигом, удивившим весь Египет, по дару Божьему почувствовал силу помысла Сапожника, и действительно понял, что в меру Сапожника не достиг. Возвратившись в пустыню, он стал учиться этому деланию.

Великому Антонию, основателю восточного монашества, дана была вместе с разумением и сила носить этот помысл.

Сему деланию он учил отшельников, способных принимать не молоко, а твердую пищу. От него это делание восприняли и другие великие Отцы пустыни, и, как бесценное сокровище, передали в наследство последующим векам. Делание это у каждого принимает свою словесную форму; так Пимен Великий говорил ученикам: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду»; но по существу оно сводится к тому же.

Блаженный Старец Силуан говорил, что многие подвижники, приближаясь к этому состоянию, необходимому для очищения от страстей, отчаиваются, и потому не могут пойти дальше. Но тот, кто знает, что «Господь много нас любит», избегает губительного действия последнего отчаяния и умеет мудро стоять на грани его, так что и силою адского пламени поджигает в себе всякую страсть, а вместе и жертвою отчаяния не становится. «И не отчаивайся».

Рассказ Старца прост, как просто было и слово Александрийского сапожника, как просто говорил Преподобный

Сисой, или Преподобный Пимен и другие Отцы, но сила слова и глубина тайны делания сего неведомою останется для всякого, не имевшего подобного им опыта адских мучений, с одной стороны, и великих благодатных даров, с другой.

* * *

Вся долгая подвижническая жизнь Старца, особенно после той ночи, была горячим исканием смирения. И если бы мы захотели познать образ и тайну его борьбы за стяжание смирения, то должны будем остановиться на странных его словах: «Моя любимая песня: – скоро я умру, и окаянная душа моя снидет во ад, и там буду один я страдать в мрачной темнице и горько рыдать: скучает душа моя о Господе и слезно ищу Его. Как мне Его не искать? Он прежде взыскал меня и явил мне грешному Себя».

Когда он говорил: «окаянная душа моя снидет во ад», то это не были только слова, но и подлинное переживание адских страданий, которые привились его сердцу, так что он мог сознательным внутренним движением духа возобновлять их в себе иногда в большей, иногда в меньшей степени. И когда огонь адского мучения производил искомое действие, т. е. убивал страстный помысл, тогда общей губительности этого огня он противопоставлял спасительное действие любви Христовой, которую тоже знал и носил в сердце своем.

Этому деланию он научился, получив ответ: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». Первою частью своей «любимой песни» он погружался во ад, вторую, возвращаясь к памяти любви Божией, он избегал отчаяния. «И не отчаивайся».

Делать так, как делал Старец, могут лишь немногие. От постоянного пребывания в этом подвиге, душа приобретает особую привычку и выносливость, так что память об аде настолько усваивается душой, что становится почти неотходною.

Необходимость такого постоянства вызывается тем, что человек «в мире живущий и плоть носящий» непрестанно подвергается влияниям окружающего его греха, от которого, как броню, защищается душа тем, что смиряется даже до ада преисподнего.

Старец говорит:

«Господь Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». И этим побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу».

Из бледных и несвязных наших речей невозможно получить настоящего понятия об этой дивной и невыразимой жизни, где совмещаются предельное, выносимое естеством человеческим страдание, с предельным, выносимым человеческим естеством блаженством. Одно сопутствует другому странным образом.

И если бы только страдание, то невозможно было бы его понести (От отчаяния).

И если бы только блаженство, то тоже невозможно было бы его понести (От гордости).

XII. О Слове Божиим и о пределах возможностей твари

Всякая человеческая мысль, всякое слово человеческое – есть энергия-сила.

И если это верно по отношению к мысли и слову человеческому, то тем более верно по отношению к слову Божию, слову Христа.

Когда мы слышим Евангельское слово Христа, благоуханное, тихое, сладкое: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога».. или: «Се заповедую вам, да любите друг друга»... или «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем», – то да не забываем, что это кроткое слово Христа есть та непостижимая беспредельная сила, которая вызвала из тьмы небытия к свету жизни все сущее, все бесчисленные миры, все неисчислимы в своем разнообразии твари разумные и неразумные.

Слово Христа, облеченное в смиренную, чувственно воспринимаемую форму человеческого тварного слова, могущего быть зафиксированным даже графически, оно, это слово, в своей глубине, в основе своей, есть энергия Великого Всемогущего Всетворца Бога, и о нем должно сказать то же, что сказано в Писании о Самом Боге, т. е. что оно есть «огнь поедающий», приближаться к которому земнородный должен с величайшим благоговением и страхом (Евр.11:28–29).

«Разжжено слово Твое зело» (Пс.118:140), говорит Псалмопевец.

Слово Христа самое таинственное слово; оно неприступно, непостижимо даже для величайших умов, и в то же время оно так просто и ясно, что доступно даже и малым детям.

Слово Христа так нам близко, так оно понятно, естественно, так глубоко родственно нашему человеческому сердцу, и вместе, несомненно, оно бесконечно превышает силы тварного естества: оно Божественное, непостижимое, вышеестественное, и, как говорит Апостол Павел, «не от человека оно и не по человеку» (Гал.1:11–12).

Слово Христа, обращенное к свободному человеку, кроткое и безнасильственное, и в то же время оно беспредельно, совсем не по-человечески властно, как слово абсолютного авторитета, как слово безраздельного Владыки всего бытия. «Небо и земля прейдут, слова же Мои не прейдут», говорит Христос.

Слово Христа, воспринятое глубокою верою, ведет человека к вечной жизни по такому пути, на котором он встретит многое необычное, неведомое не идущим вслед Христу. На этом высоком пути – все, что может переживать и познавать человек в своем бытии, откроется ему. Свет слова Христа достигает последних пределов темной бездны, выявляя природу множества призраков истины, во мраке влекущих к себе человека. Слово Христа есть огонь, испытующий все, что есть в человеке и вообще в бытии мира, ибо, как свидетельствует Апостол Павел, «нет твари, сокровенной от Него» (Евр.4:13).

Слово Христа есть дух и жизнь вечная, полнота любви и радость небес. Слово Христа есть несозданный Божественный свет...

Обращается оно не к поверхностному логическому рассудку, но к глубокому сердцу человека, и тот, кто навстречу ему отверзает свое сердце до последней глубины, чтобы достойно воспринять сей Божественный свет, чтобы слиться с ним воедино, становится богоподобным.

Слово Христа, воспринятое в жизнь, богом творит человека. «Бога никто не видал никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоан.1:18). Явление Бога-Слова (Логоса) во плоти и слово Его лежит в основе жизни христианина. Жизнь сия неизъяснима для не познавших опытом, и потому напрасною будет всякая попытка показать в слове то духовное место, где тогда находится человек.

Пред ним открываются и бездна «тьмы кромешной», и вечный свет Божества, и сам он стоит между ними. Он молится тогда духом, страдающим от сознания последней нужды. Он молится с величайшим напряжением, с полным сосредоточием всего своего существа.

Когда Преподобный Серафим Саровский тысячу дней и тысячу ночей стоял на камне, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному», то каждый, хоть смутно, но может понять, что дух его пребывал в великом титаническом борении.

Антоний Великий, Арсений Великий, Серафим Саровский и другие Отцы наши – это люди совершенно исключительного мужества, отрeksiеся от мира и презиравшие всякую опасность; и когда они плачут, то плачут не об утерянном имуществе, ни о какой бы то ни было иной временной потере, но, очевидно, их взору предстоит нечто более страшное, чем всякие опасности, которые воображает человек на земле.

К этим великим именам и им подобным, мы позволяем себе присоединить и имя Старца Силуана.

Когда мы читаем у него о плаче Адама, которому «внимала вся пустыня», великая пустыня мира, то не должно забывать, что плач этот был его, Силуана.

Он жил великую трагедию падения человека. Он плакал великим плачем, пред которым всякий душевный человеческий плач – ничто. Так плакать может только тот, кто видел вечный свет Бога. Люди, не видевшие, или, как говорит сам Старец, не познавшие Бога, не могут понять этих страданий, не могут они и плакать таким плачем.

* * *

Общение со Старцем привело нас к твердому сознанию, что пред верным христианином, святым подвижником, раскрываются пределы возможностей человека. Все проблемы человеческого бытия встанут пред ним, и встанут с исключительной силой. Проблема жизни и смерти, проблемы свободы и творчества, смысла жизни и страданий; проблемы соотношения откровения и веры; веры и знания; закона и благодати, вечности и времени, Бога и Его отношений к миру и человеку, судеб мира и суда Божия.

Опыт великих подвижников свидетельствует, что пред ними проходила вся цепь этих проблем, весь ряд догматических положений, но все это происходит в особых условиях, совершенно непохожих на академическую научную работу. Дух человеческий Духом Христовым ведется к познанию Бога,

бытийному познанию, так что самое слово – познание – означает не отвлеченное интеллектуальное усвоение, рассудочное понимание, а вхождение в божественное бытие, причастие к бытию.

* * *

Когда мы говорим, что пред христианином-подвижником раскрываются пределы человеческих возможностей; когда мы говорим о полноте христианского, т. е. всечеловеческого опыта, то имеем в виду не опыт различных профессий, сфер научного знания, или различных семейных, социальных положений, или возрастов и тому подобное. Нет. Мы говорим о возможном для человека опыте бездны падения и опыте покаяния и воскресения во Христе.

Первый, т. е. опыт профессий, научного знания, социальных положений и проч., принадлежит временному эмпирическому бытию; второй, т. е. опыт искупления и воскресения во Христе – есть опыт вечности. В первом – раздробленность и бесконечное разнообразие; во втором выявляется богоподобие человека и единосущие человеческого рода. Первый ко второму ничего не может прибавить, когда он есть, и ничуть не умаляет его, когда его нет. Но первый является обстановкой и, в известной мере, условием второго. Всякий человек, крайне ограниченный физически, может иметь лишь весьма ограниченный опыт первого рода, но дух человека таков, что и в этом ограничении эмпирическим бытием он не лишается возможности полноты второго.

Опыт второго порядка, в своей последней глубине, не зависит от эмпирических условий жизни человека. Иначе говоря: нет и не может быть таких внешних условий, при которых пребывание в заповедях Божиих становится абсолютно невозможным.

Кто-нибудь скажет: Не слишком ли велико притязание, когда мы говорим о том, что христианский опыт исчерпывает полноту общечеловеческого бытия? Не есть ли этот опыт, подобно другим, лишь одна из разновидностей бесконечно богатого космического бытия, которое составляется из многих сфер реальностей, доступных тому или иному роду опыта, например:

одна – науке, другая – искусству, третья – философии, четвертая – пантеизму, пятая – христианству, и так далее?

Говоря об исчерпании возможностей человеческого бытия, мы исходим из того положения, что бытие всякого разумного тварного существа движется меж двух пределов: один – любовь к Богу до ненависти к себе; другой – любовь к себе до ненависти к Богу.

Никто из умных тварей не может выйти из этих пределов ни в едином своем акте. Все, что ни совершается в нашем личном бытии, есть наше духовное самоопределение именно в этом порядке, независимо от того отдаем ли мы себе в этом ясный рациональный отчет, или это самоопределение происходит в той рациональной глубине нашего духа, откуда исходит и самое рациональное мышление.

В определении обоих пределов, мы видим одни и те же слова – любовь и ненависть – лишь в иной последовательности, в ином соотношении. Однако, здесь различие не только в последовательности, но и в глубоком значении этих слов. В одном случае – святая и совершенная любовь, и святая и совершенная ненависть; во втором – греховное себялюбие и греховная ненависть. Первая ненависть есть следствие полноты любви к Богу, полной сосредоточенности всех сил нашего существа в Боге, до забвения о себе, до нежелания обращенности к самому себе. Это нежелание обращения к себе принимает категорический характер, и тогда определяется или как «гнев», или как «ненависть» к себе.

Всякая обращенность на самого себя умаляет и даже прекращает пребывание во свете Божества, и потому познавший любовь Божию и вместе горечь потери ее, так остро, гневно отвращается от всего, что приводит к этой потере.

Совершенно иным образом приходится говорить о ненависти к Богу. Любящие себя до ненависти к Богу – это те, которые «более возлюбили тьму, нежели свет» (Иоан.3:19).

Предмет этот превосходит наши силы, и потому прекратим о нем слово.

* * *

Бог призывает всех. Но не все отзываются на Его призыв.

Те, которые отозвались, сурово испытываются Богом, и степень суровости испытания соразмеряется Богом со степенью верности и преданности Ему. Любящие Бога проходят чрез многие и тягчайшие искушения.

Здесь мы хотели бы затронуть один чрезвычайно важный вопрос, о котором, однако, совершенно не знаем, как сказать. Мы не находим ни слов, ни пути к изъяснению этого предмета. Если возможно, постарайтесь понять нас из следующих несвязных слов.

Любящий Бога проходит чрез такие страдания, которых не имеющий глубокой веры в Бога не выдерживает и заболевает душевно. Из глубокой веры и любви рождается великое мужество, о котором говорит Старец. То мужество, которое спасает человека от заболевания при встрече с миром злых духов.

Любящий Бога знает эти страдания, но несмотря на опыт таких страданий, остается не только нормальным, т. е. не только сохраняет способность самообладания, способность логического и нравственного самоконтроля, и всего того, что может быть признаком нормальности, но и достигает несравненно большей глубины и тонкости всех этих способностей, чем то наблюдается у среднего человека.

* * *

Кто познал на опыте величие и трудность христианского пути, тот раздирается двумя чувствами: одно из них – горячее желание всем познания Истинного Бога и света вечного бытия; другое – страх, а что если призываемые не понесут тяготы испытаний? Вот почему он в большей мере обращается к Богу с молитвою о спасении всех и каждого, чем к проповеди.

Истинное христианство в мире почти не проповедуется, потому что проповедь сия превосходит силы человека.

Истинное христианство, по самой сущности своей, таково, что оно никогда не бывает агрессивным.

* * *

Чрез всю историю христианства можно проследить великую осторожность святых подвижников, когда, казалось бы, надлежало поведать откровенно об опыте, им данном. Эта

осторожность вызвана, с одной стороны, сознанием, что если бы люди, которые вообще боятся страданий и малодушно идут даже на малый подвиг, услышали о понесенных ими трудах и скорбях, то просто отшатнулись бы от христианства. С другой стороны, Святые Отцы знали, что когда Бог призывает на этот подвиг Своею благодатью, тогда то, что не познавшим любви Божией кажется несносимым, предстает совсем в ином образе.

* * *

Невидим Бог, и духовные пути к Нему незримы; и как можно изобразить в слове эту таинственную жизнь, полную великой борьбы, которую ведет Христос за вечную жизнь человека, созданного Им и возлюбленного Им?

Бог бережет свободу человека, как самое драгоценное начало в нем, и потому смирением влечет душу к любви Своей; но на пути к этой любви человек встречается с насильником дьяволом.

Господь попускает этому быть. Он воспитывает душу человека не тем, что отстраняет его от встречи со злом, а тем, что дает ему силы на преодоление всякого зла.

Путь человека к Богу исполнен великих борений. Дух подвижника, стремящегося к вечной Божественной любви, чтобы стать воистину разумным и способным к этой любви, неизбежно проходит чрез долгий ряд испытаний.

От любви Божией отрывают подвижника протесты рассудка, его же собственного рассудка, не могущего вместить или принять закон Христов, который ему, рассудку, представляется безумием. В минуты богооставленности протесты эти могут приобретать чрезвычайную силу.

От любви Божией будут отрывать подвижника: иногда желание жизни, иногда страх смерти; иногда позы к наслаждениям, иногда болезни, или голод, или гонения и другие страдания; иногда высота и свет каких-то иных откровений и постижений, иногда глубина и великолепие каких-то иных переживаний; иногда величие каких-то иных обладаний, или широта каких-то иных возможностей; иногда видения ангелов и других небесных существ, иногда насилия страшных темных сил.

С большим основанием можно утверждать, что на пути к стяжанию любви Божией, христианина-подвижника встретит весь ряд возможных искушений и испытаний, так что позднее с кем бы ни встретился подвижник, ему будет известен весь комплекс его переживаний. Отсюда у старцев способность воспринять душу всякого человека, кто бы он ни был, вне зависимости от его социального положения, от его физического возраста или духовного уровня или опыта борьбы со страстями.

Мы решаемся утверждать, – общение со Старцем нас убедило в том, – что все пути человеческие ведомы христианину-подвижнику, в то время, как его пути сокрыты от чуждых взоров (1Кор.2:15–16).

О значении молитвы за мир

БЛАЖЕННЫЙ СТАРЕЦ пишет: «Монах – молитвенник за весь мир... Господь Иисус Христос, Сын Божий, дает монаху любовь Святого Духа, и от этой любви сердце монаха всегда печально о народе, потому что не все спасаются. Сам Господь до того был печален о народе, что предал Себя на крестную смерть. И Божия Матерь ту же печаль о людях носила в сердце Своем... Того же Духа Святого дал Господь Апостолам и Святым Отцам нашим и пастырям Церкви... В этом служение наше миру. И потому ни пастыри Церкви, ни монахи – не должны заниматься мирскими делами, но подражать Божией Матери, Которая в храме, во «Святая святых», день и ночь поучалась в законе Господнем и пребывала в молитве за народ».

Молитва за весь мир, за всего Адама, приводит во многих случаях к удалению от частного служения людям. Быть может, кто-нибудь спросит: не есть ли такое удаление от частного служения отказ от чего-то конкретного ради чего-то абстрактного?

Конечно, нет, так как весь Адам не есть абстракция, а самая конкретная полнота человеческого бытия.

Природа всечеловеческого бытия такова, что каждое отдельное лицо, преодолевая в себе зло, этой победою наносит поражение космическому злу столь великое, что следствия ее

благотворно отражаются на судьбах всего мира. С другой стороны, природа космического зла такова, что побеждаемое в отдельных человеческих ипостасях (лицах), оно терпит поражение, значение и размеры которого бесконечно непропорциональны количеству.

Единый святой – есть явление чрезвычайно драгоценное для всего человечества.

Святые фактом своего бытия, хотя бы и неизвестного миру, но известного Богу, низводят на землю, на все человечество, великое благословение Божие. Старец пишет:

«Вот за этих людей, думаю, Господь сохраняет мир, ибо они приятны Богу, и Бог всегда послушает Своих смиренных рабов, и нам всем бывает хорошо за их молитвы».

* * *

«Мир стоит молитвою, а когда ослабеет молитва, тогда мир погибнет»... «Ты, может быть, скажешь, что теперь нет таких монахов, которые молились бы за весь мир; а я тебе скажу, что когда не будет на земле молитвенников, то мир кончится, пойдут великие бедствия; они и теперь уже есть».

* * *

Святые живут любовью Христовою, которая есть Божественная сила, созидаящая и содержащая мир, и потому так велико значение их молитв. Святой Варсонофий, например, свидетельствует, что в его время молитва трех мужей удерживала мир от катастрофы. Ради неведомых миру святых изменяется течение исторических и даже космических событий, и потому каждый святой есть явление космического характера, значение которого выходит за пределы земной истории в мир вечности. Святые – соль земли; они – смысл ее бытия; они тот плод, ради которого она хранится. А когда земля перестанет рождать святых, тогда отнимется от нее сила, удерживающая мир от катастрофы.

Каждый святой, как Антоний, Арсений, Николай, Ефрем, Сергей, Серафим и им подобные, составляют драгоценнейшее вечное достояние всего мира, хотя мир и не хочет знать об этом и часто убивает пророков своих.

* * *

Есть люди, которые, странным образом, не понимают величия религиозных актов в силу их укорененности в безначальном Божественном бытии. Эти люди религиозную, духовную жизнь воспринимают, как субъективные психологические переживания, умирающие, как только они кончаются в душе. Из долгого общения со Старцем и из вышеприводимых слов его, мы видим, что он духовные состояния считал чрезвычайно великими по своему вечному онтологическому значению. Молитву за врагов и за весь мир он ощутил, как вечную жизнь, как Божественное действие в душе человека, как несозданную благодать и дар Святого Духа; и доколе мир воспринимает сей дар, доколе он будет существовать, а как скоро не станет на земле среди всего множества людей хотя бы отдельных носителей этой благодати, так кончится земная история, и никакая человеческая наука, ни культура не предотвратят этой гибели.

* * *

Каждодневный опыт убеждает нас, что даже люди, приемлющие душою заповедь Христа о любви к врагам, – в жизни ее не осуществляют. Почему? Прежде всего потому, что любить врагов без благодати мы не можем; но если бы люди, понимая, что это превосходит их естественные силы, искали бы, как говорит Старец, от Бога благодатной помощи, то, несомненно, получали бы этот дар.

К сожалению, преобладает обратное явление, а именно: не только неверующие, но и исповедующие себя христианами, боятся по отношению к врагам действовать согласно заповеди Христа. Они полагают, что это выгодно только врагам; что враги, которые чрез черную призму ненависти представляются, обычно, не имеющими в себе ничего доброго, воспользуются их «слабостью», и на любовь ответят тем, что или распнут, или бесстыдно растопчут и поработят, и тогда восторжествует зло, олицетворением которого, вообще, представляется враг.

Мысль о «слабости» христианства глубоко неправильна.

Святые обладают силою, достаточною для господствования над людьми, над массами, но они идут обратным путем: они себя поработают брату и чрез то приобретают себе такую

любовь, которая по самой сущности своей нетленна. На этом пути они одерживают победу, которая пребудет во веки, тогда как победа силою никогда не бывает прочна и по роду своему является не столько славою, сколько позором человечества.

Старец и воплощение Бога-Слова, и всю земную жизнь Христа воспринимал как любовь ко всему миру, хотя он и исполнен вражды на Бога. Также и Духа Святого он познал в любви, которая явлением своим изгоняет всякую ненависть, как свет прогоняет тьму; в любви, которая уподобляет человека Христу в самых внутренних движениях души. Это и есть, по учению Старца, истинная вера.

«Многие изучили все веры, но истинной веры, как должно, так и не познали; но кто будет во смирении молиться Богу, чтобы просветил его, тому даст Господь познать, как много Он любит человека».

Люди боятся броситься в тот огонь, который принес Господь на землю. Они боятся сгореть в нем и «погубить» свою душу. Но те, кто не убоился этой веры (Лк. 17:33; Ин.12:25), как видим на примере Старца, знают, что они обрели вечную жизнь, и знают это до очевидности, и не требуется им другой свидетель, кроме духа, свидетельствующего в них самих (1Ин.3:14, 5:10).

Многие годы жизнь Старца была молитвою за мир; и неведомым для нас образом, благодать Божия извещала его, что доколе в мире есть такая любовь и молитва, мир будет храним Богом, а когда совсем исчезнет с лица земли любовь к врагам, тогда мир погибнет в огне всеобщего раздора.

Путь Старца есть путь святых, указанный Самим Христом, но мир в целом не принял его.

Борясь со злом, проявляющимся и физически, люди прибегают к физической силе. На этот путь становятся даже христиане. В Западной Церкви, в средние века, физическая борьба со злом получила догматическое оправдание, которое не отвергнуто ею и доныне.

Тогда это выливалось в формы «священной инквизиции», а ныне принимает другие формы, которые, однако, по своей духовной сущности остаются тождественным явлением. В истории Православной Церкви, и древней и новой, вплоть до

наших дней, также известны многие случаи склонения к идее физической борьбы со злом, но, к счастью, то были срывы отдельных иерархов или церковных групп. Сама же Церковь не только не освятила и не догматизировала этих средств, но всегда выходила на путь следования Распятому Христу, взявшему на Себя тяготу мира.

У Старца было глубокое и определенное сознание, что зло побеждается только добром; что борьба силою приводит лишь к замене одного насилия другим. Нам много раз пришлось беседовать с ним об этом предмете. Он говорил: «В Евангелии ясно сказано... Когда самаряне не захотели принять Христа, то Апостолы Иаков и Иоанн хотели свести огонь с неба, чтобы истребить их, но Господь запретил и сказал: не знаете вы, какого вы духа... Я пришел не погубить людей, а спасти (Лк. 9:52–56). «И мы должны иметь только эту мысль, – чтобы все спаслись».

* * *

Бог благоволил, к стыду и позору нашему, допустить нас близко к Старцу и в нем видеть отчасти, какую дивную жизнь принес на землю Христос; видеть, как в одном сердце странным образом сожительствоуют глубокий крепкий мир, и глубокий великий плач; радость и покой за все, и вместе великое страдание духа, живущего трагедию человечества.

Закон, если уместно здесь это слово, вечной жизни в двух заповедях: о любви к Богу и о любви к сочеловеку. Но когда подвижник удаляется от мира, то в начале жизнь его по преимуществу сосредоточивается на первой заповеди и на личном покаянии, принимая характер как бы эгоистический.

Позднее, когда покаяние достигнет известной меры полноты, и души подвижника коснется благодать, тогда начинает в нем действовать любовь Христова, изливающаяся на людей и на все человечество. Тогда, оставаясь даже в пустыне и не видя мира телесными очами, он видит его духом и глубоко живет страданиями мира, потому что живет их с христианским сознанием неповторимости и великой вечной ценности каждого человека.

Куда бы ни ушел человек, в какую бы пустыню не заключился, если он на путях подлинной жизни в Боге, он будет жить трагедию мира, и даже несравненно напряженнее и глубже, чем сами живущие среди мира, потому что они не ведают чего лишены.

Люди страдают от многих лишений, но, за редкими исключениями, своего главного лишения они не сознают. Лишенные временных благ, испытывая в них недостаток, они скорбят и плачут; но каким плачем рыдал бы весь мир, если бы он осознал свое главное лишение; и каким исканием искал бы «единое на потребу»?

* * *

Возможна скорбь о мире истинная, святая, боголюбезная, но возможна и извращенная, темная. В душе человека, не познавшего совершенной любви, две заповеди Христа нередко становятся в резкое взаимное противоречие. Любящий Бога – уходит от мира и погружается в некоторый духовный эгоизм,³³ и как бы равнодушный к совершающемуся в мире, спасает свою душу. Страстно любящий человеческий мир, живет его страданиями. Нося в себе скорбь о мире, он восстает на Бога, считая Его виновником тех страданий, которыми залит весь мир; и восстает иногда до сильной вражды. Но в Блаженном Старце можно было видеть, по образу Христа, и ту и другую любовь в их органическом единстве при различии выявлений: торжествующая в вечности, любовь страдает в нашем мире греха.

* * *

Бог допустил нас видеть отчасти, как плакал Старец о том, чтобы не лишился мир благодати Святого Духа, которую дано было ему познать. Он томился глубоким «жалением» и «всем народам земли» просил у Бога милосердия.

Так подлинная любовь к Богу выливается в подлинную любовь к человеку. И потому постоянным утверждением Старца было, что «кто не любит врагов, в том нет любви Божией».

«Жаление врагов», не презрительное жаление имел он в виду, а «жалость» любящего сердца, – для него было показателем истинности пути Божьего.

Последнее слово

ЕСЛИ МЫ мысленным взором окинем двухтысячелетнюю историю христианства, то нам представится необозримое богатство достижений христианской культуры. Колоссальные библиотеки, полные великих произведений человеческого ума и духа. Огромное количество академий, университетов, институтов, где сотни тысяч молодых людей, приступающих к берегам этого великого океана, иногда с затаенным дыханием, иногда с бьющимся сердцем, благодарным за счастье и блаженство, им данное, иногда с горячим увлечением, отгоняющим сон и заботу о теле, жадно пьют живую воду премудрости. Десятки тысяч великолепных храмов, чудных созданий человеческого гения.

Неисчислимы драгоценные произведения других видов искусства; музыки, живописи, скульптуры, поэзии. И еще многое, многое другое. А Старец как будто игнорирует все это и остановился только на одном: смирение и любовь к врагам – в этом в с е.

Помню, в один момент моей жизни, увлеченный творениями Святых Отцов, я сказал ему с печалью: «Жалею, что у меня нет ни сил, ни времени заниматься изучением богословия». На это он ответил:

«И вы считаете это великим делом?» – Помолчав, он добавил: «по-моему, велико только одно: смирить себя, ибо гордость мешает нам любить».

Были случаи в нашей жизни, когда Бог показал нам, что Старец был воистину носителем Духа Святого, и потому слову его мы верили без нашего неуместного и жалкого суда.

И теперь мы не находим в себе ни малейшего возражения Старцу, но сердцем чувствуем, что слово его есть – «последнее» слово.

Господь весь закон и пророков свел к двум кратчайшим заповедям (Мф.22:40). А на Тайной Вечере, перед самым исходом Своим на крестную смерть, сказав Апостолам: «Нет большей любви, как если кто душу свою положит за друзей своих», тут же добавил: «Вы друзья Мои... Я назвал вас

друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего» (Ин.15:13–15). Так в этих немногих словах было сказано в с е. И без них – все законы, все пророки, все культуры – «НИЧТО».

* * *

Прошло десять лет со дня кончины Старца, и потому стало возможным слово его предложить верующим. При жизни слово сие говорится только ближайшим и верным друзьям, и то в редкие и исключительные минуты, потому что не знает человек, как завершит он свой путь; не знает – оправдает ли он свое слово жизнью и смертью своею.

И мы, если бы слово это было нашим, не говорили бы его, потому что не оправдываем жизнью своею и не выдерживаем суда его. Но в данном случае дело наше можно сравнить с трудом почтальона, приносящего не им написанное письмо, или наборщика, набирающего чужое произведение. Однако мы дерзаем думать, что слово Старца заслуживает величайшего внимания и изучения, не внешнего, конечно, а самую жизнь. Мы не знаем никого, кто с такою решительностью, с таким воистину апостольским убеждением, даже лучше сказать, знанием – утверждал бы, что любовь к врагам есть «единственный» достоверный критерий истины, и при том не только в смысле сотериологическом, т. е. такого строя духовно-нравственной жизни, который спасает человека, но и в плане догматическом, т. е. отвлеченно-идеальных представлений о Бытии. Весь мир ищет критерий истины даже до сего дня.

Верующий таковым признает Церковь, ибо Она «Столп и утверждение истины» (1Тим.3:15) в силу онтологической связи Ее с Главою-Христом, мистическим телом Которого Она является; в силу непрестанного пребывания в Ней и действия Духа Святого, по обетованию Божию. Но в историческом опыте обнаружилась недостаточная ясность такого указания, потому что Церковью называют себя не только Единая истинная, но и все лжецеркви, и нет внешнего признака, бесспорно отличающего истинную Церковь от лже-церквей.

Указываемый же Старцем критерий можно назвать универсальным, потому что каждому дает возможность чрез

подлежащую контролю нашего сознания духовную жизнь в ее психическом выявлении не только определить свое духовное место, т. е. познать правду или неправду своего индивидуального пути пред Богом, но и отличить учение истинной Церкви от всего того, что привносится в него чуждого и извращенного.

Догматическое исповедание Церкви составляет органическое, нерасторжимо-целостное единство, из которого нельзя произвольно вырывать отдельные части.

Ошибка в чем бы то ни было непременно отразится на образе духовной жизни человека; и если возможны такие погрешности и отступления в мышлении о Божественном бытии или заповедях, которые не отразятся губительно на деле спасения, то возможны и такие отступления и извращения, которые воспрепятствуют спасению.

Учению Церкви не свойственен характер «чистого» знания, и догматы Ее не суть отвлеченное учение о Божественном бытии, что явилось бы чуждым Церкви «гносисом».

Нет. Догматы истинной Церкви всегда имеют два аспекта: «онтологический»³⁴ и сотериологический.

Как Дом Бога живого, Она прежде всего и больше всего занята вопросом «жизни», цель Ее и задание – спасение человека; и потому первенствующее значение отводится не отвлеченной «онтологии», а вопросу спасения. Спасение же достигается чрез соблюдение заповедей Христа о любви к Богу и ближнему. Вторая заповедь Христа включает в себя и повеление Господа: «любите врагов ваших».

Старец так познал явившегося ему Христа, и настаивал, что это есть единственный истинный и достоверный путь к тому богопознанию, которое есть вечная жизнь; это есть путь к познанию Бога через пришествие и вселение Его в душу человека (Ин. 17, 3, 14:21–23).

Истинная Церковь всегда хранит учение Христа неповрежденным, но не все, считающие себя членами Церкви и даже говорящие от имени Ее, понимают его, потому что врата любви Ее широко раскрыты всякому человеку независимо от его духовного преуспевания, лишь бы он исповедал веру и

намерение спастись. В силу этого эмпирически данное бытие Церкви всегда представляет смешение истины, выявляемой святостью жизни, с не-истиной, привносимой грехами немощных членов Ее, не исключая и отдельных представителей священной иерархии.

Это обстоятельство весьма усложняет вопрос различения истинной Церкви от лже-церквей, которые также могут указать на свою историческую преемственность от апостольских времен, которые тоже проповедуют догматическое учение, почерпнутое из Священного Писания, но с привнесением того, что чуждо Божественной истине и Божией воле. Источником привносимых повреждений и извращений является греховная воля, человеческая или демоническая, которая часто не может быть не только логически доказана другим, но даже и уяснена для самого себя. И во всех этих случаях указываемый Старцем Силуаном критерий драгоценен, потому что дает возможность безошибочно обнаружить наличие воли, чуждой Богу, «Который хочет, чтобы все спаслись» (1Тим.2:1–6) и Который дал нам заповедь «Любите врагов ваших».

Эта заповедь Христа, являясь отражением в мире все-совершенной любви Троиственного Бога, есть краеугольный камень всего нашего учения; это – последний синтез всего нашего богословия; это есть «сила свыше» и тот «избыток жизни», который даровал нам Христос (Ин.10:10); это есть то «крещение Духом Святым и огнем», о котором говорит Иоанн Креститель (Мф. 3, 11). Слово это, «любите врагов ваших», есть тот огонь, который низвел на землю Господь Своим пришествием (Лк. 12, 49); это – тот несозданный Божественный Свет, который воссиял Апостолам на Фаворе; это – те огненные языки, в которых сошел Дух Святой на Апостолов в Сионской горнице; это – «Царство Божие в нас, пришедшее в силе» (Мк. 9, 1); это – полнота человечности и совершенство богоподобия (Мф. 5, 44–48).

Как бы ни был человек и мудр, и учен, и благообразен, но если он не любит врагов, т. е. всякого сочеловека, Бога он не достиг. И наоборот, как бы ни был прост, и убог, и «невежествен» человек, но если он носит в сердце своем сию любовь, то «он

пребывает в Боге, и Бог в нем пребывает». Любить врагов вне Единого Истинного Бога, утверждал Старец, невозможно. Носитель такой любви – причастен вечной жизни, несомненное свидетельство о том имея в душе своей. Он – жилище Духа Святого, и Духом Святым знает Отца и Сына, знает подлинным и живоносным знанием, и в Духе Святом он брат и друг Христа, он сын Божий, и бог по благодати.

* * *

Взирая на Блаженного Старца Силуана, мы нередко помышляли:

Где бы мы ни взяли христианскую жизнь, она предстанет нам, как во всем противоположная обычному ходу человеческой жизни и мерилам ее. Во всем мы увидим странную парадоксальность.

Христианин в сердце своем смиряется до последней степени, нисходит в своем сознании «ниже всякой твари», и чрез это смирение возносится к Богу и бывает выше всякой твари.

Христианин отходит от мира; в «эгоистической» заботе о своем спасении он все оставляет, как ненужное; он «ненавидит» отца своего и мать, и детей, если есть; он отвергает всякую плотскую и душевную связь; в своем устремлении к Богу, он «ненавидит» мир и всецело уходит в глубину своего сердца. И когда действительно войдет туда, чтобы сотворить там брань с сатаной, чтобы очистить сердце свое от всякой греховной страсти, тогда в том же сердце своем, в глубине его, он встречается с Богом, и в Боге начинает видеть себя неразрывно связанным со всем бытием мира, и нет тогда для него ничего чужого, постороннего.

Порывая в начале с миром, он чрез Христа снова обретает его в себе, но уже совершенно иным образом и становится связанным с ним «союзом любви» на всю вечность.

Тогда всякий человек, независимо от удаленности места или исторической эпохи, когда он жил, включается чрез молитву в его вечную жизнь. Тогда он познает, что сердце его не есть только физический орган или орган психической жизни, но нечто не поддающееся определению, способное соприкасаться с

Богом, источником всякого бытия. В глубоком сердце своем христианин каким-то образом переживает всю историю мира, как свою собственную, и видит не только себя, но и весь мир человеческий, весь комплекс возможных мыслей и духовных переживаний, и нет тогда для него чужого человека, но каждого он любит, как заповедал Христос.

Чтобы устоять в любви Божией, необходимо, чтобы и гнев и «ненависть» достигли последнего напряжения, но направляются они на живущий во мне грех, на действующее во мне зло, «во мне», а не в брате.

Вся сила сопротивления космическому злу сосредоточивается в глубоком сердце христианина, в то время как внешне он, по повелению Господню, «не противится злему» (Мф.5:39).

Сердце христианина всего боится, вплоть до малейшего движения мысли или недоброго чувства; оно тревожится за все, о всем болит и печалится, и вместе с тем ничего, ничего не боится, хотя бы «небо столкнулось с землею», хотя бы горы с шумом пали на главы наши всей своею мнимою тяжестью, глубокое сердце христианина пребудет в бесстрашном покое.

Христианин самое незащищенное существо; он под ударами всех и каждого; христианин – всем раб и всем поправление (1Кор.4:13), и вместе он, и только он свободен и неприкосновенен в самом глубоком и совершенном смысле этого слова.

Начиная с отрешения, отвержения и «ненависти», по слову Христа: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, еще же и самую душу свою, тот не может быть Моим учеником» (Лк.14:26). И еще: «Всякий, кто не отречется от всего, что имеет (в плане ли материальном, или интеллектуальном, или душевном), не может быть Моим учеником» (Лк.14:33), кончает христианин желанием душу свою положить за Христа, и «за други и недруги своя».

Итак, все отвергая, со всем порывая, все «ненавидя», христианин получает от Бога дар вечной духовной любви ко всем и всему. Все оставляя, от всего отрешаясь, он становится

обладателем несоизмеримо больших богатств, подлинных и вечных. «Ничего не имущие, мы всем обладаем» (2Кор.6:10).

Так при сравнении с обычной жизнью, христианская жизнь предстает во всем как бы противоположною, парадоксальною.

При общении со Старцем, мы часто помышляли: «Ходит он по земле ногами, и руками работает, и живет посреди людей, как самый простой человек, но никто, кроме Бога, не знает его».

XIII. Кончина старца

ЖИТЬ по-христиански – нельзя; по-христиански можно только умирать, как умирал Апостол Павел на каждый день (1Кор.15:31).

В нашей беспомощной попытке описать хоть сколько-нибудь духовный путь Великого Старца, мы приближаемся к завершению им своего жизненного пути, что на обычном человеческом языке именуется смертью, а на языке верующих – кончиною. В последние годы жизни душа Старца постоянно была увлечена молитвою за мир. До конца он внешне пребывал спокойным, ровным, но очень часто выражение глаз его бывало сосредоточенно-печальным. В беседе своей он чаще всего возвращался к двум темам; он говорил:

«Иду ко Отцу Моему, и Отцу вашему, к Богу моему, и Богу вашему». Подумайте, какие это милостивые слова... Господь из всех нас делает одну семью».

И еще говорил:

«Молитесь за людей... Жалейте народ Божий».

На мое замечание, что молиться за людей трудно, он ответил:

«Конечно трудно... Молиться за людей это – кровь проливать... но надо молиться... Все, чему когда-либо научила благодать, надо делать до конца жизни... Господь иногда оставляет душу, чтобы испытать ее, чтобы душа показала свой разум и свое произволение, но если человек не будет понуждать себя на делание, то потеряет благодать, а если проявит свое произволение, то благодать возлюбит его и уже не будет оставлять».

Было очевидным, что «благодать возлюбила его и уже не оставляла». Но куда влечет благодать?

* * *

В строении мира усматривается иерархический порядок, деление на высшее и низшее: «Пирамида бытия». В человеческом же сознании мы находим идею равенства, как неотступное требование нашей глубокой совести.

Некоторые, наблюдая над психофизическим миром, с одной стороны, и над эмпирически данным духовным бытием человеческим – с другой, и констатируя и в том и в другом пирамиду неравенства, приходят к идее неравенства и в человеческом бытии, как чего-то онтологически необходимого, и по страсти, или по бесстрастному философскому убеждению заглушают в себе требование совести. Другие, исходя именно из этого непрестающего требования глубокой совести, глубокого сознания человеческого духа, неизменно стремятся к осуществлению равенства в бытии человечества.

Но возможно ли равенство там, где основным принципом бытия является свобода? Из опыта истекших тысячелетий истории человечества напрашивается ответ – «нет».

Что же делать для того, чтобы изменить этот неприемлемый для нашего духа порядок вещей? Ведь отказаться от глубочайшей духовной жажды – видеть всех людей равными в своей полноте – мы «не можем».

Обратимся к Христу и посмотрим, как Он разрешает эту задачу.

Господь не отрицает факта неравенства, иерархию, деление на высшее и низшее, большее и меньшее, но эту Пирамиду бытия Он опрокидывает вершиною вниз, и тем достигает последнего совершенства.

Несомненная вершина этой пирамиды – Сам Сын Человеческий, Единственный, подлинный, вечный Господь; и Он говорит про Себя, что «не пришел, чтобы Ему служили, но послужить и дать душу Свою во искупление многих» (Мф.20:28). Об ангелах мы приняли учение, как о существах высших нас по своему ведению и образу своего бытия по сравнению с нашим земным бытием, но о них Апостол говорит, как о «служебных духах, посылаемых на служение тем, которые имеют наследовать спасение» (Евр.1:14). Своим ученикам Господь заповедует последовать Его образу, который Он дал, омывая им ноги (Ин.13:15). Он говорит им:

«Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими. У вас же да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою, и кто хочет

быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20, 25–27; Мк. 10, 42–44). Этим определяется назначение и смысл Церковной иерархии, а именно: возведение стоящих ниже на ту ступень духовного совершенства, на которой находится стоящий в иерархическом порядке выше, по слову Апостола: «И Он поставил одних апостолами, других пророками, иных евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания тела Христова; доколе «все» придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 11–13).

Христос, как Творец, т. е. причина, по-славянски – «вина» бытия, и в этом смысле, как «Виновник» бытия мира, взял на Себя тяготу – грех всего мира. Он – вершина опрокинутой пирамиды, вершина, на которую давит тягота всей пирамиды бытия.

Последователи Христа неизъяснимым образом уподобляются Ему чрез принятие на себя тяготы или немощи других: «сильные должны носить немощи слабых» (Римл. 15, 1).

Мы говорим здесь обо всем этом с тем, чтобы указать на характерную особенность христианского пути; о том, что нам пришлось наблюдать во внутренней жизни Старца. Мы сознаем свое бессилие в словах и образах раскрывать эту жизнь.

Христианин идет «вниз», туда – в глубину опрокинутой пирамиды, где сосредоточивается страшное давление, где взявший на Себя грех мира – Христос.

Когда сердца касается большая благодать Божия, тогда в нем начинает действовать сила любви Христовой, и влекомая этой любовью душа действительно опускается на глубину опрокинутой пирамиды, стремясь ко Христу, уподобляясь Ему. В пределах своих сил человек берет на себя тяготу братьев.

И тут создается состояние, о котором невозможно поведать словом. Глубина и сила пережитых в своей жизни страданий сделали сердце исполненным великой жалости ко всякому страждущему; любовь сострадательная достигает готовности пожертвовать собою, всем своим бытием, ради блага ближних, и вместе любовь неудержимо влечет к Богу всего человека: ум,

сердце и самое тело, – все существо человека влечется к Богу в глубокой, горячей молитве, с плачем о людях, иногда отдельных, известных или неизвестных, иногда о всем «от века» человечестве, а иногда после долгих страданий любви, душа всецело предается Богу, и забывает весь мир.

«Когда душа в Боге, то мир забыт совсем, и душа созерцает Бога».

После того, как внутренне принесена жертва, т. е. внутренне отдано все, в человеке рождается покой за все. Наступает внутренний глубокий мир, мир Христов, превосходящий всякий человеческий ум (Фил. 4, 7).

На дне опрокинутой пирамиды, глубочайшее дно-вершина которой взявший на Себя грех и тяготу всего мира, по любви к миру распятый Христос, совсем особая жизнь, совсем особый свет, особое благоухание. Туда любовью увлекается подвижник Христов.

Любовь Христова своего избранника мучает, тяготит и делает его жизнь невыносимо тяжелой, доколе не достигнет она своего последнего желания, и пути к достижению этой последней цели она избирает необычные.

«Молиться за людей – это кровь проливать». И мы видели и свидетельствуем, что Блаженный Старец Силуан, молясь за людей, за мир, за все человечество, за всего Адама, в этой молитве, отдал свою жизнь.

Такая молитва есть покаяние за грехи людей, и, как покаяние, есть взятие на себя тяготы их, и, как молитва за весь мир, есть в какой-то мере несение тяготы мира. Но для того, чтобы в человеке явилось дерзновение для такой молитвы, в нем самом личное покаяние должно сначала достигнуть какого-то завершения, потому что если он продолжает жить в грехе и страстях, то вместо несения на себе тяготы братьев, он свою тяготу возлагает на них. Чтобы приобщиться страстям Христа за мир, чтобы иметь «участие в страданиях Его»

(Фил. 3, 10; 1Петр. 4, 13) нужно «престать от греха» (1Петр. 4, 1).

* * *

Жить по-христиански нельзя; по-христиански можно только умирать. Покамест человек живет в этом мире, в этой плоти, он всегда покрыт как бы покрывалом, и покрывало сие не дает ему в совершенстве и непрерывно пребывать в Боге, к Которому стремится душа. Покамест человек в этой плоти, он этой стороной жизни своей всегда стоит в условности земного бытия, и потому всякое действие его носит также условный характер и совершенства своего достигает не иначе, как чрез великое таинство смерти, которое наложит печать вечной правды на весь пройденный жизненный путь, или, наоборот, обличит его ложь. Смерть, как разрушение органической жизни тела, у всех людей подобна, но как духовное событие, она у каждого принимает свой особый смысл и значение.

В данной книге мы не ставим себе невозможной задачи – раскрыть в полноте тайну христианской духовной жизни; мы не решаем здесь никаких проблем; наша задача состоит лишь в том, чтобы хоть отчасти коснуться ее, и тем показать, исходя из опыта Старца, как мы его наблюдали, что христианин-подвижник, руководящийся заповедью Христа, неизбежно остановится на том условии, без которого невозможно исполнение этой заповеди, а именно: «если кто не возненавидит душу свою, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

Когда христианин в горячем стремлении к заповеданному совершенству воспринимает глубоко в душу и это условие, указанное Самим Господом, тогда начинается тот опыт, о котором с большим основанием можно сказать, что он приводит человека к тем последним пределам, которые вообще доступны человеку.

Христос – совершенный Бог и совершенный человек.

Совершенный человек и в смысле последнего совершенства и в смысле – настоящий, подлинный человек. Только Он, всесовершенный человек, до конца исчерпал всю полноту человеческого опыта, а те, которые следуют за Ним, водимые Его заповедью и Его Духом, лишь приближаются к этой полноте, не исчерпывая ее, во всяком случае, в пределах земной жизни.

Говоря о полноте человеческого опыта, мы убеждены, что она доступна человеку во всех условиях, так что монашество в этом отношении не является исключением из общего положения. Каждому из нас дана та же самая заповедь, иначе говоря, никто из нас не умален пред Богом, но каждый почтен в равной мере. Каждому из нас дана и та сумма, если позволительно так выразиться, на которую приобретается последнее доступное человеку совершенство, цена которого для всех и каждого одна и та же: – не пощадить себя до конца. Не пощадить себя до конца не значит только «раздать все имение свое или отдать тело свое на сожжение» (1Кор. 13, 3), но отрешиться от всего, что имеем (Лк. 14, 33) в пределах своего тварного бытия в его отдельности от Бога, в эгоистической обособленности и противополжении себя ближнему, сочеловеку.

В полноте это достигается лишь в смерти, и потому жить по-христиански, в сущности, нельзя; по-христиански можно только умирать.

* * *

Блаженный Старец многожды говорит, что Дух Святой научил его любить любовью Христа.

Любить любовью Христа это значит пить чашу Христа, ту чашу, которую Сам Человек-Христос просил Отца «мимонести».

Любовь Христова есть блаженство ни с чем не сравнимое в мире сем, и в то же время она есть страдание – большее всех страданий, страдание до смерти.

Этот последний порог, смерть, есть и последнее испытание нашей любви и свободы. Кто хоть отчасти, хоть издали идет вслед Христу, восходящему во Иерусалим, тот поймет страх, который испытывали следовавшие за Ним Ученики Его (Мк. 10, 32). Это потому, что всякое действие по заповеди Христа проходит чрез испытание, и «иначе не бывает»; и только по испытании получает оно свое вечное достоинство. Подвижник, зная этот духовный закон, нередко с глубоким страхом решается на дело любви, но после, когда пройдет чрез испытание и уразумеет величие дара Божия человеку, – богоподобной свободы и богоподобной жизни, не находит ни

слов, ни воздыханий для выражения своей благодарной любви к Богу.

В жизни подвижника бывают положения, когда он в полноте решается на смерть, но обычно огонь этот носится им в душе затаенным и без проявлений всей его силы; умеренное же, невыявляемое внешне действие его однако необходимо в течение даже повседневности, чтобы пребывать в посильном хранении заповеди.

* * *

В молитве за мир от большой любви человек доходит до такого состояния, когда не щадит в себе ничего; и тогда эта внутренняя жертва принесена, тогда душа достигает глубокого мира за в с е. Но по окончании молитвы, снова видя мир погруженным в страдания и тьму, она снова движется на молитву, и так доколе не достигнет последней грани своей жизни.

Возвращаясь от молитвы к дебелости психофизической жизни, душа испытывает некую печаль за недостаточность своей жертвы и даже некий стыд за свою ложь, как сказано: «всякий человек ложь» (Пс. 115, 2). Ложь, потому что не пребывает неизменным, и если сегодня сказал – люблю, то завтра не обретает уже в себе той любви. Так постепенно создается в душе человека потребность преодолеть ложь своей жизни и довести молитву до конечной правды, что достигается только в смерти.

* * *

В четверг 2/15 сентября 1938 г. утром, около 5 часов (по афонскому счету – около 11), я зашел к Старцу в магазин и нашел его, как всегда, спокойным; он говорил своим обычным глуховатым голосом; внешне я не заметил в нем какой-либо перемены; он был занят своей обычной работой.

Около 10-ти часов утра, после обеда, я зашел к нему в келлию. Он сидел на стуле у столика.

Увидав его изменившимся, я спросил:

- Старец, что с Вами?
- Я не здоров.
- Что с Вами?

– Не знаю.

Встав со стула, он глубоко сел на постель, откинувшись спиной на стену, правой рукою поддерживая тело в полулежачем положении; медленно выправляя шею, он поднял голову: на лице его изобразилось страдание.

Я спросил:

– Старец, Вы хотите умереть?

– Я еще не смирился, – ответил он.

Постепенно он поднял ноги на постель, а голову опустил на подушку; и так одетый лежал.

После некоторого молчания я сказал:

– Старец, Вы бы легли в больницу.

– Не хочется мне идти в больницу, потому что там народ, и потом положат опять, как прошлый раз, под часами, а они своим стуком мешают молиться.

– Но здесь больному нельзя оставаться; кто Вам сможет служить?.. а там все-таки удобнее.

– Если бы они дали мне отдельную комнату, то я пошел бы в больницу.

Сказав, «я пойду переговорю с доктором», я ушел к Отцу Фоме, монаху, который заведовал больницею и назывался доктором. О. Фома не получил в миру образования, но всю жизнь работая в больницах Монастыря, приобрел солидный опыт и даже некоторые теоретические познания. Это был человек одаренный богатой врачебной интуицией и был очень полезен для Монастыря, так как на Афоне нет настоящих больниц и врачей.

Больница Пантелеимоновского Монастыря размещена в двух этажах, и таким образом делится на две палаты: верхнюю и нижнюю. Помещение нижней палаты представляет собою большую залу, разделенную простенком на две половины.

Во второй, задней половине, со стороны окон, обращенных к морю, углы отделены от общего помещения тонкими стенками, образуя две маленькие комнатухи; правую из них доктор любезно предоставил Старцу.

Возвратившись к нему, я сказал, что доктор дает комнату в нижней палате. Старец согласился пойти, но был уже настолько

болен, что один идти не мог, нужно было его поддерживать. Со скорбью вел я его в больницу.

Никакими техническими средствами, способствующими постановке диагноза, Монастырская больница не располагает.

Что было у Старца, никто не выяснил; состояние его здоровья быстро ухудшалось. Как тяжело больной, по обычаю Монастыря, он причащался каждый день. В понедельник, 6/19, было совершено елеосвящение.

Я часто посещал его, но не решался беспокоить беседой, а садился у полуоткрытой двери снаружи, так как комнатка была очень маленькой. При жизни Старца мне представлялось часто возможным видеть его жизнь, слышать от него многое, что раскрывало картину его внутреннего духовного пути; было возможно до какой-то степени следить за его приближением к великому таинству смерти, но самый момент смерти остался для меня сокрытым.

Последние дни своей жизни, с начала болезни до кончины, Старец молчал. При жизни он рассказывал, как один схимонах в больнице, готовясь к смерти, все время проводил с закрытыми глазами, чтобы не нарушить памяти Божией каким-либо внешним впечатлением. Этот схимонах, когда приходил к нему его близкий друг и сподвижник, которого он любил, беседовал с ним очень кратко, не открывая глаз и лишь по голосу узнавая своего друга. Помня это, я не нарушал покоя Старца никакими вопросами за редкими исключениями. Чрез неделю состояние Старца стало угрожающим. В пятницу 10/23 сентября, вечером, незадолго до захода солнца пришел к нему духовник Иеросхимонах Сергей, чтобы прочитать над ним умилительный канон Божией Матери на исход души, именуемый «отходная». Подойдя к постели больного, духовник сказал:

– Благословите, Отец Силуан.

Старец открыл глаза и молча мягко посмотрел на нас.

Лицо его было болезненно бледным, но спокойным. Видя Старца молчащим, духовник спросил:

– А что, Отец Силуан, Вы узнаете нас?

– Узнаю, – ответил он тихим голосом, но ясно.

– А как Вы себя чувствуете?

– Хорошо, мне хорошо.

Был ли этот ответ аскетическим желанием скрыть свои страдания и не выявить их жалобой на болезнь, или Старец действительно чувствовал себя настолько хорошо духовно, что болезнь уже не воспринималась и не нарушала мира души, – не знаю.

– Мы пришли помолиться с Вами и прочитать канон Божией Матери... хотите? – сказал духовник.

– Да, хочу... спасибо.. очень хочу.

Духовник начал читать канон. Старец бледный лежал на спине спокойно, неподвижно, с закрытыми глазами; правая рука на груди, левая вдоль тела. Не перемещая его левой руки, я осторожно нашел его пульс; он был очень плохой: то совсем слабый, едва ощутимый, то большего наполнения, но и в том и другом случае настолько аритмичен, что в течение полминуты переменялся несколько раз.

Кончилось чтение отходной. Старец снова открыл глаза, тихо поблагодарил нас, и мы простились «до утра».

В полночь в комнатушку зашел больничар, отец Николай. Старец спросил его:

– Утреню читают?

– Да, – ответил больничар, и добавил: – Нужно что-нибудь?

– Спасибо, ничего не нужно.

Спокойный вопрос Старца, такой же ответ его больничару на предложение услуг, и то, что он слышал чтение, которое до его угла вообще едва доносится, все это показывает, что он был в полном сознании и самообладании. Когда кончилось чтение утрени, т. е. через полтора часа после этой короткой беседы, отец Николай снова заглянул к Старцу и был крайне удивлен, найдя его уже скончавшимся. Никто не слышал его кончины; даже те, которые лежали близко к нему. Так тихо отошел он к Богу.

* * *

По уставам Церкви тело монаха не должно обнажать, и потому полное омовение не совершается, а лишь сырой губкой делается знамение креста на лбу, груди, руках, ногах и коленях. Одетое во все монашеское, в подрясник, поверх схи́ма, тело

усопшего с головой зашивают в рясу³⁵, кладут на специальные носилки, поют малую заупокойную литию и переносят в церковь, накрыв черным покровом с нашитым на нем темно-красным крестом на подобие креста на схиме.

Утренняя в больнице вычитывается значительно быстрее, чем в Соборе, и потому до начала литургии оставалось некоторое время, в течение которого все несложные приготовления монашеского тела для перенесения в церковь были закончены, и тело Старца на носилках поставлено было в больничной церкви на заупокойную литургию, по окончании которой монахи, сменяя один другого, читали над ним псалтирь.

По обычаям Монастыря, Старца, как прожившего долго в Обители и занимавшего ответственные послушания, отпевали «собором». После вечерни, тело его из больничной церкви было перенесено в главный храм Монастыря во имя Св. Великомученика Пантелеймона, где собором иеромонахов был совершен чин отпевания. Обычно предстоятелем собора бывает игумен, но так как старый игумен Архимандрит Мисаил в то время уже не выходил из своей келлии, страдая от гемиплегии, председательствовал его наместник, Иеромонах Иустин. По совершении уставного чина монашеского отпевания, тело Старца было вынесено на Кладбище, расположенное вне врат Монастыря, и зашитое в рясу, без гроба, опущено в могилу при пении заключительной литии и вечной памяти.

Скончался Блаженный Старец Схимонах Силуан во втором часу ночи на 11/24 сентября 1938 г. и был погребен в тот же день вечером в 4 часа.

XIV. Некоторые посмертные отзывы о старце

АФОНСКОЕ монашество, в своем трезвенном недоверии человеку, держится правила Отцов: «Никого прежде конца не ублажай». Эта положительная трезвенность, как и все в человеческой жизни, может переходить границы должного, принимая характер преувеличенного опасения человеческой никчемности. Афонское монашество может быть обвиняемо скорее в этом последнем.

При жизни Старец Силуан в беседах с монахами иногда высказывал те мысли, которые читатель найдет в его писаниях, и так как слова эти превосходят меру обычного человека, то, естественно, у многих монахов рождалось опасение за него, и некоторые говорили: «Посмотрим, как он будет умирать». Многие монахи любили Старца за его спокойную кротость и неизменное благожелательство, но странным образом совершенно исключительная жизнь Старца в течение почти полвека осталась большинству малоизвестной, и только после кончины осознана была его святость. Вопрос аскетического самоскрывания – очень существенный в жизни всякого подвижника. Есть много причин, вынуждающих к тому. На Афоне же, кроме общих всему миру, есть еще и особые местные причины. В монастырях и пустынях Афона собрались люди, оставившие мир, и следовательно, прошедшие через огонь отречения. Все эти люди, за редкими исключениями, в момент напряженной устремленности к Богу, принесли жертву, имя которой: «мне мир распялся, и аз миру» (Гал. 6, 14). Каждый совершил этот подвиг в меру своих сил, и потому едва ли не каждому кажется, что совершил его в полной мере. После этого подвига, после этой жервы, видя себя не достигающим искомого, монах подвергается особому искушению – «духовной зависимости». Подобно тому, как Каин, видя, что жертва брата его Авеля принята Богом, а его, Каинова, отвергнута, от зависти дошел до братоубийства, и монахи, если и не убивают своего брата физически, то нередко создают для него чрезвычайно трудные духовно условия. Но и помимо этих попыток творить

препятствия в духовной жизни тому, кого видят преуспевающим в молитве и других духовных деланиях, одно их внутреннее мучение от сознания своего неуспеха является уважительным поводом для того, чтобы каждый подвижник в присутствии других держал себя, ничем не выявляя. В миру есть много людей, которые хотят видеть святость, чтобы воздать ей почитание, и тогда для подвижника создается опасность тщеславия... Но есть и люди, одержимые злым духом, для которых видение святости тяжело; они не выносят его и озлобляются еще более. Однако, в миру подавляющее большинство людей – неопытные, и духовного человека не понимают. От таковых скрываться легко и просто. Труднее скрыться от монахов, так как они, постоянно пребывая в подвиге, научаются по многим, едва уловимым признакам, догадываться, что переживает собрат, поэтому на Афоне создается особая необходимость научиться вести себя внешне так, чтобы ничем себя не выражать. И мы полагаем, что это искусство у Святогорцев стоит очень высоко.

Один монах, О. Стефан, служащий в аптеке Монастыря, очень любил Старца. Сам он рассказал мне следующее:

«Утром, в день кончины Старца Силуана, оставив свою работу, я пошел в церковь читать псалтирь над ним и усердно просил Господа дать мне уразуметь из этого чтения, как прошел он свой монашеский путь и угодил ли он Богу? Когда я вошел в церковь, бывший там монах читал: «Бог мой еси Ты, и вознесу Тя; исповеся Тебе, яко услышал мя еси и был еси мне во спасение. Исповедайтесь Господеви, яко благ, яко в век милость Его». Видя, что он кончил кафизму (16), я сказал ему: «Идите отдыхать, а я продолжу». Он ушел, и я занял место у аналоя и начал читать следующую (17) кафизму: «Блажени непорочни в пути, ходящий в законе Господни. Блажени испытующии свидения Его, всем сердцем взыщут Его...

Оправдания Твоя сохраняю... Всем сердцем моим взысках Тебе... Устнама моима возвестих вся судьбы уст Твоих... На пути свидений Твоих насладихся, яко о всяком богатстве», и прочее этого удивительного псалма. И тогда уверился я сердцем, что он угодил Богу».

После кончины Старца, один иеродиакон просил у Игумена Монастыря благословения «уйти на пустыню». Вызванный на Собор Старцев, он должен был дать ответ на вопрос, почему он хочет выйти из Обители?

Иеродиакон ответил, что он думает, что ему это полезно ради спасения. Тогда один из соборных старцев, схимонах Матфей, говорит: «Разве неудобно спасаться здесь? У нас в Обители всю свою жизнь провел покойный Отец Силуан, и разве вы найдете в пустыне кого-нибудь большего?» И это сказал Отец Матфей, который при жизни Старца Силуана был один из наиболее опасавшихся за него.

Другой из старейших монахов Монастыря, схимонах Трофим, весьма замечательный подвижник, жизнь которого могла бы послужить благим примером для многих, после кончины Старца читал часть его записок.

Слова Старца о любви Божией, о смирении, о том, чтобы «держатъ ум свой во аде, и не отчаиваться», и другие – произвели на него глубокое впечатление. Помню нашу встречу с ним у «малой порты»

Монастыря. Остановив меня он сказал:

– Теперь я увидел, что Отец Силуан достиг в меру Святых Отцов... Кончина его меня убедила.

– Отец Трофим, – позволил я себе сказать, – неужели полвека совместной жизни в Монастыре вас не убедили в этом, а только кончина?

– Я всегда любил его и радовался, встречаясь с ним, но мне казалось, что слишком прямо (непосредственно) говорит он с Богом, и я, правду сказать, боялся за него.

– Как же он говорил, что вы боялись за него?

– Он хоть очень просто, но как-то так смело и дерзновенно говорил о молитве и о Боге, как об одном Отце, что я, бывало, останавливал его и говорил: «перестань, отец...» Мне казалось, что он потерял страх Божий.

– А когда вы его останавливали, то как он отвечал?

– Он всегда был ровный. Остановлю, и он замолчит.

– А сердился ли он, когда вы его останавливали?

– О, нет! Он был мягкий человек и не помню, чтобы он когда-нибудь рассердился.

– Отец Трофим, вы же знаете, что прельщенные всегда бывают непослушливы и обижаются, если их порицают. Как же вы не обратили на это внимания?

– Так вот Бог скрыл от меня... Уж очень был он прост... Я только теперь понял свою ошибку.

– А что вы скажете о его записках?

– Я сказал уже вам, что он пришел в меру Святых Отцов.

Один Сербский епископ, несколько раз посетивший Святую Гору и очень полюбивший Старца, узнав о его кончине, написал в своем миссионерском журнале некролог под названием: «Человек великой любви», где между прочим говорит о нем следующее:

«Об этом дивном монахе можно только сказать – сладостная душа. Не только я почувствовал эту сладостную душу, но и каждый поклонник афонский, которому пришлось встретиться с ним. Силуан был высок, крупен, с большой черной бородой, и своим внешним видом не сразу располагал к себе незнакомого. Но довольно было одного разговора, чтобы полюбить этого человека... Он говорил о безмерной любви Божией к человеку, и приводил грешника к тому, чтобы он сам себя строго осудил». Рассказав затем о некоторых беседах со Старцем, епископ пишет:

«Этот дивный подвижник был простой монах, но богат в любви к Богу и ближним. Многие монахи со всех сторон Святой Горы прибегали к нему за советом, но особенно любили его сербские монахи из «Хилendarя» (название Сербского Монастыря) и «Постницы Святого Саввы» Сербского). В нем видели они своего отца духовного, возрождавшего их своею любовью. Все они сейчас больно почувствовали разлуку с ним. И долго, долго будут они помнить любовь Отца Силуана и его мудрые советы.

«И мне Отец Силуан очень много духовно помог. Я чувствовал, как молитва его укрепляла меня. Всякий раз, когда бывал на Святом Афоне, я спешил с ним увидеться»...

Заканчивает автор свой некролог следующими словами:

«И еще есть многое и многое, что пришлось мне слышать от Отца Силуана и слышать о нем от других. Но кто бы мог все это перечислить и записать? Книга его жизни вся исписана бисером мудрости и золотом любви. Это огромная нетленная книга. Теперь она закрыта и руками его ангела хранителя представлена вечному и праведному Судии. А вечный и праведный Судия скажет душе, которая его так любила на земле: Верный слуга Мой, Силуан, войди в радость Господа Твоего. Аминь» (Е. Н.).

Другой русский Епископ, Митрополит В., знавший Старца лишь по переписке с ним и по рассказам видевших его, получив известие о его кончине, писал Игумену Иустину (18–11–1938):

«Ваше Высокопреподобие, Достопочтимый отец Наместник с братией!

Получил Ваше извещение о кончине преподобного Старца о. Схимонаха Силуана...

Царство ему Небесное!..

Не нам грешникам судить о святых людях. Сам Бог прославляет их, якоже весть. Но совершенно искренно скажу, что в последние годы я не ощущал ни от кого такой силы благодати, как от него, о. Силуана.

Трудно рассказать словами, в чем была эта сила. Как про Христа Господа говорили при жизни Его на земле, что говорил Он со властью, а не якоже книжницы... так и из писем о. Силуана совершенно явно ощущалась мною грешным такая сила, какой я не испытывал ни от кого. Небесный Божественный дух...

Убедительный без всяких доказательств...

Точно голос «оттуда», от Бога... И лучше сказать не умею... И потому я храню его письма ко мне. И если бы я не знал ничего об его жизни, подвигах, молитве, послушании, то одного духа писем довольно для меня, грешного, чтобы считать его преподобным.

Но расскажу еще один случай прозорливости его.

Некая мать, живущая теперь за границей, давно потеряла связь со своей дочерью, оставшейся в России. И ей хотелось знать: как молится за нее, – как за живую или усопшую?

Вопросила она Старца Силуана, и он ей несомненно ответил, что дочь ее жива и благополучна... И действительно, через несколько месяцев после этого одна женщина поехала в Россию, разыскала потерявшуюся, виделась и говорила с ней.³⁶

Далее Митрополит рассказывает еще об одном несколько подобном случае прозорливости и затем пишет:

«Позволяю себе спросить: не соблаговолите ли собрать в архив сведения о нем? Ведь это и поучительно, и утешительно, и спасительно нам грешным. И письма его собрать бы (хоть в копиях).

Еще прошу: разрешите о. С. прислать мне что-либо из вещей покойного, а также утешить меня ответом на мое письмо к нему. «Подпись: М. В».»

В письме ко мне Митрополит писал: «Чрезвычайно благодарю Вас за Ваше письмо об о. Силуане... И жажду еще о нем узнать... Из моего письма к о. Наместнику Вы узнаете о моем отношении к почившему старцу. А если бы Вы написали о нем еще больше, то не только я, но и многие были бы очень и очень благодарны. Кто он? Где был до Афона? Почему пришел туда? Как спасался? Что говорил (даже и мелкие подробности важны)? Не знаете ли фактов особых? Как молился? Пока еще живы Вы и другие свидетели – собирайте и записывайте о нем все до мелочей... – Это – «История Церкви».

Я поминаю о. Силуана вместе с угодником Божиим о. Иоанном Кронштадтским и прошу его заступления пред Богом... Еще раз благодарю и ожидаю, не я один, еще большего, если Богу угодно. А о. Силуану теперь уже безопасно...³⁷

Подпись: М. В.

Послесловие

ПОСТАВИВ себе задачу – пребыть в пределах необходимого, но достаточного для того, чтобы наиболее важные, известные мне, моменты жизни блаженного Старца и наиболее существенные стороны его учения были предложены вниманию благочестивых читателей четко обрисованными, кончаю свой труд.

Знакомясь с писаниями самого Старца, во второй части этой книги, читатель увидит, что мною оставлены не рассмотренными многие в высокой степени значительные в догматическом и аскетическом отношении вопросы духовного бытия человека, затронутые блаженным Отцом, например, вопрос участия тела в богопознании, или вопрос поста, который определен Старцем весьма своеобразно и вместе необычайно глубоко, я сказал бы – христоподобно: «Кушать надо столько, чтобы после принятия пищи хотелось молиться» (Лк. 21, 34). Вместе с тем читатель в моем изложении встретится с целым рядом положений, раскрываемых мною, преимущественно, на основании многих устных бесед Старца. В выборе материала неизбежна условность и ограничение задачи. Неразумно ставить себе задачу – исчерпать материал; нецелесообразно вместе и другое: обилием материала отклонить мысль от того существенного, на чем сосредоточивалось внимание моего отца.

Кроме приведенных выше свидетельств о благоговейном почитании Старца Силуана, мне известны и иные, подобные же свидетельства, а также не мало случаев действенности его молитв за больных и страдающих или проявления им поразительной интуиции и прозорливости; но я склонился к мысли умолчать о них, с одной стороны потому, что случаи эти касаются лиц, большинство из которых, как было уже сказано, еще живо; с другой – потому, что совсем не склонен увлекаться ими, следуя в этом отношении духу самого Старца, не придававшего им большого значения. История знает множество

случаев исцелений и прозорливости и не у святых. Не эта сторона его жизни является подлинно великою.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Иные больше ублажают дар чудотворения и то, что в духовных дарованиях видимо, не зная, что многое и выше сего и сокровенно, а потому и пребывает неотъемлемым» (Сл. 26, 95). Но что же из «сокровенного» может быть «высшим» даже дара чудотворения?

Старец об этом говорит так:

«О, немощной мой дух. Он тухнет, как малая свеча от слабого ветра; а дух святых горел жарко, как терновый куст и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией?

Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби и достигали силы чудотворения. Они исцеляли больных, воскрешали мертвых, они ходили по водам, подымались во время молитвы на воздух; молитвою низводили дождь с неба, а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя».

Об этом высшем и сокровенном в жизни Старца – пытался я в меру сил моих говорить. Преследуя эту цель, я решил писать о путях к стяжанию духовной свободы в Боге – откровенно, не замалчивая и не скрывая того, что услышал.

В той же «Лествице»

Преп. Иоанна есть замечательное повествование «о святых осужденниках и о темнице кающихся» (Сл. 5). Святой писатель, пророчески предвидя множество соблазнов, порождаемых этим словом даже до сего дня, между прочим, говорит там:

«Мужественный муж отойдет от сего, как острием уязвленный, с огненной стрелой в сердце. Низший же сего – познает немощь свою и, самоукорением удобно стяжав смиренномудрие, устремится вслед за первым; но не знаю, достигнет ли его.

Нерадивый же пусть и не касается того, что здесь описано, чтобы ему, отчаявшись, не расточить и того, что делает» (Сл. 5, 27).

Опасаясь соблазнить наивных и малодушных откровенным повествованием о трудностях духовной брани, я в начале сказал, что «настоящая книга по своему содержанию предназначена для очень узкого круга людей»; и теперь снова хочу повторить то же предупреждение, потому что как ни прост Старец Силуан, но жизнь его была исключительно высоким и великим подвигом любви к Богу.

Истинно говорю, – я должен был преодолеть не малый стыд, прежде чем решиться писать настоящее Житие, потому что положение вещей вынуждало меня не скрыть моей близости к блаженному отцу. Я уверен, что всякий, кто знал его, и знает меня, с возмущением скажет: «И ты посмел писать о Старце?» Не знавшие же его, но знающие меня, или хотя бы только видевшие, с презрением заметят: «Если ученик такой, то, значит, и учитель был ничто».

Сознаю, что для имени великого Старца иметь такого жизнеописателя и свидетеля – унижение.

Но не было иного исхода... Я предпочел бы скрыть себя и отдать сей труд безыменным, чтобы не умалять моим убожеством величие Старца, но не мог позволить себе этого, так как счел необходимым понести ответственность за свидетельство о нем. В частичное оправдание моего дерзания скажу, что на это дело я понуждался желанием и настойчивыми просьбами многих лиц, а также послушанием моему духовному отцу, глубокому старцу, ныне еще здравствующему Иеросхимонаху Пинуфрию, давшему мне на сие прямое благословение. И все же я долго боролся внутренне, потому что духовное слово есть энергия совершенно особого порядка. Говорящий его сам первый поставляется на суд произносимого им слова, и потому, конечно, я отдаю себя на вполне заслуженное поношение, и знаю, что буду осужден и Богом и людьми.

Некоторым облегчением для моей совести является впрочем, тот факт, что в данной книге нет ни единой моей³⁸ мысли, но все почерпнуто из поучений и бесед блаженного отца и других моих наставников. Боясь, однако, что, как лишенный духовного разума (т. е. ведения), я и в описании жизни Старца и

в изложении его святых уроков не избежал ошибок, прошу ответственность за них возложить всецело на меня, чтобы не был опорочен опыт Старца, запечатленный святою жизнью и святым словом его.

Всякого благочестивого читателя понимающего трудность стоявшей предо мною задачи, прошу быть возможно более снисходительным и умеренным в предъявляемых ко мне требованиях. Прошу простить мне все мои невольные ошибки, – вольных быть не должно, ибо я руководился страхом, не позволяющим мне «лгать на святого», – и исправить их.

Во избежание потери или ущерба в самом существенном, прошу не останавливаться вниманием на многих внешних и внутренних недостатках моего труда, например: неумелое распределение и предложение повествования; бездарность психологических описаний; возвраты и повторения одного и того же; не-искусство и отрывочность богословских определений, чем неизбежно будут вызваны многие недоумения и нарекания. Наконец, прошу простить мой тяжелый и грубый язык, столь диссонирующий святой и величественной простоте всего облика блаженного Старца.

Совокупность условий моей жизни в настоящее время не позволила мне больше побороться с некоторыми из указанных недостатков, но не исключена возможность, что в дальнейшей работе удастся уменьшить их в той или иной мере. А теперь, надеюсь, слово Старца, истекшее из полного любви сердца, увлечет умы и души читателей, ибо для имеющих уши, чтобы слышать, и очи, чтобы видеть, оно в самом себе несет яркое свидетельство своей правды и истины.

Слово Старца, необычайно высокое по своему духовному совершенству, есть свидетельство о той вышеестественной жизни, которою дано было ему жить. Для многих оно остается непонятным и недоступным, несмотря на всю свою ясность и простоту. Опыт показал, что отчасти непонятно оно именно в силу своей простоты и чуждого современному интеллектуальному человеку стиля восприятия и выражения, и это обстоятельство послужило для меня побуждением сопроводить и даже предварить его пояснениями на языке,

более доступном образованным людям нашего времени, в надежде послужить хотя бы кому-нибудь подспорьем для лучшего понимания путей святости.

Когда же читатель учтет необходимость чуткого внимания к тем простым и спокойным словам Старца, в которых затронуты глубокие вопросы человеческого духовного бытия, или описана внутренняя брань или действия благодати, тогда всякая потребность в моих пояснениях, естественно, отпадает, и остается в силе только святое и чистое слово блаженного отца.

* * *

Сегодня, творя память по отцу нашему Старце Силуане по случаю десятилетия со дня кончины его, душа моя с благоговейною любовью молитвенно обращается к нему:

Прости меня, отче святой, что я по безумию своему осмелился говорить о том, что ты по снисхождению твоему доверил мне.

Благодарный Богу, давшему мне незаслуженное счастье знать тебя и иметь свободный и частый доступ при жизни твоей здесь, прошу, позволь мне спросить тебя: теперь, когда ты прешел все пределы земли и зришь непостижимую красоту возлюбившего тебя и возлюбленного тобою Господа и Его Пречистой Матери, от сладости любви Божией забыл ли ты наш скорбный мир и уже не вспоминаешь его, или продолжаешь еще сильнее молиться, потому что любовь, как ты говорил, не может ни забыть, ни успокоиться, покамест не достигнет своего последнего желания?

И хотя моя омраченная и мертвая на все благое душа неспособна ныне воспринять твой голос, однако с нами остались твои слова, в которых мы слышим ответ твой:

«Душа, которая познала Бога, своего Творца и Отца Небесного, не может иметь покоя на земле. И помышляет душа: «Когда явлюсь Господу, то во всем Его милость умолю за весь род христианский». И вместе думает:

«Когда узрю Лицо Его любезное, то от радости не смогу ничего сказать, ибо от большой любви не может человек ничего говорить». И опять думает: «Буду молиться за весь род

человеческий, дабы все люди обратились ко Господу и упокоились в Нем, ибо любовь Божия всем хочет спастись».

В глубоком убеждении, что наш блаженный отец достиг Бога и совершенной любви, к которой так неудержимо стремился, и что ныне он в Духе Святом объемлет весь мир своею молитвою в еще большей мере, чем во время земной жизни, никого не желая предупреждать, никому ничего не навязывая, следуя лишь влечению своей души, кончаю свое убогое слово молитвою:

ПРЕПОДОБНЕ ОТЧЕ СИЛУАНЕ, МОЛИ БОГА О НАС!

Франция, Сент-Женевьев-де-Буа, «Донжон», 11/24
сентября 1948 г.

О комментариях игумена Никона

Нижеследующие небольшие комментарии к данной книге принадлежат перу одного из духоносных старцев последнего времени игумену Никону (1864–1963). Сам иг. Никон прошел жизненный путь довольно типичный для богоискателя начала нашего века: «обычно-религиозная»

(крестьянская) семья; потеря веры в школе (реальном училище); безуспешный поиск смысла жизни в науке, философии (самообразование); отчаяние и поразительное откровение Божие; обращение к психологии (Психоневрологический институт) и затем к серьезному изучению православия (Московская духовная академия); многолетнее подвижничество, завершившееся принятием монашеского пострига в 1931 году и затем священного сана. Лагерные страдания 1933–37 годов, после которых работа в прислугах и садовником. С 1944 года – служение на приходах Калужской и Смоленской епархий. С 1948 года и до конца жизни – настоятель храма в г. Гжатске (ныне Гагарин).

Не совсем обычна его духовная жизнь. Сам он называл себя «лесным» монахом, поскольку ни в одном монастыре ему житье-бытье не пришлось и постоянного духовноопытного руководителя на своем пути он так и не встретил, хотя искал усиленно. Поэтому позже он многократно повторял своим близким: в наше время нет духовных наставников, видящих душу человека и потому способных быть истинными руководителями на пути спасения.

Великое благо, если найдете человека единогодушного вам, стремящегося искренне к духовной жизни, начитанного в святых отцах, разумного и непрелестного. Но и таковых становится уже совсем мало. Руководствуйтесь святоотеческими творениями, особенно святителя Игнатия Брянчанинова, преложившего древних отцов применительно к нашему, крайне скудному духом, времени. Эти слова исходили из его личного опыта, который дал ему детальное знание пути духовной жизни, обычно присущее всем, самостоятельно, без поддержки со

стороны, прошедшим основные этапы ее развития. Горький и одновременно радостно-спасительный опыт падений и восстаний, уклонений и исправлений на данном пути показал ему, что самым главным в духовной жизни является для христианина – видение глубокой поврежденности человеческой природы и невозможности собственными личными силами ее исцеления. Это внутреннее видение, являющееся по слову преподобного Петра Дамаскина «первым признаком начинающегося здоровья души», дается христианину только при всецелом его понуждении к исполнению всех заповедей Евангелия и искреннем покаянии и приводит к смирению – единственно непоколебимому фундаменту для построения дома спасения. «Почему, – говорил он, – многие срываются в духовном делании? Потому что подвиг свой основывают на тайном самомнении, гордости. До тех пор, пока человек не увидит своих немощей, страстей и не станет молиться, как евангельская вдова, Господь не может приступить к человеку и оказать ему помощь» (магнитофонная запись). В одном из своих писем он сформулировал ту же мысль в кратких словах: «Успех в духовной жизни измеряется глубиной смирения».

С большим интересом, «жадностью» прочитал игумен Никон слепой машинописный текст «Старца Силуана». Много в жизненном и духовном пути афонского старца он нашел подобное и родственное своему. В его наставлениях и писаниях он услышал хорошо известный ему голос Священного Предания Церкви, как он выражен у всех святых отцов. В отношении же первой части книги – о старце Силуане – он имел суждение несколько иное. Это выразилось, в частности, и в тех немногих замечаниях, которые он сделал на полях текста, будучи уже совершенно больным и, конечно, без какой-либо мысли о возможной их публикации. Из его слов, как и из приводимых здесь замечаний, следует, что автор книги, о. Софроний, в то время еще недостаточно понимал духовную жизнь, а отсюда допускал и ошибочные суждения. В то же время игумен Никон был рад появлению этой книги как свидетельству непрерывающейся жизни Церкви, являющей себя миру во святых своих.

А. Осипов, проф. МДА

Часть вторая. Писания старца Силуана

«Скучает душа моя о Господе» (из «Писаний» Старца Силуана)

Предисловие

Предлагая вниманию читателей самое главное, что есть в данной книге, а именно – Выписки из писаний Блаженного Старца Силуана, мы позволим себе предварительно высказать несколько мыслей о его писаниях.

Господь сказал: «Всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18, 37), а Иоанн Богослов говорит: «Знающий Бога слушает нас; кто не от Бога, тот не слушает нас» (1Ин. 4, 6).

Мы глубоко в сердце полагаем, что слова эти приложимы к писаниям Старца Силуана. Мы думаем, что кто имеет дух и разум от Бога, чтобы познавать Его, тот в писаниях Старца ясно ощутит веяние Духа Святого.

Писания Старца, человека почти безграмотного, есть слово о том, что ему было дано увидеть; часто слово его по образу своему походит на псалмы, и это естественно, потому что исходило оно из непрестанной молитвы. Ритм его писаний очень медлительный, что характерно для глубокой молитвы. Он постоянно возвращается на одни и те же темы: Бог, и все небесное, познается только Духом Святым; Господь безмерно любит человека, и любовь эта познается Духом Святым; Дух Святой есть дух воздержания, целомудрия, кротости, смирения; Дух Святой есть дух мира, сострадания, любви к врагам.

Душа Старца, его ум занят немногими мыслями, но эти мысли самые онтологически глубокие, они суть мерило для всего. Кто в глубине своего существа живет этими мыслями, тот чрез них, как чрез таинственную духовную призму, видит весь мир.

Две тысячи лет непрестанно проповедуется слово Божие на всех языках самыми различными образами, а ведь Сам Господь преподавал человеку ведение о вечной Божественной жизни в немногих словах.

Жизнь Бога превыше всякого образа. Из этой сферы неприступного света, в своем движении к твари, жизнь Божественная передается сначала в простейших и очень немногих бесстрастных «умных» образах, и затем, передаваясь

по иерархическим ступеням, все более и более одевается, доходя до весьма грубых и ничтожных форм, становящихся уже искажением. Например: ребенка подводят к иконе и учат молиться «Боженьке», причем икона для ребенка, в данном случае, не есть лишь одна из форм благовестия или богословия, но Сам Тот «Боженька», Которому он молится.

В своем снисхождении от предельной чистоты свет богословия доходит до грубых и часто уродливых положительных (катафатических) форм; в процессе же развития человека наблюдается обратный порядок, снизу вверх: от грубой положительной формы он восходит к бесстрастной мысли о Боге и даже к неизреченному внеобразному богообщению.

Мы не имеем намерения останавливаться на вопросе развития человеческого сознания, на том, как от эмпирических понятий и образов мира сего, восходит оно к восприятию Божественного вечного бытия. Заметим только, что неизбежностью этой эволюции объясняется тот факт, что учение о Боге сначала преподается народу преимущественно в виде христианской морали, что более доступно элементарному пониманию. Однако и в этой форме, несмотря на все снижение и даже искажение истины, есть свет подлинного богопознания, хотя и ослабленный: это то «молоко», которое предлагается малодушным (1Кор. 3, 2).

Если позволено прибегать к аналогиям из окружающей нас действительности, мы сравнили бы это снисхождение Божественного света со снопом света прожектора: чем ближе к источнику света, камере прожектора, тем он ослепительнее, но меньше площадь освещения, и наоборот, чем дальше от источника света, тем больше площадь освещения, но слабее и дробнее свет.

Проходят тысячелетия, а народам по-прежнему преподается именно этот ослабленный и рассеянный свет богопознания в бесконечном множестве слов и образов.

Чем дальше отстоит человек от Бога, тем раздробленнее его мышление, тем неопределеннее и беспокойнее его духовные переживания; и наоборот, чем ближе к Богу человек,

тем УЖЕ, если допустимо здесь такое выражение, круг его мыслей, сосредоточиваясь в конце на единой бесстрастной мысли, которая уже не есть мысль, но особое невыражаемое «видение» или «чувство ума».

Чтобы понять Старца Силуана, необходимо иметь в виду только что сказанное. Старец был человек единой идеи, которая заполняла все его существо, идеи, которая была следствием непостижимого явления ему Бога. В этом таинственном явлении ему Господа он познал, что Бог есть – беспредельная любовь. Он утверждает, что любовь эта непременно изливается и на врагов, и что познается она только Духом Святым. Дух Святой явил ему Христа. Дух Святой учил его смирению и любви к врагам и ко всякой твари. То, что он постиг в момент богоявления, и то, что было непосредственным его следствием, он воспринял, как условие и как показатель богообщения, как критерий истинности пути, как мерило всякого явления духовной жизни и как цель наших повседневных исканий и действий.

При повторных посещениях его Духом Святым, после многих лет титанической духовной борьбы, все это приняло у него форму догматического сознания, и когда уже действительно он восходил в чистые сферы святого бесстрастия, тогда с глубочайшим смирением счел своим долгом поведать о том, что ему было дано свыше. У него мало слов, но это и есть, быть может, показатель истины его; у него мало слов, но они способны проникнуть в сердце и возродить душу человеческую; у него мало слов, но о нем можно говорить весьма много, если поставить себе задачу раскрыть их содержание и сделать доступными хотя бы интеллектуальному пониманию более широких кругов.

Читая писания Старца, быть может, кто-нибудь станет перед вопросом: не есть ли это один из тех, которые на языке подвижников именуются «прельщенными», а в человеческом быту – «помешанными»?

Слишком уж велики его притязания, чтобы счесть его за «нормального».

Но мы думаем, что даже не видя его и не зная лично, а только читая его иногда поэтически вдохновенные и даже по форме высокосовершенные, а иногда просто малограмотные записи, можно по ходу его мысли или по строю чувств его сердца, совершенно убедиться, что слова эти не суть слова душевнобольного. Во всем строе его речи прежде всего бросается в глаза его подлинное и глубокое смирение, столь противоположное по сущности своей гордости мегаломанов или известному болезненному «комплексу приниженности», этой своеобразной, большинству непонятной форме проявления гордости.

При самом внимательном рассмотрении мы не увидим ни тени самообольщения или болезненной экзальтации воображения даже когда он обращается ко «всем народам земли». Наоборот, во всем есть глубокое чувство достоверности того, о чем он свидетельствует. Слышит сердце, что действительно он научился тому, о чем говорит, не от людей и не из книг, а непосредственно от Духа Божия, и потому учение его столь созвучно заповедям Христа.

Старец был человек единой идеи, но идеи самой глубокой, самой прекрасной, самой онтологически совершенной, и, что важнее всего, – осуществленной им в жизни. Воистину местами он по духу подобен Святому Иоанну Богослову.

Воистину Дух Святой уподобил его Самому Христу, Которого он удостоился видеть, и о подобии Которому он так много говорил, ссылаясь на слова Великого Апостола: «будем подобны Ему, потому что узрим каков Он есть» (1Ин.3:2).

* * *

Главное свидетельство всей его жизни в том, что любовь к врагам совершенно необходима для познания Божиих тайн. Он категорически утверждал, что в ком нет любви к врагам, тот вне Бога, тот Бога не познал. Его невозможно было обмануть. Там, где была ненависть к врагам, там видел он лицо темной бездны, какую бы «службою Богу» (Ин.16:2), каким бы пророческим пафосом она ни прикрывалась.

Свидетельство такого человека, неискушенного лукавством интеллектуальной культуры, свидетельство того, кто

действительно всю жизнь проливал кровь сердца своего в молитве за врагов и за весь мир, – приобретает исключительную силу и значение.

Нам часто приходила мысль, чем был бы Старец, если бы он при его природной недюжинной одаренности получил бы большое научное и богословское образование. Думалось иногда, что это был бы гигант мирового значения и славы.

Но иногда нам кажется обратное: именно тот факт, что это был человек столь же непосредственного восприятия, какое мы видим в Евангелистах, что это был человек совершенно неизвращенный лукавством современной цивилизации, – именно этот факт делает его свидетельство неотразимо убедительным. И, в сущности, никакая человеческая наука не может прибавить что-либо к глубине и достоинству истины, о которой он свидетельствует.

Итак, кто не знал Старца лично, тот может судить о нем по писаниям его, а кто его знал, кто видел его подлинную простоту и смирение, его постоянно приветливое, благодушное, ровное, мирное, кроткое устроение, тот знает, что это был муж высокого совершенства.

Слово Старца кроткое, часто ласковое, исцеляюще действующее на душу, но, чтобы последовать за ним, нужна великая, огненная решимость, до «ненависти» к себе (Лк.14:27).

I. Скучание о Боге

СКУЧАЕТ душа моя о Господе, и слезно ищу Его. Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня, и дал мне насладиться Духом Твоим Святым, и душа моя возлюбила Тебя.

Ты видишь, Господи, печаль мою и слезы... Если бы Ты не привлек меня Своею любовью, то не искал бы я Тебя так, как ищу, но Дух Твой дал мне познать Тебя, и радуется душа моя, что Ты мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе.

* * *

Скучает душа моя о Боге и слезно ищет Его.

Милостивый Господи, Ты видишь падение мое и скорбь мою, но смиренно прошу Твою милость: излей на меня грешного благодать Твоего Святого Духа. Память о ней влечет ум мой снова найти Твое милосердие.

Господи, дай мне смиренного Духа Твоего, дабы снова не потерял я Твою благодать, и не стал бы рыдать о ней, как рыдал Адам о рае и Боге.

* * *

На первом году моей жизни в Монастыре душа моя познала Господа Духом Святым.

Много нас любит Господь; познано это от Духа Святого, Которого дал мне Господь по единой милости Своей.

Я старик, и готовлюсь к смерти, и пишу истину ради народа.

Дух Христов, которого дал мне Господь, всем хочет спасения, да все познают Бога.

Господь разбойнику дал рай; так и всякому грешнику даст рай. Я хуже смердящего пса грехами моими, но стал просить у Бога прощения, и Он дал мне не только прощение, но и Духа Святого, и в Духе Святом я познал Бога.

Видишь любовь Божию к нам? И кто опишет сие милосердие?

О, братья мои, припадаю я на колени и молю вас: веруйте в Бога, веруйте, что есть Святой Дух, Который свидетельствует о том во всех церквах, и в моей душе.

Дух Святой есть любовь; и любовь эта разлита во всех душах святых небожителей, и тот же Дух Святой на земле в душах, любящих Бога.

В Духе Святом все небеса видят землю, и слышат наши молитвы, и приносят их Богу.

Господь милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен, и когда душа увидит Его, то вся изменяется в любовь к Богу и ближнему, и сама делается кроткою и смиренною, но если потеряет человек благодать, то будет плакать, как Адам по изгнании из рая. Он рыдал, и стоны его слышала вся пустыня; слезы его были горьки от скорби, и много лет проливал он их.

Так душа, познавшая благодать Божию, когда теряет ее, скучает о Боге и говорит:

«Скучает душа моя о Боге, и слезно ищу Его».

* * *

Я большой грешник, но я видел великую любовь и милость Господа над собой.

С малых лет я молился о тех, кто меня обижал; я говорил: «Господи, не поставь ему грехов за меня». Но хотя я и любил молиться, однако грехов не избежал.

Господь же не помянул моих грехов, и дал мне любить людей, и желает душа моя, чтобы вся вселенная спаслась и были в Царствии Небесном, и видели славу Господню, и наслаждались любовью Божиею.

Я по себе сужу: если меня Господь так возлюбил, то значит всех грешных Он любит так же, как и меня.

О, любовь Господня; нет сил ее описать, ибо она безмерно велика и чудная.

* * *

Благодать Божия дает силы Любимого любить; и влечется душа к молитве непрестанно, и не может забыть Господа ни на секунду.

Человеколюбче Господи, как не забыл Ты грешного раба Твоего, но милостиво призрел на меня от славы Твоей, и непостижимо явился мне?

Я всегда Тебя оскорблял и опечаливал, Ты же, Господи, за малое обращение дал мне познать Твою великую любовь и безмерную благодать.

Твой тихий, кроткий взор привлек душу мою.

Что воздам я Тебе, Господи, или какую хвалу воспою Тебе?

Ты даешь благодать Свою, чтобы душа постоянно горела любовью, и не знает она покоя день и ночь от любви Божией.

Память о Тебе греет душу мою, и ни в чем не находит она покоя на земле, кроме Тебя, и потому ищу Тебя слезно, и снова теряю, и снова желает ум мой насладиться Тобою, но Ты не являешь Лица Твоего, Которого желает душа моя день и ночь.

* * *

Господи, дай мне Тебя единого любить.

Ты создал меня, Ты просветил меня святым крещением, Ты прощаешь грехи мне и даешь причащаться Пречистого Тела Твоего и Крови; дай же мне силу всегда пребывать в Тебе.

Господи, дай нам Адамово покаяние и Твое святое смирение.

* * *

Скучает душа моя на земле и желает небесного.

Господь пришел на землю, чтобы возвести нас туда, где пребывает Он, Его Пречистая Матерь, Которая послужила Ему на земле ради нашего спасения, ученики и последователи Господа.

Туда зовет нас Господь, несмотря на наши грехи.

Там увидим мы святых апостолов, которые в славе за проповедь Евангелия; там увидим святых пророков и святителей – учителей Церкви; там увидим преподобных, подвизавшихся постом смирять душу свою; там прославляются юродивые ради Христа за то, что они победили мир.

Там будут прославлены все, кто победил себя, кто молился за весь мир и нес на себе скорби всего мира, ибо они имели любовь Христову, а любовь не терпит, чтобы погибла хотя бы одна душа.

Туда хочет вселиться душа, но ничто нечистое не войдет туда, куда приходят великими скорбями, и сокрушением духа, и многими слезами; и только дети, сохранившие благодать

святого крещения, переходят туда без скорби, и там Духом Святым познают они Господа.

* * *

Скучает душа моя о Боге всегда и молится день и ночь, ибо имя Господне сладко и вожделенно для души молящегося и согревает душу любить Бога.

Долго прожил я на земле и многое видел и слышал. Я слышал много музыки, и она услаждала душу мою; и думал я: если эта музыка так сладка, то как услаждает душу небесное пение, где Духом Святым славят Господа за страдание.

Душа долго живет на земле и любит земную красоту; любит она небо и солнце, любит прекрасные сады, и море, и реки, леса и луга; любит душа и музыку, и все это земное услаждает душу. Но когда познает она Господа нашего Иисуса Христа, тогда не хочет уже видеть земное.

Я видел земных царей во славе, и дорого это ценил, но когда душа познает Господа, тогда за малое будет почитать всю славу царей; душа тогда непрестанно скучает о Господе и ненасытно день и ночь желает Невидимого – видеть, Неосязаемого – осязать.

Дух Святой, если душа твоя знает Его, даст тебе понять, как Он учит душу знать Господа, и какая в этом сладость.

О, Милостивый Господи, просвети народы Твои знать Тебя; знать, как любишь Ты нас.

* * *

Дивные дела Господни: из земли создал человека, и перстному дал познать Себя Духом Святым, так что человек говорит: «Господь мой, и Бог мой»; и говорит это от полноты веры и любви.

Что же большее может искать душа на земле?

Великое чудо: душа «вдруг» познает своего Создателя и Его любовь.

Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она и сама смиряется "до конца", и ничего так не желает, как смирения Христова; и сколько бы ни жила душа на земле, она все будет желать и искать это непостижимое смирение, которое невозможно забыть. Господи, так много Ты любишь «человека»!

Господи Милостивый, дай благодать Твою всем народам земли, да познают Тебя, ибо без Духа Твоего Святого не может человек познать Тебя и разуместь Твою любовь.

Господи, пошли на нас Духа Твоего Святого, ибо Ты и все Твое познается только Духом Святым; Которого в начале Ты дал Адаму, а после святым пророкам и затем христианам.

Дай, Господи, всем народам Твоим разуместь любовь Твою и сладость Духа Святого, да забудут люди горе земли, и да оставят все плохое и прилепятся к Тебе любовью, и да будут жить в мире, творя волю Твою во славу Твою.

О, Господи, сподоби нас дара Духа Святого, да разумеем славу Твою и будем жить на земле в мире и любви, да не будет ни злобы, ни войн, ни врагов, но одна любовь да царствует, и не нужны будут ни армии, ни тюрьмы, и легко будет жить всем на земле.

* * *

Молю Тебя, Милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли.

Как дал Ты мне грешному познать Тебя Духом Твоим Святым, так да познают Тебя народы земли, и да хвалят Тебя день и ночь.

Знаю, Господи, что Ты любишь Своих людей, но люди не разумеют любви Твоей, и мнутся по земле все народы, и мысли их, как облака, гонимые ветром во все стороны.

Люди забыли Тебя, Творца их, и ищут свободы своей, не разумея, что Ты милостив, и любишь кающихся грешников, и даешь им Свою благодать Святого Духа.

Господи, Господи, дай силу Твоей благодати, да познают Тебя все народы Духом Святым, и да хвалят Тебя в радости, как мне нечистому и мерзкому Ты дал радость желания Твоего, и влечется душа моя к любви Твоей день и ночь ненасытно.

* * *

О безмерная милость Божия к нам.

Многие богатые и сильные дали бы дорого за то, чтобы увидеть Господа или Его Пречистую Матерь, но не богатству являет Себя Бог, а смиренной душе.

И на что нам деньги? Великий Спиридон змию обратил в золото, и нам ничего не нужно, кроме Господа: в Нем полнота жизни.

Если не дал нам Господь познать, как многое устроено в мире, то значит и не нужно; не можем мы умом знать все творение.

Но Сам Творец неба и земли и всякого создания дает нам познать Себя Духом Святым. В том же Духе Святом познаем мы Божию Матерь, Ангелов и Святых, и дух наш горит любовью к ним.

Но кто не будет любить врагов, тот не может познать Господа и сладость Духа Святого.

Дух Святой учит любить врагов так, что будет жалеть их душа, как родных детей.

Есть люди, которые желают своим врагам или врагам Церкви гибели и мук в адском огне. Так мыслят они потому, что не научились любви Божией от Духа Святого, ибо тот, кто научился, будет проливать слезы за весь мир.

Ты говоришь, что он злодей, и пусть горит в адском огне.

Но спрошу тебя: – если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви?

Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой «всех жалко».

Кто не любит врагов, в том нет благодати Божией.

Милостивый Господи, Духом Твоим Святым научи нас любить врагов и слезно молиться за них.

О, Господи, дай Духа Святого на землю, чтобы все народы познали Тебя и научились любви Твоей.

* * *

Господи, как Сам Ты молился за врагов, так и нас Духом Твоим Святым научи любить врагов.

Господи, все народы – создание рук Твоих, – обрати их от вражды и злобы на покаяние, да познают все Твою любовь.

Господи, Ты заповедал любить врагов, но трудно нам грешным, если с нами нет Твоей благодати.

Господи, излей на землю Твою благодать; дай всем народам земли познать Твою любовь, познать, что Ты любишь нас, как мать, и больше матери, потому что и мать может забыть исчадие свое, но Ты никогда не забываешь, ибо Ты безмерно любишь создание Свое, а любовь не может забыть.

Господи Милостивый, богатством милости Твоей спаси все народы.

Нашей Преславной Церкви дано Духом Святым разуметь тайны Божии, и крепка Она Своею Святою мыслью и терпением.

Душа православного благодатью научена крепко держаться Господа и Его Пречистой Матери, и веселится дух наш, созерцая знакомого Бога.

Но познается Бог только Духом Святым и тот, кто в гордости своей хочет познать Творца своим умом, – слеп и неразумен.

Умом мы не можем познать даже и того, как сделано солнце; и когда мы просим Бога сказать нам, как сделал Он солнце, то ясный ответ в душе: «смири себя, и будешь знать не только солнце, но и Творца его».

А когда познает душа Господа, то от радости забывает солнце и всю тварь, и оставляет заботу о земном знании.

* * *

Смиренной душе Господь открывает тайны Свои.

Всю жизнь святые смиряли себя и боролись с гордостью. И я смиряю себя день и ночь, и все же еще не смирился, как должно, но Духом Святым душа моя познала Христово смирение, которому Он повелел нам научиться от Него, и влечется душа моя к Нему непрестанно.

О, Христово смирение; оно дает душе неописуемую радость в Боге, и от любви Божией душа забывает и землю и небо, и вся желанно стремится к Богу.

О, Христово смирение, как оно сладко и приятно. Оно только в ангелах и святых душах обретается, а мы должны считать себя хуже всех, и тогда Господь даст и нам познать Христово смирение Духом Святым.

Господь, и слава Его, и все небесное познается только Духом Святым.

* * *

Господь дал нам Духа Святого, и мы научились песни Господней и от сладости любви Божией забываем землю.

Любовь Господня горяча и не дает помнить землю.

Кто испытал ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть, она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам, за все сие уходит благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая.

Слезно взывал Адам к Богу:

«Скучает душа моя по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя.

Воззри на скорбь мою и просвети тьму мою, да возвеселится душа моя.

Я не могу Тебя забыть. Как забуду Тебя? Твой тихий, кроткий взор привлек мою душу, и радовался дух мой в раю, где я видел лице Твое. Как забуду я рай, где любовь Отца Небесного веселила меня?»

* * *

Если бы мир знал силу слов Христа: «Научитесь от Меня смирению и кротости», то весь мир, вся вселенная оставили бы все другие науки и учились бы только этой небесной науке.

Люди не ведают силы Христова смирения и поэтому влекутся к земному; но познать силу этих слов Христа человек не может без Духа Святого; а кто познал, тот не оставит этой науки, хотя бы его обогатили всеми царствами мира.

Господи, дай мне смирение Твое, да вселится в меня любовь Твоя и да живет во мне страх Твой святой.

Тяжко жить без любви к Богу; душе мрачно и скучно; но когда приходит любовь, тогда невозможно описать радость души.

Душа моя жаждет стяжать Христово смирение и скучает по нем день и ночь, и иногда «криком кричу»:

Скучает душа моя по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя.

* * *

О, Господи, как любишь Ты создание Твое, и душа невидимо видит Твою благодать и в страхе и в любви благоговейно благодарит Тебя.

Дорогие мои братья, слезно пишу эти строки.

Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту непрестанно удивляется она милосердию Божию и величию и могуществу Его. Но если душа еще не стяжала смирения, а только стяжевает, то будут у нее перемены: по временам пребывает она в борьбе с помыслами и не имеет покоя, а иногда получает свободу от помыслов, и созерцает Господа и разумеет любовь Его. Поэтому и говорит Господь: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим».

И если кто не научится смирению, любви и незлобию, то не даст ему Господь познать Себя. А душа, познавшая Господа Духом Святым, уязвлена любовью Его и не может забыть Его, но как больной всегда помнит свою болезнь, так любящая Господа душа всегда помнит Господа и любовь Его ко всему роду человеческому.

* * *

Что воздам Тебе, Господи?

Ты, Милостивый, воскресил душу мою от грехов, и дал мне познать милость Твою ко мне, и сердце мое пленилось Тобою, и влечется к Тебе, Свету моему, непрестанно.

Что воздам Тебе, Господи?

Ты воскресил душу мою любить Тебя и ближнего своего, и даешь мне слезы молиться за весь мир.

Блаженна душа, познавшая Творца и возлюбившая Его, ибо она успокоилась в Нем совершенным покоем. Господь безмерно милостив.

Знает душа моя милость Его ко мне, и я пишу о ней с надеждой, что хоть одна душа возлюбит Господа и возгорится к Нему жаром покаяния.

Если бы Господь не дал мне Духом Святым познать милость Его, я бы отчаялся от множества грехов моих, но теперь Он увлек душу мою, и она возлюбила Его и забывает все земное.

О, Господи, смири сердце мое, чтобы оно всегда было угодно Тебе.

* * *

Разумейте вы, все народы земли, много вас любит Господь, и милостиво зовет к Себе:

«Приидите ко Мне.., и Аз упокою вас» (Мф.11:28).

«Упокою и на земле и на небе, и вы будете видеть славу Мою».

«Ныне вы не можете разуметь сего, но Дух Святой даст вам уразуметь Мою к вам любовь».

«Не медлите, идите ко Мне, Я желанно жду вас, как дорогих детей, и дам вам Мой мир, и вы будете в радости, и радость ваша будет вечная».

Дорогие мои братья, слезно пишу эти строки.

Когда душа Духом Святым познает Господа, то каждую минуту, непрестанно удивляется она милосердию Божию, и величию, и могуществу Его, и Господь Сам, Своею благодатью, милостиво, как мать любимое дитя, учит душу смиренными благими помышлениями и дает ей чувствовать Свое присутствие и близость, и душа в смирении созерцает Господа без всяких помышлений.

* * *

Господь любит человека, и благодать Его будет в Церкви до времени Страшного Суда также, как была она в прежние времена.

Господь любит человека, и хотя создал его из праха, но украсил его Духом Святым.

Духом Святым познается Господь, и Духом Святым любитя Господь, а без Духа Святого человек грешная земля.

Господь воспитывает Своих чад Духом Святым, и Своею пречистою кровью и телом, и все, кто следует Господу, похожи на Господа, Отца своего.

Дух Святой сроднил нас с Господом, и знай, что если ты чувствуешь в себе мир Божий и любовь ко всем, то душа твоя похожа на Господа.

Научила нас этому Благодать Божия, и душа знает, когда она обогащена благодатью; а равно чувствует душа, когда

теряет благодать, чувствует и пришествие врага.

Я раньше этого не знал, но когда потерял благодать, то мне из опыта стало ясно это.

Поэтому, братья, всеми силами храните мир Божий, который дан нам туне (даром), и когда кто будет досаждать, то хотя бы и с понуждением, но будем его любить, и Господь, видя труд наш, поможет нам Своею благодатью.

Так говорят Святые Отцы, и опыт многих лет показывает, что необходим труд.

Благодать Святого Духа делает всякого человека похожим на Господа Иисуса Христа еще на земле.

Кто в Духе Святом, тот похож на Господа еще здесь на земле, но кто не кается и не верует, те похожи на врага.

Господь удостоил, что мы похожи на Него, а ведь Господь такой кроткий и смиренный, и если бы ты увидел Его, то от mnogой радости хотел бы сказать: «Господи, я таю от Твоей благодати», но в эту минуту ты не можешь сказать ни единого слова о Боге, ибо душа твоя изменилась от обильного Духа Святого. Так Преподобный Серафим Саровский, когда увидел Господа, не мог говорить.

* * *

Господь повелевает любить Его всем сердцем и всею душою, – но как возможно любить Того, Кого никогда не видал, и как научиться той любви? Господь познается по действию в душе. Когда Господь посетит, то душа знает, что был милый Гость и ушел, и скучает душа по Нему и слезно ищет Его: «Где Ты, Свете мой, где Ты радость моя? Следы Твои благоухают в душе моей, но Тебя нет, и скучает душа моя по Тебе, и сердце мое уныло и болит, и ничто более не веселит меня, потому что я оскорбил Господа, и Он скрылся от меня».

Если бы мы были просты, как дети, то Господь показал бы нам рай, и мы видели бы Его во славе Херувимов, и Серафимов, и всех небесных сил, и Святых, но мы несмирены, и потому мучаем и себя и других, тех, что живут с нами.

* * *

Какая нам радость, что Господь не только прощает грехи, но и Себя дает познать душе, как только она смирится. Всякий

последний бедняк может смириться и познать Бога Духом Святым. Не надо ни денег, ни имений, чтобы познать Бога, но только смирение.

Господь туне дает Себя по единой милости. Я раньше не знал этого, а теперь ясно вижу каждый день и час, каждую минуту милость Божию. Господь дает мир даже во сне, а без Бога нет мира в душе.

Многим за гордость ума их Господь не дает Себя познать, а они все же думают, что много знают. И что стоит их знание, если они Господа не знают, не знают благодати Святого Духа, не знают, как она приходит и за что теряется?

Но смирим себя, братья, и Господь все нам покажет, как любящий отец все показывает детям своим.

* * *

Смотри умом, что делается в душе. Если небольшая благодать, то в душе мир, и чувствуется любовь ко всем; если благодать больше, то в душе свет и радость великая, а если еще больше, то и тело ощущает благодать Святого Духа.

* * *

Нет большего горя, чем потерять благодать. Душа скучает тогда о Боге, и чему уподоблю это скучание.

Уподоблю его плачу матери, которая потеряла единственного возлюбленного сына своего, и взывает: «Где ты, утроба моя возлюбленная, где ты, радость моя?»

Так и еще больше скучает душа по Господу, когда потеряет благодать и сладость Божественной любви.

«Где Ты, Боже мой милостивый; где Ты, Свете Незаходимый? Почто скрылся Ты от меня, и не вижу больше Твоего кроткого и светлого лица?»

«Редкие души знают Тебя, и мало с кем можно говорить о Тебе: больше спасаются люди верою. Но как Ты Сам сказал Апостолу Фоме: «Ты видел и осязал, но блаженны и те, которые не видели, но веруют». Так не все ощущают Духа Святого, но кто боится Бога и хранит заповеди Его, все будут спасены, ибо безмерно много нас любит Господь, и я не мог бы знать этой любви, если бы не научил меня Дух Святой, Который учит всему доброму.

* * *

Сердце мое возлюбило Тебя, Господи, и потому скучаю по Тебе, и слезно ищу Тебя.

Ты украсил небо звездами, воздух – облаками, землю же – морями, реками и зелеными садами, где поют птицы, но душа моя возлюбила Тебя и не хочет смотреть на этот мир, хотя он и прекрасен.

Только Тебя желает душа моя, Господи. Твой тихий и кроткий взор я не могу забыть, и слезно молю Тебя: Приди, и вселись, и очисти меня от грехов моих. Ты видишь с высоты святой славы Твоей – как скучает душа моя по Тебе. Не оставь меня, раба Твоего; услышь меня, вопиющего, как Пророк Давид: «Помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости» (Пс.50:3).

* * *

Святые Апостолы, вы проповедовали всей земле: «познайте любовь Божию». И моя грешная душа познала эту любовь Духом Святым; но я потерял этого Духа и скучаю по Нему, и прошу вас, умолите Господа, да возвратит мне дар Духа Святого, Которого знает душа моя, и я буду молиться за весь мир, чтобы пришел мир на землю.

* * *

Все святые, умолите Господа Бога за меня. Вы видите славу Господню на небесах, ибо вы на земле возлюбили Бога всею душою и умом; вы победили мир силою благодати, которую дал Вам Господь за смирение ваше; вы претерпели ради любви Божией все скорби; и рвется дух мой видеть вас, как вы созерцаете славу Господню, и скучает душа моя день и ночь о Господе, и желает насладиться Его любовью.

* * *

Хорошие старцы смиренны и характером подобны Христу.

Своею жизнью они дают живой пример. Они стяжали мир, и, подобно райскому древу жизни, многих насыщают от плодов своих, т.е. плодами этого мира.

Древо жизни, что посреди рая – Христос. Оно ныне доступно всем, и весь мир может питаться от него и насыщаться Духом Святым.

Когда нет добрых наставников, то должно предаться воле Божией во смирении, и тогда Господь Своею благодатью будет умудрять, ибо Господь так много нас любит, что и выразить невозможно, и ум постигнуть не может, и только Духом Святым познается Божия любовь от веры, от ума же не познается.

Некоторые спорят о вере, и конца нет этим спорам, а ведь спорить не надо, а только молиться Богу и Божией Матери, и Господь без спора просветит, и скоро просветит.

Многие изучили все веры, но истинную веру, как должно, так и не познали, но кто будет во смирении молиться Богу, чтобы просветил его Господь, тому даст Господь познать, как много Он любит человека.

Горделивые люди все думают постигнуть умом, но Бог не дает им этого.

Но мы знаем Господа: Он Себя показал нам Духом Святым, и душа знает Его, и рада, и весела, и покойна, и в этом наша святая жизнь.

* * *

Господь сказал: «Где Я, там и слуга Мой будет, и будет видеть славу Мою» ([Ин.12:26](#)). Но люди не разумеют Писания; оно как бы непонятно.

Когда же Дух Святой научит, тогда все будет понятно, и душа будет чувствовать себя как на небе, ибо тот же Дух Святой и на небе, и на земле, и в Священном Писании, и в душах любящих Бога. А без Духа Святого люди заблуждаются, и хотя постоянно учатся, но Бога познать не могут, и покоя в Нем не познали.

Кто познал любовь Божию, тот любит весь мир и никогда не ропщет на свою судьбу, ибо временная скорбь ради Бога доставляет вечную радость.

Несмиренная душа, которая не предалась на волю Божию, ничего не может познать, но от одной мысли переходит на другую, и так никогда не молится чистым умом и не прославляет величия Божия.

Душа, которая предалась смиренно на волю Божию, каждую секунду невидимо видит Бога, и невыразимо для самой души все это, и не может она рассказать об этом, но только

опытом познает она милость Божию, и знает душа, когда Господь с нею. Душа предалась Ему, как малое дитя, которое каждый день получает пищу, но не знает, откуда эта пища берется; так и душа чувствует себя с Богом хорошо, но как это бывает, объяснить не может.

Господи, Духом Твоим Святым просвети народ Твой, чтобы все познали любовь Твою.

Господь Сам внушает молиться за людей, и Сам дает силы на молитву, и за это награждает душу. Такова милость Господа к нам.

* * *

С детства я любил мир и красоту его. Любил я рощи и зеленые сады, любил я поля и весь свет Божий, как он красиво создан. Любил я смотреть на светлые облака, как несутся они в голубой высоте. Но с тех пор, как познал я Господа моего, и Он пленил душу мою, все изменилось в душе моей, и я уже не хочу смотреть на этот мир, но душа моя непрестанно влечется в тот мир, где живет Господь. Как птица в клетке, так томится душа моя на земле. Как птица желает и рвется улететь из тесной клетки в зеленую рощу, так душа моя влечется снова увидеть Господа, ибо Он привлек душу мою, и она скучает по Нему и зовет:

Где Ты обитаешь, Свете мой? Ты видишь – я слезно ищу Тебя.

Если бы ты не явил мне Себя, то не мог бы я искать Тебя так, как ныне ищу. Но Ты Сам взыскал меня грешного и дал мне познать любовь Твою. Ты дал мне увидеть, что любовь Твоя к нам привела Тебя на крест, и Ты в страданиях умер за нас. Ты дал мне познать, что любовь Твоя свела Тебя с небес на землю и даже до ада, дабы мы видели славу Твою.

Ты сжалился надо мною и явил мне Твое Лицо, и ныне душа моя влечется к Тебе, Господи, и ни в чем не находит покоя день и ночь, и плачу, как дитя, потерявшее мать.

Но и дитя свою мать, и мать свое дитя забудут, когда увидят Тебя: душа, видя Тебя, забывает весь мир. Так душа моя влечется к Тебе, и скучает по Тебе, и не хочет видеть красоту этого мира.

Когда душа в Духе Святом познает Божию Матерь; когда в Духе Святом она станет родною апостолам, пророкам, святителям и преподобным; и всем святым и праведным, тогда неудержимо влечется она в тот мир, и не может остановиться, но скучает, и томится, и плачет, и не может оторваться от молитвы, но хотя и изнемогает тело и хочет лечь в постель, но и в постели лежа, душа рвется к Господу и в Царство Святых.

Пришла старость, ослабело тело и хочет лежать на койке, но дух не лежит; он рвется к Богу, своему Отцу, родному, небесному. Он сроднил нас с Собою телом и пречистою кровью Своею и Духом Святым; Он дал нам познать, что есть вечная жизнь. Отчасти мы познали:

Дух Святой есть вечная жизнь, душа живет в любви Божией, в смирении и кротости Духа Святого; но Духу Святому надо дать простор в душе нашей, чтобы Он жил в ней, чтобы душа ощутимо чувствовала Его.

Кто на земле Духом Святым пребывает в любви Божией, тот и там будет вместе с Господом, ибо любовь не может исчезнуть.

Но чтобы не ошибаться в мысленном рассуждении, смирим себя по слову Господа:

«Будьте, как дети, таковых бо есть Царствие Божие» (Мф. 18, 3).

Горе мне, потому что я познал Господа Духом Святым, но теряю Его и не могу стяжать в полноте, хотя и вижу милость Божию со мною.

Господь нас так много любит, что мы сами себя не можем так любить; но душа в скорби думает, что Господь забыл ее и что даже и смотреть на нее не хочет, и она страдает и томится.

Но не так, братья.

Господь нас без конца любит и дает нам благодать Святого Духа, и утешает нас.

Господь не хочет, чтобы душа была в унынии и недоумении о своем спасении. Крепко верь, что мы страдаем только до тех пор, пока не смиримся; а как только смиримся, так конец скорбям, ибо Дух Божий за смирение извещает душу, что она спасена.

Великая слава Господу, что Он нас так много любит, и любовь эта познается Духом Святым.

* * *

Скучает душа моя о Господе, и слезно ищю Его.

Как могу я Его не искать? Он явил мне Себя Духом Святым, и сердце мое возлюбило Его. Он привлек душу мою, и она скучает о Нем.

Душа подобна невесте, а Господь – Жениху; и любят они друг друга, и скучают друг о друге.

Господь по любви Своей скучает о душе и печалится, если нет в ней места Духу Святому; а душа, познавшая Господа, скучает по Нему, потому что в Нем жизнь ее и радость.

* * *

Греховная жизнь есть – смерть души, а любовь Божия – тот рай сладости, в котором жил до падения отец наш Адам.

Адам, отец наш, скажи нам, как душа твоя любила Господа в раю?

Понять этого невозможно, и лишь та душа, которая касалась любви Божией, может отчасти разуместь сие.

А Божия Матерь, как Она любила Господа, – Сына Своего?

Никто из людей не может этого постигнуть, кроме Ее Самой.

Но Дух Божий учит нас любви. И в Ней был и есть тот же Дух Божий, Который есть любовь, и потому тот, кто познал Духа Святого, может отчасти разуместь и Ее любовь.

* * *

Как счастливы мы, христиане: «какого» Бога имеем.

Жалко тех людей, которые не знают Бога. Они не видят вечного света, и по смерти идут в вечный мрак. Мы знаем об этом, потому что Дух Святой в Церкви открывает святым, что есть на небесах и что есть во аде.

О, жалкий, заблудившийся народ. Они не могут знать, что есть истинная радость. Они веселятся иногда и смеются, но тот смех, которым они смеются, и то веселие, которым они веселятся, обратятся им в плач и скорбь.

А наша радость – Христос. Своими страданиями Он вписал нас в книгу жизни, и мы в Царствии Небесном вечно будем с Богом, и будем видеть славу Его и наслаждаться Им.

Наша радость – Дух Святой. Он такой сладкий и приятный. Он свидетельствует душе спасение.

О, братья, прошу вас и умоляю от лица Божьего милосердия, веруйте в Евангелие и во свидетельство Святой Церкви, и вы еще на земле вкусите райское блаженство. Ведь Царство Божие – внутри нас; любовь Божия дает душе рай. Многие князья и владыки, познавши любовь Божию, оставили свои престолы.

И это понятно, потому что любовь Божия горяча; она до слез улаживает душу благодатью Святого Духа, и ничто земное не может сравниться с нею.

* * *

Земное познается умом человеческим, но Бог и все небесное познается только Духом Святым, и не может быть познано простым умом.

Кто познал Бога Духом Святым, тот забывает землю так, как будто ее и нет, но после молитвы посмотрит глазами; и вот снова видит ее.

Братья, Святые в Царствии Небесном видят славу Божию; а мы смирим себя, и Господь полюбит нас, и даст на землю все полезное для души и тела, и откроет нам все тайны.

Люди прилепились душою к земным стяжаниям и потеряли любовь Божию, и потому нет мира на земле.

Многие всю жизнь любопытно хотят узнать, например, как сделано солнце, а Бога познать не заботятся. Господь же нам не говорил о солнце, но открыл нам об Отце и о Царствии Небесном. Он сказал, что праведники в Царстве Отца их будут сиять, как солнце (Мф.13:43); и Писание говорит, что Господь будет Светом в раю (Апок. 21, 23, 22:5), и Свет Господень будет «в душах, умах и телесах» Святых.

* * *

Живем мы на земле, и Бога не видим, и видеть не можем. Но если Дух Святой придет в душу, то мы увидим Бога, как увидел Его Святой Архидиакон Стефан. Душа и ум Духом Святым сразу узнают, что это «Господь», Так Святой Симеон Богоприимец Духом Святым в маленьком младенце познал Господа; и Святой Иоанн Креститель также Духом Святым

познал Господа и указал на Него народу. А без Духа Святого никто не может познать Бога и как много Он нас любит. Хотя мы и читаем, что Он возлюбил нас и пострадал за нас по любви к нам, но помышляем об этом только умом, а душой не разумеем, как должно, любви Христовой; когда же Дух Святой научит нас, тогда ясно и ощутимо познаем мы любовь, и бываем похожи на Господа.

* * *

Господи Милостивый, научи всех нас Духом Твоим Святым жить по воле Твоей, чтобы все мы во Свете Твоем познали Тебя, истинного Бога, ибо без Света Твоего мы не можем понять полноту любви Твоей. Просвети нас благодатью Твоею, и она согреет сердца наши любить Тебя.

II. Слово о молитве

Кто любит Господа, тот всегда Его помнит, а память Божия рождает молитву.

Если не будешь помнить Господа, то и молиться не будешь, а без молитвы душа не пребудет в любви Божией, ибо чрез молитву приходит благодать Святого Духа.

Молитвою хранится человек от греха, ибо молящийся ум занят Богом и во смирении духа стоит пред лицом Господа, Которого знает душа молящегося.

Но, конечно, новонаначальному нужен руководитель, потому что до благодати Святого Духа душа имеет великую брань с врагами, и не может разобраться она, если враг принесет ей свою сладость. Понять это может только опытом вкусивший благодати Святого Духа. Кто вкусил Святого Духа, тот «по вкусу» распознает благодать.

Кто без руководителя хочет заниматься молитвой, и в гордости подумает, что он может по книгам научиться, и не будет ходить к старцу, тот уже наполовину в прелести. Смиренному же поможет Господь, и если нет опытного наставника, и он будет ходить к духовнику, какой есть, то за смирение покроет его Господь.

Помышляй, что в духовнике живет Святой Дух, и он тебе скажет, что должно. Но если ты подумаешь, что духовник живет нерадиво, и как может в нем жить Святой Дух, то за такую мысль ты сильно пострадаешь, и Господь смирит тебя, и ты непременно падешь в прелесть.

Молитва дается молящемуся, как сказано в Писании; но молитва только по привычке, без сокрушения сердца о грехах – не угодна Господу. Прерву на время слово о молитве.

Скучает душа моя о Господе, и желанно ищу Его, и ни о чем другом не терпит душа моя помышлять.

Скучает душа моя о живом Господе, и рвется дух мой к Нему, как Отцу Небесному и родному. Сроднил нас Господь Духом Святым. Мил сердцу Господь, – наша радость и веселие, и крепкое упование.

Благий Господи, взыщи милостиво создание Свое и покажи Себя людям Духом Святым, как Ты показываешь Себя рабам Твоим.

Обрадуй, Господи, пришествием Духа Твоего Святого всякую скорбящую душу. Дай, Господи, чтобы все люди, молящиеся Тебе, познали Духа Святого.

О, все люди, смирим себя ради Господа и ради Царствия Небесного. Смирим себя, и даст нам Господь познать силу Иисусовой молитвы. Смирим себя, и Сам Дух Божий будет учить душу.

О, человече, учись Христову смирению, и даст тебе Господь вкусить сладости молитвы. И если ты хочешь чисто молиться, то будь смирен, воздержан, чисто исповедуйся, и возлюбит тебя молитва. Будь послушлив, с благою совестью подчиняйся властям, и будь доволен всем, и тогда ум твой очистится от суетных помыслов. Помни, что тебя видит Господь, и будь в страхе, как бы не оскорбить чем-либо брата; не осуди его и не опечаль его хотя бы видом, и Дух Святой возлюбит тебя, и Сам во всем будет тебе помогать.

Дух Святой очень похож на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой – жалеет нас, прощает, исцеляет, и вразумляет, и радует, и познается Дух Святой во смиренной молитве.

Кто любит врагов, тот скоро познает Господа Духом Святым, а кто не любит, о том не хочу и писать. Но жалко его, ибо он мучает себя и других, и Господа не познает он.

* * *

Любящая Господа душа не может не молиться, ибо она влечется к Нему благодатью, которую познала в молитве.

Для молитвы нам даны храмы; в храмах служба совершается по книгам; но и храма с собой не возмешь, и книги не всегда имеешь, а внутренняя молитва всегда и везде с тобою. В храмах совершаются божественные службы, и Дух Божий живет, но душа – лучший храм Божий, и кто молится в душе, для того весь мир стал храмом; но это не для всех.

Многие молятся устно, и любят молиться по книгам; и это хорошо, и Господь принимает молитву и милует их. Но если кто

молится Господу, а думает о другом, то такой молитвы не послушает Господь.

Кто молится по привычке, у того нет перемены в молитве, а кто усердно молится, у того много перемен в молитве: бывает борьба с врагом, борьба с самим собою, со страстями, борьба с людьми, и во всем надо быть мужественным.

Испрашивай совета опытных, если найдешь, и смиренно проси Господа, и даст тебе Господь разум за смирение.

Если молитва наша угодна Господу, то Дух Божий свидетельствует в душе; Он приятный и тихий; а раньше я не знал, принял ли Господь молитву или нет, и почему можно узнать об этом.

Горе и опасности многих научили молиться.

Зашел ко мне в магазин один военный человек; он направлялся в Солунь. Душа моя полюбила его, и я говорю ему:

«Молись Господу, чтобы меньше было скорбей».

А он говорит: «Я молиться умею. Я научился на войне, когда бывал в сражениях. Я сильно просил Господа, чтобы оставил меня в живых. Пули сыпались, снаряды рвались, и мало кто оставался в живых, а я бывал в сражениях много раз, и Господь меня сохранил». При этом он показал, как молился, и по движению тела его было видно, как весь он погружался в Бога.

Многие любят читать хорошие книги, и это хорошо, но лучше всего молиться, а кто читает плохие книги или газеты, тот наказуется голодом души; душа его голодная, потому что пища души и наслаждение ее – в Боге. В Боге и жизнь ее, и радость, и веселие, и Господь неизреченно нас любит, и любовь эта познана Духом Святым.

Если ум твой хочет молиться в сердце и не может, то читай молитву устами и держи ум в словах молитвы, как говорит «Лествица». Со временем Господь даст тебе сердечную молитву без помыслов, и будешь легко молиться.

Некоторые повредили себе сердце, потому что усиливались умом творить молитву в сердце, и дошли до того, что потом и устами не могли ее произносить.

Но знай порядок духовной жизни: дары даются простой, смиренной послушливой душе. Кто послушлив и во всем воздержен: в пище, в слове, в движениях, тому Сам Господь дает молитву, и она легко совершается в сердце.

Непрестанная молитва приходит от любви, а теряется за осуждение, за празднословие и невоздержание. Кто любит Бога, тот может помышлять о Нем день и ночь, потому что «любить Бога никакие дела не мешают». Апостолы любили Господа, и мир им не мешал, хотя они помнили мир, и молились за него, и проповедовали. А вот Арсению Великому было сказано: «бегай людей», но Дух Божий и в пустыне учит нас молиться за людей и за весь мир.

В этом мире каждый имеет свое послушание: кто – царь, кто – патриарх, кто – повар, или кузнец, или учитель, но Господь всех любит, и большая награда будет тому, кто больше любит Бога. Господь дал нам заповедь – любить Бога всем сердцем, всем умом, всею душою. А без молитвы, как можно любить? Поэтому ум и сердце человека всегда должны быть свободными для молитвы.

Кого любишь, о том хочется мыслить, о том хочется говорить, с тем хочется быть. А Господа любит душа, как Отца и Создателя, и предстоит Ему в страхе и любви: в страхе, потому что Господь; в любви, потому что знает душа Его, как Отца; Он зело милостив и благодать Его сладка паче всего.

И я познал, что молиться легко, потому что помогает благодать Божия. Господь милостиво нас любит и дает нам молитвою беседовать с Ним, и каяться, и благодарить.

Нет сил описать, как много нас любит Господь; Духом Святым познается сия любовь, и душа молящегося знает Духа Святого.

* * *

Некоторые говорят, что от молитвы приходит прелесть. Это ошибка. Прелесть приходит от самочиния, а не от молитвы. Все святые много молились и других призывают к молитве. Молитва есть лучшее дело для души. Молитвою приходят к Богу; молитвою испрашивается смирение, терпение и всякое благо. Кто говорит против молитвы, тот, очевидно, никогда не вкушал,

как благ Господь, и как много Он нас любит. От Бога зла не бывает. Все святые непрестанно молились; они и одной секунды не оставались без молитвы.

Душа, теряя смирение, теряет вместе с нею благодать и любовь к Богу, и тогда угасает пламенная молитва; но когда душа успокоится от страстей и стяжает смирение, тогда Господь дает ей Свою благодать, и молится тогда она за врагов, как за самого себя, и за весь мир молится с горячими слезами.

III. О смирении

НЫНЕ МАЛО старцев, которые знают любовь Господа к нам и знают борьбу с врагами, и что побеждать их должно Христовым смирением.

Господь так любит человека, что дает ему дары Святого Духа, но пока душа научится хранить благодать, то много намучается.

В первый год, по получении Святого Духа, я думал: грехи мне Господь простил: благодать свидетельствует об этом; чего мне еще более надо? Но не так надо думать. Хотя грехи прощены, но всю жизнь надо о них помнить и скорбеть, чтобы сохранить сокрушение. Я так не делал, и перестал сокрушаться, и много я потерпел от бесов. И я недоумевал, что со мною делается: душа моя знает Господа и Его любовь; как же мне приходят плохие помыслы? Но Господь меня пожалел, и Сам научил меня, как надо смиряться: «Держи ум твой во аде, и не отчаивайся». И этим побеждаются враги; а когда я умом выхожу из огня, то помыслы снова приобретают силу.

Кто, подобно мне, потерял благодать, тот пусть мужественно борется с бесами. Знай, что ты сам виноват: впал в гордость и тщеславие, и Господь милостиво дает тебе познать, что значит быть в Духе Святом, и что значит быть в борьбе с бесами. Так душа опытом познает вред гордости, и тогда бежит тщеславия, и похвалы человеческой, и помыслов. Тогда начнет душа выздоравливать и научается хранить благодать. Как понять – здорова ли душа, или больна? Больная душа – горделива; а здоровая душа любит смирение, как научил ее Дух Святой, и если не знает этого, то считает себя хуже всех.

Смиренная душа, хотя бы Господь брал ее на небо каждый день и показывал всю небесную славу, в которой пребывает Он, и любовь Серафимов и Херувимов, и всех Святых, то и тогда, наученная опытом, будет говорить: «Ты, Господи, показываешь мне Свою славу, потому что Ты любишь создание Свое, но мне дай плач и силу благодарить Тебя. Тебе подобает слава на небе

и на земле, а мне подобает плакать о грехах моих». Иначе не сохранишь благодать Святого Духа, которую дает Господь туне, по милости Своей.

Господь много пожалел меня, и дал мне разуметь, что всю жизнь надо плакать. «Таков путь Господень». И вот теперь пишу, жалея тех людей, которые подобно мне, горделивы и потому страдают. Пишу, чтобы учились смирению и обрели покой в Боге.

Некоторые говорят, что это раньше когда-то было, а теперь все это устарело; но у Господа «никогда ничто не умаляется», а только мы изменяемся, делаемся плохими и так теряем благодать; а кто просит, тому Господь дает все не потому, что мы этого стоим, но потому, что Господь милостив и нас любит. Я пишу об этом потому, что душа моя знает Господа.

* * *

Научиться Христову смирению – есть великое благо; с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, а если не смиримся, то Бога не узрим.

Смирение есть свет, в котором мы можем узреть Свет-Бога, как поется: «Во свете Твоем узрим свет».

Господь научил меня держать ум во аде, и не отчаиваться, и так смиряется душа моя, но это не есть еще настоящее смирение, которое неописуемо. Когда душа идет к Господу, то бывает в страхе, но когда увидит Господа, то от красоты славы Его неизреченно радуется, и от любви Божией и от сладости Духа Святого совершенно забывает землю.

Таков рай Господень. Все будут в любви, и от смирения Христова все будут рады видеть других выше себя. Смирение Христово в меньших обитает; они рады, что они меньше. Так мне дал разуметь Господь.

О, помолитесь за меня все Святые, чтобы душа моя научилась смирению Христову; жаждет его душа моя, но стяжать не могу, и слезно ищу его, как потерявшееся дитя ищет мать свою.

Где Ты, мой Господи? Скрылся от души моей, и слезно ищу Тебя.

Господи, даруй мне силу смириться пред величием Твоим.

Господи, Тебе подобает слава на небеси и на земли, мне же, маленькому созданию Твоему, даруй смиренного Духа Твоего.

Молю Твою благодать, Господи, призри на меня с высоты славы Своей и даруй мне силу славить Тебя день и ночь, ибо душа моя возлюбила Тебя Духом Святым, и скучаю я по Тебе, и слезно ищу Тебя.

Господи, даруй нам Духа Святого; Им будем Тебя славить день и ночь, ибо плоть наша немощна, а Дух Твой бодр, и дает силу душе легко Тебе работать, и утверждает ум в любви Твоей, и успокаивает в Тебе совершенным покоем, и уже не хочет он помышлять ничего, кроме любви Твоей.

Господи, Милостивый, – немощной дух мой не может прийти к Тебе, и потому зову Тебя, как царь Авгарь: приди, и исцели меня от ран моих греховных помыслов, и я буду хвалить Тебя день и ночь, и проповедовать Тебя людям, чтобы познали Тебя все народы, что Ты, Господь, как и раньше, творишь чудеса, прощаешь грехи, и освящаешь, и живишь.

* * *

Великая разница между самым простым человеком, познавшим Господа Духом Святым, и человеком, хотя бы и очень великим, но не познавшим благодати Святого Духа.

Великое различие веровать только, что Бог есть, познавать Его из природы или от Писания, и познать Господа Духом Святым. Кто познал Бога Духом Святым, у того дух горит любовью к Богу день и ночь, и не может душа его привязаться ни к чему земному.

Душа, не испытывавшая сладости Духа Святого, радуется от тщеславия мирской славе, или богатству, или власти; а душа, познавшая Господа Духом Святым, желает только одного Господа, а богатство и славу мирскую вменяет ни во что.

Душа, которая вкусила Духа Святого, по вкусу разбирается. Писано: «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс.33:9). Давид познал опытом, и доныне Господь дает Своим рабам опытом познать Свою благодать, и будет учить рабов Своих до скончания века.

Кто познал Бога Духом Святым, тот от Него научился смирению, и уподобился своему Учителю, Христу Сыну Божию, и на Него стал похож.

Господи, сподоби нас дара Твоего святого смирения. Господи, даруй нам туне смиренного Духа Твоего Святого, как туне пришел Ты спасти людей и вознести их на небо, чтобы видели славу Твою.

О, Христово смирение! Знаю я тебя, но стяжать не могу. Плоды твои сладки, потому что они не земные.

* * *

Когда унывает душа, то как возжечь в ней огонь, чтобы горела она любовью на всякий час? Огонь этот у Бога, и Господь пришел на землю, чтобы дать нам этого огня благодати Святого Духа, и кто научается смирению, тот имеет его, ибо Господь смиренным дает благодать Свою.

Много труда надо положить, и много слез надо пролить, чтобы удержать смиренный дух Христов; а без него угасает в душе свет жизни, и она умирает. Тело иссушить постом можно скоро, но душу смирить так, чтобы она постоянно была смиренна, не легко, и не скоро возможно. Мария Египетская 17 лет боролась со страстями, как с дикими зверями, и только тогда обрела покой; а ведь тело она иссушила скоро, потому что в пустыне ей нечем было питаться.

Мы совсем застыли и не понимаем, что есть Христово смирение или любовь. Правда, это смирение и любовь познаются благодатью Святого Духа, но мы не думаем, что ее возможно привлечь к себе.

Для этого надо возжелать ее всей душой.

Но как я возжелаю того, о чем не имею понятия? Немного понятия все мы имеем, и Дух Святой всякую душу движет искать Бога.

О, как надо просить Господа, чтобы Он дал душе смиренного Духа Святого. Смиренная душа имеет великий покой, а гордая – сама себя терзает. Гордый не знает любви Божией и далек от Бога. Он гордится тем, что богат, или учен, или в славе, но не знает несчастный своей нищеты и гибели,

ибо Бога не знает. Но кто борется против гордости, тому поможет Господь победить эту страсть.

* * *

Господь сказал:

«Научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф.11:29).

Об этом скучает душа моя день и ночь, и молю Бога и все небо Святых, и вас всех, кто познал смирение Христово, – помолитесь обо мне, чтоб сошел на меня дух Христова смирения, которого слезно желает душа моя. Я не могу его не желать, ибо душа моя познала его Духом Святым, но я потерял этот дар, и потому скучает душа моя до слез.

Владыко Многомилостивый, даруй нам духа смиренного, чтобы души наши обрели покой в Тебе.

Пресвятая Матерь Господа, испроси, Милостивая, нам смиренного духа.

Все Святые, вы живете на небесах, и видите славу Господню, и радуется дух ваш, – молитесь, чтобы и нам быть с вами.

Влечется и моя душа видеть Господа, и скучает по Нему во смирении, как недостойная сего блага.

Господи Милостивый, Духом Святым научи нас смирению Твоему.

* * *

Гордость не дает душе вступить на путь веры.

Неверующему я даю такой совет: пусть он скажет: «Господи, если Ты есть, то просвети меня, и я послужу Тебе всем сердцем и душою». И за такую смиренную мысль и готовность послужить Богу, Господь непременно просветит. Но не надо говорить: «если Ты есть, то накажи меня», потому что если придет наказание, ты, быть может, не найдешь силы благодарить Бога и принести покаяние.

И когда Господь просветит тебя, тогда душа твоя почувствует Господа; почувствует, что Господь простил ее, и любит ее, и это ты из опыта познаешь, и благодать Святого Духа будет свидетельствовать в душе твоей спасение, и

захочешь тогда кричать на весь мир: «Как много нас любит Господь».

Апостол Павел, пока не знал Господа, гнал Его, но когда познал, то обтек всю вселенную, проповедуя Христа.

Если Господь не даст Духом Святым познать, как много Он нас любит, то и не может человек знать, потому что невозможно земному уму от науки разуметь, какую любовь имеет Господь к людям.

Но чтобы спастись, надо смириться, потому что гордого если и силою посадить в рай, он и там не найдет покоя, и будет недоволен, и скажет: «Почему я не на первом месте?»

А смиренная душа исполнена любви и не ищет первенства, но во всем желает добра и всем бывает довольна.

* * *

Тщеславный или боится бесов, или уподобился им; но не должно бояться бесов, а тщеславия и гордости надо бояться, потому что чрез них теряется благодать.

Кто беседует с бесами, тот оскверняет ум свой, а кто пребывает в молитве, у того ум просвещается от Господа.

Господь много нас любит, но мы все же падаем, потому что не имеем смирения. Чтобы сохранить смирение, надо умертвить плоть и принять Христова Духа. Святые имели крепкую брань с бесами, и победили их смирением, молитвою и постом.

Кто смирил себя, тот победил врагов.

* * *

Что надо делать, чтобы иметь мир в душе и теле?

Для этого надо всех любить, как самого себя, и каждый час быть готовым к смерти.

Когда душа помнит смерть, то приходит в смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить.

Когда мир Христов придет в душу, тогда она рада сидеть, как Иов, на гноище, а других видеть в славе; тогда душа рада, что она хуже всех. Тайна сил смирения Христова – велика, и невозможно ее объяснить. От любви душа всякому человеку хочет больше добра, чем себе, и радуется, когда видит, что другим лучше, и скорбит, когда видит, что они мучаются.

О, помолитесь за меня все Святые и все народы, да приидет на меня святое смирение Христово.

* * *

Господь любит людей, но посылает скорби, чтобы люди познали немощь свою и смирились, и за смирение свое приняли Святого Духа, а с Духом Святым – все хорошо, все радостно, все прекрасно.

Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется, и потому без пользы страдает.

А кто смирится, тот всякою судьбою будет доволен, потому что Господь его богатство и радость, и все люди будут удивляться красоте души его.

Ты говоришь: у меня много горя. Но я тебе скажу, или лучше Сам Господь говорит: смирись, и увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам удивишься, и скажешь: Почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия; теперь ты хотя бы один сидел в бедности, радость не оставит тебя, потому что на душе у тебя мир, о котором Господь сказал: «мир Мой даю вам» (Ин.14:27). Так всякой смиренной душе Господь дает мир.

* * *

Душа смиренного, как море; брось в море камень, он на минуту возмутит слегка поверхность, и затем утонет в глубине его.

Так скорби утопают в сердце смиренного, потому что с ним сила Господня.

Где ты обитаешь, смиренная душа; и кто в тебе живет; и чему уподоблю тебя?

Ты горишь ярко, как солнце, и не сгораешь, но теплом своим согреваешь всех.

Тебе принадлежит земля кротких, по слову Господа.

Ты подобна цветущему саду, в глубине которого прекрасный дом, где любит обитать Господь.

Тебя любят небо и земля.

Тебя любят святые Апостолы, Пророки, Святители и Преподобные.

Тебя любят Ангелы, Серафимы и Херувимы. Тебя смиренную любит Пречистая Мать Господа.

Тебя любит и радуется о тебе Господь.

* * *

Гордой душе Господь не являет Себя. Гордая душа, хотя бы все книги изучила, никогда не познает Господа, ибо она гордостью своею не дает в себе место благодати Святого Духа, а Бог познается только Духом Святым.

* * *

Люди, просвещенные крещением, веруют в Бога, но есть и такие которые даже знают Его.

Веровать в Бога – хорошо, но знать Бога – блаженнее. Однако и верующие – блаженны, как сказал Господь Апостолу Фоме, что ты видел Меня, и осязал, и веруешь, но блаженны и не видевшие, но верующие.

Если бы мы были смиренны, то Господь, по Своей любви, все показал бы нам, открыл бы все тайны, но горе наше в том, что мы не смиренны, гордимся и тщеславимся всяким пустяком, и тем мучаем и самих себя и других.

Господь, хотя и милостив, но за гордость томит душу голодом, и не дает ей благодати, доколе не научится она смирению. Я погибал от грехов, и давно уже был бы во аде, если бы не пожалел меня Господь и Пречистая благая Богородица. О, Ее тихий, кроткий голос; небесный голос, такого на земле мы не услышим никогда. И вот теперь слезно пишу я о Милостивом Господе, как о родном Отце. Сладко душе с Господом; это блаженство вкушал Адам в раю, когда ясно он видел Господа, а наша душа чувствует, что Он с нами, как обещался. «Се Аз с вами во вся дни, до скончания века» (Мф.28:20).

Господь с нами.

Возможно ли желать большего? Господь создал человека, чтобы он вечно в Нем жил и блаженствовал, чтобы мы были с Ним и в Нем. Господь и Сам хочет быть с нами и в нас. Господь наша радость и веселие; и когда мы гордостью удаляемся от Господа, то самих себя предаем мучению: тоска, и уныние, и злые мысли терзают нас.

Господи, исправь нас, как нежная мать исправляет своих малых детей. Дай всякой душе познать радость пришествия Твоего и силу помощи Твоей. Дай прохладу страждущим душам Твоего народа, и всех нас научи Духом Святым знать Тебя.

Томится душа человеческая на земле, Господи, и умом не может укрепиться в Тебе, потому что не знает Тебя и Твоей благодати. Ум наш омрачен земными попечениями, и не можем мы понять полноту любви Твоей. Ты нас просвети.

Твоему милосердию все возможно. Ты сказал во Святом Евангелии, что мертвые услышат глас Сына Божия, и оживут; так ныне сотвори, чтобы мертвые души наши услышали глас Твой и ожили бы в радости.

Скажи, Господи, миру: «Прощаются всем грехи», и простятся.

Освяти нас, Господи, и все освящены будут Духом Твоим, и будут славить Тебя на земле все народы Твои, и воля Твоя будет на земле, как на небе, ибо Тебе в с е в о з м о ж н о.

* * *

Гордый боится укоризны, а смиренный – нисколько. Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят.

Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает Господа Духом Святым, какой Он смиренный и кроткий, тогда видит себя хуже всех и рада сидеть на гноище, как Иов, в худых одеждах, а людей видеть в Духе Святом, сияющими и похожими на Христа.

Да даст Милостивый Господь всем вкусить Христова смирения, которое неописуемо, и тогда душа уже не пожелает ничего более, но вечно будет жить в смирении, любви и кротости.

Скучает душа моя по Тебе, Господи: Ты скрыл лице Твое от меня, и я смущен, и душа моя снова смертельно желает видеть Тебя, ибо Ты привлек душу мою. Если бы Ты, Господи, не привлек меня Своею благодатью, то не мог бы я так скучать по Тебе и слезно искать Тебя.

Как искать, и чего искать будет тот, кто не познал и не терял?

Когда я жил в миру, то хотя и помышлял о Тебе, но не всегда, ныне же горит до слез мой дух желанием видеть Тебя, Свете мой.

Ты научил меня Твоим милосердием. Ты скрывался от меня, чтобы душа моя научилась смирению, ибо без смирения не может сохраниться в душе благодать, и душу томит тяжелое уныние. Когда же научится душа смирению, тогда ни уныние, ни скорбь не приближаются к душе, потому что Дух Божий радует ее и веселит.

Жалко мне бедных людей, которые не знают Бога. Они гордятся, что летают: но это совсем не дивно: и птицы летают и славят Бога, человек же, творение Божие, оставляет Творца. Но ты подумай, как ты будешь стоять на Страшном Суде Божиим? Куда ты убежишь и где ты скроешься от Лица Божия?

Много молю я Бога за вас, чтобы все вы были спасены и вечно радовались со Ангелами и со Святыми. И вас умоляю: покайтесь и смиритесь, порадуйте Господа, Который желанно и милостиво ждет вас. Господь душе, которую Он возлюбил, дает скорбь о народе, чтобы она молилась со слезами; и моя душа болит, и много молюсь я за вас.

Слава Господу, и Его милосердию, что Он нам грешным рабам Своим являет Себя Духом Святым, и душа знает Его более, чем отца родного, потому что и родной отец видится вне нас, а Дух Святой проникает всю душу, и ум, и тело.

* * *

Блаженна смиренная душа; любит ее Господь.

Смиренных святых ублажают все небо и земля, и Господь дает им славу быть с Ним: «идеже... Аз, там и слуга Мой будет» (Ин.12:26).

Выше всех во смирении Божия Матерь, и за то ублажают Ее все роды на земле и служат Ей все силы небесные; и сию Матерь Свою дал нам Господь в заступление и помощь.

* * *

Нет лучше, как жить в смирении и любви, тогда в душе будет великий мир, и не будет превозношения над братом. Если будем любить врагов, то в душе не будет места для гордости, ибо в любви Христовой нет превозношения. Гордость, как огонь,

поедает все доброе, а смирение Христово неописуемо и сладостно. И если бы знали это люди, то вся земля училась бы этой науке. Я всю жизнь, день и ночь учусь ей, и не могу одолеть. Душа моя все помышляет: я еще не достиг, чего желаю, и не могу успокоиться, но смиренно прошу вас, братья, которые знают любовь Христову, молитесь за меня, да избавлюсь от гордого духа, да вселится в меня смирение Христово.

* * *

Есть много родов смирения. Один послушлив и во всем себя укоряет, и это смирение. Иной кается во грехах своих и почитает себя мерзким пред Богом, – и это смирение. Но иное смирение у того, кто познал Господа Духом Святым. Кто познал Господа Духом Святым, у того другое познание и другой вкус.

Когда душа Духом Святым увидит Господа, какой Он кроткий и смиренный, тогда сама она смиряется до конца. И это совсем особое смирение, и никто не может его описать, и познается оно только Духом Святым. И если бы люди Духом Святым познали – какой наш Господь, то все бы изменились: богатые презрели бы свои богатства, ученые – свои науки, правители – свою славу и власть, и все бы смирились, и жили бы в великом мире и любви, и на земле была бы великая радость.

Когда душа предалась в волю Божию, то в уме уже ничего нет, кроме Бога, и душа чистым умом предстоит Богу.

О Господи, научи нас Духом Твоим Святым быть послушливыми, воздержанными. Дай нам дух Адамова покаяния и слезы о грехах наших. Дай нам вечно славить Тебя и благодарить. Ты дал нам пречистое тело Твое и кровь, чтобы мы вечно жили с Тобой, и были там, где Ты пребываешь, и видели славу Твою.

Господи, дай народам всей земли познать, как много Ты нас любишь, и какую чудную жизнь Ты даешь верующим в Тебя.

IV. О мире

ВСЕ ХОТЯТ иметь мир, но не знают, как этого достигнуть. Паисий Великий раздражился, и просил Господа избавить его от раздражительности. Явился ему Господь и говорит: «Паисие, если хочешь не раздражаться, то ничего не пожелай, никого не осуди и не возненавидь, и не будешь раздражаться». Так всякий человек, если отсекает свою волю пред Богом и людьми, всегда будет мирен в душе, а кто любит творить волю свою, тот никогда не будет мирен.

Душа, предавшаяся воле Божией, легко несет всякую скорбь и всякую болезнь, потому что и в болезни она молится и созерцает Бога: «Господи, Ты видишь мою болезнь; Ты знаешь, как я грешен и немощен; помоги мне терпеть и благодарить Твою благодать». И Господь облегчает болезнь, и душа чувствует Божию помощь, и бывает весела пред Богом и благодарна.

Если постигнет тебя какая неудача, то думай: «Господь видит сердце мое, и если Ему угодно, то будет хорошо и мне и другим», и так душа твоя всегда будет в мире. А если кто будет роптать: это не так, а это нехорошо, то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал и много молился.

Апостолы имели великую преданность воле Божией; этим хранится мир.

Также и все святые великие люди терпели все скорби, предаваясь на волю Божию.

Господь нас любит, и потому мы можем ничего не бояться, кроме греха, потому что из-за греха теряется благодать, а без благодати Божией враг погонит душу, как ветер гонит лист сухой или дым.

Надо крепко помнить, что враги сами пали гордостью, и нас всегда стараются толкнуть на ту же дорогу, и многих прельстили они. А Господь сказал: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим» (Мф.11:29).

О, Милостивый Господи, даруй нам мир Твой, как дал Ты мир Святым Апостолам: «Мир Мой даю вам».

Господи, дай и нам насладиться миром Твоим, Святые Апостолы получили мир Твой, и на весь мир излили его, и, спасая народ, не теряли мира, и он в них не умалился.

Слава Господу и Его милосердию, что Он много нас любит и дает нам мир Свой и благодать Святого Духа.

Как сохранить мир душевный среди соблазнов наших дней?

Судя по Писанию и характеру народа нынешнего, мы живем последнее время, и все же надо сохранить мир душевный, без которого нельзя спастись, как сказал великий молитвенник земли Русской – Преподобный Серафим. При жизни Преподобного Серафима, за молитвы его, Господь хранил Россию; а после него был другой столп, достигавший от земли до неба, – Отец Иоанн Кронштадтский. На нем мы остановимся, он нашего времени, и мы видели его молящимся, тогда как других мы не видели.

Помним, как после Литургии, когда ему подали лошадь (экипаж), и он стал садиться, окружил его народ, ища благословения, и в такой сутолоке душа его непрестанно пребывала в Боге, и в такой толпе он не рассеивался и не терял душевного мира. Как же он достигал этого? – вот наш вопрос.

Он этого достигал и не рассеивался, потому что любил народ и не переставал за него молиться Господу:

«Господи, даруй мир Твой людям Твоим».

«Господи, даруй рабам Твоим Духа Твоего Святого, чтобы Он согревал сердца их любовью Твоею и наставлял их на всякую истину и добро».

«Господи, хочу чтобы мир Твой был во всем народе Твоем, который Ты возлюбил до конца, и дал Сына Своего Единородного, дабы спасти мир».

«Господи, даруй им благодать Твою, чтобы они в мире и любви познали Тебя, и возлюбили бы, и сказали бы, подобно Апостолам на Фаворе: «Добро нам, Господи, быть с Тобою» (Мф.17:4).

Так непрестанно молясь о народе, он сохранял мир душевный, мы же теряем его, потому что нет в нас любви к народу. Святые Апостолы и все святые желали народу спасения

и, пребывая среди людей, пламенно молились за них. Дух Святой давал им силу любить народ; и мы, если не будем любить брата, то не сможем иметь мира.

Пусть каждый подумает об этом.

* * *

Слава Господу, что Он не оставил нас сирых, но дал нам на землю Духа Святого. Дух Святой учит душу неизглаголанной любви к народу и жалости ко всем заблудшим. Господь пожалел заблудших и послал Сына Своего Единородного спасти их; и Дух Святой учит такой же жалости к заблудшим, которые идут во ад. А кто не стяжал Духа Святого, тот не хочет молиться за врагов.

Преподобный Паисий Великий молился за своего ученика, который отрекся от Христа, и когда он молился, явился ему Господь и говорит: «Паисие, за кого ты молишься; ведь он же отрекся от Меня?» но Преподобный продолжал жалеть своего ученика, и тогда Господь сказал ему: «Паисие, ты Мне уподобился любовью».

Так стяжается мир, и кроме сего «другого пути нет». Если кто много молится и постится, но любви к врагам не имеет, то не может иметь он мира душевного. И я не мог бы говорить об этом, если бы Дух Святой не научил меня любви.

* * *

Душа грешная, плененная страстями, не может иметь мира и радоваться о Господе, хотя бы владела всеми богатствами земли, хотя бы царствовала над всем миром. Если бы такому царю, весело пирующему со своими князьями и сидящему на престоле во всей своей славе, вдруг объявить: «Царь, ты сейчас умрешь», то душа его смутилась бы и затрепетала бы от страха, и он увидел бы свою немощь.

А сколько есть бедняков, которые богаты только любовью к Богу и которые, если им сказать: «ты сейчас умрешь», ответили бы с миром: «Да будет воля Господня».

Слава Господу, что Он вспомнил меня и хочет взять меня туда, куда первым вошел разбойник».

Есть бедняки, которые не имеют страха смерти, но встречают ее с миром, подобно Праведному Симеону, который

воспел песнь: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром».

Какой мир был в душе Праведного Симеона, понять могут лишь те, которые носят в душе своей мир Божий, или, по крайней мере, испытывали его. Об этом мире Господь сказал Своим ученикам: «Мир Мой даю вам». Кто имеет этот мир, тот с миром отходит в вечную жизнь, и говорит: «Слава Тебе, Господи, что ныне я иду к Тебе и буду вечно в мире и любви зреть лицо Твое. Твой тихий кроткий взор привлек душу мою, и она скучает по Тебе».

* * *

Брата надо вразумлять кротко, с любовью. Мир теряется, если душа потщеславится, или вознесется пред братом, или осудит кого-либо, или брата будет вразумлять, но не кротко и не с любовью; если будем много кушать, или будем вяло молиться, – за все сие теряется мир.

Но если привыкнем усердно молиться за врагов и их любить, то мир всегда будет пребывать в душах наших, а если брата возненавидим или осудим, то ум наш омрачится, и мы потеряем мир и дерзновение к Богу.

* * *

Не может душа иметь мира, если она не будет поучаться в законе Божиим день и ночь, ибо закон сей написан Духом Божиим, а Дух Божий от Писания переходит на душу, и душа чувствует в этом услаждение и приятность, и уже не хочет любить земное, потому что любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая, и дичает, и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум, что хочет, и перегоняет душу от одних помыслов к другим, и так целый день душа проводит в этом беспорядке и не может чисто созерцать Господа.

* * *

Кто носит в себе мир Духа Святого, тот и на других изливает мир; а кто носит в себе злого духа, тот и на других изливает зло.

* * *

Вопрос: Как может сохранить мир начальник, если у него люди непослушливые?

Трудно начальнику и прискорбно, если люди его не слушаются, но чтобы сохранить мир, он должен помнить, что хотя люди и непослушливы, но все же их любит Господь и умер в страданиях за их спасение, и надо усердно за них молиться и тогда молящемуся даст Господь молитву, и ты из опыта познаешь, как ум молящегося имеет к Богу дерзновение и любовь, и хотя ты грешный человек, но Господь даст тебе вкусить плоды молитвы, и если так привыкнешь молиться за подчиненных, то в душе у тебя будет великий мир и любовь.

Вопрос: Как может сохранить мир душевный подчиненный, если у него начальник раздражительный и злой человек?

Раздражительный человек сам несет большое страдание от злого духа. Мучение это он терпит за гордость. Подчиненный, кто бы он ни был, должен знать это и молиться за больного душою своего начальника, и тогда Господь, видя терпение его, даст ему (подчиненному) прощение грехов и постоянную молитву.

Великое дело пред Богом молиться за тех, кто обижает и оскорбляет нас; за это Господь даст благодать, и ты Духом Святым познаешь Господа, и тогда с радостью будешь терпеть все скорби за Него, и даст тебе Господь любовь ко всему миру, и ты горячо будешь желать добра всем, и будешь молиться за всех, как за свою душу.

Господь заповедал любить врагов, и кто любит врагов, тот уподобляется Господу; но любить врагов возможно только по благодати Святого Духа, и поэтому, как только обидит тебя кто-нибудь, молись за него Богу, и тогда сохранишь мир в душе и благодать Божию. А если ты будешь роптать и ругать своего начальника, то и сам ты станешь раздражительный, как он, и исполнится тогда на тебе слово пророка Давида: «Со избранным избран будешь, и со строптивым развратишься» (Пс.17:27).

Так и послушнику – трудно сохранить мир, если у него старец дурного характера.

Жить у плохого старца – это великий крест для послушника; ему приходится молиться за старца, и тогда сохранится мир душевный и телесный. А если ты начальник, и тебе придется судить кого-нибудь за плохие дела, то молись Господу, чтобы Он даровал тебе милующее сердце, которое любит Господь и тогда ты правильно рассудишь; но если ты будешь судить по делам, то будут ошибки, и не угоден ты будешь Господу.

Судить надо с тем, чтобы человек исправился, и надо жалеть всякую душу, всю тварь и все создание Божие, и самому во всем иметь чистую совесть, и тогда в душе и уме будет большой мир. Будем жить в мире и любви, и тогда Господь послушает нас и даст нам чего бы мы ни попросили полезного.

Дух Святой – в любви. Так говорит Писание и показывает опыт.

Невозможно душе иметь мир, если не будем всеми силами просить у Господа – любить всех людей.

Господь знал, что если врагов не будем любить, то мира в душе не будет, и потому дал нам заповедь: «Любите врагов ваших».

Если не будем любить врагов, то лишь по временам душа будет как бы спокойна, но если мы любим врагов, то мир в душе пребывает день и ночь.

Блюди в душе мир благодати Святого Духа; не теряй его за малые дела. Если ты дашь мир брату своему, то Господь даст тебе несравненно больше, а если оскорбишь ты брата, то и на твою душу неизбежно придет скорбь.

Если придет блудный помысл, сразу же отгони его, и тогда сохранишь мир души своей, а если примешь его, то душа потеряет любовь к Богу, и уже не будешь иметь ты дерзновения в молитве.

Если отсечешь свою волю, то победил врага, и в награду получишь мир души, а если сотворишь свою волю, то ты побежден врагом, и уныние будет мучить душу твою. Кто имеет страсть любостяжания, тот не может любить Бога и ближнего; ум и сердце такого человека заняты богатством, и нет у него духа покаяния и сокрушения о грехах, и душа его не может знать сладость мира Христова.

Душа, познавшая Господа, всегда хочет видеть Его в себе, ибо Он приходит в душу тихо, и дает душе мир, и свидетельствует спасение без слов.

Если бы цари и правители народов знали любовь Божию, то никогда бы не воевали. Война посылается за грехи, а не за любовь. Господь создал нас по любви и заповедал нам жить в любви и славить Его.

Если бы начальники хранили заповеди Господни, а народ и подчиненные слушались их во смирении, то на земле был бы великий мир и веселие, но ради властолюбия и непослушания гордых страдает вся вселенная. Молю Тебя, Милостивый Господи, дай всему народу от Адама до конца веков познать Тебя, что Ты благ и милостив, да наслаются все народы миром Твоим и да видят все свет Лица Твоего. Твой взор тих и кроток и привлекает душу.

V. О благодати

Одни грехи принес я в монастырь, и не знаю за что Господь даровал мне, когда я был еще молодым послушником, столь много благодати Святого Духа, что и душа и тело были полны благодатию, и благодать была, как у мучеников, и тело мое жаждало страдать за Христа.

Я не просил у Господа Духа Святого: я не знал, что есть Дух Святой, как Он приходит в душу и что делает с душою; а теперь мне радостно писать об этом.

«О Душе».

«Святой, мил Ты душе». Описать Тебя невозможно, но душа знает Твое пришествие, и Ты даешь мир уму и сладость сердцу.

Господь сказал: «Научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим». Это о Духе Святом говорит Господь: только в Духе Святом обретает душа совершенный покой.

Блаженны мы, православные христиане, потому что много нас любит Господь, и дарует нам благодать Святого Духа, и в Духе Святом дает нам видеть славу Свою.

Но чтобы сохранить благодать, мы должны любить врагов и за все скорби благодарить Бога.

* * *

Грешную душу призвал Господь на покаяние, и душа обратилась ко Господу, и Он милостиво принял ее и показал ей Себя. Господь зело милостив, смирен и кроток. По множеству благи Своей Он не помянул грехов души, и душа возлюбила Его до конца, и рвется к Нему, как птица из тесной клетки в зеленую рощу.

Душа человека познала Бога, Бога милостивого, и щедрого, и сладчайшего, и возлюбила Его до конца, и по множеству жара любви влечется к Нему ненасытно, ибо благодать Господня сладка весьма и греет ум, и сердце, и все тело немощное.

И вдруг душа теряет такую благодать Господню; и думает тогда: чем-нибудь я оскорбил Владыку; буду просить Его

милость; может быть Он снова даст мне сию благодать, ибо душа моя уже ничего не хочет в мире сем, кроме Господа. Любовь Господня так горяча, что если вкусит ее душа, то уже ничего другого не желает она; и если потеряет ее, или если умалится благодать, то «какие» молитвы изливает тогда душа пред Богом, желая снова обрести благодать Его. Так Преподобный Серафим выстоял три года день и ночь на камне, ибо душа его познала Господа, и усладились Его благодатью, и возлюбила Его до конца.

Душа, познавшая Господа, влечется к Нему любовью, и жар любви к Богу не дает ей забывать Его ни днем, ни ночью, ни на одну секунду. И если мы так мало любим Господа, и так горячо стремимся к Нему душа, то кто опишет полноту любви Божией Матери к Сыну и Богу Своему?

«Скажи нам, Пречистая, как ты любила Сына и Господа Своего, и какие были Твои молитвы, когда Сын Твой вознесся на небо?» Постигнуть этого мы не можем.

Блаженна душа, которая хранит чистоту душевную и телесную: любит ее Господь и дает ей благодать Святого Духа, и благодать сия связывает душу так любить Бога, что от сладости Духа Святого не может она оторваться от Бога и ненасытно стремится к Нему, ибо в любви Божией нет конца; хотя я знаю человека, которого посетил Милостивый Господь Своею благодатью, и если бы спросил его Господь: «Хочешь ли, Я дам тебе больше благодати?» то душа немощная в теле сказала бы: «Господи, Ты видишь, что если еще более, то я не вынесу и умру!» Не может человек понести полноту благодати; так ученики Христовы на Фаворе пали ниц от славы Господней.

* * *

Каждый день мы питаем тело свое и дышим воздухом, чтобы оно жило. А для души нужен Господь и благодать Святого Духа, без которой душа мертва. Как солнце греет и живит полевые цветы, и они влекутся к нему, так душа, любящая Бога, влечется к Нему и блаженствует в Нем, и от mnogой радости хочет, чтобы все люди также блаженствовали. Господь для того и создал нас, чтобы мы вечно на небесах пребывали с Ним в любви.

Слава Господу и Его милосердию: Он так много возлюбил нас, что дал нам Духа Святого, Который учит нас всему доброму и дает силу побеждать грех. Господь по многому милосердию Своему дает нам благодать, и мы должны крепко хранить ее, чтобы не потерять, ибо без благодати человек духовно слеп. Слеп тот, кто собирает богатства в этом мире; это значит, что душа его не знает Духа Святого, не знает, как Он сладок, и потому пленяется землею. А кто познал сладость Духа Святого, тот знает, что она ни с чем несравнима, и не может уже ничем плениться на земле, но пленен только любовью Господа, и покоен он в Боге, и радуется, и плачет о людях, что не все познали Господа, и жалеет их.

Когда душа в Духе Святом, то она довольна и не скучает о небесном, ибо Царствие Божие внутри нас; ибо пришел Господь и вселился в нас. Но когда душа потеряет благодать, тогда скучает она о небесном и слезно ищет Господа.

* * *

Человек до благодати живет и думает, что у него все на душе хорошо и благополучно; но когда посетит его благодать и пребудет с ним, тогда он видит себя совершенно иначе, а когда потом снова потеряет благодать, тогда только узнает он, в какой великой беде находится.

Царский сын ушел далеко на охоту, и, в глухом лесу потеряв дорогу, не мог уже возвратиться к своему дворцу. Много слез пролил он, ища пути, и не находил. Оставаясь в диком лесу, он скучал о царе-отце, и царице-матери своей, о братьях и сестрах. Каково ему, царскому сыну, жить в диком глухом лесу? И рыдал он о своей прежней жизни во дворце отца своего, и сильно тосковал о матери своей.

Так, и еще больше скорбит и скучает душа, когда потеряет благодать.

Когда братья продали Прекрасного Иосифа египтянам в рабство, в далекую чужую страну, то неутешно плакал он о своем отце; и когда увидел гроб матери своей Рахили, то горько рыдал и говорил: «Мать моя, видишь ли ты, что уводят меня в рабство, в далекую страну?»

Так, и еще больше страдает и скучает душа, потерявшая благодать Святого Духа, ведомая в рабство злыми мыслями.

Но кто не знает благодати, тот и не ищет ее. Так мир прилепился земле, и не знают они, что ничто на земле не может заменить сладость Духа Святого.

Деревенский петух живет в малом дворе и доволен своею долею. Но орел, который летает под облаками и видит с высоты синие дали, знает многие страны, видел леса и луга, реки и горы, моря и города; и если обрезать ему крылья и пустить жить вместе с петухом на деревенском дворе, то как он будет тосковать о синем небе и о пустынных скалах?

Так и душа, познавшая благодать, когда теряет ее, то безутешно тоскует и ни в чем не находит себе покоя.

* * *

Господь «не оставил нас сирых», как мать, умирая, оставляет сиротами детей своих, но дал нам Утешителя Духа Святого (Ин. 14, 16–18), и Он влечет нас ненасытно любить Бога и скучать по Нему, и слезно искать Его день и ночь.

О, как плохо душе, когда теряет она любовь и дерзновение; тогда в печали сердца зовет она к Богу: «Когда снова увижу Господа, и смогу насладиться Его миром и любовью?»

* * *

Что ты сетуешь, душа моя, и слезы льешь? Или ты забыла, что сотворил Господь тебе, достойной всякого наказания?

Нет, не забыла я, сколь великую милость излил на меня Господь, и помню сладость благодати Святого Духа, и знаю любовь Господню, и сколь сладка она для души и тела.

Почто же слезишь, душа, если ты знаешь Владыку и Его неизреченную милость к тебе? Чего же еще ты хочешь от Владыки, Который явил тебе столь много милости?

Хочет душа моя никогда не терять благодати Господней, ибо сладость ее влечет душу мою непрестанно любить Создателя своего.

* * *

Когда умалится благодать в душе, тогда снова просит она у Господа той милости, которую познала. Мятется тогда душа, потому что злые помыслы терзают ее, и ищет она защиты у

Господа, Создателя Своего, и умоляет дать ей смиренного духа, чтобы благодать не оставляла душу, но давала бы силу непрестанно любить Небесного Отца своего.

Господь отымает благодать Свою от души, и тем милостиво и премудро воспитывает душу, за которую в великих страданиях простер руки Свои на кресте, чтобы она была смиренна. Он дает душе явить свое произволение в борьбе с врагами нашими, но душа сама бессильна победить их, и потому печальна душа моя, и скучает по Господу, и слезно ищет Его.

Господи, Ты видишь, как немощна душа без благодати Твоей и как не имеет нигде покоя. Ты – сладость наша, Отец наш Небесный, дай нам силу любить Тебя, дай нам страх Твой святой, как трепещут и любят Тебя Херувимы.

Ты, Свет наш, просвещаешь душу любить Тебя ненасытно.

Ты отымаешь благодать Свою от меня, потому что душа моя не пребывает всегда в смирении, но Ты видишь, как я скорблю, и прошу Тебя, дай мне смиренного Духа Святого.

Человек сам бессилён исполнить заповеди Божии, поэтому и сказано: «просите, и дастся». И если мы не просим, то сами себя мучаем и лишаем благодати Святого Духа; а без благодати душа во многом смущается, потому что не понимает воли Божией.

Чтобы иметь благодать, человек должен быть воздержан во всем: в движениях, в слове, в смотрении, в помыслах, в пище. И всякому воздержанию помогает поучение в слове Божиим. Сказано: «Не одним хлебом будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф.4:4).

Преподобная Мария Египетская взяла у Святого Зосимы перстами немного сочива и сказала: «Довольно при благодати Божией». Надо приучить себя как можно меньше кушать, но это с рассуждением, насколько позволяет твоя работа. Мера воздержания должна быть такова, чтобы после обеда хотелось молиться.

* * *

Господь любит нас больше, чем мать своих детей, и дает нам благодать Святого Духа туне, но мы должны крепко хранить ее, потому что нет большего горя, как потерять ее.

Когда душа теряет благодать, то сильно скорбит и думает: «Чем-нибудь я оскорбил Владыку». В эти скорбные минуты душа как бы с неба упала на землю и видит все скорби на земле. О, как душа умоляет тогда Господа, чтобы снова дал Свою благодать. Это скучание о Боге невозможно описать. Душа, вкусившая сладость Духа Святого, не может забыть ее, и жаждет день и ночь, и стремится к Богу ненасытно. Кто опишет жар любви к Богу, Которого познала душа, как Отца своего Небесного. Нет минуты на земле, чтобы душа была довольна, покамест не даст Господь Своей благодати.

Душа, потерявшая благодать, скучает по Владыке и плачет, подобно Адаму по изгнании из рая. И никто не может тогда утешить ее, кроме Бога. Слезы Адама были велики и текли ручьями, смочая лицо, и грудь, и землю; и воздыхания его были глубоки и сильны, подобно кузнечному меху. Он вопиял: «Господи, возьми меня паки в рай».

Душа Адама была совершенная в любви Божией и знала всю сладость рая, но была неопытна, и не отразил он искушения Евы, как отразил искушение своей жены многострадальной Иов (Иов.2:9–10).

Что хочешь ты, душа моя, и о чем скорбишь и слезы льешь?

Я скорблю по Владыке, что так долго не вижу Его, и никто не утешит печали моей по Нему. Он дал мне познать милость Его, и я хочу, чтобы Он всегда пребывал во мне.

Мать плачет по любимом сыне, когда долго не видит его, и говорит: «Где ты, утроба моя возлюбленная?» Но материнская любовь ничтожна пред любовью Божией: так она велика и так ненасытна.

Когда душа полна любви Божией, то от «безмерной радости скорбит» и слезно молится за весь мир, чтобы все люди познали своего Владыку и Отца Небесного, и не знает покоя, и не хочет она покоя, покамест не насладятся все благодатью Его любви.

* * *

Скучает душа моя по Тебе и не может найти Тебя. Ты видишь, Господи, как влечется она и плачет, ища благодати

Твоей. Ты восхотел и дал мне ее, и снова Ты восхотел и взял ее от меня.

Когда я не знал ее, то и просить так не мог. И как могу я просить того, чего не знаю? Но теперь молю Тебя, потому что душа моя познала Тебя, и усладились Духом Твоим Святым, и возлюбила Тебя, Создателя своего.

Ты дал Свою благодать Святым Твоим, и они возлюбили Тебя до конца и возненавидели все мирское, ибо сладость любви Твоей не дает возлюбить землю и красоту мира сего, потому что она ничтожна по сравнению с Твоею благодатью.

О, как немощна душа моя и не имеет силы, чтобы взлетел я ко Господу и стал бы пред Ним во смирении и плакал бы день и ночь. Душа, которая познала Бога, своего Творца и Отца Небесного, не может иметь покоя на земле. И помышляет душа: «Когда явлюсь Господу, то во всем Его милость умолю за весь род христианский». И вместе думает: «Когда узрю Лицо Его любезное, то от радости не смогу ничего сказать, ибо от большой любви не может человек ничего говорить». И опять думает: «Буду молиться за весь род человеческий, дабы все люди обратились ко Господу и успокоились в Нем, ибо любовь Божия всем хочет спастись».

* * *

Блюдите благодать Божию; с нею легко жить; все делается хорошо по Богу, и все мило и радостно, душа покойна в Боге, и ходит как бы по какому прекрасному саду, в котором живет Господь и Божия Матерь.

Без благодати человек – грешная земля, а с благодатью Божиею человек по уму подобен ангелу. Ангелы умом служат Богу и любят Его, так и человек, как ангел по уму.

Блаженны те, которые день и ночь имеют заботу – как бы угодить Господу, чтобы стать достойным любви Его: они опытом и ощутимо познают благодать Святого Духа.

Благодать не приходит так, чтобы душа не знала ее, и когда теряется благодать, то душа сильно скучает по ней и слезно ищет ее.

Если бы у родителей пропало любимое дитя, то как они искали бы его повсюду.

Но душа, любящая Бога, ищет Господа с большей тоской и силой, так что и вспомнить не может про родных и милых людей.

Слава Господу, что Он дает разуметь пришествие благодати и учит нас познавать – за что она приходит и за что теряется. Кто все заповеди хранит, у того душа всегда будет чувствовать благодать хотя бы малую. Но она легко теряется за тщеславие, за один гордый помысл. Можно много поститься, много молиться и много добра делать, но если при этом будем тщеславиться, то будем подобны бубну, который гремит, а внутри пустой. Тщеславие опустошает душу, и много надо опыта, нужна долгая борьба, чтобы победить его. В монастыре я от опыта и от Писания узнал о вреде тщеславия, и теперь день и ночь прошу у Господа Христова смирения. Это большая и непрестанная наука.

Наша война и люта и мудра, и вместе проста. Если душа возлюбит смирение, то все сети наших врагов порваны и все крепости их взяты.

В нашей брани духовной тоже нужно зорко смотреть, чтобы все боевые припасы и продукты были целы. Припасы – это наше смирение, а продукты – это благодать Божия; если мы их потеряем, то враги нас победят.

Война упорна, но только для гордых; смиренным же легко, потому что они возлюбили Господа, и Он дает им Свое сильное орудие – благодать Святого Духа, которой боятся наши враги, ибо она их опалает.

* * *

Вот самый короткий и легкий путь ко спасению:

Будь послушлив, воздержан, не осуждай и храни ум и сердце свое от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добрые, и их любит Господь. За эти смиренные мысли благодать Святого Духа будет жить в тебе, и ты скажешь: «Милостив Господь».

Если же ты осуждаешь, ропотлив, любишь творить свою волю, то хотя бы ты и много молился, душа твоя оскудеет, и ты скажешь: «Забыл меня Господь». Но не Господь тебя забыл, а ты забыл, что тебе нужно смиряться, и потому благодать Божия

не живет в душе твоей; в смиренную же душу она легко входит и дает ей мир и покой в Боге. Божия Матерь была смиренна более всех, и потому прославляется и небом и землею; и всякий, кто смиряется, будет прославлен Богом, и будет видеть славу Господню.

* * *

Дух Святой зело сладок и приятен для души и тела. Он дает познать любовь Божию, и любовь сия от Духа Святого.

Чудное дело:

Духом Святым познает человек Господа, Творца своего; и блаженны те, которые служат Ему, ибо Он сказал: «Где Я, там и слуга Мой будет видеть славу Мою» (Ин.12, 26, 17:24).

И если еще на земле так, то тем более на небе Святые в Духе Святом любят Господа и славят Его; и любовь сия неизреченна.

Душа, познавшая Духа Святого, понимает, что я пишу.

За что же Господь так много нас любит? Ведь мы грешные, и весь мир во зле лежит, как говорит Иоанн Богослов (1Ин.5:19). За что же Он нас любит?

Господь Сам есть – «одна любовь».

Как солнце согревает всю землю, так благодать Святого Духа согревает душу любить Господа, и она скучает по Нему и слезно ищет Его.

Как мне Тебя не искать? Ты непостижимо явился душе моей и пленил ее Своею любовью, и благодать Духа Святого усладила душу мою, и забыть ее невозможно.

Как забудем Господа, когда Он в нас? И Апостолы проповедовали народам: «Да вообразится в вас Христос» (Гал. 4:19).

О, если бы знал весь мир Господа, и как Он нас любит, и как сладка сия любовь, и как все небесные силы питаются ею, и как все движется Духом Святым, и как величается Господь за страдания Свои, и как славят Его все Святые.

И славе этой не будет конца.

* * *

Радуется Господь о душе, которая смиренно кается и дает ей благодать Святого Духа. Знаю я, как один послушник

получил Духа Святого, прожив в Монастыре полгода; другие получили, прожив десять лет, а иные живут по сорок и более лет, прежде, чем познают благодать. Но удержать сию благодать «никто» не мог, потому что мы не смиренны.

Преподобный Серафим был 27-и лет, когда увидел Господа, и душа его настолько возлюбила Бога, что он от сладости Духа Святого весь изменялся; но после он вышел в пустыню и, познав, что с ним нет «той» благодати, три года стоял на камне, взывая: «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк.18:13).

Душа, познавшая Бога Духом Святым, рвется к Нему; память о Нем сильно влечет ее, и она легко забывает мир, а когда вспомнит про мир, то горячо желает всем того же, и молится за весь мир. Сам Дух Святой влечет ее молиться, чтобы все люди покались и познали Бога, какой Он милостивый.

* * *

Смирим себя, братья, и Господь полюбит нас. Что Господь любит нас, это познается по благодати, которую дает Господь душе.

Когда с душой благодать хотя бы малая, тогда душа любит Господа и ближнего, и имеет мир в себе. Но есть большая любовь, – тогда душа забывает весь мир.

* * *

Блажен кто не теряет благодать Божию, а восходит от силы в силу. Я же потерял благодать, но Господь много меня пожалел и дал мне вкусить большую по единой милости Своей.

Немощная душа; без благодати Божией мы подобны скотине, а при благодати велик у Бога человек.

Люди так высоко ценят земные науки, или знать земного царя, и радуются, если бывают с ним близки, но истинно велико – это знать Господа и волю Его.

Всеми силами смиряйте, братья, свою душу, чтобы Господь возлюбил ее и дал ей Свою милость. Но она не пребудет в нас, если мы не будем любить врагов.

Духом Святым познала душа моя Господа, и потому мне легко и приятно о Нем размышлять, и о делах Божиих; а без Духа Святого душа мертва, хотя бы она весь мир изучила.

Если бы люди знали, что есть духовная наука, то побросали бы все свои науки и технику, и созерцали бы только Господа. Красота Его пленяет душу, и она влечется к Нему и вечно желает пребывать с Ним, и ничего другого не хочет. На все царства земные смотрит, как на плывущие по небу облака.

* * *

Господь сказал: «Аз во Отце, и Отец во Мне есть» (Ин.14:10), и «вы во Мне, и Я в вас» (Ин.14:20). Душа наша чувствует, что Господь – в нас, и потому не может забыть Его ни на одну минуту.

Какая милость, Господь хочет, чтобы мы были в Нем и во Отце.

Но что же мы, Господи, сделали Тебе, или чем угодили, что Ты хочешь быть в нас и чтобы мы были в Тебе? Мы грехами распяли Тебя на кресте, а Ты хочешь, чтобы мы были с Тобою? О, как велика Твоя милость, и я вижу ее над собою. Я достоин ада и всяких мук, а Ты мне даешь благодать Святого Духа.

И если мне грешному Ты дал познать Тебя Духом Святым, то молю Тебя, Господи, дай всему народу познать Тебя.

VI. О воле Божией и о свободе

ВЕЛИКОЕ благо – предаться на волю Божию. В душе тогда один Господь, и нет другой мысли, и она чистым умом молится Богу, и чувствует любовь Божию, хотя и страдает телом.

Когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но это редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь Своею благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией.

Горделивый не хочет жить по воле Божией: он любит управлять собою сам; и не понимает того, что не хватает у человека разума без Бога управлять собою. И я, когда жил в миру и не знал еще Господа и Его Святого Духа, не знал, как нас любит Господь, полагался на свой разум; но когда Духом Святым познал я Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, то душа моя предалась Богу, и все, что случается со мною скорбного, принимаю и говорю: «Господь смотрит на меня; чего мне бояться?» А раньше я не мог так жить.

* * *

Тому, кто предался на волю Божию, жить много легче, потому что и в болезни, и в бедности, и в гонении – он думает: «Так Богу угодно, и мне за грехи мои нужно терпеть».

Вот у меня много лет болит голова, и трудно мне терпеть, но полезно, потому что чрез болезнь смиряется душа. Душа моя пламенно хочет молиться и совершать бдения, но болезнь мне мешает, потому что больное тело требует покоя и отдыха; и я много просил Господа исцелить меня, но Господь не послушал меня. Значит мне не на пользу.

А вот другой случай был со мною, и Господь скоро услышал меня и спас. Однажды в Праздник в трапезе дали рыбу; и когда я ел, кость вошла в горло, очень глубоко, в груди. Я призвал Святого Великомученика Пантелеймона, прося исцелить меня, потому что доктор не сможет вынуть кость из груди. И когда я сказал: «исцели», получаю в душе ответ:

«Выйди из трапезы, надуйся, и кость выскочит вместе с кровью». Я так и сделал: вышел, надулся, кашлянул, и кость большая с кровью выскочила. И понял я, что если Господь не исцеляет мне голову, значит для души моей полезно так болеть.

* * *

Драгоценнее всего на свете – знать Бога и разуметь, хотя бы отчасти, волю Его.

Познавшая Бога душа – во всем должна предаться на волю Божию, и жить пред Ним в страхе и любви.

В любви, потому что Господь есть любовь.

В страхе, потому что должно бояться, как бы не оскорбить Бога каким-либо плохим помыслом.

О, Господи, силою благодати Святого Духа сподоби нас жить по Твоей святой воле.

Когда благодать с нами, тогда мы сильны духом; но когда теряем ее, тогда видим свою немощь; видим, что без Бога мы и помыслить хорошего не можем.

Боже Милосердный, Ты знаешь немощь нашу. Молю Тебя: дай мне смиренного духа, ибо по милосердию Своему смиренной душе Ты даешь силы жить по воле Твоей; Ты открываешь ей все тайны Свои; Ты даешь ей познать Себя, и как бесконечно Ты нас любишь.

* * *

Как узнать, живешь ли ты по воле Божией?

Вот признак: если ты скорбишь о какой-либо вещи, то значит не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, и кажется, что ты живешь по воле Божией.

Кто живет по воле Божией, тот не заботится ни о чем. И если ему нужна какая-либо вещь, то он и себя и вещь предает Богу; и если не получит нужную вещь, то все равно остается покоен как если бы имел ее.

Душа, которая предалась воле Божией, ничего не боится: ни грозы, ни разбойников, «ничего». Но что ни случится, – она говорит: «так Богу угодно». Если болен, – думает: значит мне нужна болезнь, иначе бы Бог не дал мне ее.

И так сохраняется мир в душе и теле.

* * *

Кто заботится о себе самом, тот не может предаться на волю Божию так, чтобы душа его имела мир в Боге. А смиренная душа имеет преданность в волю Божию, и живет пред Ним в страхе и любви. В страхе: как бы не оскорбить чем-нибудь Бога. В любви: душа познала, как нас любит Господь.

* * *

Самое лучшее дело предаваться воле Божией и нести скорби с упованием. Господь, видя наши скорби, лишнего никогда не даст. Если скорби нам кажутся великими, это значит, что мы не предались воле Божией.

* * *

Душа предалась воле Божией во всем, и покойна в Нем, ибо знает опытом из Священного Писания, что Господь много нас любит и бдит о душах наших, все оживляя Своею благодатью в мире и любви.

Кто предался воле Божией, тот ни о чем не скорбит, хотя бы он был болен, и беден, и гоним. Душа знает, что Господь милостиво печется о нас. Свидетельствует о делах Божиих Дух Святой, Которого знает душа. Но горделивые и непослушливые не хотят предаваться на волю Божию, потому что любят творить волю свою, что так вредно для души.

Великий Пимен сказал: «Наша воля есть медная стена между нами и Богом, и не дает с ним сблизиться или созерцать Его милость»³⁹

* * *

Всегда надо просить у Господа мира душевного, чтобы удобнее было исполнять заповеди Господни; ибо Господь любит тех, которые стараются исполнять волю Его, и так они обретают великий покой в Боге.

Исполняющий волю Господню всем доволен, хотя он и беден, и быть может, болен и страдает, потому что его веселит благодать Божия. А кто недоволен своею судьбою, ропщет на болезнь или на того, кто обидел, тот пусть знает, что он находится в гордом духе, который отнял у него благодарность к Богу.

Но если и так, то не унывай, а старайся крепко уповать на Господа и проси у Него смиренного духа; и когда придет к тебе

смиранный Дух Божий, то ты возлюбиль Его, и будешь в покое, хотя и будут скорби.

Душа, стяжавшая смирение, всегда помнит Бога и думает: «Бог создал меня; Он страдал за меня; Он прощает мне грехи и утешает меня; Он питает меня и заботится обо мне. Так что же мне заботиться о себе, или чего мне бояться, хотя бы мне и смерть угрожала».

* * *

Всякую душу, которая предалась воле Божией, Господь вразумляет, ибо Он сказал: «Призови Меня в день скорби твоей; и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс.49:15).

Всякая душа, смущенная чем-нибудь, должна спросить Господа и Господь вразумит. Но это главным образом в час беды и смущения, а так обычно надо спрашивать духовника, ибо это смиреннее.

* * *

Добро научиться жить по воле Божией. Тогда душа непрерывно пребывает в Боге и бывает зело покойна; и от этой радости молится человек, чтобы всякая душа познала Господа; познала, как много Он нас любит, и как богато дает нам Святого Духа, Который веселит душу в Боге.

И все – все тогда мило душе, ибо все – Божие.

* * *

Господь милостиво вразумляет человека, что надо с благодарностью терпеть скорби. Я за всю жизнь ни разу никогда не роптал за скорби, но все принимал от руки Божией, как лекарство, и всегда благодарил Бога, и потому дал мне Господь легко нести все скорби.

* * *

Все люди на земле неизбежно несут скорби; и хотя невелики те скорби, которые посылает нам Господь, но людям они кажутся непосильными, и сокрушают их, и это потому, что не хотят они смирить свою душу и предаться на волю Божию. А кто предался воле Божией, тех Господь Сам руководит Своею благодатью, и они мужественно переносят все ради Бога, Которого возлюбили, и с Которым прославляются вечно.

* * *

На земле нельзя миновать скорбей, но кто предался на волю Божию, тот легко их переносит. Он видит скорби, но уповает на Господа, и скорби проходят.

Когда Божия Мать стояла при кресте, то скорбь Ее была «непостижимо велика», потому что Она любила Сына Своего больше, чем кто бы то ни было может вообразить. А мы знаем, что кто больше любит, тот больше и страдает.

По естеству человеческому Божия Мать никак не могла бы перенести Своей скорби, но Она предалась на волю Божию, и Дух Святой укреплял Ее и давал Ей силы перенести эти скорби.

А потом, после Вознесения Господня, Она стала всему народу Божьему великим утешением в скорбях.

* * *

Господь дал на землю Духа Святого, и в ком Он живет, тот ощущает рай в себе.

Быть может ты скажешь: почему же со мной нет такой благодати? Потому что ты не предался воле Божией, но живешь по своей.

Посмотрите на того, кто любит свою волю. Он никогда не имеет мира в душе и всегда не доволен то не так, это не хорошо. А кто совершенно предался на волю Божию, тот имеет чистую молитву, душа его любит Господа, и все ему приятно и мило.

Так предалась Богу Пресвятая Дева: «Се раба Господня, буди мне по глаголу Твоему» (Лк.1:38). И если бы мы так же говорили: «Се раб Господа; буди мне по глаголу Твоему», то Евангельские глаголы Господни, Духом Святым написанные, были бы в душах наших, и тогда любовь Божия была бы по всей земле. И хотя Господни глаголы столько веков слышны во всей вселенной, но люди их не понимают и не хотят принять. А кто живет по воле Божией, тот будет прославлен небом и землей.

* * *

Кто предался воле Божией, тот только и занят Богом. Благодать Божия помогает ему всегда пребывать в молитве. Он хотя и работает и разговаривает, но душа его занята Богом,

потому что она предалась воле Божией, и за это Господь взял ее в Свое попечение.

* * *

Предание говорит, что на пути в Египет Святое Семейство встретил разбойник, но не сделал Им зла, а, увидав Младенца, сказал, что если бы Бог воплотился, то не был бы прекраснее этого Младенца; и оставил Их идти в мире.

Дивная вещь, разбойник, который как зверь, никого не щадит, это Святое Семейство не обидел и не опечалил. Душа разбойника, при виде Младенца и кроткой Матери Его, умилилась, и благодать Божия коснулась его.

Так случилось и с дикими зверями, которые, видя святых мучеников или преподобных мужей, становились кроткими и не причиняли им зла. И даже бесы боятся кроткой и смиренной души, которая послушанием, воздержанием и молитвою побеждает их.

И опять удивительная вещь: разбойник пожалел Младенца-Господа, а архиереи и старцы предали Его Пилату на распятие. И это потому, что они не молились и не искали от Господа вразумления, что и как надо сделать.

Так часто начальники и люди ищут добро, но не знают, где оно; не знают, что оно в Боге, и от Бога дается нам.

* * *

Всегда надо молиться, чтобы Господь вразумил, что надо сделать, и Господь не оставит нас заблуждаться.

Адам не был мудр, чтобы спросить Господа о плоде, который дала Ева, и потому потерял рай.

Давид не спросил Господа: «Хорошо ли будет, если я возьму себе жену Урия?» и пал в грех убийства и прелюбодеяния.

Так и все святые, которые согрешили, согрешали потому, что не призвали Бога на помощь, чтобы вразумил их. Преподобный Серафим Саровский сказал: «Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки».

Но есть и безгрешные ошибки несовершенства; их видим даже у Божией Матери. В Евангелии говорится, что когда шла Она из Иерусалима с Иосифом, то думала, что Сын Ее идет со

сродниками или знаемыми... И только после трех дней искания, нашли Его в Иерусалимском храме беседующего со старцами (Лк.2:44–46).

Итак только Господь всеведущ, нам же всем, кто бы ни был, надо молиться Богу о вразумлении и спрашивать духовного отца, чтобы не было ошибок.

* * *

Дух Божий всех наставляет по-разному: один безмолвствует в одиночестве, в пустыне; другой молится за людей; иной призван пасти словесное стадо Христово; иному дано проповедовать или утешать страждущих; иной служит ближнему от своих трудов или имений – и все это дары Духа Святого, и все в разной степени: кому на тридцать, кому на шестьдесят, кому и на сто (Мк.4:20).

Если бы мы любили друг друга в простоте сердечной, то Господь Духом Святым показал бы нам многие чудеса и открыл бы нам великие тайны. Бог – ненасытная любовь...

Ум мой остановился в Боге, и прекратилось писание...

Как мне понятно, что Господь управляет нами. Без Него мы не можем даже помыслить благое; поэтому и нам нужно смиренно предаться воле Божией, чтобы Господь руководил нами.

* * *

Мучимся все мы на земле и ищем свободы, но мало кто знает в чем свобода, где она.

И я тоже хочу свободы, и день и ночь ищу ее. Я познал, что она у Бога, и от Бога дается смиренным сердцем, которые покаяться и отсеки свою волю пред Ним. Кающемся Господь дает мир Свой и свободу любить Его. И нет ничего лучшего в мире, как любить Бога и ближнего. В этом душа обретает покой и радость.

О, народы всей земли, на коленях припадаю пред вами и умоляю со слезами: придите ко Христу. Я знаю Его любовь к вам. Я знаю и потому кричу всей земле. Если чего не знаешь, то как будешь говорить о том?

Ты спросишь: «Но как можно знать Бога»? А я говорю, что мы видели Господа Духом Святым. И ты, если смиришь себя, то

и тебе Дух Святой покажет Господа нашего; и ты тоже захочешь кричать о Нем всей земле.

Я стар, и жду смерти, и пишу истину по любви к народу, о котором скорбит душа моя. Быть может хоть одна душа спасется; и за нее буду благодарить Бога; но сердце мое болит за весь мир, и молюсь, и слезы проливаю за весь мир, чтобы все покались и познали Бога, и жили в любви, и наслаждались свободой в Боге.

О, все люди на земле, молитесь и плачьте о грехах своих, чтобы Господь простил их. Где прощение грехов, там свобода совести и любовь хотя бы и малая.

* * *

Господь не хочет смерти грешника, и кающемуся дарует благодать Святого Духа. Она дает душе мир и свободу умом и сердцем быть в Боге.

Когда Дух Святой прощает нам грехи, тогда получает душа свободу молиться Богу чистым умом; тогда она свободно созерцает Бога и в Нем бывает покойна и радостна. И это есть истинная свобода. А без Бога не может быть свободы, потому что враги колеблют душу плохими помыслами.

* * *

Скажу правду пред всем миром: я мерзок пред Богом, и отчаялся бы в своем спасении, если бы Бог не дал мне Свою благодать Святого Духа. И Дух Святой научил меня, и потому я пишу о Боге без труда, ибо Он влечет меня писать.

Жалею, и плачу, и рыдаю о людях. Многие думают: «я много нагрешил: убивал, грабил, насиловал, клеветал, распутничал и многое другое делал»; и от стыда не идут на покаяние. Но они забывают, что все грехи их пред Богом, что капля в море.

О, братья мои, вся земля, покайтесь, покамест есть время.

Бог милостиво ждет нашего покаяния. И все небо, все святые ждут от нас покаяния. Как Бог есть любовь, так Дух Святой во святых – есть любовь. Проси, и Господь простит. А когда получишь прощение грехов, то на душе у тебя будет радость и веселие, и благодать Святого Духа войдет в твою

душу, и ты скажешь: «вот истинная свобода; она в Боге и от Бога».

* * *

Благодать Божия не отнимает свободы, а только помогает исполнять заповеди Божии. Адам был в благодати, но воля его не была отнята. Также и Ангелы в Святом Духе (пребывают), но не отнята у них свободная воля.

* * *

Многие люди не знают пути спасения, зашли во тьму и не видят Света Истины. А Он был, есть и будет, и всех милостиво зовет к Себе: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, познайте Меня, и Я дам вам покой и свободу».

Вот истинная свобода – когда мы в Боге. И я раньше не знал этого. До 27 лет я только веровал, что Бог есть, но не знал Его; а когда душа моя познала Его Духом Святым, то стала с жаром рваться к Нему, и теперь горя, ищу Его день и ночь.

Господь хочет, чтобы мы любили друг друга; в этом свобода – в любви к Богу и к ближнему. В этом и свобода и равенство. А в земных чинах равенства быть не может, но это не важно для души. Не всякий может быть царем или князем; не всякий может быть патриархом или игуменом, или начальником; но во всяком чине можно любить Бога и угодить Ему, и только это важно. И кто больше любит Бога на земле, тот в большей славе будет в Царствии.

Кто больше любит, тот сильнее стремится к Богу, тот ближе будет к Нему. Каждый будет прославлен в меру любви своей. И я узнал, что любовь бывает разная по силе своей.

Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить – это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов – это вторая любовь, большая первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей – это третья любовь, еще большая.

Четвертая, совершенная любовь к Богу – это когда имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле. У того освящается тело, и будут мощи. Так бывает у великих святых мучеников, у пророков, у преподобных.

Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви. Он может свободно спать с девицею, не испытывая к ней

никакого желания. Любовь Божия сильнее, чем любовь девицы, к которой влечется весь мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека и научает его любить Бога в полноте. При полноте любви Божией душа не прикасается миру; хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати, и она оставляет душу, и душа ищет ее, плача и рыдая, и говорит:

«Скучает душа моя о Господе».

VII. О покаянии

ДУША МОЯ познала Тебя, Господи, и я пишу милости Твои народу Твоему.

Не скорбите, народы, что вам трудно жить. Боритесь только с грехом и просите у Господа помощи, и даст вам, ибо Он милостив и любит нас.

– О, народы.

Слезно пишу я эти строки. Душа моя хочет, чтобы вы познали Господа и созерцали милости Его и славу. Мне 72 года; я скоро должен умереть, и пишу вам о милости Господней, которую дал мне Господь познать Духом Святым; и Дух Святой научил меня любить народ. О, я посадил бы вас на высокую гору, чтобы с высоты ее вы могли увидеть кроткое и милостивое лицо Господа, и возрадовались бы сердца ваши. Истину говорю вам; я не знаю в себе ничего доброго, и много у меня грехов, но благодать Святого Духа изгладила мои многие грехи, и знаю я, что тем, кто борется с грехом, Господь дает не только прощение, но и благодать Святого Духа, Который радует душу и дает ей глубокий и сладкий мир.

О, Господи, Ты любишь создание Свое; и кто может уразуметь любовь Твою или насладиться ею, если Ты Сам не научишь Духом Твоим Святым?

Молю Тебя, Господи, пошли на людей Твоих благодать Святого Духа, да познают они любовь Твою. Согрей печальные сердца людей; пусть они в радости славят Тебя, забывая скорби земли.

Утешителю благий, слезно прошу Тебя, утешь скорбные души людей Твоих. Дай народам услышать Твой сладкий голос: «Прощаются вам грехи». Ей, Господи, в Твоей власти творить чудеса, и нет большего чуда, как любить грешника в его падении. Святого легко любить: он достоин. Ей, Господи, услышь молитву земли. Все народы скорбят; все жили в грехе; все лишились благодати Твоей и живут во тьме.

О, народы, воззовем к Богу вся земля, и услышана будет молитва наша, ибо радуется Господь покаянию людей; и все

небесные силы ждут нас, чтобы и мы насладились сладостью любви Божией, и видели красоту лица Его.

* * *

Когда люди хранят страх Божий, тогда тихо и сладко жить на земле. Но ныне народ стал жить по своей воле и разуму, и оставил заповеди святые, и без Господа думают найти радость на земле, не ведая, что единый Господь есть радость наша, и только в Господе веселится душа человека. Он согревает душу, как солнце греет полевые цветы, и как ветер, качая их, придает им жизни. Все дал нам Господь, чтобы мы славили Его. Но мир не понимает о сем. И как может кто разуместь о том, чего не видел и не вкушал? Я тоже, когда был в миру, то думал, что вот счастье на земле: я здоров, красив, богат, и люди любят меня. И я этим тщеславился. Но когда я познал Господа Духом Святым, тогда на все счастье мира стал смотреть, как на дым, который уносится ветром. А благодать Святого Духа радует и веселит душу, и она в мире глубоко созерцает Господа, забывая землю.

Господи, обрати людей Твоих к Тебе, да познают все Твою любовь, да узрят в Духе Святом Твое кроткое лицо; да насладятся все Твоим лицезрением еще здесь на земле, и видя, каков Ты есть, уподобятся Тебе.

Слава Господу, что Он дал нам покаяние, и покаянием все мы спасемся, без исключения. Не спасутся только те, которые не хотят каяться, и в этом я вижу их отчаяние, и много я плачу, жалея их. Они не познали Духом Святым, как велико Божие милосердие. А если бы каждая душа знала Господа, знала, как много Он нас любит, то никто не только не отчаялся бы, но даже и не пороптал бы никогда.

Всякая душа, потерявшая мир, должна покаяться, и Господь простит грехи и будет тогда радость на душе и мир, и не надо других свидетелей, но Сам Дух свидетельствует, что грехи прощены. Вот знак прощения грехов: если ты возненавидел грех, то простил тебе Господь грехи твои.

И чего нам ждать еще? Чтобы кто-нибудь с неба пропел нам песнь небесную? Но на небе все живет Духом Святым, и нам на землю Господь дал того же Духа Святого. И в храмах Божиих

службы совершаются Духом Святым; и в пустынях, и в горах, и в пещерах, и всюду подвижники Христовы живут Духом Святым; и если будем хранить Его, то будем свободны от всякой тьмы, и жизнь вечная будет в душах наших.

Если бы все люди покались и хранили заповеди Божии, то рай был бы на земле, ибо Царствие Божие внутри нас.

Царствие Божие есть Дух Святой, а Дух Святой и на небе и на земле тот же.

* * *

Кающемуся Господь дает рай и вечное Царство с Собою. По множеству милости Своей Он не помянет грехов наших, как не помянул их разбойнику на кресте.

Велика Твоя милость, Господи; и кто достойно может возблагодарить Тебя за то, что Ты дал на землю Духа Святого?

Велика, Господи, правда Твоя. Ты обещал Апостолам Твоим: «не оставлю вас сирыми»; и мы теперь переживаем эту милость, и душа наша чувствует, что Господь любит нас. А кто не чувствует, тот пусть покается и живет по воле Божией, и тогда Господь даст ему Свою благодать, которая будет руководить душой. Но если увидишь грешащего человека и не пожалеешь его, то благодать оставит тебя.

Нам заповедано любить, а любовь Христова всех жалеет, и Дух Святой учит душу исполнять заповеди Божии и дает силы творить добро.

Душе Святой, не остави нас. Когда Ты с нами, то душа слышит присутствие Твое и блаженствует в Боге, ибо Ты даешь пламенно любить Бога.

* * *

Господь так возлюбил людей Своих, что освятил их Духом Святым и сделал похожими на Себя.

Господь милостивый, и нам Дух Святой дает силу быть милостивыми. Братья, смиримся и покаянием стяжем себе милующее сердце, и тогда увидим славу Господню, которая познается душою и умом по благодати Святого Духа.

Кто истинно кается, тот с готовностью терпит всякую скорбь: голод и наготу, холод и жар, болезни и нищету, унижения и изгнания, неправды и клеветы, ибо душа стремится к Господу и

не заботится он о земном, но чистым умом молится Богу. А кто привязан к имениям и деньгам, тот никогда не может иметь чистый ум в Боге, потому что в глубине души его постоянно сидит забота, что с ними сделать; и если он не покается чисто и не будет скорбеть, что оскорбил Бога, то так и умрет в страсти, не познав Господа.

Когда у тебя отнимают имущество, то ты отдай, ибо любовь Божия не может отказать; а кто не познал любви, тот не может быть милостивым, потому что нет у него в душе радости Святого Духа.

Если Милостивый Господь Своими страданиями дал нам на землю Духа Святого от Отца; дал нам Тело Свое и Кровь, то ясно, что и все остальное, что нужно, даст Он нам.

Предадимся на волю Божию, и тогда увидим промысл Божий, и даст нам Господь то, чего и не ждем. А кто не предается на волю Божию, тот никогда не может увидеть промысла Божия над нами.

Не будем скорбеть о потере имущества; это маленькое дело.

Меня этому еще родной отец научил.

Когда случится в доме беда, он остается покоен. После пожара ему говорили: «Ты, Иван Петрович, погорел», а он отвечает: «Бог даст, поправлюсь». Однажды мы шли мимо нашего поля, и я сказал ему: «Смотри, у нас воруют снопы», а он мне говорит: «Э, сынок, Господь нам уродил хлеба, нам хватит, а кто ворует, стало быть у него нужда есть». Я бывало ему скажу: «Ты подаешь много милостыни; а вот там лучше нас живут, а дают меньше»; а он мне скажет: «Э, сынок, Господь нам даст».

И Господь не посрамил надежды его.

* * *

Милостивому Господь сразу прощает грехи.

Милостивый не помнит зла. Хотя бы его обидели или отняли имения, он будет равнодушен, ибо он знает милость Божию, а «милость Господню никто из людей не может отнять», потому что она высока, она у Бога.

* * *

Все люди девственники и смиренные, послушливые, воздержанные и кающиеся в грехах своих перешли на небо и видят Господа нашего Иисуса Христа во славе, и слышат песни херувимские, и забыли землю. А мы мятемся на земле, как прах, носимый ветром, и ум наш прилепился к земному.

О, немощной мой дух. Он тухнет, как малая свеча от слабого ветра; а дух святых горел жарко, как терновый куст и не боялся ветра. Кто даст мне жар такой, чтобы не знал я покоя ни день, ни ночь от любви Божией? Горяча любовь Божия. Ради нее святые терпели все скорби и достигали силы чудотворения. Они исцеляли больных, воскрешали мертвых, они ходили по водам, подымались во время молитвы на воздух; молитвою низводили дождь с неба, а я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя.

* * *

Горе мне. Я пишу о любви Божией, а сам мало люблю Бога, и потому печален зело, и скорблю, как Адам, изгнанный из рая, и рыдаю, и криком кричу: Помилуй мя Боже, падшее создание твое.

Сколько раз Ты давал мне благодать Свою, и я не хранил ее, потому что тщеславна душа моя; но душа моя знает Тебя, Творца и Бога моего, и потому ищу Тебя рыдая, как рыдал Иосиф об отце своем Иакове на гробе матери своей, уводимый в Египетское рабство.

Я оскорбляю Тебя грехами, и Ты уходишь от меня, и душа моя скучает по Тебе.

О, Душе Святой, – не оставь меня. Когда Ты уходишь от меня, то плохие мысли приходят ко мне, и скучает душа моя по Тебе до великих слез.

О, Пресвятая Владычице Богородице. Ты видишь печаль мою: я оскорбил Господа, и Он оставил меня. Но молю благость Твою: спаси меня, падшее создание Божие; спаси меня, раба Твоего.

* * *

Если ты зло думаешь о людях, то значит злой дух живет в тебе, и это он тебе внушает злые мысли на людей. И если кто

не покается и умрет, не прощая брата, то душа его отойдет туда, где живет злой дух, который овладел душою.

Такой у нас закон: если ты прощаешь, это значит, что и тебе Господь простил; а если не прощаешь брату, то значит и твой грех остается с тобою.

Господь хочет, чтобы мы любили ближнего; и если ты помышляешь о нем, что любит его Господь, то значит, что любовь Господня с тобою; и если ты думаешь, что много любит Господь создание Свое, и сам жалеешь всю тварь, и любишь врагов своих, себя же считаешь хуже всех, это значит, что с тобою большая благодать Святого Духа.

Кто носит в себе Духа Святого хотя бы и немного, тот скорбит о всем народе день и ночь, и сердце его жалеет всякое создание Божие, и особенно людей, которые не знают Бога, или противятся Ему, и потому идут в огонь мучения. За них он молится день и ночь, больше, чем за себя, чтобы все покались и познали Господа.

* * *

Христос молился за распинавших Его: "Отче, не поставь им греха сего; не ведают бо, что творят» (Лк.23:34). Архидиакон Стефан молился за тех, которые побивали его камнями, чтобы Господь не вменил им этого во грех. И мы, если хотим сохранить благодать, должны молиться за врагов. Если ты не жалеешь грешника, который будет мучиться в огне, то значит нет в тебе благодати Святого Духа, но живет в тебе злой дух, и покамест ты жив еще, старайся покаянием освободиться от него.

VIII. О познании Бога

ТАК ВОЗЛЮБИЛ нас Отец, что Сына Своего дал нам; но и Сын Сам восхотел, и воплотился, и жил с нами на земле. И Святые Апостолы и множество людей видели Господа во плоти, но не все познали Его, как Господа; а мне многогрешному Духом Святым было дано познать, что Иисус Христос есть Бог.

Господь любит человека и является ему, как Сам Он изволяет. И душа, когда увидит Господа, то смиренно возрадуется милосердию Владыки, и уже ничего другого не может возлюбить так, как любит своего Творца; хотя она и будет все видеть и всех любить, но больше всего любит Господа.

Душа знает эту любовь, но передать словами не может: она познается только Духом Святым, кому Его даст Господь.

Душа вдруг видит Господа и познает Его. Кто опишет эту радость и веселие?

В Духе Святом познается Господь, и Дух Святой бывает «во всем человеке: и в душе, и в уме, и в теле».

Так познается Бог и на небе и на земле.

Господь по безмерной милости Своей дал мне грешному сию благодать, дабы люди познали Бога и обратились к Нему.

Прошу от лица Божия милосердия. Ей, истину. Свидетель мне Сам Господь.

* * *

Господь любит нас, как Своих детей, и любовь Его больше, чем любовь матери, потому что и мать может забыть свое дитя, а Господь «никогда» не забывает нас. И если бы Сам Господь не дал Духа Святого православному народу и нашим великим пастырям, то не могли бы мы знать о том, как много Он нас любит.

Слава Господу и Его великому милосердию, что Он грешным людям дает благодать Святого Духа.

Богатые и цари не знают Господа, а мы, нищие монахи и пастухи, знаем Господа Духом Святым.

Чтобы познать Господа не надо иметь ни богатства, ни учености, но надо быть послушливым и воздержным, иметь

смиранный дух и любить ближнего, и Господь возлюбит такую душу, и Сам явит Себя душе, и будет учить ее любви и смирению, и все полезное даст ей, чтобы обрела она покой в Боге.

* * *

Сколько бы мы не учились, все равно невозможно познать Господа, если не будем жить по Его заповедям, ибо Господь познается не наукою, а Духом Святым. Многие философы и ученые дошли до веры, что Бог есть, но Бога не познали. И мы, монахи, учимся в законе Господнем день и ночь, но далеко не все познали Бога, хотя и веруют.

Иное дело веровать, что есть Бог, и иное – знать Бога.

* * *

Вот тайна: есть души, которые познали Господа; есть души, которые не познали Его, но веруют; а есть и такие, которые не только не познали, но и не веруют; и среди них есть даже ученые люди.

Но неверие бывает от гордости. Горделивый человек своим умом и наукою хочет познать все, но ему не дается познать Бога, потому что Господь открывается только смиренным душам. Смиренным душам Господь показывает Свои дела, которые непостижимы для нашего ума, но открываются Духом Святым. Простым умом можно познавать только земное, и то отчасти, а Бог и все небесное познается Духом Святым.

Некоторые всю жизнь трудятся, чтобы узнать, что есть на солнце, или на луне, или иное что, но вот, нет пользы от этого душе. А если будем стараться узнать, что есть внутри сердца человеческого, то увидим; в душе святого – Царствие Небесное, а в душе грешного – мрак и мучение. И это полезно знать, потому что мы вечно будем пребывать или в Царстве или в мучениях.

Ленивый молиться с любопытством испытывает все, что видит на земле и на небе, а какой Господь, о том не знает и не старается узнать, и когда слышит учение о Боге, то говорит:

«Ну, как можно знать Бога? И ты откуда знаешь Его?»

Скажу тебе: Дух Святой свидетельствует. Он знает, и нас учит.

«А разве Дух виден?»

Апостолы видели Его сошедшим в огненных языках, а мы чувствуем Его в себе. Он сладкий паче всего земного. Его вкусили Пророки и говорили народу, и народ внимал им.

Святые Апостолы приняли Духа Святого и проповедовали людям спасение, ничего не боясь, ибо Дух Божий укреплял их.

Апостол Андрей сказал Игемону, который угрожал его распять, если он будет проповедовать: «Если бы я боялся креста, я бы его не проповедовал».

Так и все другие Апостолы, а затем мученики, а после святые подвижники с радостью шли на мучения и страдания. И все это потому, что Дух Святой, благой и сладкий, влечет душу любить Господа, и от сладости Духа Святого душа не боится страданий.

* * *

Многие святые мученики в страданиях познали Господа и помощь Его. Многие монахи несут большие подвиги и тяжелые труды ради Господа; они познали Господа и борются, чтобы победить в себе страсти, и молятся за всю вселенную, и благодать Божия учит их любить врагов, потому что кто не любит врагов, тот не может познать Господа, Который умер на кресте за врагов, и дал нам образ в Себе, и дал нам заповедь любить врагов.

* * *

Господь есть любовь; и нам повелел любить друг друга и любить врагов; и Дух Святой учит нас этой любви.

Душа, которая не познала Духа Святого, не понимает, как можно любить врагов, и не принимает этого; но Господу всех жалко, и кто хочет быть с Господом, тот должен любить врагов.

Кто познал Господа Духом Святым, тот становится похож на Господа, как сказал Иоанн Богослов: «И будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1Ин. 3:2) и будем видеть славу Его.

Ты говоришь, что много людей страдает от всяких бед и от злых человеков; но прошу тебя, смирись под крепкую руку Божию, и тогда благодать научит тебя, и ты сам захочешь

страдать ради любви Господней. Вот чему научит тебя, Дух Святой, Которого мы познали в Церкви.

А кто ругает плохих людей, но не молится за них, тот никогда не познает благодати Божией.

* * *

Если хочешь познать, как нас любит Господь, то возненавидь грехи и плохие помыслы, и молись усердно день и ночь, и тогда даст тебе Господь благодать Свою, и ты познаешь Господа Духом Святым, и после смерти, когда придешь в рай, то и там ты узнаешь Господа Духом Святым, как познал Его на земле.

И на небе и на земле Господь познается только Духом Святым, а не от науки. И дети, которые совсем не учились, познают Господа Духом Святым. Святой Иоанн Креститель, когда был еще во чреве матери, ощутил пришествие Господа. Симеон Столпник⁴⁰, Дивногорец, был семилетним мальчиком, когда явился ему Господь, и он познал Его. Преподобный Серафим⁴¹ был в совершенном возрасте, когда Господь явился ему во время Литургии. А Симеон Богоприимец был глубоким старцем, когда познал Господа, приняв Его на руки свои.

Так Господь применяется к нам, чтобы больше утешить всякую душу.

* * *

Любовь Господня познается не иначе, как Духом Святым; а мирная душа, которая хранит чистую совесть, из творений познает Бога, что Он создал небо и землю. Но и это – дело благодати, хотя и малой еще; а без благодати ум наш не может познавать Бога, но все влечется к земному; к богатству, к славе, к наслаждениям.

* * *

Как любовь Иисуса Христа, так и страдания Его были столь велики, что мы не можем их постигнуть, потому что мало любим Господа. Но кто больше любит, тот больше может разуместь и о страданиях Господа. Есть любовь малая, есть – средняя, есть и совершенная; и чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание.

Вообще каждый из нас может рассуждать о Боге настолько, насколько познал благодати Святого Духа; ибо как можем мы думать и рассуждать о том, чего не видели, или о чем не слышали и чего не знаем? Вот Святые говорят, что они видели Бога; а есть люди, которые говорят, что Бога нет.

Ясно, что они так говорят потому, что не познали Бога, но это совсем не значит, что Его нет.

Святые говорят о том, что действительно видели и знают. Они не говорят о том, чего не видели. Не говорят, например, что видели лошадь, длиною с версту, или пароход, длиною десять верст, чего нет.

И я думаю, что если бы Бога не было, то о Нем и помину не было бы на земле; но люди хотят жить по своей воле, и потому говорят, что Бога нет, и этим они доказывают, что Он есть.

И у язычников душа чувствовала, что Бог есть, хотя они и не знали, как почитать истинного Бога.

Но Дух Святой научил Святых Пророков, потом Апостолов, потом Святых Отцов и Епископов наших, и так истинная вера дошла до нас. И мы познали Господа Духом Святым, и когда познали, то душа утвердилась в Нем.

* * *

Душа, познавшая Господа, невидимо ощущает присутствие Создателя своего и бывает в Нем зело покойна и радостна. И чему можно уподобить эту радость? Она подобна тому, как если бы возлюбленный сын из далекой страны, после долгой разлуки вернулся в свой отчий дом и в сытость беседует с дорогим отцом и с любимой матерью, и с милыми братьями и сестрами.

* * *

О, люди, творение Божие, познайте Творца. Он любит нас. Познайте любовь Христову, и живите в мире, и обрадуйте этим Господа. Он милостиво ждет к Себе всех.

Обратитесь к Нему, все народы земли, и вознесите молитвы свои к Богу; и молитва всей земли пойдет к небу, как прекрасное тихое облако, освещенное солнцем, и тогда возрадуются все небеса, и воспоют песнь величания Господу за Его страдания, которыми Он спас нас.

Познайте, народы, что мы созданы для славы Божией на небесах, и не прилепляйтесь к земле, ибо Бог – наш Отец, и любит нас, как дорогих детей.

* * *

Господь Милостивый дал на землю Духа Святого, и Духом Святым утвердилась Святая Церковь.

Дух Святой раскрыл нам не только земное, но и небесное.

Духом Святым мы познали любовь Господню. Любовь Господня горяча. Святые Апостолы, исполнены любви, обтекли всю вселенную, и дух их жаждал, чтобы все люди познали Господа.

Духом Святым услаждались любимцы Божии – Пророки, и потому слово их было сильно и приятно, ибо всякая душа хочет слышать слово Господне.

О, чудо. И меня столь много грешного не презрел Господь, но дал мне Духом Святым познать Его.

Дай же мне, Господи, духа смиренного, чтобы я всегда благодарил Тебя, что Ты на землю дал Духа Святого. И я помню Его. Он Сам помогает мне помнить Его.

О, Душе Святой. О, Великий Царю. Что воздам Тебе я – грешная земля? Ты открыл мне непостижимую тайну. Ты дал мне познать Господа – Создателя моего.

Ты дал мне познать, как безмерно Он любит нас.

* * *

Господь так много нас любит, что объяснить этого невозможно, и только Духом Святым познается эта любовь, и душа неизъяснимо чувствует сию любовь.

Господь по естеству благ и милостив, кроток и любезен, и описать доброту Его нельзя, но душа без слов чувствует эту любовь, и всегда желает пребывать в таком тихом состоянии.

Он сказал: «не оставлю вас сирыми»; и мы видим, что действительно не оставил, но дал нам Духа Святого.

Дух Святой невидимо дает душе знание. В Духе Святом душа обретает покой. Дух Святой веселит душу и дает ей радость на земле.

Какая же радость и веселие будут на небесах? Мы Духом Святым научены знать любовь Божию, но там она будет

совершенною. О, немощной я человек. Я только познал любовь Божию в совершенстве, но стяжать ее не могу, и плачет душа моя на всякий день, и все думаю: «я еще не получил того, чего ищет душа моя».

* * *

Когда Дух Святой сошел на Апостолов, то они опытом познали, что есть любовь Божия и любовь к человеку.

«Чадца, ...болезную, доколе не вообразится в вас Христос», – говорит Апостол ([Гал.4:19](#)).

О, как был бы я рад, если бы народы все познали Господа.

Господи, Ты Сам дай им познать Тебя Духом Святым, как дал Ты Апостолам Духа Святого, и они познали Тебя, так всем людям дай познать Тебя Духом Святым.

IX. О любви

ДУША МОЯ жаждет Бога живого. Душа моя снова ищет досыта насладиться Господом.

О, непостижимая милость Божия: из праха создал Господь человека и вдунул в него дыхание жизни, и душа человека стала родная Богу. Так возлюбил Господь создание Свое, что Духа Святого дал человеку, и человек познал Создателя своего и любит Господа своего.

Дух Святой есть любовь и сладость души, ума и тела; но когда душа потеряет благодать, или когда умалится благодать, тогда душа будет снова слезно искать Духа Святого и скучать о Боге, и говорить: «Скучает душа моя о Господе, и слезно ищу Его. Как мне не искать Тебя, Господи? Ты Сам прежде взыскал меня, и дал мне насладиться Духом Святым; и теперь душа моя скучает по Тебе. Сердце мое возлюбило Тебя, и молю Тебя: дай мне до конца пребыть в любви Твоей; дай мне ради любви Твоей терпеть все скорби и болезни».

* * *

Страх и трепет обдержит душу мою, когда хочу писать о любви Божией.

Бедна душа моя, и нет сил описать любовь Господню.

И боится душа, и вместе влечется написать хоть несколько слов о любви Христовой.

Изнемогает дух мой писать сие, но любовь понуждает.

О, человек, – немощное создание.

Когда благодать в нас, то горит дух и рвется ко Господу день и ночь, ибо благодать связывает душу любить Бога, и она возлюбила Его, и не хочет оторваться от Него, ибо не может насытиться сладостью Духа Святого.

И нет конца любви Божией.

Знаю человека, которого Милостивый Господь посетил Своею благодатию; и если бы спросил его Господь: «Хочешь дам тебе еще больше?» то от немощи плоти душа сказала бы:

«Ты видишь, Господи, что если больше, то я умру», ибо человек ограничен и не может понести полноту благодати.

Так на Фаворе ученики Христовы пали ниц от славы Господней. И никто не может постигнуть, как дает душе благодать Свою Господь.

* * *

Благ Ты, Господи.

Благодарю я милость Твою: Ты излил на меня Духа Твоего Святого и дал мне вкусить Твою любовь ко мне, столь многогрешному, и влечется душа моя к Тебе, Свету неприступному.

Кто мог бы Тебя познать, если не Ты, Милостивый, Сам благоволишь показать Себя душе? И она увидела Тебя, и познала своего Создателя благого Бога, и ненасытно хочет Тебя всегда, ибо Ты, Милостивый, привлек душу к Тебе любовью, и душа познала Твою любовь.

Ты видишь, Господи, сколь немощна и грешна душа человека, но Ты, Милостивый, даешь душе силы Тебя любить, и страшится душа, как бы не потерять смирение, которое враги стараются отнять от нее, ибо тогда благодать Твоя оставит душу.

* * *

Что воздам Господу моему? Я мерзкий, Господь это знает, но я люблю душу свою смирять и любить ближнего моего, хотя он и обидел меня чем. Я всегда молю Господа, чтобы Он Милостивый дал мне любить врагов, и я милосердием Божиим испытал, что есть любовь Божия и любить ближнего, и прошу у Господа любви день и ночь, и Господь дает мне слезы плакать за весь мир. Но если я кого-либо осужу или недобро посмотрю, то слезы пропадают, и душа тогда делается унылая; но я снова начинаю просить у Господа прощения, и Милостивый Господь прощает мне грешному.

Пишу, братья, пред лицом Бога моего: – смиряйте сердца ваши, и узрите милость Господню еще на земле, и познайте Творца небесного, и душа ваша не будет знать сытости в любви.

* * *

Никто не может знать от себя, что есть любовь Божия, если Дух Святой не научит; но в Церкви нашей любовь Божия познана Духом Святым, и потому мы говорим о ней.

Грешная душа, которая не знает Господа, боится смерти, думает, что Господь не простит ей грехов ее. Но это потому, что душа не знает Господа и как много Он нас любит. А если бы знали люди, то ни один человек не отчаялся бы, потому что Господь не только простит, но и радуется зело обращению грешника. Хотя пришла смерть, но ты крепко верь, что как только будешь просить, так и получишь прощение.

Господь не такой, как мы. Он весьма кроток, и милостив, и благ, и когда душа узнает Его, то удивляется без конца и говорит: Ах какой у нас Господь.

Дух Святой дал нашей Церкви познать, как велико Божие милосердие.

Господь нас любит, и кротко, без укора принимает нас, как не укорил отец евангельского блудного сына, но велел дать ему новую одежду, и на руку драгоценный перстень, и сапоги на ноги его, и велел заколоть тельца упитанного и веселиться, и ни в чем не обличил его.

О, как кротко и терпеливо и мы должны исправлять брата своего, чтобы был праздник на душе о его возвращении.

Дух Святой учит душу неизглаголанно любить людей.

О, братья, забудем землю и все, что на ней. Она отвлекает нас от созерцания Святой Троицы, Которая непостижима нашему уму, но Которую святые зрят на небесах Духом Святым.

А мы пребудем в молитве без всякого воображения, и будем просить у Господа смиренного духа, и Господь полюбит нас и даст нам на землю все полезное для души и тела.

Господи Милостивый, дай благодать Твою всем народам земли, и познают Тебя, ибо без Духа Твоего Святого не может человек познать Тебя и разуметь Твою любовь.

Детки малые, познайте Творца неба и земли.

Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым. Слезно молю Тебя; услышь молитву мою за детей Твоих, и всем им дай познать славу Твою Духом Святым.

* * *

С молодых лет я любил думать: Господь вознесся на небо и нас ждет к Себе; но чтобы быть с Господом, надо быть подобно

Ему или подобно детям – смиренным и кротким, и служить Ему; тогда по слову Господа: «Где Я, там и слуга Мой будет», и мы будем с Ним в Царствии Небесном.

Но ныне душа моя зело мрачна и уныла, и не могу я возвести чистого ума к Богу, и нет у меня слез оплакивать свои злые дела; иссохла душа моя и истомилась от мрачной жизни...

О, кто бы пропел мне песнь, которую я люблю с молодых лет, о том, как Господь вознесся на небо, и как много Он нас любит, и как желанно ждет к Себе. Эту песнь я слушал бы со слезами, ибо скучает душа моя на земле.

Что стало со мной?

Как потерял я радость, и обрету ли снова ее?

Плачьте со мною все звери и птицы. Плачьте со мною лес и пустыня. Плачьте со мною все создания Божие, и услышите меня в горе и печали.

Вот что помышляет душа моя: Если я так мало люблю Бога, и так сильно тоскует душа моя по Господу, то сколь великая печаль была у Божией Матери, когда Она оставалась на земле после Вознесения Господня?

Она не предала писанию скорбь души Своей, и мало что знаем мы из Ее жизни на земле, но, надо думать, что полноту любви Ее к Сыну и Богу Своему мы разуместь не можем.

Сердце Божией Матери, все Ее мысли, вся Ее душа – были заняты Господом; но Ей было дано и другое: Она любила народ и пламенно молилась за людей, за новых христиан, чтобы укрепил их Господь, и за весь мир, чтобы все были спасены. В этой молитве была Ее радость и утешение на земле.

Мы не постигаем в полноте любовь Божией Матери, но мы знаем, что:

Чем больше любовь, тем больше страданий душе; Чем полнее любовь, тем полнее познание; Чем горячее любовь, тем пламеннее молитва; Чем совершеннее любовь, тем святее жизнь.

Никто из нас не достигает полноты любви Божией Матери, и нам нужно Адамово покаяние, но отчасти, как учит нас Дух Святой в Церкви, и мы разумеем эту любовь.

* * *

«Не горело ли в нас сердце наше» (Лк.24:32), говорили Апостолы, когда приблизился к ним Христос. Так душа узнает своего Владыку, и любит Его, и сладость любви Его горяча.

На небесах у всех единая любовь, а на земле одни много любят Господа, другие – мало, а иные совсем не любят Его.

Душа, исполненная любви Божией, забывает и небо и землю; дух горит и невидимо видит Желанного, и множество сладких слез проливает душа и не может забыть Господа ни на одну секунду, ибо благодать Божия дает силы Любимого любить.

О, в какой славе Господь, и какими песнями Он величается на небесах, и сколь сладки эти песни, которые изливаются от любви Божией.

Кто достоин слушать песни сии, которые поются Духом Святым, и в которых величается Господь за страдания Свои, и какая будет радость от слышания песни сей?

На земле едва душа прикоснется любви Божией и уже от сладости Духа Святого бывает в восторге к любимому Богу и Отцу Небесному.

Братья возлюбленные, смирим себя, чтобы быть достойными любви Божией, чтобы Господь украсил нас Своею кротостью и Своим смирением, чтобы мы стали достойны небесных обителей, которые уготовал нам Господь.

* * *

Господь любит всех людей, но кто ищет Его, того больше любит.

«Любящие Мя – люблю, – говорит Господь, – и ищущие Мя обрящут благодать» (Притч.8:17). А с нею хорошо жить, весело душе, и душа говорит: «Господь МОЙ, я – раб ТВОЙ».

В этих словах великая радость: Если Господь «наш», то и «все наше». Вот мы какие богатые.

Велик и непостижим наш Господь, но ради нас Себя так умалил, чтобы мы знали Его и любили, чтобы от любви Божией забывали землю, чтобы жили мы на небесах и видели славу Господню.

Своим избранникам Господь дает столь великую благодать, что они любовью обнимают всю землю, весь мир, и душа их

горит желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню.

* * *

Господь святым ученикам сказал: «Дети, еда что снедно имате?» (Ин.21:5). Какая великая любовь в этих ласковых словах: Господь называет нас детьми. Что радостнее этого? Глубоко надо думать об этих словах и о страданиях Господа за нас на кресте.

О, как любит Господь Свое создание.

И вот нас с вами Господь сподобил об этом говорить, и дух наш радуется, что с нами Господь.

Смиренно прошу вас, молитесь за меня, и Господь вам воздаст.

* * *

Брат Р.. рассказал мне, что когда он был тяжело болен, то мать его сказала отцу: «Как страдает наш мальчик.

Я с радостью отдала бы изрезать себя на куски, если бы можно было этим помочь ему и облегчить его страдания».

Такова любовь Господа к людям. Он сказал: «Нет большей любви, как если кто душу свою положит за ближнего своего» (Ин.15:13). Господь так сильно жалел людей, что захотел пострадать за них, как родная мать, и даже более. Но разуместь эту великую любовь без благодати Святого Духа никто не может. Писание говорит о ней, но и Писание умом не постигается, ибо и в Писании говорит тот же Святой Дух.

* * *

Господня любовь такова, что Он хочет, чтобы все люди спаслись, и вечно были с Ним на небесах, и видели славу Его. Славу эту в полноте мы не ведаем, но Духом Святым отчасти ее разумеем. А кто не познал Духа Святого, тот не может разуместь эту славу, но только верует в обетование Господа и хранит заповеди Его. Но и они блаженны, как сказал Господь Апостолу Фоме (Ин.20:29); и будут равны они тем, кто еще здесь видел славу Божию.

* * *

Если ты хочешь познать Господа, то смири себя вконец, будь послушлив и воздержен во всем, люби истину, и Господь

«непременно» даст тебе познать Себя Духом Святым, и тогда ты опытом познаешь, ЧТО есть любовь к Богу и ЧТО есть любовь к человеку. И чем совершеннее любовь, тем совершеннее познание. Есть любовь малая, есть – средняя, есть и великая.

Кто боится греха, тот любит Бога; кто имеет умиление, тот больше любит; кто имеет в душе свет и радость, тот еще больше любит; а у кого благодать и в душе и в теле, тот имеет совершенную любовь. Такую благодать Дух Святой давал мученикам, и она помогала им мужественно терпеть все страдания.

* * *

Может ли кто сказать о рае, как там будет?

Слово о рае может сказать лишь тот, кто в Духе Святом познал Господа и Его любовь к нам.

Господь так мил и любезен, что от любви Его душа не может вспомнить ни о чем другом. Благодать Святого Духа настолько сладка и так изменяет всего человека, что забудет он даже родителей своих.

Душа, которая в полноте познала Господа и усладились Им, уже ничего другого не пожелает и ни к чему не прилепляется на земле, и если бы ей предложили царство, не захочет она, ибо любовь Христова так сладка и так радуется и веселит душу, что и царская жизнь усладить ее уже не может.

Хочу сказать немного слов, насколько вразумит меня благодать Божия, о мерах любви Божией.

Когда человек боится оскорбить Бога каким-нибудь грехом, это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов, это вторая любовь, большая первой. Третья, еще большая, когда кто ощутимо имеет благодать в душе. А кто имеет благодать Святого Духа и в душе и в теле – это совершенная любовь; и кто сохранит эту благодать, у того будут мощи, как у святых мучеников, или у пророков, или у преподобных и других великих святых.

Кто пребывает в этой мере, того не прельстит любовь девицы, которою услаждается весь мир, потому что от сладости любви Божией душа забывает все земное. Благодать Святого

Духа влечет душу любить Господа в полноте, и в этой полноте любви Господней душа не прикасается миру, хотя и живет на земле.

Мы горделивы умом, и потому не можем стоять в этой благодати, и она удаляется от души, и душа тогда скучает по ней и слезно ищет ее снова, и плачет, и рыдает, и зовет ко Господу: «Боже Милостивый, Ты видишь, как печальна душа моя, и как скучаю я по Тебе».

На земле нет столь кроткого и любезного человека, как Господь наш Иисус Христос. В Нем наша радость и веселие. Возлюбим Его, и Он введет нас в Царство Свое, где мы будем видеть славу Его.

* * *

С тех пор, как Господь Духом Святым дал мне познать любовь Божию, я вот уже сорок лет скорблю о народе Божиим.

О, братья, нет ничего лучше любви Божией, когда Господь согреет душу любовью к Богу и ближнему своему.

Велика милость Господня: душа познала Бога – Небесного Отца своего, и плачет, и тужит, зачем я столь много оскорблял Бога, и Господь дает прощение грехов, и радость и веселие любить своего Творца, и любить ближнего, и плакать за него, дабы Милостивый Господь всякую душу взял к Себе, где уготовал Он место Своими страданиями на кресте.

Кто познал сладость любви Божией, когда душа согрета благодатью и любит Бога и брата своего, тот знает отчасти, что «Царствие Божие внутри нас» (Лк.17:21).

* * *

Милостивый Господи, как велика любовь Твоя ко мне грешному.

Ты дал мне познать Тебя; Ты дал мне вкусить Твою благодать. «Вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс.33:9). Ты дал мне вкусить Твою благодать и милосердие, и душа моя влечется к Тебе день и ночь ненасытно, и не может забыть любимого Творца своего, ибо Дух Божий дает ей силы Любимого любить, и не знает душа сытости, но влечется к своему Отцу небесному.

Блаженна душа, возлюбившая смирение и слезы, и ненавидящая злые помыслы.

Блаженна душа, любящая брата своего, ибо «брат наш – есть наша жизнь».

Блаженна душа, любящая брата: в ней ощутимо живет Дух Господень, и дает ей мир и радость, и она плачет за весь мир.

Вспомнила душа моя любовь Господню, и согрелось сердце мое, и предалась душа моя глубокому плачу, что я столь много оскорбил Господа, Любимого Творца моего; но Он грехов моих не помянул; и тогда предалась душа моя глубочайшему и печальному плачу, чтобы помиловал Господь всякую душу, и взял в Свое Небесное Царство.

И плачет душа моя за весь мир.

Не могу молчать я о народе, который люблю до слез. Не могу я молчать, потому что душа моя скорбит всегда о народе Божиим, и слезно молюсь я о нем.

Не могу я не поведать вам, братья, о милости Божией и о хитростях врага.

Сорок лет прошло с того времени, как благодать Святого Духа научила меня любить человека и всю тварь, и открыла мне хитрости врага, который обманом делает свое зло в мире.

Верьте мне, братья. Пишу пред Лицем Божиим, Которого познала душа моя Духом Святым по великой милости Его. А если не вкусит душа Духа Святого, то не может знать она Господа, ни Его любви.

Господь благ и милостив, но мы сказать о любви Его ничего не могли бы, кроме Писания, если бы не научил нас Дух Святой. Но ты, брате, не смущайся, если не чувствуешь в себе любви Божией, но помышляй о Господе, что Он – милостивый, и воздерживайся от грехов, и благодать Божия научит тебя.

* * *

Любовь не зависит от времени, и всегда имеет силу.

Некоторые думают, что Господь по любви Своей к человеку страдал, но как сами этой любви у себя в душе не обретают, то им кажется, что когда-то давно это было.

Но когда душа познает любовь Божию Духом Святым, тогда она ясно чувствует, что Господь нам Отец, самый родной,

самый близкий, самый дорогой, самый лучший, и нет большего счастья, как любить Бога всем умом и сердцем, всей душой, как заповедал Господь, и ближнего, как самого себя. И когда эта любовь есть в душе, тогда все радует душу, а когда она теряется, то человек не обретает покоя, и смущается, и обвиняет других в том, что будто они его обидели, и не понимает, что сам виноват, – потерял любовь к Богу и осудил или возненавидел брата.

От любви к брату приходит благодать, и любовью к брату хранится она; но если не любим брата, то и благодать Божия не придет в душу.

Если бы люди хранили заповеди Христовы, то на земле был бы рай, и все имели бы все необходимое в достатке с малым трудом, и Дух Божий жил бы в душах людей, ибо Он Сам ищет душу человеческую и хочет в нас жить и если не вселяется, то только из-за гордости нашего ума.

* * *

Ныне люди стали гордыми и спасаются только скорбями и покаянием, а в любовь очень редко кто достигает.

Великий Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его». Так он сказал, потому что в душе его была большая благодать Святого Духа, Который свидетельствует эту любовь, и тогда душа не может сказать иначе. Но кто не имеет великой благодати, того Святые Отцы учат покаянию; и покаяние не далеко от любви, которая приходит по мере простоты и смирения духа.

Если кто помышляет о брате доброе, что любит его Господь, и особенно, если ты помышляешь, что в душе его живет Святой Дух, то ты близок к любви Божией.

Кто-нибудь скажет: – все то он рассуждает о любви Божией.

Но о чем же более рассуждать, как не о Боге? Ведь Он создал нас для того, чтобы мы вечно с Ним жили и видели славу Его.

Кто что любит, тот о том и говорить хочет; а потом вырабатывается привычка: привыкнешь Бога мыслить, так и будешь всегда в душе Его носить; привыкнешь мирское помышлять, так и будешь умом всегда в этом; привыкнешь

мыслить страдания Господа, привыкнешь думать о вечном огне, так и усвоится это в душе.

В добром Бог помогает, а в худом – враги, но зависит это и от нашей воли; надо себя понуждать на добро, но умеренно, и знать свою меру.

Надо изучить свою душу, что ей полезно; одному полезно больше молиться, другому читать или писать. И читать полезно, но лучше нерассеянно молиться, а еще дороже плач; кому что дает Господь.

Конечно, восстав с постели от сна, должно благодарить Бога, потому каяться и молиться досыта, а потом читай, чтобы ум отдохнул, потом снова молись и работай. Благодать приходит от всего доброго. Но больше всего от любви к брату.

Однажды на Пасху шел я с вечерни в Покровском Соборе к себе на мельницу, и на дороге стоял один рабочий. Когда я приблизился к нему, он попросил меня дать ему яйцо. У меня не было, и я вернулся в Монастырь, взял у духовника своего два яйца, и одно из них дал рабочему. Он говорит: «Нас двое». Я отдал и второе, и когда я пошел от него, то от жалости к бедному народу я заплакал, и стало мне жалко всю вселенную и всякую тварь.

Другой раз, тоже на Пасху, шел я из главной Монастырской порты в новый Преображенский корпус, и вижу бежит мне навстречу маленький мальчик, лет четырех, с радостным лицом, – благодать Божия веселит детей. У меня было яйцо, и я отдал это яйцо мальчику.

Он обрадовался и побежал к отцу показать свой гостинец. И за эту мелочь я получил от Бога великую радость, и возлюбил я всякое создание Божие, и Дух Божий был слышен в душе. Придя к себе, от жалости к миру я много с плачем молился Богу.

О, Душе Святой, обитай в нас всегда; с Тобою нам благо.

* * *

Но не всегда душе так хорошо; теряется за гордость благодать, и тогда я рыдаю, как рыдал Адам о потерянном рае, и говорю:

«Где Ты, Свете мой; где Ты, радость моя? Почто бросил меня, и томится сердце мое; почто Ты скрылся от меня, и скорбит душа моя?

Когда Ты пришел в душу мою, то попалил грехи мои, и ныне снова прииди в душу мою, и снова попали грехи мои, которые скрывают Тебя от меня, как тучи скрывают солнце.

Прииди и обрадуй меня Твоим пришествием.

Почто медлишь, Господи? Ты видишь – томится душа моя и слезно ищу Тебя.

Где Ты скрываешься? Вот Ты на всяком месте, но душа не видит Тебя и со скорбию, болезнью, ищет Тебя».

Так, когда Ты был юным отроком, Пречистая Дева с Иосифом, болезнью, искали Тебя. Что передумала Она в печали Своей, когда не находила Своего возлюбленного Сына? (Лк.2:48).

Так Святые Апостолы по смерти Господа болели сердцем и скорбели, что надежда их утеряна. Но Господь по воскресении явился им, и они познали Его и возрадовались.

Так и ныне Господь является нашим душам, и душа познает Его Духом Святым. Симеон Дивногорец был мальчиком, когда явился ему Господь, и он раньше не знал Господа, но когда явился ему Господь, то познал Его Духом Святым.

Господь на землю дал Духа Святого, и Духом Святым познается Господь и все небесное, а без Духа Святого – человек грешная земля.

* * *

Душа ненасытно должна любить Бога, так, чтобы ум ничем иным не был пленен, но всею силою пребывал в Боге.

* * *

Я видел много милости от Бога, а по делам моим я должен был быть наказан и здесь на земле, и после смерти. Но Господь так любит человека, что мы и подумать о том не можем.

Счастлив грешник, который обратился к Богу и возлюбил Его.

Кто возненавидел грех, тот восшел на первую ступень небесной лестницы. Когда помысл не беспокоит на грех, это уже вторая ступень. А кто Духом Святым познал совершенную

любовь к Богу, тот на третьей ступени. Но это редко с кем бывает.

Чтобы прийти в любовь Божию, надо соблюдать все, что заповедал в Евангелии Господь. Нужно иметь милующее сердце, и не только человека любить, но и всякую тварь жалеть; все, что создано Богом.

Листок на дереве зеленый; и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок; жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить. А человек великое создание. И если видишь, что он заблудился и гибнет, то молись за него и плачь, если можешь, а если нет, то хотя бы воздохни за него пред Богом. И душу, которая так делает, любит Господь, ибо она Ему уподобляется.

Так молился Преподобный Паисий Великий за своего ученика, который отрекся от Христа и женился на еврейке, чтобы Господь простил его. И Господь до того был рад этой молитве, что Сам восхотел утешить раба Своего, и явился ему, и говорит: «Паисие, что же ты молишься за того, кто отрекся от Меня?» Но Паисий сказал: «Господи, Ты Милостивый, прости его». Тогда Господь говорит: «О, Паисие, ты Мне уподобился любовью». Так приятна Господу молитва за врагов.

Я сам великий грешник, но пишу о милосердии Божиим, которое познала душа моя на земле Духом Святым.

* * *

Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Душа, наученная молиться от благодати Божией, любит и жалеет всякую тварь, и особенно человека, за которого страдал Господь на кресте, и болел душою за всех нас.

Господь научил меня любить врагов. Без благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает любви, и тогда будет жалко даже и бесов, что они отпали от добра, потеряли смирение и любовь к Богу.

Молю вас, испытайте. Кто вас оскорбляет, или бесчестит, или отнимает что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи, все мы – создание Твое; пожалей рабов Твоих, и обрати их на покаяние», и тогда ощутимо будешь носить в душе своей благодать. Сначала принудь сердце свое

любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем, и Сам опыт покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет любви Божией, и не познал он Бога.

Если будешь молиться за врагов, то придет к тебе мир; а когда будешь любить врагов, то знай, что благодать Божия живет в тебе большая, но не говорю еще – совершенная, но достаточная ко спасению. А если ты поносишь врагов своих, то это значит, что злой дух живет в тебе и приносит в сердце твои злые помыслы, ибо, как сказал Господь, от сердца исходят помышления злые или добрые.

Добрый человек думает: всякий, заблудившийся от истины, погибает, и потому его жалко. А кто не научен Духом Святым любви, тот, конечно, не будет молиться за врагов. Наученный любви от Духа Святого – всю жизнь скорбит о людях, которые не спасаются, и много слез проливает о народе, и благодать Божия дает ему силы любить врагов.

Если ты не имеешь любви, то хотя бы не поноси и не кляни их; и это уже лучше будет; а если кто клянет и ругает, в том ясно живет злой дух и если не покается, то по смерти пойдет туда, где пребывают злые духи. Да избавит Господь всякую душу от такой беды.

Поймите. Это так просто. Жалко тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога; сердце болит за них, и слезы льются из очей. Нам ясно видно и рай, и муку: мы познали это Духом Святым. Вот и Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк.17:21). Так отсюда еще начинается вечная жизнь; и мука вечная отсюда начинается.

* * *

Из-за гордости теряется благодать Божия, а вместе с нею и любовь к Богу и дерзновение в молитве; и тогда душа мучается злыми мыслями и не понимает, что надо смириться и надо любить врагов, ибо иначе нельзя угодить Богу.

Ты говоришь: «Враг гонит нашу Святую Церковь. Как же я буду его любить?» А я тебе на этом скажу: «Бедная твоя душа не познала Бога; не познала, как Он много нас любит и желанно ждет, чтобы все люди покаялись и спаслись».

Господь есть любовь, и дал на землю Духа Святого, Который учит душу любить врагов и за них молиться, чтобы и они спаслись. Это и есть любовь. А если судить их по делам, то они заслуживают наказания».

Слава Господу, что Он так много нас любит, и прощает нам грехи, и Духом Святым раскрывает нам тайны Свои.

* * *

Господь дал нам заповедь: «Любите врагов ваших» (Мф.5:44). Но как же их любить, когда они делают зло? Или как любить тех, кто гонит Церковь Святую?»

Когда Господь шел в Иерусалим, и самаряне не приняли Его, то Иоанн Богослов и Иаков готовы были свести огонь с неба и истребить их за это; но Господь им милостиво сказал: «Я не пришел погубить, а спасти» (Лк.9:54–56).

Так и мы должны иметь одну мысль: чтобы все спаслись. Душа жалеет врагов и молится за них, что они заблудились от истины и идут во ад. Это есть любовь к врагам. Когда Иуда задумал предать Господа, то Господь милостиво вразумлял его; так и мы милостиво должны поступать с теми, кто заблуждается, и тогда спасемся милосердием Божиим.

* * *

Любовь познается Духом Святым. А Духа Святого познает душа миром и сладостью. О, как должны мы благодарить Бога, что Он нас много любит. Подумайте, возлюбленные братья: грешной душе Господь дает Духа Святого и дает познать милость Свою. И чтобы познать Бога, не нужно богатства, нужно лишь любить ближнего и иметь смиренный дух, воздержание и послушание, и за эти добрые дела Господь дает познать Себя. А что на свете может быть дороже сего познания?

Знать Бога, знать как Он нас любит, как Он воспитывает нас духовно?

Где найдешь такого отца, который умер бы на кресте за преступления детей? Обычно прискорбно отцу и жалко ему сына, который за преступления свои должен быть наказан; но хоть и жалеет он сына, а все-таки скажет ему: «Нехорошо ты сделал, и за дурные дела свои правильно наказан».

Господь же нам этого не скажет никогда. Он и нам скажет, как Апостолу Петру: «Любишь ли Меня?» (Ин.21:15); так и в раю всему народу скажет Он: «Любите ли вы Меня?» И ответят все: «Ей, Господи, мы любим Тебя. Ты спас нас Своими страданиями на кресте, и ныне даровал нам Небесное Царство».

И не будет на небе ни у кого стыда, как стыдились Адам и Ева после падения, но будут лишь кротость, любовь и смирение. Не такое смирение, какое мы видим теперь, когда мы смиряем себя и терпим укорения, или считаем себя хуже всех; но будет у всех Христово смирение, непостижимое людям, кроме тех, которые Духом Святым познали его.

* * *

Не могу я понять, почему люди не просят у Господа мира?

Ведь Господь так много нас любит, что ни в чем не откажет. Я раньше этого не знал и думал: станет Господь заботиться обо мне, когда столько оскорблял я Его? Но когда душа моя наполнилась любви Божией и сладости Духа Святого, и так много, что если бы Господь спросил меня: «Хочешь ли, Я дам тебе больше Моей любви и благодати Святого Духа?», то душа моя сказала бы: «Ты видишь, Господи, я не могу понести больше, но умру». И если так непостижима дивная милость Господня грешнику, то что сказать о Святых? Какую они имеют благодать?

Быть может, кто-нибудь скажет: «Почему меня Господь так не любит и не дает мне такую благодать?»

Так один старец сказал Великому Антонию: «Почему ты, Отче Антоние, трудишься меньше меня, а славу имеешь больше, чем я?» На это Антоний ответил: «Потому, что я больше тебя люблю Бога».

И мы должны помнить это, и помнить, что кто любит Бога, тот любит и брата своего, как говорит Иоанн Богослов (Ин. 1, 4, 21); и когда нас кто-нибудь обижает, надо за него молиться Богу, как за себя; и так это обратится в навык. Мы сами немощны, но Господь помогает нам в этом, ибо Он нас много любит.

* * *

Господь так много нас любит, что мы постигнуть этого не можем. Мы видим крест, знаем, что Он распялся за нас и умер в страданиях, но все равно душа сама понять эту любовь не может, а познается она только Духом Святым.

Благодать Святого Духа столь сладка, и милость Господня столь велика, что описать сие невозможно, но лишь влечется к Нему душа ненасытно, ибо разжжена любовью Господней, и вся поглощена Богом и в Нем зело покойна, и мир тогда забыт совершенно.

Но не всегда так дает Милостивый Господь душе; иногда Он дает любовь ко всему миру, и плачет душа за весь мир, и умоляет Владыку, Благого и Милостивого, чтобы излил Свою благодать на каждую душу и помиловал ее Своим милосердием.

Что воздам Тебе, Господи, столь много милости излившему на душу мою? Молю Тебя: дай ми зрети моя прегрешения и всегда плакать пред Тобою, ибо Ты любишь смиренные души и даешь им благодать Святого Духа.

Боже Милостивый, прости меня. Ты видишь, как влечется к Тебе душа моя, Создателю моему. Ты уязвил душу мою любовью Своею, и она жаждет Тебя, и бесконечно скучает, и ненасытно стремится к Тебе день и ночь, и не хочет видеть мир сей, хотя я и люблю его, но паче всего люблю Творца, и душа моя хочет Тебя.

О, Создателю мой, зачем я маленькое творение Твое столь много оскорблял Тебя; но Ты грехов моих не помянул.

* * *

Воротимся назад и опять начнем говорить о том же. Как мы едим хлеб и пьем воду каждый день, и на другой день живое тело все же снова хочет пить и есть, так и память благодеяний Божиих не утомляет душу, но еще больше располагает ее помышлять о Боге.

Или еще: чем больше дров подкладывать в огонь, тем больше бывает жару, так и о Боге, чем больше думаешь, тем больше становится жар любви и ревности к Нему.

Если бы люди знали, что есть любовь Господа, то они стадами бежали бы ко Христу, и Он всех согрел бы Своею

благодатью. Его милосердие неизреченно. Душа от любви Божией забывает землю.

Господь много любит кающегося грешника и милостиво прижимает его к Своей груди: «Где был ты, чадо Мое? Я давно жду тебя». Господь всех зовет к Себе евангельским гласом, и голос Его слышен во всей вселенной: «Придите ко Мне все труждающиеся, и Я упокою вас. Придите и пейте воду живую. Придите, познайте, что Я люблю вас. Если бы не любил, то не звал бы. Я не могу терпеть, чтобы погибла хотя бы одна моя овца. И за одною Пастырь в горы идет искать».

«Придите же ко Мне, овцы Мои. Я создал вас, и люблю вас.

Любовь Моя к вам свела Меня на землю, и Я все претерпел ради вашего спасения, и хочу, чтобы вы познали Мою любовь и сказали, подобно Апостолам на Фаворе: «Господи, хорошо нам с Тобой».

Слава Господу Богу, что Он дал нам Единородного Сына Своего ради нашего спасения.

Слава Единородному Сыну, что Он благоволил родиться от Пречистой Девы, и страдал за наше спасение, и дал нам Свое Пречистое Тело и Кровь в жизнь вечную, и ниспослал нам Духа Святого на землю.

Дух Святой открывает нам тайны Божии.

Дух Святой научает душу неизглаголанно любить людей. Дух Святой так украшает душу и тело, что человек становится похожим на Господа во плоти, и будет вечно жить с Господом на небесах и видеть славу Его. В вечной жизни все люди будут похожи на Господа.

И никто не мог бы познать этой тайны, если бы не открыл ее Дух Святой. Господь радостный и сияющий, и люди будут сиять подобно Ему, как Сам Господь сказал, что праведники воссияют, как солнце; и Апостол Иоанн Богослов говорит, что будем подобны Ему.

* * *

Души святых Ты привлек к Себе, Господи, и они текут к Тебе, как тихие реки.

Ум святых прилепился к Тебе, Господи, и влечется к Тебе – Свету и радости нашей.

Сердце святых Твоих утвердилось в любви Твоей, Господи, и не может забыть Тебя ни на минуту даже во сне, ибо сладка благодать Святого Духа.

* * *

Милостивый Господь нам грешникам дал Духа Святого и не взыскал от нас ни единой уплаты, но каждому из нас говорит, как Апостолу Петру: «Любишь ли Меня?» Так Господь хочет от нас только любви, и радуется нашему обращению. Таково милосердие Божие к человеку: бросил человек грешить и смирился пред Богом, и Господь милостиво прощает ему все и дает благодать Святого Духа и силу побеждать грех.

Дивное дело: человек гнушается братом своим, таким же человеком, когда он беден или нечист, а Господь, как чадолюбивая мать дитяти своему, все нам прощает, и не гнушается никаким грешником, и даже дает ему дар Духа Святого.

Если бы люди познали любовь Господа к нам, то совершенно предались бы Его святой воле, и жили бы тогда покойные в Боге, как царские дети. Царь обо всем заботится: и о царстве, и о семье, и о сыне, и о детях, а сын спокойно живет во дворце; ему все служат, а он наслаждается всем без забот. Так предавшийся на волю Божию – живет в покое, довольный своею судьбою, хотя бы он был болен, или беден, или гоним. Он покоен потому, что с ним благодать Святого Духа, и сладость Духа Святого утешает его, и он скорбит только о том, что много оскорбил любимого Господа.

Ах, как надо жить на земле, чтобы душа всегда слышала, что она с Богом пребывает. Господь сказал: «Не оставлю вас сирыми» и дал нам Духа Святого, и душа должна чувствовать, что Дух Божий живет в ней; хотя бы и мала была благодать, но все же душа чувствует любовь Господню, чувствует, что Господь – наш, и мы – Его. А кто в душе не таков, в том потеряна благодать.

Душа чувствует, что любит ее Господь, несмотря на множество грехов.

Как в те дни сказал Господь Закхею: «Закхее, днесь в дому твоём подобает Мне быти» (Лк.19:5); и это только за то, что тот

захотел увидеть Христа; так и ныне бывает с грешником, когда душа его обратится к Богу. Ныне народ уклонился от доброго пути, и люди стали немилосердными, все ожесточились, и уже нет любви, а потому не чувствуют они и Божией любви. По жестокости сердца своего люди и о Боге думают, что Он такой же, как они, а то и совсем теряют веру в Бога.

О, если бы было возможно, я показал бы им Господа и сказал бы: «Смотрите, какой Господь. От лица любви Его истаевает душа человека».

Но любовь эту нельзя узреть простым умом; она познается Духом Святым.

Господи, даруй мне проливать слезы за себя и за всю вселенную, чтобы народы познали Тебя и вечно жили с Тобою. Господи, сподоби нас дара смиренного Духа Святого, да разумеем славу Твою.

Душа моя скорбит до великих слез: жалко мне людей, которые не знают сладости святого умиления. Душа моя сильно желает, чтобы милость Господня была со всеми, чтобы вся вселенная, все люди знали, как желанно любит нас Господь, как дорогих детей.

Х. Мы – чада Божии и похожи на Господа

ИЗ ПРАХА сотворил Господь человека, но любит нас, как родных детей, и желанно ждет к Себе. Господь до того возлюбил нас, что ради нас воплотился, и пролил Кровь Свою за нас, и Ею напоил нас, и дал нам Пречистое Тело Свое; и так мы стали детьми Его, от Плоти и Крови Его, и похожи на Господа во плоти, как родные дети похожи на отца своего, независимо от возраста, и Дух Божий свидетельствует духу нашему, что мы вечно будем с Ним.

* * *

Господь не переставая зовет нас к Себе: «Приидите ко Мне, ...и Я упокою вас» (Мф.11:28).

Он питает нас Своим Пречистым Телом и Кровью. Он милостиво воспитывает нас словом Своим и Духом Святым. Он открыл нам тайны. Он живет в нас и в таинствах Церкви, и ведет нас туда, где будем видеть славу Его. Но каждый будет видеть славу сию по мере любви своей. Кто больше любит, тот сильнее стремится быть с Любимым Господом, и потому более приблизится к Нему; кто мало любит, тот мало и желает, а кто не любит, тот не желает и не стремится видеть Господа, и пребудет вечно во мраке.

* * *

До слез жалко мне людей, которые не знают Бога, не знают Его милостей. Нам же Господь показал Себя Духом Святым, и мы живем во свете Его святых заповедей.

Чудное дело.

Благодать дала мне познать, что все люди, любящие Бога и хранящие заповеди Его, исполнены света и похожи на Господа; а идущие против Бога – исполнены мрака и похожи на врага.

И это естественно.

Господь есть Свет, и Он просвещает Своих рабов, а те, кто служат врагу, от него восприняли мрак.

* * *

Знал я одного мальчика. Вид его был ангельский; смиренный, соvestливый, кроткий; личико белое с румянцем;

глазки светлые, голубые, и добрые и спокойные. Но когда он подрос, то стал жить нечисто и потерял благодать Божию; и когда ему было лет тридцать, то стал он похож и на человека и на беса, и на зверя и на разбойника, и весь вид его был скаредный и страшный.

Знал я также одну девицу очень большой красоты, с лицом светлым и приятным, так что многие завидовали ее красоте. Но грехами потеряла она благодать, и стало скверно смотреть на нее.

Но видел я и другое. Видел я людей, которые пришли в монахи с лицами, искаженными от грехов и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились и стали очень благообразными.

Еще дал мне Господь увидеть на Старом Русике во время исповеди иеромонаха-духовника во образе Христа.

Он стоял в исповедальне невыразимо сияющий, и хотя он был весь белый от седины, лицо его было прекрасным и юным, как у мальчика. Подобным образом видел я одного епископа во время Литургии.

Видел я также Отца Иоанна Кронштадтского, который от природы был обыкновенный по виду человек, но от благодати Божией лицо его было благолепно, как у ангела, и хотелось на него смотреть. Так грех искажает человека, а благодать красит его.

* * *

Человек взят от земли, но Бог так возлюбил его, что украсил его Своею благодатью, и человек стал подобен Господу.

Жалко, что мало кто знает об этом, и это потому, что мы горделивы. А если бы мы смирились, то Господь открыл бы нам эту тайну, потому что Он много нас любит.

Апостолам Господь сказал: «Детки, имеете ли вы какую еду?» (Ин.21:5). Какая любовь видна в этих словах. Но Господь не только Апостолов, но и всех нас так любит.

Когда сказали Господу: «Вот, Мать Твоя и братья Твои пришли Тебя видеть», то Он ответил: «Кто творит волю Божию, тот Мне мать, и сестра, и брат» (Мф.12:47–50).

* * *

Есть люди, которые говорят, что Бога нет. Так говорят они потому, что в сердце их живет гордый дух, который и внушает им ложь на Истину и на Церковь Божию. Они думают, что они умные, а на самом деле не понимают даже того, что мысли эти не их, а исходят от врага; но если кто примет их сердцем и полюбит, то так и сроднится с злым духом. И не дай Бог никому умереть в таком состоянии.

А у святых в сердце живет благодать Святого Духа, которая роднит их с Богом, и они ясно чувствуют, что они духовные дети Отца Небесного, и потому говорят "Отче наш" (Рим.8:15–16; Гал.4:6–7).

Душа при этих словах радуется и веселится. Духом Святым она знает, что Господь – наш Отец. Мы хотя и созданы из земли, но Дух Святой живет в нас и делает нас похожими на Господа Иисуса Христа, как дети бывают похожи на своего отца.

* * *

Человек создан из земли; что доброго может быть в нем?

Но вот милость Божия украсила человека благодатию Святого Духа, и он стал подобен Иисусу Христу, Сыну Божию.

Велика сия тайна, велика и милость Бога человеку.

Если бы все народы земли знали, как любит Господь человека, то все возлюбили бы Христа и Христово смирение и желали бы во всем уподобиться Ему. Но самому человеку невозможно сие, ибо только в Духе Святом становится человек подобен Христу. Падший человек покаянием очищается, и обновляется благодатию Святого Духа, и делается во всем похожим на Господа.

Так велика милость Божия к нам.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты дал на землю Духа Святого, и Он учит душу познанию о том, чего никогда не предполагала она знать.

Дух Святой учит нас смирению Христову, чтобы душа всегда носила в себе благодать Божию, которая веселит душу; но в то же время Господь дает душе печаль за людей и слезную молитву, чтобы все народы познали Господа и насладились бы любовью Его.

* * *

Кто познал любовь Божию Духом Святым, тот не знает покоя ни днем ни ночью, и хотя изнемогает тело и хочет лечь на койку, но и на койке неустомимая душа всю силою влечётся к Богу, Отцу своему. Господь сроднил нас.

«Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, да будут и они в Нас едино» (Ин.17:21). Так Господь Духом Святым творит из нас единую семью с Богом Отцом.

XI. О Божией Матери

КОГДА ДУША в любви Божией, о, как тогда все хорошо, как все мило и весело. Но и при любви Божией бывают печали, и чем больше любовь, тем больше печаль. Божия Мать никогда не согрешила ни единым помыслом и никогда не теряла благодати, но и у Нее были великие скорби; а когда Она стояла при Кресте, тогда безмерна, как океан, была Ее скорбь, и муки души Ее были несравненно большими, чем Адамово мучение по изгнании из рая, потому что и любовь Ее была несравнимо большая, чем любовь Адама в раю. И если Она осталась жива, то только потому, что сила Господня укрепила Ее, ибо Господь хотел, чтобы Она увидела Его Воскресение и чтобы по Вознесении Его оставалась на земле в утешение и радость Апостолам и новому народу христианскому.

Мы не достигаем полноты любви Божией Матери, и потому не можем в полноте понять и Ее скорбь.

Любовь Ее была совершенною. Она безмерно любила Бога и Сына Своего, но Она любила и народ великою любовью. И что переживала Она, когда эти люди, которых Она так много любила и которым до конца хотела спасения, распинали Ее возлюбленного Сына?

Мы постигнуть этого не можем, потому что в нас мало любви к Богу и к людям.

Как любовь Божией Матери безмерна и непостижима, так и скорбь Ее безмерна и непостижима для нас.

* * *

О, Пречистая Дево Богородице, скажи нам, чадам Твоим, как живя на земле, Ты любила Сына Своего и Бога, как веселился дух Твой о Боге Спасителе Твоем? Как смотрела Ты на Его прекрасное лицо и помышляла, что этот Тот, Которому со страхом и любовью служат все небесные силы?

Скажи нам, что чувствовала душа Твоя, когда держала Ты на руках Своих дивного Малютку? Как воспитала Ты Его? Как болела душа Твоя, когда Ты с Иосифом три дня искала Его в

Иерусалиме? Какие муки переживала Ты, когда Господь был предан на распятие и умирал на кресте?

Скажи нам, какая радость была у Тебя о Воскресении, или как скучала душа Твоя по Вознесении Господа? Души наши влекутся знать о жизни Твоей с Господом на земле. Ты же не пожелала предать всего этого писанию, но молчанием покрыла тайну Свою.

* * *

Много чудес и милостей видел я от Господа и Божией Матери, но воздать за эту любовь ничем не могу.

Что воздам я Пресвятой Владычице за то, что Она не возгнушалась мною во грехе, но милостиво посетила меня и вразумила? Я не видал Ее, но Дух Святой дал мне познать Ее из слов Ее, исполненных благодати, и радуется дух мой, и влечется душа моя к Ней любовью, так что и одно призывание имени Ее сладко сердцу.

Когда я был молодым послушником, однажды молился я пред иконой Божией Матери, и молитва Иисусова вошла в сердце мое и сама стала там произноситься. А однажды в церкви я слушал чтение пророчеств Исаии, и при словах: «Измыйтесь, и чисти будете» (Ис.1:16), подумал: «Быть может Божия Мать согрешила когда-нибудь хотя бы мыслью». И дивно, в моем сердце вместе с молитвою голос ясно проговорил: «Божия Мать никогда не согрешила даже мыслью». Так Дух Святой в сердце моем свидетельствовал чистоту Ее. Но во время земной жизни и у Нее была некоторая неполнота и безгрешные ошибки несовершенства. Это видно из Евангелия, когда Она, возвращаясь из Иерусалима, не знала, где Ее Сын, и потом вместе с Иосифом три дня искала Его. (Лк.2:44–46).

* * *

Душа моя в страхе и трепете, когда размышляю о славе Божией Матери.

Мал ум мой и бедно и немощно сердце мое, но душа радуется и влечется написать о Ней хоть несколько слов.

Боится душа моя прикоснуться, но любовь понуждает не скрывать благодарности за Ее милосердие.

Божия Мать не предала писанию ни мыслей Своих, ни любви Своей к Богу и Сыну Своему, ни страданий души Своей при распятии, потому что все равно мы не могли бы постигнуть, ибо любовь Ее к Богу сильнее и горячее, чем любовь Серафимов и Херувимов, и Ей удивляются все небесные силы ангелов и архангелов.

И хотя жизнь Божией Матери как бы покрыта святым молчанием, но Господь нашей Церкви Православной дал знать, что любовью Своею Она объемлет весь мир, и в Духе Святом видит все народы на земле, и подобно Сыну Своему, всех жалеет и милует.

О, когда бы мы знали, как любит Пресвятая всех, кто хранит заповеди Христовы, и как жалеет и скорбит о тех, которые не исправляются. Я испытал это на себе. Не лгу, говорю пред лицом Бога, Которого знает душа моя: духом я знаю Пречистую Деву. Я Ее не видал, но Дух Святой дал мне познать Ее и Ее любовь к нам. Если бы не Ее милосердие, то я давно бы погиб; но Она восхотела посетить меня и вразумить, чтобы я не грешил. Она мне сказала: «Нехорошо Мне смотреть на тебя, что ты делаешь». И слова Ее приятные, тихие, кроткие, и действуют на душу.

Прошло более сорока лет, но душа моя не может забыть этих сладких слов, и не знаю, что воздам я грешный за эту любовь ко мне нечистому, и как буду благодарить благую, милующую Мать Господню.

Воистину Она Заступница наша пред Богом, и одно имя Ее радует душу. Но и все небо и вся земля радуются о любви Ее.

Чудное и непостижимое дело. Она живет на небесах и непрестанно видит славу Божию, но не забывает и нас убогих и Своим милосердием покрывает всю землю и все народы.

И сию Пречистую Мать Свою Господь даровал нам. Она наша радость и упование. Она наша Мать по духу, и близка нам по природе, как человек, и всякая душа христианская влечется к Ней любовью.

ХІІ. О СВЯТЫХ

«Любящая Мя люблю» и «прославляющая Мя прославлю», – говорит Господь (Притч.8:17, 1Цар.2:30).

Бог славится во Святых, а Святые прославлены Богом.

Слава, которую дает Господь Святым, столь велика, что если бы люди увидели святого, как он есть, то от благоговения и страха упали бы на землю, потому что плотской человек не может вынести славы небесного явления.

Не удивляйтесь этому. Господь так возлюбил создание Свое, что дал человеку обильно Духа Святого, и в Духе Святом человек стал подобен Богу.

Почему же так любит Господь человека? Потому, что Он есть Сама Любовь; и любовь сия познается Духом Святым.

* * *

Духом Святым познает человек Господа, Творца Своего, и Дух Святой благодатью Своею наполняет всего человека: и душу, и ум, и тело.

Господь дал Святым Свою благодать, и они возлюбили Его и прилепились к Нему до конца, ибо сладость любви Божией не дает возлюбить мир и красоту его.

И если еще на земле так, то тем более на небе Святые любовью соединены с Господом. И любовь сия неизреченно сладка и исходит она от Духа Святого, и все небесные силы питаются ею.

Бог есть любовь; и во святых Дух Святой есть любовь. Духом Святым познается Господь.

Духом Святым величается Господь на небесах. Духом Святым Святые славят Бога, и дарами Духа Святого прославляет Господь Святых, и славе этой не будет конца.

* * *

Многим кажется, что Святые от нас далеки. Но далеки они от тех, которые сами удалились, и очень близки к тем, которые хранят заповеди Христовы и имеют благодать Святого Духа.

На небесах все живет и движется Духом Святым. Но и на земле – тот же Дух Святой. Он живет в нашей Церкви; Он живет

в таинствах; Он – в Священном Писании; Он – в душах верующих. Дух Святой всех соединяет, и потому Святые нам близки; и когда мы молимся им, то в Духе Святом они слышат наши молитвы, и наши души чувствуют, что они молятся за нас.

Так счастливы и блаженны мы, православные христиане, что Господь даровал нам жизнь в Духе Святом; и Он веселит наши души. Но Его надо разумно хранить, ибо и за одну плохую мысль Он оставляет душу, и нет тогда с нами любви Божией; нет дерзновения в молитве; нет и крепкого упования, что получим то, чего просим.

* * *

Святые живут в ином мире, и там Духом Святым видят славу Божию и красоту лица Господня. Но в том же Духе Святом они видят нашу жизнь и наши дела. Они знают наши скорби и слышат наши горячие молитвы. Живя на земле, они научились любви Божией от Духа Святого; а кто имеет любовь на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною. И если здесь любовь не может забыть брата, то тем более Святые не забывают нас и молятся за нас.

* * *

Святым Господь даровал Духа Святого, и они в Духе Святом любят нас. Души Святых знают Господа и благость Его к человеку, и потому дух их горит любовью к народу.

Они, живя еще на земле, не могли без скорби слышать о грешном человеке, и в молитвах проливали слезы за них.

Дух Святой брал их молиться за весь мир и давал им источники слез. Дух Святой Своим избранникам дает столь много любви, что души их, как пламенем, объаты желанием, чтобы все люди спаслись и видели славу Господню.

* * *

Святые угодники достигли Небесного Царства и там зрят славу Господа нашего Иисуса Христа; но Духом Святым они видят и страдания людей на земле. Господь дал им столь великую благодать, что они любовью обнимают весь мир. Они видят и знают, как изнемогаем мы от скорбей, как иссохли

внутренности наши, как уныние сковало души наши, и не преставая ходатайствуют за нас пред Богом.

Святые радуются нашему покаянию и скорбят, когда люди оставляют Бога и уподобляются скотам несмысленным. Им жалко, что люди на земле живут, не зная, что если бы они любили друг друга, то на земле была бы свобода от греха: а где нет греха, там радость и веселие от Святого Духа, так что, куда ни посмотришь, все мило, и душа удивляется, почему ей так хорошо, и славословит Бога.

* * *

Призывайте с верою и молитесь Божией Матерью и Святым. Они слышат наши молитвы и знают даже помышления наши.

И не удивляйтесь этому. Все небо Святых живет Духом Святым, а от Духа Святого ничто во всем мире не скрыто. И я раньше не разумел, как Святые небожители могут видеть нашу жизнь, но когда Божия Матерь обличила меня в грехах, тогда познал, что в Духе Святом они видят нас и знают всю нашу жизнь.

* * *

Святые слышат наши молитвы и имеют от Бога силу помогать нам. Об этом знает весь род христианский.

Рассказывал мне Отец Роман, сын Отца Досифея, что когда он был в миру мальчиком, то пришлось ему переезжать через Дон зимою, и вот лошадь его попала в прорубку и уже вся с санями пошла под лед. Он, маленький мальчик, крикнул: «Святителю Николае, помоги мне вытащить лошадь», и потянул за уздечку, и так вытянул лошадь с санями из-под льда.

А Отец Матфей, который был одного со мною села, будучи мальчиком, как Пророк Давид, пас овец отца своего. Сам он ростом был с овцу. Его старший брат работал на другой стороне большого поля. Вдруг видит он – волки бегут на Мишу, так звали Отца Матфея в миру, – а маленький Миша закричал: «Святитель Николай, помоги мне»; и как только он крикнул, волки обратились назад и никакого вреда не сделали ни ему, ни стаду. И потом долго у нас в селе смеялись и говорили: «Миша сильно испугался волков, но Святитель Николай его избавил».

И множество знаем мы случаев, когда Святые тотчас приходят нам на помощь, лишь только призовем их. Из этого видно, что молитвы наши слушают все небеса.

* * *

Святые похожи на Господа, но и все люди, которые хранят заповеди Христовы, похожи на Него, а те, которые живут по своим страстям и не каются, похожи на врага. Думаю, что если бы эта тайна открылась людям, то перестали бы они служить врагу, но каждый всею силою стремился бы знать Господа и быть похожим на Него.

* * *

Святые были такие же люди, как все мы. Многие из них пришли от больших грехов, но покаянием достигли Небесного Царства.

И все, кто приходит туда, приходят чрез покаяние, которое даровал нам Милостивый Господь Своими страданиями.

* * *

В Царстве Небесном, где Господь и Его Пречистая Мать, живут все Святые. Там Святые Праотцы и Патриархи, которые мужественно пронесли свою веру. Там Пророки, которые приняли Духа Святого и своим словом призывали народ к Богу.

Там Апостолы, которые умирали за проповедь Евангелия. Там Мученики, которые за любовь Христову с радостью отдали свою жизнь. Там Святители, которые подражали Господу и несли тяготу своих духовных овец. Там Преподобные постники и юродивые Христа ради, которые подвигом победили мир.

Там все праведники, которые соблюдали заповеди Божии и побеждали страсти.

Туда, в это чудное святое Собрание, которое собрал Дух Святой, влечется душа моя. Но жалко мне. За то, что я не имею смирения, Господь не дает мне сил на подвиг, и немощной дух мой гаснет, как малая свеча, а дух Святых горел жарким пламенем, и не только не угасал от ветра искушений, но и еще сильнее разгорался.

Они ходили ногами по земле и руками работали, но дух их всегда пребывал в Боге и умом они не хотели оторваться от памяти Божией. Ради любви Христовой, они претерпели все

скорби на земле и не боялись никаких страданий, и тем прославляли Господа. За то Господь возлюбил и прославил их, и даровал им вечное Царство с Собою.

XIII. О пастырях

АПОСТОЛЫ, по Вознесении Господнем, возвратились, как сказано в Евангелии, «с радостью великою». (Лк.24:52).

Господь знает, какую радость Он дал им; и души их переживали сию радость.

Первая радость их была в том, что они познали Истинного Господа Иисуса Христа.

Вторая радость, что они возлюбили Его.

Третья, что они познали вечную небесную жизнь. И четвертая радость – они желали миру спасения, как и себе.

А затем радовались они потому, что познали Духа Святого и видели, как Он в них действует.

Апостолы ходили по земле и говорили народу слово о Господе и о Царстве Небесном, но души их скучали и жаждали видеть любимого Господа, и потому они не боялись смерти, но с радостью встречали ее, и если хотели жить на земле, то только ради народа, которого возлюбили.

Апостолы любили Господа, и потому не боялись никаких страданий. Они любили Господа, любили и народ, и эта любовь отняла у них всякий страх. Они не боялись ни страданий, ни смерти, и потому Господь послал их в мир просвещать людей.

И до ныне есть монахи, которые испытывают любовь Божию и стремятся к ней день и ночь. И они помогают миру молитвою и писанием. Но больше эта забота лежит на пастырях Церкви, которые носят в себе столь великую благодать, что если бы люди могли видеть славу этой благодати, то весь мир удивился бы ей; но Господь скрыл ее, чтобы служители Его не возгордились, но спасались во смирении.

* * *

Епископов Господь призывает пасти стадо Свое, и туне дает им благодать Святого Духа.

Дух Святой, сказано, поставил епископов в Церкви, и в Духе Святом они имеют власть вязать и решить грехи. Мы же овцы Господни, которых Он возлюбил до конца, и дал нам святых пастырей.

Они – наследники Апостолов, и по данной им благодати, приводят нас ко Христу. Они учат нас покаянию; они учат нас соблюдать заповеди Господни. Они говорят нам слово Божие, чтобы мы познали Господа. Они наставляют нас на путь спасения и помогают взойти на высоту смиренного духа Христова. Они собирают в ограду Церкви скорбящих и растерянных овец Христовых, чтобы души их обрели покой в Боге.

Они молятся за нас Богу, чтобы все мы спаслись. Они, как друзья Христа, могут умолить Господа: живым испросить смирение и благодать Святого Духа; усопшим – прощение грехов; Церкви же мир и свободу.

Они носят в себе Духа Святого, и Духом Святым прощают нам грехи. Они познали Господа Духом Святым, и, подобно ангелам, умом созерцают Бога. Они сильны и наш ум оторвать от земли и приковать его к Господу.

Они скорбят, когда видят, что мы оскорбляем Бога и не даем Духу Святому жить в нас. На них ложатся скорби всей земли, и души их влекутся любовью Божиею и непрестанно молятся, чтобы испросить нам утешение в скорбях и мир всему миру. Своими пламенными молитвами они и нас влекут служить Богу во смирении духа и любви.

За их смирение и любовь к народу, любит их Господь. Они пребывают в великом труде и подвиге, и за то обогащены разумом Святых, которым подражают житием своим.

Господь до того возлюбил нас, что страдал за нас на кресте; и страдания Его были столь велики, что постигнуть их мы не можем, потому что мало любим Господа. Так и наши духовные пастыри страдают за нас, хотя мы часто не видим их страданий. И чем больше любовь пастыря, тем больше ему страданий; и мы, овцы, должны понимать это, и любить, и почитать своих пастырей.

Братья, пребудем в послушании нашим пастырям, и тогда будет общий мир, и Господь Духом Святым пребудет со всеми нами.

* * *

Великое лицо – иерей, служитель у Престола Божия.

Кто оскорбляет его, тот оскорбляет Духа Святого, живущего в нем.

Что же сказать о епископе? Епископам дана великая благодать Святого Духа; они поставлены выше всех; они, как орлы, восходят на высоту и оттуда зрят бесконечное пространство, и разумом богословия пасут стадо Христово.

* * *

Дух Святой, сказано, поставил в Церкви епископов пасти стадо Господне (Деян.20:28); и если бы люди понимали это, то любили бы пастырей до великой любви, и радовались бы душою при виде пастыря. Кто носит в себе благодать Святого Духа, тот знает, о чем я говорю.

Один смиренный и кроткий муж шел с женою и тремя детьми.

Встретился им архиерей, который ехал в карете, и когда крестьянин стал с благоговением кланяться ему, то увидел благословляющего архиерея в благодатном огне.

Но кто-нибудь спросит: «Если Дух Святой поставил епископов и управляет ими, то почему же нет у нас мира и мы не преуспеваем?»

Потому, что неправильно помышляем о власти, Богом поставленной, и чрез это делаемся непослушливыми. Но если бы мы предались воле Божией, то скоро преуспели бы, потому что Господь любит смиренную послушливую душу и Сам руководит ею, а непослушливую – терпеливо и милостиво ждет, когда она исправится. Господь премудро учит душу Своею благодатью, как добрый учитель и родной отец. Но и родной отец ошибается, а Господь всегда истинен; и учитель не все знает, а Господь всеведущий.

Все беды от того, что мы не вопрошаем старших, которые поставлены нами руководить, а пастыри не вопрошают Господа, как надо поступить. Если бы Адам спросил Господа, когда Ева дала ему вкусить плод, то Господь просветил бы его, и Адам не согрешил бы. И про себя скажу: все мои грехи и ошибки были потому, что в час искушения и нужды я не призывал Господа; а теперь научился умолять благодать Божию, и Господь за молитвы духовника хранит меня.

Так и архиереи, хотя и имеют дар Святого Духа, но не все разумеют, как должно, и потому в час нужды должны искать просвещения от Господа; они же делают по своему разуму, и тем оскорбляют милосердие Божие и посевают смущение.

Преподобный Серафим говорит, что когда он давал советы от своего ума, то бывали ошибки; а ошибки могут быть малы, а могут быть и большие. Так всем надо учиться познавать волю Божию; а если не будем учиться, то никогда не познаем этого пути.

Господь сказал: «Призови Мя в день скорби твоея, и измута, и прославиши Мя» (Пс.49:15). Господь Духом Святым просвещает человека; а без Духа Святого ни один человек не может правильно разуместь. До пришествия Духа Святого и Апостолы были не крепки и не мудры, так что Господь говорил им: «Доколе терплю вам?» (Мф.17:17).

* * *

Господь дал в Церкви Святой пастырей, и они служат в образе Христа, и им дана власть прощать грехи Духом Святым.

Ты, может быть, думаешь: как может такой-то епископ, или духовник, или священник иметь Духа Святого, когда он любит поесть и имеет другие немощи? Но я скажу тебе: это возможно, если он не принимает плохих помыслов; так что хотя у него и есть некий порок, но это не мешает благодати жить в его душе, подобно тому, как зеленое дерево имеет некоторые ветви сухие, но это ему не вредит, и оно приносит плоды; или на поле много пшеницы, и хотя среди нее есть и плевелы, но это не мешает ей расти.

О духовниках

ВЕЛИКИМ ПОСТОМ на вечерне, в Старом Нагорном Русике, одному монаху дал Господь увидеть иеросхимонаха Авраамия в образе Христа. Старец-духовник стоял в епитрахили и исповедовал. Когда в исповедалню вошел тот монах, то увидел духовника, седого старца, что лицо его молодое, как у мальчика, и весь он сиял, и был похож на Христа. Тогда монах тот понял, что духовник стоит (совершает службу свою) в Духе Святом, и Духом Святым прощаются кающемуся грехи.

Если бы люди видели, в какой славе служит священник, то упали бы от этого видения; и если бы сам священник видел себя, в какой небесной славе стоит он (совершает свое служение), то стал бы великим подвижником, чтобы ничем не оскорбить живущую в нем благодать Святого Духа.

Пишу эти строки, и радуется дух мой, что пастыри наши похожи на Господа Иисуса Христа. Но и мы, овцы, хотя и малую благодать имеем, но все же похожи на Господа. Люди не знают этой тайны, но Иоанн Богослов ясно сказал: «Будем подобны Ему», и это не только после смерти, но еще и теперь, ибо Милостивый Господь дал на землю Духа Святого, и Дух Святой живет в Церкви нашей; Он живет в непорочных пастырях; Он живет в сердцах верующих; Он учит душу подвигу; Он дает силы исполнять заповеди Господни; Он наставляет нас на всякую истину; Он так украсил человека, что человек стал похож на Господа.

* * *

Всегда надо помнить, что духовник совершает служение свое в Духе Святом, и потому должно благоговеть пред ним. Верьте, братья, что если кому случится умирать при духовнике, и скажет умирающий духовнику: «Отче святой, благослови меня видеть Господа в Царстве Небесном». И скажет духовник: «Иди, чадо, и зри Господа»; то будет ему по благословению духовника, потому что Дух Святой и на небе и на земле тот же.

* * *

Великую силу имеют молитвы духовника. Много за гордость страдал я от бесов, но Господь смирил и помиловал меня за молитвы духовника, и теперь Господь открыл мне, что на них почивает Дух Святой, и потому я много почитаю духовников. За их молитвы мы получаем благодать Святого Духа и радость о Господе, Который нас любит и дал нам все нужное для (спасения) души.

* * *

Если человек не все говорит духовнику, то его дорога кривая и не ведет ко спасению, а кто все говорит, тот прямо пойдет в Царство Небесное.

Один монах меня спросил: «Скажи, что мне делать, чтобы поправить свою жизнь?» Он любил много кушать и не вовремя. Я ему и говорю: «Пиши каждый день, сколько ты покушал и что подумал, а вечером прочитай духовнику».

Он мне говорит: «Я этого сделать не могу».

Итак, не смог он преодолеть малого стыда исповедать свою немощь, и потому не исправился, и умер от удара. Да простит Господь брата нашего, а нас да избавит от такой смерти.

* * *

Кто хочет непрестанно молиться, должен быть мужественным и мудрым, и во всем спрашивать духовного отца. И если духовник сам не проходил опытом молитву, то все равно спроси, и за твое смирение Господь помилует тебя и сохранит от всякой неправды; а если ты подумаешь, что духовник неопытен, что он в суете, буду я сам руководиться по книгам, то ты на опасном пути, и не далек от прелести. Много я знаю таких, которые так обманулись в помыслах своих и за свое презрение к духовнику не преуспели.

Они забывают, что в таинстве действует благодать Святого Духа, которая и спасает нас. Так враг обманывает подвижников, чтобы не было молитвенников, а Дух Святой умудряет душу, когда мы слушаем советы наших пастырей.

* * *

Чрез духовника в таинстве действует Дух Святой, и потому когда выйдешь от духовника, душа чувствует свое обновление миром и любовью к ближнему, а если ты уходишь от духовника смущенный, то, значит, нечисто исповедался и сам не простил брату своему от души согрешений его.

* * *

Духовник должен радоваться, когда Господь приводит к нему какую-нибудь душу на покаяние, и по данной ему благодати должен лечить ту душу, и за это получит он от Бога великую милость, как добрый пастырь своих овец.

XIV. О монахах

НЕКОТОРЫЕ говорят, что монахи должны служить миру, чтобы не ели они народный хлеб дурно (даром); но надо понять, в чем это служение и чем монах должен помогать миру.

Монах – молитвенник за весь мир; он плачет за весь мир; и в этом его главное дело.

Кто же понуждает его плакать за весь мир?

Понуждает Господь Иисус Христос, Сын Божий. Он дает монаху любовь Святого Духа, и от этой любви сердце монаха всегда печально о народе, потому что не все спасаются. Сам Господь до того был печален о народе, что предал Себя на крестную смерть. И Божия Мать ту же печаль о людях носила в сердце Своем. И она, подобно Своему Возлюбленному Сыну, всем до конца желала спасения.

Того же Духа Святого дал Господь Апостолам и Святым Отцам нашим и пастырям Церкви. В этом служение наше миру. И потому ни пастыри Церкви, ни монахи – не должны заниматься мирскими делами, но подражать Божией Матери, Которая в храме, во «Святая святых», день и ночь поучалась в законе Господнем и пребывала в молитве за народ.

Не дело монаха служить миру от труда рук своих. Это дело мирских. Мирской человек мало молится, а монах постоянно. Благодаря монахам на земле никогда не прекращается молитва; и в этом – польза всего мира, ибо мир стоит молитвою; а когда ослабеет молитва, тогда мир погибнет.

И что может сделать монах руками? Заработает он за день какой-нибудь рубль; что это для Бога? В то же время одна мысль, угодная Богу, творит чудеса. Мы видим это из Писаний.

Пророк Моисей мыслью молился, и Господь сказал ему: «Моисей, что ты вопиешь ко Мне?», и избавил израильтян от гибели (Исх.14:15). Антоний Великий помогал миру молитвою, а не руками.

Преподобный Сергей постом и молитвою помог русскому народу освободиться от татарского ига. Преподобный Серафим мысленно помолился, и Дух Святой сошел на Мотовилова.

И это есть дело монахов.

Но если монах нерадив и не достиг того, чтобы душа его всегда созерцала Господа, то пусть он служит странникам и помогает мирским от трудов своих; и это угодно Богу; но знай, что это далеко от монашества.

* * *

Монах должен бороться со страстями и помощью Божиею, побеждать их. Монах иногда блаженствует в Боге и живет, как у Бога в раю, а иногда плачет за весь мир, потому что он хочет, чтобы все люди спаслись.

Так Дух Святой научил монаха любить Бога и любить мир.

Ты, может быть, скажешь, что теперь нет таких монахов, которые молились бы за весь мир; а я тебе скажу, что когда не будет на земле молитвенников, то мир кончится, пойдут великие бедствия; они уже и теперь есть.

Мир стоит молитвами Святых; и монах призван молиться за весь мир. В этом его служение, и потому не обременяйте его мирскою заботою. Монах должен жить в постоянном воздержании, а если он занят мирскими заботами, то вынуждается больше есть; и в этом общий ущерб, потому что когда он поест лишнее, то уже не может молиться, как должно, ибо благодать любит жить в сухом теле.

* * *

Мир думает, что монахи – бесполезный род. Но напрасно они так думают. Они не знают, что монах – молитвенник за весь мир; они не видят его молитв и не знают, как милостиво Господь принимает их. Монахи ведут крепкую брань со страстями, и за эту борьбу будут велики у Бога.

Сам я недостойн называться монахом. Более сорока лет прожил я в монастыре и записал себя в новоначальные послушники; но я знаю монахов, которые близки к Богу и к Божией Матери. Господь так близок к нам; ближе, чем воздух, которым мы дышим.

Воздух проходит внутрь тела нашего и доходит до сердца, а Господь живет в самом сердце человека: «вселюся в них и похожду, ... и буду им во Отца, и они будут Мне в сыны и дщери, глаголет Господь» (2Кор. 6:16–18).

Вот радость наша:
Бог с нами и в нас.
Все ли знают это?

К сожалению, не все, а только те, которые смирились пред Богом и совлеклись своей воли, потому что Бог гордым противится и живет только в смиренном сердце. Господь радуется, когда мы помним Его милосердие и уподобляемся Ему своим смирением.

* * *

Как у Луки и Клеопы горели сердца, когда с ними шел Господь, так и теперь у многих монахов сердце горит любовью к Господу, и душа их во смирении духа и любви прилепилась Единому Богу. Но душа монаха, который имеет пристрастие к деньгам, или вещам, или вообще к чему-нибудь земному, не может любить Бога, как должно, потому что ум его двоится и к Богу и к вещам, а Господь сказал, что не можем мы работать двум господам. Так вот у мирских ум занят землею, и потому не могут они любить Бога так, как любят Его монахи.

Монах хотя и помышляет земное, сколько это нужно для жизни тела, но дух его горит любовью к Богу; хотя он и работает руками, но умом он пребывает в Боге. Как Святые Апостолы говорили слово к народу, но душа их вся была в Боге, ибо Дух Божий жил в них и управлял их умом и сердцем, так и монах, хотя и сидит телом в малой и бедной келлии, но духом созерцает величие Божие.

Он во всем хранит совесть свою чистою: как бы брата чем не оскорбить; как бы Духа Святого в себе не опечалить каким-нибудь плохим помыслом.

Он смиряет душу свою, и смирением отгоняет врагов от себя и от тех людей, которые просят его молитв.

* * *

Есть монахи, которые знают Бога, знают и Божию Матерь, и Святых Ангелов, и рай; но они знают также и бесов и адские муки; и знают они это по опыту.

В Духе Святом душа познает Бога. Дух Святой дает, насколько это возможно, еще здесь познать полноту райской

радости, которую человек без благодати Божией не может вынести, но помрет.

От многого опыта монах ведет брань с гордыми врагами, и Дух Святой научает и вразумляет его и дает ему силу побеждать их. Мудрый монах смирением отражает всякое высокоумие и гордость. Он говорит:

«Я недостойн Бога и рая. Я достоин мук адских и буду вечно гореть в огне. Я, воистину, хуже всех и недостойн помилования».

Дух Святой научает так о себе думать; и Господь радуется о нас, когда мы смиряем себя и осуждаем, и дает душе Свою благодать.

Кто смирил себя, тот победил врагов. Кто в сердце своем почитает себя достойным вечного огня, к тому «не может приступить ни один враг» и нет тогда в душе никаких мирских помыслов, но весь ум и все сердце в Боге пребывает. А кто познал Духа Святого и от Него научился смирению, тот стал подобен своему Учителю Иисусу Христу, Сыну Божию, и похож на Него.

* * *

Все мы, последователи Христа, – народ богоизбранный, в особенности монахи, ведем борьбу с врагом. Мы на войне, и сражение наше идет каждый день, и каждый час. И кто любит отсекать свою волю, того не одолеет враг; а чтобы победить врага, надо научиться Христову смирению; и чья душа стяжала это смирение, тот победил врага.

Но не будем отчаиваться, ибо Господь безмерно милостив и любит нас.

* * *

Бог благодатью Святого Духа дает душе познать, какая молитва есть новоначальная, какая – средняя, и какая – совершенная. Но и совершенную молитву Господь слушает не потому, что душа совершенна, а потому, что Он милостив и хочет, как чадолюбивая мать, утешить душу, чтобы она еще больше горела и не знала покоя ни день, ни ночь.

Чистая молитва требует душевного мира, а мир в душе не бывает без послушания и воздержания.

Послушание Святые Отцы ставили выше поста и молитвы потому, что без послушания человек может о себе думать, что он подвижник и молитвенник, а кто во всем отсек свою волю пред старцем и духовником, у того ум чистый.

Непослушливый монах никогда не познает, что есть чистая молитва. Горделивый и любящий творить свою волю, хотя бы сто лет прожил в монастыре, ничего духовного знать не будет, потому что преслушанием оскорбляет старцев, и в лице их – Бога.

Горе тому монаху, который не слушает старцев. Лучше бы он оставался в миру. Но и в миру люди слушаются своих родителей и почитают старших, подчиняются начальникам и покоряются властям.

Горе нам. Господь, Царь неба и земли и всего мира, смирил Себя и повиновался Своей Матери и Святому Иосифу, а мы не хотим слушаться старца, которого любит Господь и которому вручил нас. И если старец плохого характера, то хотя это и великое горе для послушника, но послушник должен за него молиться Богу во смирении духа, и тогда Господь помилует послушника и старца.

Некоторые монахи бывают немирны, и выставляют причины: или послушание ⁴² нехорошее, или келлия плохая, или старец ⁴³ с тяжелым характером. Но не понимают они, что не келлия виновата, и не послушание, и не старец, а душа больная. Горделивой душе ничто не нравится, а смиренному все будет хорошо.

Если начальник плохой, то молись за него, и в душе у тебя будет мир. Если келлия плохая, или послушание не нравится, или болезнь тяготит, то помышляй сам в себе: «Господь меня видит и знает мое положение; стало быть так Богу угодно», и будешь мирен.

Душа если не предастся воле Божией, нигде не будет мирна, хотя бы несла великий пост и молитву творила. Кто обвиняет людей за то, что они его укорили, тот не знает, что душа у него больная, а не укоризна виновата. Кто любит исполнять свою волю, тот совсем не мудр, а кто послушлив, тот скоро преуспеет, потому что любит его Господь.

В ком есть хоть малая благодать Святого Духа, тот любит всякую власть, поставленную Богом, и с радостью повинуется ей во славу Божию. В Церкви нашей это познано Духом Святым, и Отцы об этом написали.

* * *

Невозможно сохранить мир душевный, если не будем следить за умом, т.е. если не будем отгонять мысли, неугодные Богу, и наоборот, держаться мыслей, угодных Богу. Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет. Если нет, то рассмотри, в чем ты согрешил. Для мира душевного нужно быть воздержным, потому что и от нашего тела теряется мир. Не должно быть любопытным; не нужно читать ни газет, ни мирских книг, которые опустошают душу и приносят уныние и смущение. Не осуждай других, потому что часто случается, что не зная человека, говорят о нем плохо, а он по уму подобен ангелам. Не старайся знать чужих дел, кроме своего; заботься только о том, что тебе поручено старцами, и тогда за послушание Господь будет помогать тебе Своею благодатью, и ты увидишь в душе своей плоды послушания: мир и постоянную молитву. Благодать Божия в общежитии больше всего теряется за то, что мы не научились любить брата по заповеди Господней. Если брат твой нанесет тебе оскорбление, и ты в эту минуту примешь на него гневный помысл, или осудишь его, или возненавидишь, то почувствуешь, что благодать ушла и мир пропал. Для мира душевного – нужно душу свою приучить, чтобы она любила оскорбившего и сразу молилась за него. Не может душа иметь мира, если не будет всеми силами просить у Господа дара – любить всех людей. Господь сказал: «Любите врагов ваших» (Мф.5:44), и мы, если не будем любить врагов, то и мира в душе не будет.

Необходимо надо стяжевать послушание, смирение и любовь, а то все наши большие подвиги и бдения пропадут даром. Один старец видел такое видение: человек некий наливал воду в корыто, которое было с дырявым дном; много трудился человек, но вода все вытекала, и корыто оставалось пустым. Так и мы, живем в подвиге, но какую-нибудь добродетель упустим, и из-за нее душа остается пустою.

* * *

О, братья, подвижники Христовы, не обленимся в подвиге и в молитве, но всю жизнь будем ревнителями. Я знал многих монахов, которые пришли с горячею душою, но потом потеряли первую ревность, но знаю и таких, которые до конца сохранили ее.

Чтобы сохранить ревность, нужно непрестанно помнить Господа и думать: пришел мой конец, и теперь я должен явиться на Суд Божий. И если душа постоянно так будет готова к смерти, то уже не будет бояться смерти, но придет в смиренную молитву покаяния, и от покаянного духа очистится ум твой и уже не прельстится миром, и будешь всех любить и слезы проливать за людей.

Но когда получишь сие, то знай, что это дар милости Божией, а человек сам по себе ничто, грешная земля.

* * *

Видел я людей, которые пришли в монастырь хорошими, но потом испортились; видел и таких, которые пришли плохими, а потом стали смиренными и кроткими, так что радуется душа смотреть на них. Знаю одного монаха, который, когда был молодым, то села обходил кругом, чтобы не видать соблазна, а недавно два часа усердно смотрел на мир, и сам мне сказал, что полюбил мир. Так может измениться душа монаха и обратиться к миру. А ведь он семнадцатилетним юношей пришел в Монастырь и прожил в Обители 35 лет. Из этого видно, как надо бояться, чтобы не потух в нас тот огонь, который нас понудил бросить мир и возлюбить Господа.

* * *

Многие монахи знают благодать Святого Духа. Дух Святой сладок и столь любезен душе, что при виде красивой девицы, человек остается неподвижен на похоть; но кто имеет благодать только в душе, тот еще боится греха, потому что чувствует, что в нем живет еще грех, и страсти еще влекут его.

Мы, монахи, ведем духовную войну. Один военный человек, идя в Салоники, зашел ко мне в магазин.

Душа моя возлюбила его, и я сказал ему: «Молись, чтобы меньше было скорбей». А он мне ответил: «Молиться я

научился на войне. Я много раз был в больших сражениях; картечи разрывались около меня, а я остался жив... Я вот так молился Богу: «Господи, помилуй». И смотрел я на него, когда он показал, как он молился, и видно было, что весь он уходил в молитву; и Господь сохранил его.

Так он молился в нужде на войне, где убивают только тело, а у нас монахов иная война, внутри нас, и может погибнуть душа; поэтому нам надо молиться еще больше и усерднее, чтобы душа была с Господом. Мы должны не только прибегать к Нему, но и постоянно быть в Нем; как Ангелы всегда служат Богу умом, так и монах всегда умом должен пребывать в Боге, и поучаться в законе Его день и ночь.

* * *

Закон Божий подобен большому прекрасному саду, в котором живет и Сам Господь и все Святые Его: Пророки, Апостолы, Святители, Мученики, Преподобные смиренные постники; и все они дивно собраны милосердием Божиим; и душа радуется этому святому, великому и чудному Собранию.

Многие хотят знать и видеть царя, который смертный человек; но знать Господа, Царя вечной славы, дороже всего.

О, братья, читайте больше Евангелие, Послания Апостолов и Творения Святых Отцов; чрез это поучение душа познает Бога, и ум до того бывает занят Господом, что мир забывается совершенно, как будто ты в нем и не родился.

* * *

Господь дал нам Евангелие, и хочет, чтобы мы ему следовали, но кроме того Господь нас учит Своею благодатью; однако, не все могут это понимать, а только редкие, те, которые смиренно совлеклись своей воли; мы же должны спрашивать святых духовников, и они приведут нас ко Христу, потому что им дана благодать вязать и решить. Приди к духовнику с верою, и получишь рай.

* * *

Хорошо монаху быть послушливым и чисто исповедоваться, чтобы духовник знал, какие мысли любит его душа. Такой монах всегда будет мирен в Боге, и в душе его будут рождаться

божественные мысли, и ум его будет просвещаться этими мыслями, сердце же его будет покойно в Боге.

Живет такой монах на земле среди соблазнов и всяких искушений, но ничего не боится, ибо душа его утвердилась в Боге и возлюбила Его, и все желание его – как бы смирить свою душу, потому что смиренную душу любит Господь, и душа знает, что хочет от нее Господь, потому что Господь ее Учитель.

* * *

И в наше время есть еще много подвижников, которые угодны Богу, хотя они и не творят видимых чудес.

Но вот чудо Божие, которое можно видеть в нашей душе: если душа твоя смирится, как должно, то Милостивый Господь дает ей великую радость и умиление; а если душа понемногу склоняется на гордость, то впадает в уныние и омрачение. Но знают об этом только те, которые подвизаются.

* * *

Если ты пришел в Обитель, любя Господа хотя бы в малой мере, и помышляешь, что Господь привел тебя сюда, и Он управляет твоими старцами, то благодать Божия вселится в тебя, и Господь даст тебе мир и рассуждение добра и зла, и душа твоя будет гнаться за добром каждый день и час, потому что она усладила закон Божий.

Если ты поступил в Общежитие, то мужайся и да не смущается душа твоя.

Если ты служишь на гостинице, то уподобляйся Аврааму, который удостоился принять трех чудных Странников. Смиренно и с радостью служи отцам, и братии, и странникам, и получишь Авраамлю награду.

Если ты на работах среди братии терпишь соблазны, то уподобляйся юродивым ради Бога: они молились за творящих соблазны, и за эту любовь Господь давал им благодать Святого Духа, и им легко было жить с людьми и нести всякие скорби. Кто на послушании, тот хотя и рассеется иногда, но Господь милостив к нему; преслушник же сам отгоняет от себя благодать Божию.

Если же ты безмолвствуешь в келлии, то подражай безмолвию Великого Арсения, чтобы кораблем души твоей

управлял Дух Святой.

Если тебе трудно, то вспоминай милостивые слова Господа: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою Вы» (Мф.11:28).

Сей покой в Духе Святом получает душа за покаяние.

Господь любит душу, которая всем сердцем ищет Его, ибо Он сказал: «Любящие Мя – люблю, и ищущие Мя, обрящут благодать» (Притч.8:17). И эта благодать влечет душу слезно искать Бога.

О монастырском экономе

МНОГИЕ МОНАХИ говорят, что эконому некогда молиться, и что не может он сохранять душевный мир, потому что целый день приходится ему быть с народом. Но я скажу, что если он будет любить людей и помышлять о своих рабочих: «Любит Господь создание Свое», то Господь даст ему непрестанную молитву, ибо Господу все возможно.

Эконом должен любить и жалеть своих рабочих и молиться о них:

«Господи, обвесели скорбные души этих бедных людей; пошли на них Духа Твоего, Святого Утешителя»; тогда душа его будет жить, как в тихой пустыне, и Господь даст ему в молитве умиление и слезы, и благодать Святого Духа будет в нем жить ощутимо, и душа его будет ясно слышать помощь Божию.

* * *

Был у нас такой случай. Монастырский эконом посылал одного рабочего по делу, но тот, по неопытности, не хотел идти. Эконом говорит ему: «Иди». Тогда рабочий рассердился и при всем там бывшем народе, а было человек сорок, назвал эконома собакою. Но эконом пожалел рабочего, и дал ему чаю и сахару, и сказал: «Ты всегда зови меня собакою».

И вдруг рабочему стало так стыдно, что лицо его горело от стыда, и после был он послушнее всех.

Так хорошо жить по любви; тогда Господь помогает Своею благодатью и дает горячую молитву за людей. Но если эконом будет раздражительный, то он и свою душу испортит, и других людей возмутит гневом своим.

Опыт многих лет показал, что эконо́м должен любить людей, как мать любит своих детей, а если кто непослушлив, то должен за того усердно молиться Богу: «Господи, вразуми раба Своего: Ты любишь его», и тогда молитва твоя принесет ему пользу, и сам ты познаешь, как хорошо молиться за рабочих.

Хорошего эконо́ма все будут любить, потому что все люди любят, когда с ними ласково обращаются. Опыт показал, что не надо мыслить плохо о человеке, потому что за это уходит благодать Святого Духа от души. А если будем любить людей, то Господь даст молитву, так что и среди народа душа может непрестанно вопиять к Богу.

XV. О послушании

РЕДКО КТО знает тайну послушания.

Послушливый велик пред Богом. Он подражатель Христу, Который дал нам в Себе образ послушания. Послушливую душу любит Господь и дает ей Свой мир, и тогда все хорошо, и ко всем она чувствует любовь.

Послушливый все упование свое возложил на Бога, и потому душа его всегда в Боге, и Господь дает ему Свою благодать, и эта благодать учит душу всякому добру, и дает силы пребывать в добре. Он видит зло, но оно не прикасается к его душе, ибо с ним благодать Святого Духа, которая хранит его от всякого греха, и он в мире и легко молится Богу.

Душу послушливого любит Дух Святой, и потому он скоро познает Господа и получит дар сердечной молитвы.

Послушливый предался воле Божией, и за это даруется ему свобода и покой в Боге, и он молится чистым умом, а гордые и непослушливые не могут чисто молиться, хотя бы и много подвизались. Они не знают ни того, как действует благодать, ни того, простил ли им Господь грехи. А послушливый ясно знает, что Господь простил ему грехи, потому что слышит он в душе своей Духа Святого.

* * *

Послушание нужно не только монахам, но и всякому человеку. Даже Господь был послушлив.

Гордые и самочинные не дают в себе жить благодати, и потому никогда не имеют мира душевного, а в душу послушливого легко входит благодать Святого Духа и дает ему радость и покой.

Все ищут покоя и радости, но мало кто знает, где найти эту радость и покой, и что требуется, чтобы достигнуть его. Вот уже тридцать пять лет, как я вижу одного монаха, который всегда весел душою и приятен лицом, хотя он и старый. И это потому, что он любит послушание, и душа его предалась на волю Божию, и он ни о чем не имеет заботы, но душа его возлюбила Господа и созерцает Его.

Кто носит в себе хотя бы малую благодать, тот с радостью подчиняется всякому начальству. Он знает, что Бог управляет и небом, и землею, и преисподнею, и им самим, и его делами, и всем, что есть в мире, и потому всегда бывает покоен.

Послушливый предался воле Божией и не боится смерти, потому что душа его привыкла жить с Богом и возлюбила Его. Он отсекает свою волю, и потому ни в душе, ни в теле не имеет такой брани, которая мучит непокорного и своевольного.

Истинный послушник ненавидит свою волю и любит своего духовного отца, и за это получает свободу молиться Богу чистым умом, и душа его свободно, без помыслов, созерцает Бога и в Нем покойна. Он скоро приходит в любовь Божию ради смирения своего и за молитвы своего духовного отца.

* * *

Наша жизнь простая, но мудрая. Божия Матерь сказала Преподобному Серафиму: «Дай им (монахиням) послушание, и кто соблюдает послушание и мудрость, те будут с тобою и близ Меня».

Видите, как просто спасение. Но мудрости надо учиться долгим опытом. Дается она от Бога за послушание. Послушливую душу любит Господь, а если любит, то чего бы ни попросила душа у Бога, даст ей. Как раньше, так и теперь Господь слушает молитвы наши и исполняет прошения.

* * *

Почему Святые Отцы послушание ставили выше поста и молитвы?

Потому, что от подвигов без послушания рождается тщеславие, а послушник все делает, как ему сказано, и не имеет повода гордиться. Кроме того послушливый отсекает свою волю во всем и слушает своего духовного отца, и потому ум его свободен от всякой заботы и чисто молится. У послушливого на уме один Бог и слово старца, а у преслушника ум занят разными делами и осуждением старца, и потому не может он созерцать Бога.

Видел я одного послушника, который нес тяжелое послушание. Он имел сердечную молитву, и Господь давал ему

слезы плакать за весь мир; и Игумен Андрей сказал ему: «Тебе это дано за послушание».

Послушанием хранится человек от гордости; за послушание дается молитва; за послушание дается и благодать Святого Духа. Вот почему послушание выше поста и молитвы.

Если бы ангелы (падшие) сохранили послушание, то пребыли бы на небесах и пели бы славу Господню. И если бы Адам сохранил послушание, то и он, и род его пребыли бы в раю.

Но и ныне возможно вернуть себе рай покаянием.

Господь много нас любит, несмотря на наши грехи, лишь бы мы смирялись и любили врагов.

А кто не любит врагов, тот не может иметь мира, хотя бы его и в рай посадить.

XVI. О духовной войне

ВСЕ, КТО последовал Господу нашему Иисусу Христу, ведут духовную войну.

Этой войне Святые научились долгим опытом от благодати Святого Духа. Дух Святой наставлял их и вразумлял, и давал силу побеждать врагов, а без Духа Святого душа не может даже и начать этой войны, потому что она не знает и не понимает – кто и где ее враги.

Блаженны мы, православные христиане, потому что живем под милостью Божиею. Нам легко воевать: нас Господь пожалел и дал нам Духа Святого, Который живет в нашей Церкви. Нам только та скорбь, что люди не все знают Бога и как много Он нас любит. Эта любовь слышна в душе молящегося, и Дух Божий свидетельствует душе спасение...

* * *

Сражение наше идет на каждый день и час.

Если брата укорил, или осудил, или опечалил, то свой мир потерял. Если потщеславился или превознесся над братом, то потерял благодать. Если блудный помысл пришел, и ты не сразу отогнал его, то душа твоя потеряет любовь Божию и дерзновение в молитве.

Если любишь власть или деньги, то никогда не познаешь любви Божией. Если волю свою исполнил, то ты побежден врагом, и уныние придет в душу твою. Если брата своего возненавидел, то, значит, отпал ты от Бога, и злой дух овладел тобою.

Если же брату сделаешь добро, то обретишь покой совести. Если волю свою отсечешь, то прогонишь врагов и получишь мир в душе своей.

Если прощаешь брату обиды, и любишь врагов, то получишь прощение грехов своих и Господь даст тебе познать любовь Святого Духа.

А когда совсем смиришься, тогда обретишь совершенный покой в Боге.

* * *

Когда душа смиренна, и Дух Божий в ней, то человек блаженствует духом в любви Божией. Душа, когда чувствует милость Господню, уже ничего не боится, никакой беды на земле, но желает всегда быть пред Богом смиренною и любить брата. Но если душа потщеславится, то кончается ее праздник, ибо благодать оставляет душу, и уже не может она чисто молиться, но приходят плохие мысли и терзают душу.

* * *

За что же человек страдает на земле, несет скорби и терпит беды?

За то страдаем мы, что не имеем смирения. В смиренной душе живет Дух Святой, и Он дает душе свободу, мир, любовь, блаженство.

За то страдаем мы, что не любим брата. Господь говорит: «Любите друг друга и будете Мои ученики». За любовь к брату приходит любовь Божия. Сладка любовь Божия; она есть дар Духа Святого и в полноте познается только Духом Святым. Но есть средняя любовь, которую имеет человек, когда старается соблюдать заповеди Христовы и боится, как бы чем не оскорбить Бога; и это хорошо. Надо каждый день понуждать себя на добро и всеми силами учиться смирению Христову.

* * *

Господь сказал Своим ученикам: «Мир Мой даю вам» (Ин.14:27).

Этот мир Христов надо просить у Бога, и Господь даст просящему; и когда получим его, то надо свято блюсти его и умножать; но кто не предался воле Божией в скорбях, тот не может познать Божия милосердия.

Если постигнет тебя беда, не унывай, но помни, что милостиво Господь смотрит на тебя, и не допускай мысли: «станет ли Господь смотреть на меня, когда я Его оскорбляю», потому что Господь по естеству есть Милость, но с верою обратись к Богу и, как евангельский блудный сын, скажи: "Недостойн я назваться сыном Твоим» (Лк.15:19), и увидишь, как будешь ты мил Отцу, и будет тогда неопишуемая радость на душе.

* * *

Люди не учатся смирению, и за гордость свою не могут принять благодать Святого Духа, и потому страдает весь мир. А если бы люди познали Господа, какой Он милостивый, смиренный и кроткий, то «за один час» изменилось бы лицо всего мира, и у всех была бы великая радость и любовь.

Господь Милостивый дал нам покаяние, и покаянием все исправляется. Покаянием мы получаем прощение грехов; за покаяние приходит благодать Святого Духа, и так познаем Бога.

Если кто потерял мир и страдает, то пусть покается, и Господь даст ему Свой мир.

Если какой народ или государство страдает, то надо всем покаяться, и тогда все исправится от Бога.

* * *

Вся наша брань за то, чтобы смирить себя. Враги наши пали гордостью, и нас они туда же влекут. Но мы братья, смирим себя, и тогда увидим славу Господню еще здесь на земле (Мф. 16, 28; Мк. 9, 1), ибо Господь смиренным дает познать Себя Духом Святым.

Душа, вкусившая сладость любви Божией, вся перерождается и делается совсем другою, и любит Господа своего, и всею силою влечется к Нему день и ночь, и до известного времени остается покойна в Боге, а потом начинает скорбеть за народ.

Милостивый Господь иногда дает душе покой в Боге, а иногда сердечную болезнь за всю вселенную, дабы все люди покались и вошли в рай. Познавшая сладость Духа Святого, душа всем желает того же, ибо сладость Господня не дает душе быть самолюбивою, но дает ей любовь, которая истекает из сердца.

Возлюби же Господа, Который прежде возлюбил нас и пострадал за нас.

* * *

Не скрою от вас, за что Господь дает Свою благодать. Не буду я много писать, но прошу вас – любите друг друга, и увидите тогда милость Господню. Возлюбим брата, и возлюбит нас Господь. Не думай душа, что любит тебя Господь, если ты на кого-нибудь косо смотришь. О, нет. Скорее бесы тебя любят,

ибо ты стал слугою их; но не медли, покайся, и проси у Господа силу любить брата, и увидишь тогда мир в душе.

Всеми силами просите у Господа смирения и братской любви, ибо за любовь к брату туне дает Господь благодать Свою. Испытай над собою: Один день проси у Бога любви к брату, а другой – живи без любви, и тогда увидишь разницу. Духовные плоды любви ясны: мир и радость в душе, и все будут тебе родные и милые, и будешь проливать обильные слезы за ближнего и за всякое дыхание и тварь.

Часто за одно приветствие душа чувствует в себе благую перемену; и, напротив, за один косой взгляд теряется благодать и любовь Божия. Тогда скорее кайся, чтобы возвратился мир Божий в душу твою.

Блаженна душа, которая возлюбила Господа и от Него научилась смирению. Любит Господь смиренную душу, которая крепко надеется на Бога. Каждую секунду чувствует она милость Его, так что хотя и с людьми говорит, но занята любимым Господом, и от долгого времени борьбы с врагами возлюбила душа смирение паче всего и не дает врагам отнять у себя братскую любовь.

Если всеми силами будем любить брата и смирять душу свою, то победа будет наша, ибо Господь больше всего дает благодать Свою за любовь к брату.

* * *

Я испытал лишь Духа Святого в совершенстве, но стяжать Его не могу.

Жалко мне, что я в молодые годы жил плохо и не подражал своему Святому, угоднику Божию Симеону Столпнику (Дивногорцу). Дивное житие его. Ему было 7 лет, когда явился ему Господь, и он сразу узнал Господа, и спросил Его: «Господи, как Тебя распяли?» Господь распростер руки и сказал: «Так Меня распяли; но Я Сам того восхотел. Ты же сраспинайся Мне на всякий день».

Так нам надо понуждать себя на добро всю жизнь, а главное прощать другим согрешения их, и тогда Господь не помянет и наших грехов, и даст нам благодать Святого Духа.

Когда я был мирским, то любил от души прощать, и легко прощал, и молился с охотой за тех, кто обижал меня, а когда пришел в Монастырь, то послушником получил большую благодать, и она научила меня любить врагов.

* * *

Святой Апостол Иоанн Богослов говорит, что заповеди Божии не тяжки, а легки (1Ин.5:3). Но легки они только от любви, а если нет любви, то «все трудно». Поэтому храни любовь, не теряй ее, потому что хотя и возможно ее вернуть, но это дается многими слезами и молитвами, а без любви трудно жить на свете. А кто пребывает в злобе, то это смерть души, от чего да сохранит нас Господь.

* * *

Когда душа, которую взыскал Господь и дал ей Свою благодать, по какой-нибудь причине теряет ее, то сильно скорбит по ней, и снова желает обрести ее. О, как умоляет она Владыку, день и ночь, чтобы помиловал ее и снова излил на нее Свою милость. И кто может описать воздыхания ее, или слезы, или коленопреклонения. И много, много лет трудится душа, ища той благодати, которую вкусила и которую усладила. И, бывает, долгое время испытывает Господь душу, верна ли она Ему; а душа, не видя в себе той сладости, которую познала, снова жаждет ее, и смиренно ждет, и постоянно влечется к Господу жаром любви.

При благодати легко любить Бога и молиться день и ночь; но мудрая душа терпит и сухость, и крепко уповает на Господа, и знает, что Он не посрамит надежды и даст в свое время. Благодать Божия приходит иногда скоро, а иногда долго не дается, но мудрая душа смиряется и любит ближнего, и кротко несет крест свой, и тем побеждает врагов, которые стараются оторвать ее от Бога.

Когда грехи, как облака, скроют от души свет милосердия Божия, тогда душа, хотя и жаждет Господа, но пребывает немощна и бессильна, как птица, заключенная в клетку, хотя и порывается в зеленую рощу, но не может лететь, чтобы на свободе петь хвалебную песнь Богу.

* * *

Долго я мучился, не зная пути Господня, но теперь многими годами и многими скорбями, и Духом Святым познал волю Божию. Все, что заповедал Господь (Мф.28:20), надо в точности исполнять, ибо это есть путь в Царство Небесное, где будем видеть Бога.

Но не думай, что ты видишь Бога, а смиряй себя и помышляй, что по смерти будешь ввержен в темницу и там будешь томиться и скучать по Господе. Когда мы плачем и смиряем душу, то благодать Божия хранит нас, а если оставим плач и смирение, то можем увлечься помыслами или видениями. Смиренная душа не имеет видений и не желает их, но чистым умом молится Богу, а тщеславный ум не бывает чистым от помыслов и воображения, и даже может дойти до того, что будет видеть бесов и говорить с ними. Пишу об этом потому, что сам я был в этой беде.

* * *

Дважды я был в прелести. Первый раз, в самом начале, по неопытности, когда я был молодым послушником, и тогда Господь скоро помиловал меня. Второй раз уже от гордости, и тогда долго я помучился, прежде чем Господь исцелил меня за молитвы духовника. Случилось это после того, как я принял некое видение.

Четырем духовным мужам я открыл об этом видении, и ни один из них не сказал мне, что оно от врага, однако, прелесть тщеславия боролась со мной. Но потом я и сам понял свою ошибку, потому что снова стали мне являться бесы не только ночью, но и днем. Душа их видит, но не боится, потому что я чувствовал с собою и милость Божию. И так много лет страдал я от них; и если бы Господь не дал мне познать Себя Духом Святым, и если бы не помощь Пресвятой и благой Владычицы, то отчаялся бы я в своем спасении, но теперь крепко надеется душа моя на милосердие Божие, хотя по делам моим я достоин мучений и на земле и во аде.

Долго я не мог разобраться, что со мною. Думаю: людей я не осуждаю; плохих помыслов не принимаю; послушание делаю исправно; в пище воздерживаюсь; молюсь непрестанно; почему же бесы повадились ко мне? Вижу, что я в ошибке, но не могу

догадаться, почему? Молюсь, они отойдут на время, а потом снова приходят. И долго душа моя была в этой борьбе. Говорил об этом нескольким старцам; они молчали; и был я в недоумении.

И вот однажды сижу я в келлии ночью, и бесы нашли ко мне полная келлия. Молюсь усердно, – Господь отгонит их, но они снова приходят. Тогда встал я, чтобы сделать поклоны иконам, а бесы вокруг меня, и один впереди, так что я не могу сделать поклона иконам, а получилось бы, что я ему кланяюсь. Тогда я снова сел и говорю:

«Господи, Ты видишь, что я хочу Тебе молиться чистым умом, но бесы мне не дают. Скажи, что должен я делать, чтобы отошли они от меня?»

И был мне ответ от Господа в душе: «Горделивые всегда так страдают от бесов».

Я говорю: «Господи, Ты Милостивый, знает Тебя душа моя; скажи мне, что должен я делать, чтобы смирилась душа моя?»

И отвечает мне Господь в душе:

«Держи ум твой во аде, и не отчаивайся».

* * *

О, милосердие Божие. Я мерзость пред Богом и людьми, а Господь так любит меня, и вразумляет меня, и исцеляет меня, и Сам учит душу мою смирению и любви, терпению и послушанию, и все милости Свои излил на меня.

С тех пор я держу ум свой во аде, и горю в мрачном огне, и скучаю о Господе, и слезно ищу Его и говорю:

«Скоро я умру и вселюсь в мрачную темницу ада, и один я буду гореть там, и тосковать о Господе, и плакать: «Где мой Господь, Которого знает душа моя».

И великую пользу получил я от этой мысли: ум мой очистился и душа обрела покой.

* * *

Чудное дело: Господь мне велел держать ум свой во аде, и не отчаиваться. Так близок Он к нам: «Се Аз с вами до скончания века», и еще «Призови Мя в день скорби твоей, и изму тя, и прославиши Мя» (Мф.28:20; Пс.49:15).

Когда Господь коснется души, то она вся становится новою, но это понятно лишь тем, кто познал на опыте, ибо без Духа Святого нельзя познать небесное, и Дух сей дан на землю от Господа.

Кто опишет радость знать Господа и ненасытно стремиться к Нему день и ночь? О, как блаженны и счастливы мы христиане. Нет ничего дороже, как знать Бога; и нет ничего худшего, как не знать Его. Но и тот блажен, кто хотя и не знает, но верует.

* * *

Я стал делать, как научил меня Господь, и усладились душа моя покоем в Боге, и теперь день и ночь прошу я у Бога Христова смирения. О, это Христово смирение. Я знаю его, хотя стяжать не могу. Я знаю его от благодати Божией, но описать не умею. Я ищу его, как драгоценный, светлый бисер.

Оно приятно для души и слаще всего мира. Я опытом познал его. И вы не удивляйтесь этому.

Дух Святой на земле живет в нас, и Он нас просвещает. Он дает нам познать Бога. Он дает нам любить Господа. Он дает нам мыслить о Боге. Он дает нам дар слова. Он дает нам славословить Господа. Он дает нам радость и веселие.

Дух Святой дает нам силы вести брань с врагами и побеждать их.

* * *

Молю я всех людей: прибегнем к покаянию, и тогда узрим милость Господню. А тех, кто видят видения и верят им, молю понять, что от этого у них является гордость и с нею сладость тщеславия, в котором нет смиренного духа покаяния, и в этом беда, ибо без смирения нельзя победить врагов.

Я сам дважды ошибался. Один раз враг мне показал свет, и помысл говорил мне: прими, это благодать. Другой раз я принял одно видение, и много пострадал за это. Однажды в конце бдения, когда запели «всякое дыхание да хвалит Господа», я услышал, как Царь Давид в небе поет славословие Богу. Я стоял на хорах, и мне казалось, что нет ни крыши, ни купола, и что я вижу отверстое небо. Я говорил об этом четырем духовным мужам, но никто мне не сказал, что враг посмеялся

надо мною, а я сам думал, что бесы не могут славословить Бога, и что, значит, это видение не от врага. Но прелесть тщеславия боролась со мною, и я снова стал видеть бесов. Тогда я познал, что обманулся, и все открывал духовнику, и просил его молитв; и за молитвы его я теперь спасен, и всегда молю Господа даровать мне духа смирения. И если бы спросили меня, что ты хочешь от Бога, каких даров, то я сказал бы: духа смирения, которому радуется Господь больше всего. За смирение Свое Дева Мария стала Божиею Матерью и прославлена на небе и на земле более всех. Она вся предавалась на волю Божию: «Се раба Господня», – сказала Она; и мы все должны подражать Святой Деве.

* * *

За смирение душа получает покой в Боге, но чтобы удержать этот покой, душа долго учится.

Теряем мы сей покой, потому что не утвердились в смирении. И меня много обманывали враги. Я думал: душа моя знает Господа, знает, как Он благ и как много нас любит, как же мне приходят плохие помыслы? И долго я не мог разобраться, покамест не вразумил меня Господь, и тогда я познал, что от гордости являются плохие мысли.

Один неискusный монах страдал от бесов, и когда они нападали на него, то он убегал от них, и те гонялись за ним.

Если случится с тобою подобное, то не убойся и не беги, но стань мужественно, смири себя и скажи: «Господь, помилуй меня, великого грешника», – и бесы исчезнут; а если будешь трусливо бежать, то они загонят тебя в пропасть. Помни, что в тот час, когда на тебя нападают бесы, смотрит на тебя и Господь: как ты уповаешь на Него?

Если ясно увидишь Сатану, и он будет опалать тебя своим огнем, и захочет пленить твой ум, то опять не убойся, но крепко надейся на Господа и говори: «я хуже всех», и отойдет от тебя враг.

Если почувствуешь, что злой дух действует внутри тебя, и тогда не робей, но исповедуйся чисто и усердно проси у Господа смиренного духа, и Господь непременно даст, и тогда, по мере смирения своего, ты будешь ощущать в себе благодать,

а когда совсем смирится душа твоя, тогда обрящешь совершенный покой.

И такую войну ведет человек всю жизнь.

Душа, которая познала Господа Духом Святым, если после того и падет в прелесть, то не пугается, но помня любовь Божию и зная, что брань с врагами попускается за тщеславие и гордость, смиряется и просит у Господа исцеления, и Господь исцеляет душу, иногда скоро, а иногда медленно, понемногу. Послушливый, который верит духовнику и не верит себе, скоро исцелится от всякого вреда, нанесенного ему врагами, а непослушный – не исправится.

* * *

Война у души с врагом до гроба. И если на обычной войне убивают только тело, то наша война труднее и опаснее, потому что может погибнуть и душа.

За гордость мою Господь попустил врагу дважды сотворить брань с моею душою так, что душа моя стояла во аде, и могу сказать, что если душа мужественна, то устоит, а если нет, то может навеки погибнуть.

Всем, кто подобно мне будет в такой беде, пишу: стойте мужественно и крепко надейтесь на Бога, и враги не устоят, ибо Господь победил их. Благодатью Божиею я познал, что Господь милостиво печется о нас, и ни одна молитва, ни одна хорошая мысль не пропадет пред Богом.

Господь часто как бы не слушает нас; но это только потому, что мы горделивы и нам не полезно. Гордость трудно распознать в себе, но гордого Господь оставляет помучиться своим бессилием, покамест не смирится. А когда смирится душа, тогда враги побеждены, и душа обретает великий покой в Боге.

* * *

Дважды я был в Духе Святом, и дважды я был в великой беде и перенес тяжелое искушение. А один раз попущено было мне испытать за гордость: Благодать Святого Духа ушла от меня, и я почувствовал себя скотиною в человеческом теле. Умом я не забыл Бога, но душа стала пустая, как у скотины. Я начал каяться, и благодать вернулась. Длилось это три дня.

Испытал я также во время молитвы, что не знал, был ли я в теле, или вне тела, но душа моя созерцала Бога.

И вот теперь я опытом знаю, что значит быть в Духе Святом, и что значит быть без Него.

О, братья, если бы вы могли разуметь томление души, которая носила Духа Святого, а потом потеряла Его. Томление это нестерпимо.

Душа тогда в неопикуемой скорби и печали. О, это Адамово мучение по изгнании из рая.

* * *

Кто может разуметь рай? Кто носит в себе Духа Святого, тот может отчасти разуметь это, потому что рай есть Царство Духа Святого, а Дух Святой и на небе и на земле тот же.

Я думал: я мерзкий и стою всяких наказаний; а Господь вместо наказания дал мне Духа Святого.

О, сладкий Дух Святой паче всего земного. Это пища небесная; это радость души.

Если хочешь ощутимо иметь благодать Святого Духа, то смирай себя, как Святые Отцы. Пимен Великий сказал своим ученикам: «поверьте, чада, где сатана, там и я буду». Сапожник в Александрии помышлял: «все спасутся, один я погибну», и Господь открыл Великому Антонию, что он в меру этого сапожника не пришел. Они вели крепкую брань с врагами, и привыкли о себе смиренно думать, и за то возлюбил их Господь.

И мне дал Господь уразуметь силу этих слов. И я, когда держу ум свой во аде, то покойна душа моя, а когда забуду об этом, то приходят мысли, неугодные Богу.

* * *

Я думал: я – земля, и грешная земля. Но Господь явил мне милость Свою без меры и много дал мне Своей благодати, и радуется дух мой, что хотя я и мерзкий, но Господь все-таки любит меня, и потому душа моя ненасытно влечется к Нему, и когда найду Его, то скажу душе моей: смотри же, не теряй, «да не горше ти что будет» (Ин. 5, 14), ибо велико мучение, когда душа теряет благодать Святого Духа.

Верьте мне, пред лицом Господа пишу, Которого знает душа моя. Чтобы сохранить благодать, надо всегда смиряться. Вот и Господь тех, кто работает Ему, милостиво смиряет.

Антоний Великий помышлял, что он в пустыне старше всех и совершеннее всех, но Господь направил его к Павлу Фивейскому, и видел Антоний того, кто старше и совершеннее его.

Преподобный Зосима подумал, что он с детства монах, и никто не может с ним беседовать, но его смирила Мария Египетская; и увидел он, что далеко не пришел в ее меру.

Святителя Тихона (Задонского) смирил юродивый; ударил его по щеке и сказал: «не высокоумствуй».

Так милостиво Господь смиряет святых, чтобы они до конца пребывали смиренными. А нам тем более надо смиряться. И я день и ночь прошу у Бога Христова смирения. Дух мой жаждет стяжать его. Это высший дар Духа Святого. В смирении Христовом и любовь есть, и мир, и кротость, и воздержание, и послушание, и долготерпение, и все добродетели заключены в нем.

* * *

Смиренная душа, которая носит в себе обильную благодать Святого Духа и хранит ее, при божественном видении имеет большую силу понести его, а кто имеет малую благодать, тот падет ниц от видения, потому что мало в нем силы благодати.

Так на Фаворе, когда преобразился Господь, Моисей и Илья стояли и беседовали с Ним, а Апостолы упали ниц, но после, когда умножилась в них благодать Святого Духа, и они стояли при явлениях Господа, и тоже могли беседовать с Ним.

Так Преподобный Сергей при явлении ему Божией Матери стоял пред Нею, потому что имел большую благодать Святого Духа, а ученик его Михей упал ниц и не мог смотреть на Божию Матерь. И Серафим Саровский имел много благодати Святого Духа, и стоял, когда ему явилась Божия Матерь, а послушница его упала ниц, потому что имела меньше благодати.

Также, если душа имеет в себе благодать, то, когда видит бесов, не боится их, потому что чувствует в себе силу Божию.

Сейчас четыре часа ночи. Я сижу в келлии своей, как в чертоге, в мире и любви, и пишу. Но когда приходит большая благодать, тогда я не могу писать.

Великая наука

ПОКАМЕСТ мы живем на земле, нужно научиться вести брань с врагами. Труднее всего умертвить плоть ради Бога и победить самолюбие.

Чтобы победить самолюбие, необходимо всегда смирять себя. Это – «великая наука», которую скоро не одолеешь.

Нужно считать себя хуже всех и осудить себя во ад.

Этим смиряется душа и стяжается покаянный плач, от которого рождается радость. Хорошо душу свою приучить помышлять: я буду гореть в огне адском. Но жалко, что мало кто понимает это.

Многие отчаиваются и пропадают. Души их дичают, и не хотят потом ни молиться, ни читать, ни даже мыслить о Боге.

Надо осудить в душе самого себя, но не отчаиваться в милосердии и любви Божией. Нужно стяжать смиренный и сокрушенный дух, тогда отойдут все помыслы и очистится ум. Но надо знать при этом свою меру, чтобы не перетрудить души. Изучи себя, и давай душе подвиг по силе ее.

* * *

Не все души одинаково сильны: одни крепки, как камень, а другие слабы, как дым. Дыму подобны – горделивые души. Как ветер носит дым куда попало, так враг влечет их куда хочет, потому что у них или нет терпения или враг их легко обманывает.

А смиренные души хранят заповеди Господни и стоят в них неподвижны, как морской камень, о который разбиваются волны. Они предались воле Божией и умом созерцают Бога, и Господь дает им благодать Святого Духа.

Кто живет по заповедям, тот каждый час и минуту слышит благодать в душе своей. А есть люди, которые не понимают ее пришествие.

* * *

Кто познал любовь Божию, тот скажет: не сохранил я заповеди. Хотя я и молюсь день и ночь и стараюсь всякую добродетель творить, но заповеди о любви к Богу я не исполнил. Лишь редкие минуты достигаю я заповедь Божию, но душа хотела бы все время пребывать в ней. Когда к уму примешиваются посторонние мысли, тогда ум помышляет и Бога и вещь; значит заповедь: любить «всем» умом и «всем сердцем», – не вполне исполнена. Но когда ум весь в Боге и нет других помыслов, тогда исполняется первая заповедь, но опять еще не совсем.

Любовь к Богу бывает различная. Кто борется с плохими помыслами, тот в своей мере любит Бога.

Кто борется с грехом, просит Бога, чтобы дал ему силы не грешить, но по немощи еще впадает в грех, и скорбит о том и кается, у того благодать в глубине души и ума, но страсти еще не побеждены. А у кого побеждены страсти, тот уже «не имеет борьбы», а только всячески блюдет себя, как бы не впасть в грех; у этого благодать большая и ощутимая. Но кто чувствует благодать и в душе и в теле, тот совершен муж, и если сохранит эту благодать, то тело его освящается и будут мощи.

XVII. О помыслах и о прелести

ПОМНИ два помысла, и бойся их. Один говорит: ты – святой, другой: ты не спасешься. Оба эти помысла от врага, и нет в них истины. Но ты думай: я – великий грешник, но Господь Милостивый, Он много любит людей, и простит мне грехи мои.

Верь так и будет тебе это: простит Господь. Но на подвиги свои не надейся, хотя бы ты и много подвизался. Один подвижник мне говорил:

«Я непременно должен быть помилован, потому что кладу столько поклонов каждый день», но когда пришла смерть, то он порвал на себе рубашку.

Так не за подвиги наши, а туне, по благодати Своей, милует Бог. Господь хочет, чтобы душа была смиренна, незлобива, и всех с любовью прощала: тогда и Господь простит с радостью. Господь любит всех, и мы должны подражать Ему и любить всех, и если немощны, то просить, и Господь не откажет и поможет Своею благодатью.

* * *

Еще послушником познал я любовь Божию; и она – неопишима. Душа чувствует, что она с Богом и в Боге, и дух радуется о Господе, хотя тело изнемогает от благодати Божией. Но эту благодать можно потерять и за один плохой помысл.

С плохим помыслом входит в нас вражия сила, и тогда омрачается душа, и злые мысли терзают ее, чувствует тогда человек свою погибель, и видит, что без благодати Божией он – грешная и немощная земля.

* * *

Душа, познавшая Господа, долгим опытом научается, что если человек живет по заповеди, то он, хотя бы и немного, но чувствует благодать в себе и имеет дерзновение в молитве; но если согрешит одним помыслом, и не покается, то благодать скрывается, и душа тогда скучает и плачет пред Богом.

Так всю жизнь душа проводит в борьбе с помыслами. Но ты не унывай от борьбы, ибо Господь любит мужественного борца.

* * *

Злые помыслы мучают гордую душу, и, покамест она не смирится, не узнает покоя от них. Когда плохие помыслы осаждают тебя, то взывай к Богу подобно Адаму: «Господи, Творец мой и Создатель. Ты видишь – душа моя в терзании от плохих мыслей...

Помилуй меня». И когда стоишь пред лицом Владыки, то крепко помни, что все прошения твои, если они полезны, Он исполнит.

Туча пришла, закрыла солнце, и наступил мрак. Так за один гордый помысл душа теряет благодать, и находит на нее мрак. Но также за один смиренный помысл опять приходит благодать. Я испытал это на себе.

* * *

Знай, что если помысл твой уклоняется следить за людьми, кто как живет, то это признак гордости.

Внимай себе.

Наблюдай за собою, и увидишь: как только душа превознесется пред братом, так вслед за этим приходит плохой помысл, который неугоден Богу, и чрез это душа смиряется. А если не смирится, то придет некое малое искушение. Если опять не смирится, то начнется блудная брань.

Если же опять не смирится, то впадет в некий малый грех. Если и тогда не смирится, то будет большой грех. И так до тех пор будет грешить, покамест не смирится. Но как только покается, так Милостивый Господь даст душе мир и умиление, и тогда пройдет все плохое, и уйдут все помыслы. Но после держи смирение всеми силами, иначе опять впадешь в грех.

* * *

Видя, что душа не укрепилась в смирении, Господь отнимает благодать, но ты не падай духом от этого: благодать в тебе, но скрыта. Ты приучи себя отсекаать помыслы сразу. А если когда забудешься и не отгонишь сразу, то принеси покаяние.

Потрудись над этим, чтобы приобрести привычку. Душа имеет привычку, как привыкнешь, так и будешь делать потом всю жизнь.

У благого человека – благие помышления; а у злого – злые; но каждый должен научиться бороться с помыслами, и из

плохих вырабатывать добрые. Это признак опытной души.

Ты спросишь, как это бывает?

А так: как живой человек чувствует, когда ему холодно, или когда ему жарко, так и познавший опытом Духа Святого – слышит, когда в душе его есть благодать, и когда приходят злые духи.

Господь дает душе разум познавать Его пришествие, и любить Его, и творить волю Его. Также и помыслы от врага душа узнает не по внешнему виду их, а по действию на душу.

Опытом это познается; а кто не имеет опыта, того враги легко обманывают.

* * *

Враги пали гордостью, и нас влекут туда же, и приносят нам помыслы похвалы. И если душа примет похвалу, то благодать отступит, покамест не смирится душа. И так всю жизнь человек будет учиться смирению Христову, и покуда не научится, не познает душа покоя от помыслов и не сможет молиться чистым умом.

* * *

Кто хочет чисто молиться, тот не должен знать никаких газетных новостей, не должен читать плохих книг или любопытно знать что-либо из жизни других. Все это приносит в ум много нечистых мыслей, и когда человек хочет в них разобраться, то они все больше и больше запутывают и томят душу.

* * *

Когда душа научится любви от Господа, то ей жалко всю вселенную, всякую тварь Божию, и она молится, чтобы все люди покались и приняли благодать Святого Духа. Но если душа теряет благодать, то отходит от нее любовь, ибо без благодати Божией невозможно любить врагов, и тогда от сердца исходят помышления злые, как говорит Господь (Мф.15:19; Мк.7:21–22).

* * *

Хорошо знай, что если тебя мучают плохие помыслы, то значит ты не смирен. Господь сказал: «Научитесь от Меня: ибо

Я кроток и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим» (Мф.11:29).

Без смирения Христова душа никогда не будет покойна в Боге, но всегда будет волноваться разными помыслами, которые не дадут ей созерцать Бога.

Блажен, кто смирил себя, ибо он обрел совершенный покой в Боге. Я доселе каждый день прошу у Господа смирения, ибо душа моя научена Духом Святым, что есть смирение Христово, и потому жажду стяжать его.

О, Христово смирение. Кто вкусил тебя, тот рвется к Богу день и ночь ненасытно.

* * *

О, как я немощен.

Пописал немного, и уже утомился, и тело ищет покоя. И Господь на земле во плоти познал немощь человеческую; и Он Милостивый – и утомлялся от пути, и спал на корабле во время бури; а когда ученики разбудили Его, то повелел утихнуть морю и ветру и стала тишина великая.

Так и в душе у нас, когда мы призываем святое имя Господне, бывает великий мир.

О, Господи, дай нам хвалить Тебя до последнего издыхания.

* * *

В прелесть человек попадает или по неопытности, или от гордости. И если по неопытности, то Господь скоро исцеляет, а если по гордости, то долго будет страдать душа, доколе не научится смирению, и тогда исцелит ее Господь.

В прелесть мы попадаем, когда думаем, что мы умнее и опытнее других, и даже духовника. Так я по неопытности подумал, и за это пострадал, и очень благодарю Бога что Он этим смирил и вразумил меня, и не отнял у меня Своей милости. И теперь я думаю, что без исповеди духовнику невозможно избавиться от прелести, потому что духовникам дана от Господа власть решить и вязать.

* * *

Если увидишь свет внутри себя, или снаружи себя, то не верь ему, если вместе со светом нет в тебе умиления к Богу и

любви к ближнему; но и не убойся и смири себя и свет этот исчезнет.

Если видишь видение какое-либо, или образ, или сон, то не доверяйся ему, потому что если оно от Бога, то Господь и вразумит. Душа, не познавшая вкусом Духа Святого, не может понять видения, откуда оно.

Враг дает душе некую сладость, смешанную с тщеславием, и посему узнается прелесть.

Отцы говорят, что при вражеском видении душа почувствует смущение. Но это только смиренная душа, которая не считает себя достойною видения, при вражеском действии почувствует или смущение или страх, а тщеславный может не испытать ни страха, ни даже смущения, потому что он хочет видений и считает себя достойным, и потому враг легко обманывает его.

Небесное познается Духом Святым, а земное – умом; но кто хочет познать Бога своим умом от науки, тот в прелести, ибо Бог познается только Духом Святым.

Если ты видишь умом бесов, то смирай себя и старайся не видеть, но скорей иди к духовнику или старцу, которому ты предался. Все говори духовнику, и тогда Господь помилует тебя, и избежишь прелести. А если подумаешь, что ты в духовной жизни знаешь больше духовника и перестанешь говорить ему на исповеди, что с тобою бывает, то за гордость эту непременно попустится тебе некая прелесть ради вразумления.

* * *

С врагами борись смирением.

Когда видишь, что с твоим умом борется другой ум, то смирись, и брань прекратится.

Если случится – увидишь бесов, то не убойся, но смири себя, и бесы исчезнут, а если тобою овладеет страх, то не избежишь некоторого вреда. Будь мужествен. Помни, что смотрит на тебя Господь, надеешься ли ты на Него.

Если ты попал в прелесть и хочешь избавиться от нее, то не отчаивайся, потому что любит Господь людей, и даст тебе поправиться, и ты будешь иметь покой от помыслов, которые приносят враги. Но, чтобы душа обрела покой от бесов, нужно смирить себя и говорить: «я хуже всех, я хуже всякого скота и

зверя», и часто исповедоваться священнику, и тогда отгонятся бесы.

* * *

Как люди входят в дом и выходят из него, так и помыслы от бесов приходят и снова могут уйти, если ты их не принимаешь.

Если помысл тебе говорит – укради, и ты слушаешься его, то тем самым ты дал над собою власть бесу.

Если помысл тебе говорит – ешь много, досыта, и ты будешь есть много, то опять бес взял власть над тобою. И так если будет владеть тобою помысл всякой страсти, то ты станешь жилищем бесов. Но если воспримешь должное покаяние, то они затрепещут и вынуждены будут отойти.

* * *

Когда мы плачем о грехах и смиряем душу, то не имеем видений, и душа их не желает, а когда оставим плач и смирение, то можем увлечься ими.

Долго я не знал, почему надо сокрушаться, раз Господь простил грехи. А потом понял, что кто не имеет сокрушения, не может устоять в смирении, ибо злые духи горды, они и нам внушают гордость, а Господь учит кротости, смирению и любви, чрез это душа обретает покой.

В нашей брани нужно быть мужественным. Господь сказал Пророку Иеремии: «Иди, проповедуй, и будь мужественным, а то Я тебя накажу», («Скажи им все, что Я повелю тебе; не малодушествуй пред ними, чтобы Я не поразил тебя в глазах их» (Иер.1:17)).

Господь любит душу мужественную и мудрую, а если у нас нет ни того, ни другого, то надо просить у Бога и слушаться духовников: в них живет благодать Святого Духа. Особенно человек, ум которого повредился от бесовского действия, не должен доверять себе ни в чем, но слушать духовника.

Душевные бедствия происходят с нами от гордости, а телесные часто попускаются от Бога по любви к нам, как это было с многострадальным Иовом.

Распознать в себе гордость – очень трудно. Но вот тебе признаки: если на тебя нападают враги (бесы) или мучают

плохие помыслы, то это значит, что в тебе нет смирения, и потому хотя бы ты и не понимал своей гордости – смиряйся.

Если ты раздражительный, или, как говорят, нервный, то это сущая беда. Если кто страдает припадками или страхованиями, то эти болезни врачуются смиренным духом и покаянием, и тем, чтобы любить брата своего и любить врагов.

XVIII. Адамов плач

АДАМ, отец вселенной, в раю знал сладость любви Божией, и потому, когда был изгнан из рая за грех и лишился любви Божией, горько страдал и с великим стоном рыдал на всю пустыню.

Душа его терзалась от мысли: «любимого Бога я оскорбил». Не так жалел он о рае и красоте его, как о том, что лишился любви Божией, которая ненасытно каждую минуту влечет душу к Богу.

Так всякая душа, познавшая Бога Духом Святым, но потом потерявшая благодать, испытывает Адамово мучение. Больно душе, и сильно жалеет она, когда оскорбит любимого Господа.

Скучал Адам на земле, и горько рыдал, и земля была ему не мила. Он тосковал о Боге и говорил:

«Скучает душа моя о Господе и слезно ищу Его. Как мне Его не искать? Когда я был с Ним, душа моя была весела и покойна, и враг не имел ко мне доступа; а теперь злой дух взял власть надо мною, и колеблет, и томит душу мою, и потому скучает душа моя о Господе даже до-смерти, и рвется дух мой к Богу, и ничто на земле не веселит меня, и ничем не хочет душа моя утешиться, но снова хочет видеть Его и насытиться Им.

Не могу забыть Его ни на минуту, и томится душа моя по Нему, и от множества скорби стоном плачу я: «помилуй мя, Боже, падшее создание Твое».

Так рыдал Адам, и слезы лились по лицу его на грудь и землю, и вся пустыня слушала стоны его; звери и птицы замолкали в печали; а Адам рыдал, ибо за грех его все потеряли мир и любовь.

Велика была скорбь Адама по изгнании из рая, но когда он увидел сына своего Авеля, убитого братом – Каином, то еще большею стала скорбь его, и он мучился душою, и рыдал, и думал: «от меня произойдут и размножатся народы, и все будут страдать и жить во вражде и убивать друг друга». И эта скорбь его была велика, как море, и понять ее может только тот, чья душа познала Господа и как много Он нас любит. И я потерял

благодать и вместе с Адамом зову: «Милостив буди мне, Господи. Даруй мне духа смирения и любви».

О, любовь Господня! Кто познал тебя, тот неустанно ищет тебя день и ночь и кричит:

«Скучаю я по Тебе, Господи, и слезно ищу Тебя. Как мне Тебя не искать? Ты дал мне познать Тебя Духом Святым, и это знание Божие влечет мою душу слезно искать Тебя».

* * *

Плачет Адам:

«Не мила мне пустыня. Не милы мне высокие горы, ни луга, ни леса, ни пение птиц; ничто мне не мило. Душа моя в великой печали: я оскорбил Бога. И если бы взял меня Господь снова в рай, то и там буду скорбеть и плакать: зачем я Бога любимого оскорбил».

* * *

Адам по изгнании из рая болел душою и много слез проливал он от скорби. Так всякая душа, познавшая Господа, скучает по Нему, и говорит:

«Где Ты, Господи? Где Ты, Свете мой? Почто скрыл лицо Твое от меня, и душа моя долго не видит Тебя, и скучает по Тебе, и слезно ищет Тебя».

«Где Господь мой? Почто не вижу Его в душе моей? Что мешает Ему жить во мне? Значит нет во мне Христова смирения и любви к врагам».

* * *

Бог есть ненасытная любовь, и описать ее невозможно.

Ходил Адам по земле, и от многих болезней сердца своего плакал, а умом помышлял о Боге, и когда изнемогало тело его и не мог он уже проливать слезы, то дух его и тогда горел к Богу, ибо не мог он забыть рай и красоту его; но еще больше душа Адама любила Бога, и влеклась к Нему силою самой любви.

О, Адам, я пишу, но ты видишь, слабый ум мой не может разуместь, как скучал ты о Боге и как нес труд покаяния.

О, Адам, ты видишь, я, чадо твое, страдаю на земле. Мало во мне огня, и едва не потухает любовь моя.

О, Адам, пропой нам песнь Господню, да возвеселится душа моя о Господе, и да подвигнется хвалить и славить Его,

как хвалят Его на небесах Херувимы и Серафимы, и как все чины небесных ангелов поют Ему трисвятую песнь.

О, Адам, отец наш, пропой нам песнь Господню, чтобы слышала вся земля, и все сыны твои подняли умы свои к Богу, и усладились звуками небесной песни, и забыли горе свое на земле.

* * *

Дух Святой есть любовь и сладость души, ума и тела. И кто познал Бога Духом Святым, те ненасытно день и ночь рвутся к живому Богу, ибо любовь Божия зело сладка. Но когда душа теряет благодать, то снова слезно ищет Духа Святого.

А кто не познал Бога Духом Святым, тот не может слезно искать Его, и душа его всегда бывает борима страстями; ум его помышляет земное и не может прийти в созерцание и познать Иисуса Христа. Он познается Духом Святым.

Адам знал Бога и рай, и по падении слезно искал Его.

– «О, Адам, отец наш, скажи нам, сынам твоим, о Господе. Твоя душа знала Бога на земле, знала и рай, и сладость его и веселие, и ныне ты живешь на небесах и видишь славу Господню. Скажи нам, как прославляется Господь наш за Свои страдания, и как поются песни на небесах, и коль сладки эти песни, ибо поются они Духом Святым.

Скажи нам о славе Господней, и сколь милостив Он, и как любит Он Свое создание.

Скажи нам и о Пресвятой Богородице. Как Она величается на небесах и какими песнями ублажается.

Скажи нам, как радуются там Святые, и как сияют они от благодати; как любят они Господа, и в каком смирении предстоят они Богу.

О, Адам, утешь и обрадуй наши скорбные души. Расскажи нам, что видишь ты на небесах?.. Что же ты молчишь?.. Ведь вся земля скорбит... Или ты от любви Божией не можешь и вспомнить про нас?

Или ты видишь Богородицу во славе, и не можешь оторваться от видения, и не хочешь нам скорбящим слово ласки сказать, чтобы мы забыли горе на земле?

О, Адам, отец наш, ты же видишь скорбь сынов твоих на земле. Что же ты молчишь?»

Говорит Адам:

– «Дети мои, не трогайте меня. Я не могу оторваться от любви Божией и говорить с вами. Душа моя уязвлена любовью Господней и веселится о красоте Его, и как могу я помнить землю? Живущие пред Лицем Владыки не могут помышлять земное».

– «О, Адам, отец наш, оставил ты нас, сирот твоих. А ведь мы в горе на земле. Скажи нам, что делать, чтобы угодить Богу? Посмотри на чад твоих, рассеянных по земле, рассеянных умом своим. Многие забывают Бога, во тьме живут и идут в пропасти ада».

– «Не беспокойте меня. Я вижу Божию Матерь во славе, и как могу я оторваться и говорить с вами? Я вижу святых Пророков и Апостолов; и все они похожи на Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия.

Я хожу по райским садам и всюду вижу славу Господню, ибо Господь во мне и сделал меня подобным Себе. Так прославляет Господь человека, что творит его подобным Себе».

– «О, Адам, ведь мы дети твои. Скажи нам, скорбящим на земле, как унаследовать рай, чтобы и мы, подобно тебе, видели славу Господню.

Душа наша скучает о Господе, ты же на небесах живешь и радуешься славе Господней. Молим тебя, – утеши нас».

– «Что вопиете ко мне, дети мои? Господь любит вас и дал вам заповеди. Соблюдайте их, любите друг друга, и обрящете покой в Боге. Кайтесь на всякий час в прегрешениях своих, чтобы могли мы встретить Господа.

Господь сказал: «Любящие Мя – люблю, и прославляющие Мя – прославлю».

«О, Адам, молись за нас, детей твоих. От многих скорбей печальна душа наша».

* * *

«О, Адам, отец наш, ты живешь на небесах и видишь Господа, сидящего во славе одесную Бога-Отца. Ты видишь Херувимов и Серафимов и всех Святых, и слышишь песни

небесные, от сладости которых душа твоя забыла землю. Мы же печальны на земле и много скучаем о Боге. Мало в нас огня, чтобы пламенно любить Господа.

Внуши нам, что должны мы делать, чтобы рай обрести?»

Отвечает Адам:

– «Не троньте меня, дети мои, ибо я от сладости любви Божией не могу вспомнить про землю».

– «О, Адам, скучают души наши, и скорби отяготили нас. Скажи нам слово утешения. Пропой нам от песней, которые ты слышишь на небесах, дабы слышала их вся земля, и люди забыли горе свое... О, Адам, мы печальны зело».

– «Не троньте меня. Время моих скорбей прошло. От красоты рая и сладости Духа Святого я не могу уже помнить землю. Но скажу вам: любит вас Господь, и вы живите в любви, будьте послушны властям, смиряйте свои сердца, и Дух Божий будет жить в вас. Он приходит в душу тихо, и дает ей мир, и свидетельствует спасение без слов. Пойте Богу в любви и смирении духа, ибо Господь радуется этому».

– «О, Адам, отец наш, что же нам делать? Мы поем, но нет в нас любви и смирения».

– «Кайтесь пред Господом и просите. Он любит человека и все даст. И я много каялся и много скорбел за то, что Бога оскорбил, что за грех мой потерял мир и любовь на земле.

Слезы мои текли по лицу и мочили грудь и землю; и пустыня слушала стоны мои. Вы не можете разуместь моей скорби, ни того, как рыдал я о Боге и рае. В раю я был радостен и весел: Дух Божий веселил меня, и я не знал никаких страданий. Но когда я был изгнан из рая, то холод и голод стали мучить меня, звери и птицы, которые были кротки в раю и любили меня, одичали, стали бояться и бежать от меня.

Меня терзали злые мысли; меня опаляли солнце и ветер, меня мочил дождь; меня мучили болезни и все скорби земли, но я все терпел и крепко уповал на Бога.

И вы несите труды покаяния: возлюбите скорби, иссушите свои тела, смирите себя и любите врагов, чтобы вселился в вас Дух Святой, и тогда познаете и обретете Небесное Царство.

А меня не трогайте: ныне от любви Божией я забыл землю и все, что на ней, я забыл даже потерянный мною рай, ибо вижу славу Господню и славу Святых, которые от света лица Божия и сами сияют, подобно Ему».

«О, Адам, пой нам небесную песню, чтобы слушала вся земля и усладились миром любви к Богу. Мы хотим слышать эти песни, они сладки, ибо поются Духом Святым».

* * *

Адам потерял земной рай и плача искал его; «Рай мой, рай, прекрасный мой рай». Но Господь любовью Своею на кресте дал ему иной рай, лучший прежнего, на небесах, где Свет Святой Троицы. Что воздадим мы Господу за любовь Его к нам?

XIX. Повествования о пережитом опыте и о некоторых встречах и беседах с подвижниками

С ДЕТСТВА душа моя любила размышлять, как вознесся Господь на небо на облаках и как Божия Матерь и Святые Апостолы видели сие вознесение.

Но когда я потерял благодать Божию (в годы юности), то душа моя одичала, и пленилась грехами, и уже редко вспоминала о вознесении Господнем. Но потом познала душа моя грехи свои, и опечалился я зело о том, что Господа оскорбил и потерял дерзновение к Богу и Божией Матери, и омерзел мне грех, и решил я пойти в Монастырь – просить у Бога прощения, и положил в душе – умолить Бога, дабы Милостивый Господь простил мне грехи мои.

По окончании военной службы, поступил я в Монастырь, и вскоре напали на меня помыслы и гнали снова в мир, жениться, но я решительно сказал в душе: «умру здесь за грехи мои».

И стал я крепко молиться, чтобы простил мне Господь множество грехов моих.

В одно время напал на меня дух отчаяния; мне казалось, что Бог отринул меня в конец, и уже нет мне спасения, но ясно видится в душе вечная погибель. И ощутил я в душе, что Бог немилосерд и неумолим.

Продолжалось это со мною час или немного более. Дух этот такой тяжелый и томительный, что страшно о нем и вспоминать. Душа не в силах понести его долго. В эти минуты можно погибнуть на всю вечность. Попустил Милостивый Господь духу злобы сделать такую брань с моею душою.

Прошло мало времени; я пошел в церковь на вечерню и, глядя на икону Спасителя, сказал: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного». И с этими словами увидел на месте иконы живого Господа, и благодать Святого Духа наполнила душу мою и все тело. И так я Духом Святым познал, что Иисус Христос есть Бог; и я сладко желал страданий за Христа.

* * *

С тех пор, как познал я Господа, душа моя влечется к Нему, и ничто меня более не веселит на земле. Но единое мое веселие Бог. Он – моя радость; Он – моя сила; Он – моя премудрость; Он – мое богатство.

* * *

Боже, просвети нас Духом Твоим Святым, чтобы все мы поняли Твою любовь.

Господь показал нам на разбойнике и на блудном сыне, как Он с любовью идет навстречу кающемуся грешнику. Сказано, что «Отец увидал его издалека и мил Ему бысть, и побежав, пал на шею его и облобызал его» (Лк.15:20) и не укорил его ни в чем, но заколол тельца упитанного и велел веселиться. Такова милость и любовь Божия. Но грешному человеку Господь кажется немилосердным, потому что в душе его нет благодати.

* * *

Один послушник у нас на Афоне, в Русском Пантелеимоновском Монастыре привык непрестанно молиться Богу, дабы простил ему грехи. И стал он рассуждать о Царствии Небесном, и думал: «Я, быть может, спасусь, если буду усердно просить Бога, чтобы простил Он мне грехи, но если в раю я не увижу своих родителей, то буду о них скорбеть, ибо я их люблю. Какой же это будет для меня рай, если я буду там скорбеть за своих родных, которые, быть может, находятся во аде?»

Сей грешный послушник думал о Царстве Небесном: «как на земле не весел бывает праздник, если нет родителей или родных, так и в раю, если не буду видеть родных, которых я люблю, то буду скорбеть».

Так думал он с полгода. И в один день, во время вечерни, послушник возвел глаза свои на икону Спасителя, и немного молился, пять слов:

«Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного», и видит икона стала живым Спасителем, и наполнилась душа и тело послушника неизреченной сладости, и душа Духом Святым познала Господа нашего Иисуса Христа, и Господь милостив, и красоты и кротости неизреченной, и вразумилась душа, что от любви Божией не может человек помнить ни про кого, и с тех пор горит душа его любовью ко Господу.

* * *

Слава, Господи, Твоему милосердию, Ты даешь душе познать, как Ты любишь Свое создание, и душа познала Своего Владыку и Творца.

Господь дал душе человека довольное познание Себя, и душа возлюбила Творца своего, и рада зело. «Милостив наш Господь». И на сем пределе кончается мысль.

Душа довольна Владыкою. Он дает ей покой, и земля забыта Богом (т. е. пребывая в Боге), и только Единого Господа любит душа, и ни в чем ином, кроме Создателя, не обретает покоя, но по временам проливает горячие слезы: «зачем столь Милостивого Бога я оскорбил?»

* * *

Грешную душу Господь позвал на покаяние, и она обратилась к Господу, и Он милостиво принял ее, и явил ей Себя.

И душа человека познала Бога, Бога милостивого, и щедрого, и сладчайшего, и возлюбила Его до конца, и рвется к Нему ненасытно по множеству жара любви, и не может забыть Его, ибо сей жар любви к Богу не дает душе забыть Его ни днем ни ночью ни на одну секунду.

И если умаляется в душе благодать, то не знаю, чему уподобить тогда печаль души: о, как просит она у Бога снова той благодати, которую вкусила.

* * *

Для меня то дивно, что Господь не забыл меня, падшее создание Свое. Некоторые отчаиваются, думая, что Господь не простит им грехов.

Такие мысли от врага. Господь так много милостив, что мы постигнуть этого не можем. Чья душа исполнилась любви Божией в Духе Святом, тот знает, как любит Господь человека. Но, когда душа потеряет эту любовь, то скорбит и скучает, и ум ни на чем не хочет остановиться, но ищет только Бога.

* * *

Один дьякон мне рассказал:

«Явился мне Сатана и говорит: «Я люблю гордых, и они принадлежат мне. Ты гордый, и я возьму тебя». Но я ответил

Сатане: «Я – хуже всех»; и Сатана стал невидим».

И я испытал подобное, когда явились ко мне бесы. Я немного испугался, но сказал:

– Господи, Ты видишь, что бесы не дают мне молиться.

Внуши мне, что я должен сделать, чтобы бесы отошли от меня.

И Господь говорит в душе моей:

– Горделивые души всегда страдают от бесов.

И я сказал:

– Господи, вразуми меня, что должен я помышлять, чтобы душа моя была смиренна.

И получаю ответ в душе:

– Держи ум свой во аде, и не отчаивайся.

С тех пор я стал так делать, и душа моя обрела покой в Боге.

* * *

Душа моя от Господа учится смирению. Господь непостижимо явился мне и усладил душу мою любовью, но потом скрылся, и она теперь влечется к Нему день и ночь. Он Милостивый, Добрый Пастырь разыскал меня, овцу Свою, уже раненную волками, и разогнал их.

Знает душа моя милость Господа к грешному человеку, и истину пишу пред лицом Божиим, что все мы грешные спасемся, и ни одна душа не погибнет, если покается, ибо Господь так благ по естеству, что невозможно описать этого никаким словом.

Обратись ко Господу душой и скажи: «Господи, прости меня», и не думай, что Господь не простит: Его милость не может не прощать, и Он сразу прощает и освящает.

Так Дух Святой учит в нашей Церкви.

Господь есть любовь. «Вкусите и видите, яко благ Господь», говорит Писание (Пс.33:9). Душа моя вкусила сию благодать Господню, и рвется дух мой к Богу день и ночь ненасытно. Стану писать о любви Божией, сытости не знаю в этом, ибо пленяется душа моя памятью о Боге Вседержителе.

* * *

От Духа Святого истекает любовь, и без этой любви никто не может разуместь о Боге, как должно.

Духом Святым познается любовь Божия к нам, которую изливает Господь на Своих рабов, чтобы молились они за народ. И я не знал бы этого, если бы не научила меня благодать. Но вы не подумайте, что я в сильной благодати, или что я – в прелести. Нет. Я только познал благодать в совершенстве, а живу хуже последнего темного мужичка. Я – схимонах, но недостойн этого звания. У меня только желание спастись, подвигов же нет никаких. Но Господь дал мне вкусить благодать Святого Духа, **которая учит душу знать путь Божий, ведущий в Царствие Небесное.**

* * *

Скорблю я, что живу нерадиво, но лучше не могу. Знаю, что я скудоумный, малограмотный и грешный, но вот, Господь любит и таких, и потому всею силою влечется душа моя работать Ему.

О, какая милость Божия. Я такой мерзкий и скверный человек, а Господь так (много) любит меня. Но Он – Сама Любовь, и всех так любит, и милостиво зовет к Себе: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас». Сей покой в Духе Святом получает смиренная душа за покаяние.

Мы теперь последние монахи. Но и ныне есть еще немало подвижников, которых скрыл Господь тем, что они не творят явных чудес, но в душах их каждый день совершаются дивные чудеса, только люди не умеют их видеть. Вот чудо: когда душа склоняется на гордость, то впадает в омрачение и уныние, а когда смирится, то приходит радость, и умиление, и свет.

Кто не подвизается, кто нечисто кается, тот этого не знает, тот не ощущает благодать. Но Господь дал милостиво людям покаяние, и покаянием спасаются все без исключения.

* * *

Тем, кто имеет благодать, враги приносят похвалы, и когда душа прельстится ими, то теряет чрез то благодать. И слышит душа, что благодать уходит, но в начале не понимает что это за гордость, и только после долгой борьбы научается смирению.

* * *

Когда я теряю благодать, то зело печалюсь душой, и говорю:

Зачем преслушанием потерял я Господа. О, когда снова насытится душа моя любовью Божиею? Когда снова возрадуется она о Господе? Когда снова возвеселится сердце мое и наполнится премудрости Божией, чтобы любил Он меня, как возлюбил Пророка Давида за кротость его, или Моисея за то, что он был верен в дому Господнем? (Евр.3:5).

* * *

Господь бесконечно много нас любит. Это видно из Святого Писания и из личного опыта.

Душа моя грешит день и ночь помышлением, но как только скажу:

«Прости мне, Господи, ибо я немощен зело, и даруй мне мир Твой, который Ты даешь Своим рабам», то тотчас душа обретает мир.

* * *

Господь говорит:

«Блаженны миротворцы». И я подумал: частью буду безмолвствовать, а частью людей умиротворять. И поселился я близ одного расстроенного брата, схимонаха ..., и стал, беседуя с ним, уговаривать его, чтобы жил он в мире со всеми и всем прощал. Он немного потерпел, а потом так восстал на меня, что я и келлию бросил, и едва убежал от него, и много плакал пред Богом, что мир не сохранился. И понял я, что надо искать волю Божию и жить так, как хочет Господь, а не самому выдумывать себе подвиги. И я много в этом ошибался.

Читаю, – будто бы хорошо так сделать, а на деле выходит иначе.

Трудно жить без старца. Неопытная душа не понимает воли Божией, и много скорбей перенесет она прежде, чем научится смирению.

* * *

В самом начале, когда я был молодым послушником, я сказал духовнику, что я принял блудный помысл, и духовник мне ответил: «Никогда не принимай»; и с тех пор прошло сорок

пять лет, и я ни разу не принял блудного помысла, ни разу ни на кого не прогневался, ибо душа моя помнит любовь Господню и сладость Духа Святого, и я забываю обиды.

* * *

Лет пятнадцать тому назад Отец Игумен (Архимандрит Мисаил) посылал Отца С... на судно, но он отказался; сказал: «не поеду». Тогда Игумен его спросил: «Куда же ты хочешь?»

Отец С... говорит: «лес рубить», и когда пошел, то вскоре упало на него дерево, и он долго потом лежал в больнице и каялся за свое преслушание.

Так вот и я однажды выпросил себе послушание по своей воле. Я был в экономии и захотел пойти на безмолвие в Старый Русик. Там был всегда пост; всю неделю ели без масла, кроме субботы и воскресения, и из-за поста мало туда ходило народу.

Фондаричным (гостинником) был тогда О. Серапион, который кушал только хлеб и воду; а после него фондаричным стал О. Онисифор.

Этот многих людей привлек к себе кротостью, и смирением, и даром слова.

Он был такой кроткий и смиренный, что и без слов, только смотря на него, будешь исправляться, такой у него был спокойный и здравый характер. Я с ним прожил много времени. Схимонах Савин – семь лет не ложился на койку. О. Досифей был во всем примерный монах. О. Анатолий, схимонах, имел дар покаяния. Он мне сказал: «Много лет я не знал, как действует благодать, а теперь знаю».

Получил он благодать во время трапезы.

Там же был схимонах О. Израиль. Он видел Божию Матерь. Был он очень старый, и когда жил еще в России, то ходил к Преподобному Серафиму Саровскому и видел его живым еще. Жил О. Израиль в том самом домике, где теперь кипера (огороды); там была трава, и мы ее косили. Однажды пошел я к нему; он сидел на лавочке под зеленым дубом. Росту он был высокого; сам сухой; сидит, четка в руках. Я был молодой монах, подошел к нему, низко с благоговением поклонился и говорю: «Благослови, отче». А он ласково сказал: «Бог тебя благословит, чадо Христово». Я и говорю ему: «Батюшка, вот вы

один; хорошо вам здесь умною молитвою заниматься». А он отвечает: «Молитва дура не бывает, а вот мы-то дураки». Мне стало стыдно, и я не посмел его более спрашивать, но и смысла его слов не понял. После уже понял я, что «мы-то – дураки», потому что жить, как должно, и работать Богу не умеем. Кроме Старца Израиля, у нас в Монастыре были еще двое, которые ходили к Преподобному Серафиму: – О. Савин и О. Серафим; они были Тамбовские.

Вот к этим подвижникам захотел я пойти, с ними жить, и силою выпросился у Игумена, оставив экономию. Но Богу было не угодно, чтобы я там жил, и через полтора года снова меня взяли на старое послушание, так как я имел опыт по постройкам; а за самочиние наказал меня Господь, и на Русике я простудил себе голову, и до сих пор она постоянно болит.

Так надо волю Божию узнавать чрез Игумена, а не самому настаивать на чем-либо.

* * *

Любовь Божия дает силы всю ночь пребывать на молитве, а вот я немощной изнемог от головной боли и должен отдыхать. Дана мне головная боль за то, что я настоял на своем желании и вышел из экономии на пустыню, чтобы иметь больше свободы для молитвы; но Господь хотел, чтобы я всю жизнь в Монастыре был экономом.

Два раза меня ставили строителем, один раз старшим экономом, но я отказывался, и за то наказал меня Бог. После уже я понял, что каждый нужен на своем месте, и все спасаются независимо от чина.

* * *

Когда Собором (Монастырских старцев) поставили меня экономом, на место Отца Севериана, то, придя в келлию, стал я молиться:

«Господи, Ты вручаешь мне заботу о нашей большой обители, помогай мне управить этим делом».

И получаю в душе ответ: «Помни благодать Святого Духа и старайся стяжать ее».

* * *

Душа моя скорбит.

Не могу от болезни служить Господу.

Головная боль томит, а той благодати, которая превозмогает болезнь, нет со мною. Когда бывает большая благодать, то душа желает страданий. Так у мучеников была большая благодать, и тело их радовалось вместе с душой, когда их мучили за возлюбленного Господа. Кто испытал эту благодать, тот знает об этом, а нам надо терпеть болезнь.

Болезнь и бедность смиряют человека до конца.

Пришел я к больному Отцу С-ну и говорю: «Как живешь?»

А он, расстроенный от болезни, вместо ответа бросил шапку на пол.

Я ему говорю: «Благодари Бога за болезнь, а то плохо будешь умирать. Вот постригут тебя в схиму, придет благодать и утешит тебя в скорби».

Когда постригли его в схиму, то на другой день я пришел к нему поздравлять, и спрашиваю: «Как живешь?»; и он с радостью ответил:

– Как во святом крещении дал мне Господь благодать Свою туне.

И легко уже нес он свою болезнь и скончался в мире великом, ибо сладость Духа Святого превосходит всю сладость мира.

* * *

Господь дает грешным благодать Святого Духа, и потому крепка наша вера. И чем мы отблагодарим Господа за Его любовь, которую мы ощущаем каждый день и час?

Спросил я одного молодого схимника, не потерял ли он благодать, которая дается при постриге в схиму? А он прожил в схиме 12 дней. Он сказал мне:

– Хотя я и больной, но слышу в душе моей благодать Божию.

Прошло еще дней десять, и снова спросил я его о том же, а он с веселым лицом ответил: – Слава Богу, чувствую милость Господню.

* * *

Испытал я, когда душа моя потеряла смирение, то стал я раздражительный, но душа моя помнила смирение Христово и

жаждала его; и стал я умолять Бога, чтобы простил меня и очистил от гордого духа, и дал бы мне мир. И когда душа моя возненавидела грехи, то Дух Святой научил меня непрестанной молитве и любви. И зная, насколько любит Господь народ Свой, в особенности умерших, я каждый вечер проливал за них слезы. Мне жалко, что люди лишаются такого Милостивого Господа. И однажды сказал я духовнику:

– Жалко мне людей, которые мучаются во аде, и каждую ночь я плачу за них, и томится душа моя так, что жалко бывает даже бесов.

И духовник сказал мне, что эта молитва от благодати Божией.

Один подвижник спросил меня: «Плачешь ли ты о грехах своих?» Говорю ему: «Как-то мало, но за умерших много рыдаю». Тогда он говорит мне: «Ты плачь о себе, а других Господь помилует. Так сказал Игумен Макарий».

Послушался я, и стал делать, как он мне сказал, перестал плакать за умерших, но прекратились тогда слезы и за себя.

Сказал я об этом другому подвижнику, который имел дар слез. Он любил помышлять о страданиях Спасителя, как Господь, Царь славы, так много страдал за нас, и каждый день проливал большие слезы. Спросил я этого подвижника: «Молиться ли мне об умерших?»

Он вздохнул и сказал: «Я, если бы было можно, всех вывел бы из ада, и только тогда душа моя успокоилась бы и возрадовалась бы».

При этом он сделал руками движение, как бы собирал снопы на поле, и слезы текли из очей его.

После того не стал я больше останавливать молитвы за умерших, и слезы вернулись ко мне, и много рыдал я, молясь за них.

* * *

Жизнь свою я провел в добре и во грехах, и узнал за шестьдесят лет, какую силу имеет привычка. И душа и ум могут приобрести привычку. И к чему привыкнет человек, то и делает. Если привыкнет ко греху, то так и будет постоянно тянуть ко

греху, и бесы в том помогают; а если привыкнет к добру, то Бог ему в том содействует Своею благодатью.

Так если привыкнешь постоянно молиться, любить ближнего и плакать в молитве за весь мир, то так и будет влечься душа к молитве, слезам и любви. И если привыкнешь давать милостыню, быть послушливым, откровенным на исповеди духовному отцу, то так и будешь всегда делать, и в этом найдешь ты покой в Боге.

* * *

Душа, которая любит осуждать людей, или непослушлива, или неводержна, или оставила покаяние

– не может избавиться от бесовских козней и освободиться от плохих помыслов; но если плачет о грехах своих и любит брата, то Господь дает ей слезы за весь мир.

«О, Господи, дай мне слезы, чтобы плакала душа моя от любви к брату день и ночь».

И вот, Бог слушает молитву, и дает душе «великие слезы».

Любит Господь наш, когда мы в молитве за людей проливаем слезы от любви, и милостиво слушает нас.

* * *

Шел я однажды полем из Усть-Ижорского лагеря, где летом стоял наш саперный батальон, в село Колпино, чтобы там сдать на почту деньги, которые я хотел послать на Святую Гору; по дороге прямо на меня бежала бешеная собака, и когда она совсем приблизилась ко мне, я только сказал: «Господи, помилуй», и с этим словом какая-то сила отбросила собаку в сторону, словно она наткнулась на что-то, и, обежав меня стороной, направилась в Колпино. Там она многих искусила, и много вреда причинила людям и скоту.

С этого раза я познал, как близок Господь к грешному человеку, и как скоро он слушает его молитвы.

* * *

Один раз без нужды я убил муху, и она бедная ползла по земле больная с выпавшими внутренностями, и трое суток я плакал за свою жестокость к твари, и до сих пор все помню этот случай.

Как-то у меня в магазине на портарейке (балконе) завелись летучие мыши, и я облил их кипятком, и снова много пролил слез из-за этого, и с тех пор никогда не обижаю я тварь.

Однажды, идя в Старый (Нагорный) Русик из Монастыря, я увидел на дороге убитую змию, порезанную на куски, и каждый кусок ее судорожно бился, и стало мне жалко всю тварь, и всякое творение страдающее, и я много рыдал пред Богом.

Дух Божий учит душу любить все живое, так что и зеленого листа на дереве она не хочет повредить, и цветка полевого не хочет потоптать. Так Дух Божий научает любви ко всем, и душа сострадает всякому существу, любит даже врагов и жалеет даже бесов, что они отпали от добра.

Потому Господь и заповедал нам любить врагов, и Дух Божий дает силу любить их. И если мы немощны и нет в нас любви, то будем горячо просить Господа, и Его Пречистую Матерь, и всех святых, и во всем поможет нам Господь, Который так много нас любит; и когда коснется Он души и тела, то все в нас изменяется, и бывает великая радость в душе, что она знает своего Творца и Его непостижимое милосердие.

* * *

Есть люди, которые привязываются к животным, и гладят их, и ласкают, и разговаривают с ними, и оставили они любовь Божию, и через то теряется любовь между братьями, за которую умер Христос в великих страданиях.

Неразумно так делать. Животному и скотине дай пищу и не бей их, в этом милость к ним человека, но привязываться, любить, гладить и разговаривать – есть неразумие души.

Душа, познавшая Господа, всегда в любви и страхе предстоит Ему, и как возможно при этом любить, и гладить, и говорить со скотом, с кошками, собаками? Это значит, что забыл человек заповедь Христову любить Бога всем сердцем, всей душою, всем помышлением.

Звери, скотина и всякое животное – есть земля, а мы не должны умом привязываться к земле, но всею силою ума любить Господа, Его Пречистую Матерь, нашу Заступницу, Святых, благоговеть пред ними; они молятся за нас и печальны бывают, когда мы пренебрегаем заповедью Божью.

* * *

Однажды мне пришел помысл купить свежей рыбы.

Денег своих у меня не было, но были монастырские, и я мог бы купить, но не хотел нарушать порядок своей жизни.

Помысл, однако, меня увлек, и дошло до того, что и в церкви, на литургии, и там рыба на уме. Тогда понял я, что это от врага, и познал милостью Божиею, что благодать помогает мало кушать, а бес толкает на многоядение и услаждение пищею.

Три дня мучился я от этого помысла и едва отбилсЯ молитвою и слезами. Так трудно бороться даже с такими малыми помыслами.

А на метохе было со мною так: поем досыта, а через два часа могу опять есть столько же. Я стал себя взвешивать на весах, и что же, – в три дня я прибавил 3 ока (4 кило). И понял я, что это искушение, ибо мы, монахи, должны иссушить свое тело, чтобы в нем не было никаких движений, которые мешают молитве. Сытое тело мешает чисто молиться, и Дух Божий не приходит в насыщенное чрево. Впрочем надо знать меру поста, чтобы не ослабеть безвременно, и тогда не сможешь нести послушание. Знал я одного послушника, который иссушил себя постом, но ослабел и помер преждевременно.

* * *

Помню, стоял я на вечерне в Покровском Соборе; духовник, Отец Н., читал Акафист. Смотря на него, я подумал: иеромонах толстый, не может класть низко поклоны. В эту секунду я сам стал делать поклон, и вдруг кто-то невидимо ударил меня в поясницу, я хотел крикнуть: «поддержите меня», но не смог от сильной боли.

Так Господь милостиво наказал меня и этим вразумил:

– никого не осуждать.

* * *

Однажды после молитвы сел я и думаю: неохота мне помирать. И говорю: Господи, Ты видишь сердце мое, что не хочется мне помирать. Когда кто-нибудь долго не видит родителей своих, то с радостью идет к ним, а Тебя, Милостивый

Господи, душа моя знает, и все же неохота мне помирать. И получаю ответ в душе: это потому что ты мало любишь Меня.

И действительно, мало я люблю Господа.

* * *

Рассказывал Отец Лазарь – капитан.

Один мужик поехал в лес за дровами. Утомившись от трудов, он лег отдохнуть под большим дубом и, снизу смотря на ветви дуба и видя на нем множество крупных желудей, подумал: «было бы лучше, если бы на дубе росли тыквы». С этой мыслью закрыл он глаза, и вдруг упал один желудь и больно ударил его по губам. Тогда мужик и говорит: «Я ошибся, Бог умнее меня, и хорошо устроил, что на дубе желуди, а не тыквы. Будь это тыква, она меня убила бы своею тяжестью».

Так часто все мы осуждаем творение Божие, вместо того, чтобы предаваться на волю Божию. Кто предался Его святой воле, тот покоен, а кто своим умом пытается все постигнуть, тот неискусен в духовной жизни. Чтобы познавать волю Божию, нужно покориться ей, и тогда Господь Своею благодатью будет вразумлять и легко станет жить. И хотя бы болен был тот человек или беден, но радостно будет на душе, потому что здоров он и душой и разумом, и умом зрит он Господа, и во смирении духа любит Его, и от любви той забывает мир; а если и помнит, то любовь Божия понуждает его молиться за мир, и даже до слез. Такой приятный путь Господень для духа нашего.

* * *

Недавно был пожар на келлии Св. Стефана. Монах этой келлии, когда загорелся корпус, был наруже, и, чтобы спасти какие-то вещи, он бросился вовнутрь, и сгорел сам. А если бы он помолился Господу и сказал: «Господи, хочу спасти такую-то вещь, внуши мне, могу ли я это сделать?», то Господь непременно известил бы его, и сказал бы «иди», если можно, и «не иди», если нельзя. Так близок к нам Господь, и так много Он нас любит.

В жизни своей я много раз в час беды спрашивал Господа, и всегда получал ответ. Эту любовь мы постигли не своим умом, но милосердием Божиим от благодати Святого Духа. Быть может кто-нибудь скажет, что так бывает только со святыми, но я

говору, что и самых грешных любит Господь и дает Свои милости, лишь бы отвратилась душа от греха, и Господь с великою радостью принимает ее в свои объятия и ко Отцу приносит, и радуются тогда о ней все небеса.

* * *

14-го сентября 1932 г. на Афоне было сильное землетрясение.

Произошло оно ночью, в четвертом часу⁴⁴, во время бдения на Воздвижение. Я стоял на хорах, близ исповедальни о. Наместника, а сам Наместник стоял рядом со мной, вне исповедальни. В исповедальне из потолка упал кирпич и посыпалась штукатурка. Сначала я немного испугался, но скоро успокоился и говорю Наместнику: «Вот Милостивый Господь хочет, чтобы мы каялись». И смотрели мы на монахов, и внизу в храме и на хорах, и мало кто испугался, человек шесть приблизительно вышло из Церкви, а остальные оставались на месте, и бдение продолжалось своим порядком, и так тихо, как будто ничего не случилось. И думал я: как много благодати Святого Духа в монахах, что при столь сильном землетрясении, когда трепетал весь огромный корпус монастырский, сыпалась известка, качались паникадила, лампы и подсвечники, на колокольне зазвонили колокола, ударил даже большой колокол от сильных сотрясений, а они остались покойны. И думал я: «Душа, познавшая Господа, ничего не боится, кроме греха, и особенно греха гордости. Она знает, что нас любит Господь, а если Он нас любит, то чего же нам бояться».

Милостивый Господь посылает нам вразумление: «Дети Мои, кайтесь и живите в любви, будьте послушны и воздержны, и научитесь от Меня кротости и смирению, и обрящете покой душам вашим».

* * *

Однажды шел я в Сербский Монастырь Хилендарь. Ко мне присоединился Отец Николай, фондаричный (гостиник) нашего Фиваидского Скита. Шли мы ночью, зеленым лесом; путь был приятный, и беседа тоже была приятная. Мы говорили о любви к ближнему, и Отец Николай мне рассказал замечательный случай.

В России, на юге, около Ростова, работала артель в 20 человек. Один из них, по имени Андрей, был очень плохого характера и поведения, так что тяжело с ним было жить. А один, самый молодой из всех, был весьма добрый человек, любил Бога и хранил заповеди Господни, звали его Николай. Когда Андрей много зла и неприятностей сделал своим товарищам, то задумали в артели его убить, но молодой Николай не соглашался на это зло и убеждал их никак не убивать. Не послушали артельщики Николая и убили Андрея. Убийство стало известно. Дошло дело до полиции. Тогда Николай, видя беду их, говорит им: «У всех у вас есть жены и дети, а я холостой – один.

Скажите, что я убил, и я скажу тоже, что я убил; мне не трудно пойти на каторгу, и пойду я один, а вас если осудят, то сколько народу будет страдать».

Сначала артельщики не отвечали, потому что стыдно им было пред Николаем, который их уговаривал не убивать: но потом все-таки Николай их убедил, и согласились все говорить, что убил Николай.

Приехали в то место начальники, прокурор, следователи, жандармы; началось следствие: кто убил? Николай говорит: «Я убил». Спрашивают других, те тоже говорят, что Николай убил. У Николая было лицо кроткое, и характер смиренный, и говорил он спокойно и тихо.

Следователи долго допрашивали; им не верилось, что такой кроткий и спокойный человек – убийца, но дело в суд было передано по порядку. На суде тоже всем было удивительно, что такой смиренный и ласковый человек убил, и никто из судей не хотел этому верить, несмотря на то, что Николай говорил, что он убил. И долго не могли вынести приговор судьи.

У всех в суде не двигалась рука подписать ему приговор. И снова много его допрашивали и всех прочих, чтобы выяснить тайну, и заклинали его сказать правду. Наконец Николай, невинный подсудимый, сказал, что если не будут преследовать настоящего убийцу, то он скажет истину. Во время суда выяснилось, что убитый Андрей был дурной человек, и прокурор

и судьи, все согласились прекратить дело, если узнают истину. И тогда не сам Николай, а другие рассказали, как было дело, и как Николай согласился взять на себя вину, чтобы спасти их от наказания. Суд прекратили, сказали, что преступление Николая не было доказано, а один из начальников даже сказал: «Андрей был плохой человек, по делом ему и мука, а эти люди хорошие и пусть живут в мире».

И видно из этого случая, какую силу имеет любовь к ближнему. Благодать Божия была в сердце молодого Николая, и отражалась на его лице, действовала на всех других.

Отец Иоанн Кронштадтский

ОТЦА ИОАННА я видел в Кронштадте. Он служил Литургию. Я удивлялся силе его молитвы, и доселе, а прошло почти сорок лет, не видел, чтобы кто служил так, как он. Народ любил его, и все стояли со страхом Божиим. И не дивно: Дух Святой влечет к Себе сердца людей. Мы видим из Евангелия, как множество народа ходило за Господом. Слово Господне привлекало народ, ибо оно говорится Духом Святым, и потому оно сладко и приятно для души.

Когда Лука и Клеопа шли в Эммаус, и на пути к ним приблизился Господь и говорил с ними, то сердца их горели любовью к Богу. И Отец Иоанн имел в себе обильно Духа Святого, Который согревал его душу любить Бога, и тот же Дух через него действовал на людей. Я видел, как народ бежал за ним, как на пожар, чтобы взять от него благословение, и получив, радовались, ибо Дух Святой приятный и дает душе мир и сладость.

Некоторые плохо думают об Отце Иоанне, и этим оскорбляют Духа Святого, Который в нем жил и живет после смерти. Они говорят, что он был богат и хорошо одевался. Но они не знают, что в ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге, и от Бога изменилась, и забыла свое богатство и наряд.

Счастливы те люди, которые любят Отца Иоанна, ибо он будет молиться за нас.

Его любовь к Богу горяча, весь он в пламени любви. О, великий Отец Иоанн, молитвенник наш! Благодарю я Бога, что видел тебя, благодарю и тебя, пастырь добрый и святой, ибо ради твоих молитв я расстался с миром и пришел на Святую Гору Афонскую, где увидел великую милость от Бога. И теперь пишу, радуясь, что Господь дал мне понять жизнь и подвиг доброго пастыря.

Великий подвиг – жить с молодой женой и не прикасаться к ней. Это могут только те, которые ощутимо носят в себе Духа Святого. Он сладкий и побеждает любовь милой жены.

Многие Святые боялись близости жен, а Отец Иоанн и среди жен имел Духа Святого, сладость Которого превышает любовь плотскую.

Еще скажу – он был настолько смирен, что не терял благодати Святого Духа, и потому так много любил он народ и приводил умы людей к Богу.

Видишь в нем силу Духа Святого? Когда читаешь его книгу «Моя жизнь во Христе», то душа чувствует в словах его силу благодати Божией. Ты говоришь: «А я читаю без всякого вкуса». Но спрошу тебя: Не потому ли это, что ты гордый? А благодать к гордому сердцу не прикасается.

О, Отец Иоанн, ныне ты живешь на небесах и зришь Господа, Которого возлюбила душа твоя еще на земле; просим тебя: молись за нас, чтобы и мы возлюбили Господа и приносили покаяние, которому радуется Господь.

О, добрый и святой пастырь, ты как высокопарный орел возвысился над великой Россией и видел нужды народа с высоты, на которую возвел тебя Дух Святой, живущий в тебе.

Силою Духа Святого ты привлекал народ к Богу, и люди, слушая слово Божие из уст твоих, рыдали и приносили горячее покаяние.

О, великий и добрый пастырь, ты хотя и умер телом, но духом ты с нами, и предстоя Богу, в Духе Святом ты видишь нас с небес. И мы смиренно почитаем тебя.

Отец Стратоник

ДВАЖДЫ ПОСЕТИЛ Святую Гору Кавказский пустынник – Отец Стратоник.

Родом он был из Харьковской губернии; в миру был торговцем, имел свой магазин; были у него и дети. И загорелась душа его великим жаром покаяния, и, оставив семью и имение свое, удалился он на Кавказ.

Это был дивный муж. При виде его душа приходила в трепет. Его глаза были постоянно в слезах; а когда он начинал говорить о Боге, то говорил с великим чувством и смиренным видом, и все слушавшие его получали радость и утешение. Слово его было сильное, пропитано страхом Божиим и любовью; он был воистину, как орел среди отцов. От общения с ним люди изменялись душою и, видя его святую жизнь, смирялись. Словом своим он перековывал души и многих восставил от падения.

Слушая его, душа забывала земное и горячо тянулась к Богу.

Ростом он был немного выше среднего; лицом приятный, темноволосый; всем он нравился.

Кавказские подвижники его почитали, и достойно; он нес трудные подвиги; терпел жар и холод; зимою ходил босиком, страдая ради любви Божией, и никогда не было в устах его ропота на Бога, но душа его предалась на волю Божию и с радостью несла все страдания. Он проповедовал огненное покаяние и многих от тяжкого уныния привел к усердному подвигу. В его словах ясно ощущалась благодать Божия, и она возрождала умы человеческие и отрывала их от земли.

Однажды кавказские подвижники привели его к одному бесноватому, и когда Отец Стратоник увидал его, то от многой любви заплакал и сказал: «О, бедное творение Божие, как мучается от беса», и сделал на нем крестное знамение со словами: «Да исцелит тебя Господь Иисус Христос», и больной сразу стал здоров.

Такой силы была вера и молитва этого мужа.

О, дивный любитель плача, дорогой наш Отец Стратоник, где обитаешь ты теперь?

Приди к нам, и мы построим тебе келлию на высокой горе, и будем смотреть на твое святое житие, и по мере сил подражать твоему великому подвигу.

Время твоих слез, Отче, прошло. Ныне ты на небесах слушаешь песни херувимские и видишь славу Господню, Которого возлюбила душа твоя на земле и, стремясь к Нему, предавалась плачу покаяния. Господь любит человека и дал ему сей плач, чтобы душа омылась в этой воде и стала чисто созерцать Господа в духе любви и страха благоговения.

Говорил еще Отец Стратоник, что придет время, когда монахи будут спасаться в мирской одежде.

* * *

Всеми силами до последнего конца жизни нужно хранить первую ревность, потому что многие ее потеряли и не возвратили. Для этого нужно постоянно помнить смерть, и если душа хоть отчасти готова к смерти, то не боится ее, но приходит в смирение и покаяние, и забывает все мирское, и хранит ум нерассеянным, и усердно молится.

Кто помнит смерть, тот не прельщается миром, любит ближних и даже врагов, бывает послушлив, воздержен; чрез это сохраняется в душе мир, и приходит благодать Святого Духа.

А когда Духом Святым познаешь Бога, тогда душа твоя усладится Господом, и ты возлюбишь Его, и всегда будешь помнить сладость Духа Святого, и это есть воистину пища небесная.

Мы много беседовали об этом с великим подвижником Отцом Стратоником. Он рассказывал мне, что встретил на Кавказе семь человек, вкусивших благодати Святого Духа, но некоторые из них не знали пути Господня, не знали они, как воспитывает души Господь, и потому ослабели позднее. Об этом говорится в Писании и у Святых Отцов, но много надо прожить, чтобы опытом познать все сие.

В начале, когда человек приходит работать Господу, Господь Своею благодатью дает душе силу ревновать о добром, и все ему легко и удобно; и когда душа увидит в себе это, то по неопытности думает: «Я так всю жизнь буду ревновать». И при этом превозносится пред теми, кто живет нерадиво, и начинает

их осуждать; и так теряет ту благодать, которая ему помогала исполнять заповеди Божии.

И не понимает душа, как это случилось, – то было так хорошо, а теперь все трудно, и молиться не хочется. Но не надо пугаться: это Господь воспитывает милостиво душу. Душа, как только превознесется над братом, то в ту же минуту приходит плохой помысл, неугодный Богу, и если душа смирится, то благодать не отойдет, а если нет, то последует некое малое искушение, чтобы смирилась душа. Если опять не смирится, то начнется блудная брань. Если опять не смирится, то впадет в некий грех. Если и тогда не смирится, то придет большее искушение и будет большой грех. И так будет усиливаться до тех пор, покамест не смирится душа; тогда отходит искушение, и если много смирится, то придет умиление и мир, и все дурное исчезнет.

Итак «вся война идет за смирение». Враги пали гордостью, и нас влекут в погибель тем же. Враги нас хвалят, и если душа примет похвалу, то отступает благодать от нее, покамест не покается. Так всю жизнь душа учится Христову смирению, и доколе не имеет смирения, всегда будут ее мучить плохие помыслы. А смиренная душа обретает покой и мир, о котором говорит Господь (Ин.14:27).

Пост, и воздержание, и бдение, и безмолвие, и другие подвиги помогают, но главная сила в смирении. Мария Египетская постом иссушила себя за один год, потому что ей нечем было и питаться, но с помыслами боролась 17 лет.

Смирению сразу не научишься. Потому Господь и говорит: «научитесь от Меня смирению и кротости». Чтобы научиться, надо время. А некоторые постарели в подвигах, а смирению так и не научились, и не могут они понять, почему им нехорошо, нет мира и душа унылая.

* * *

Сегодня пришел ко мне Отец Т... (пустынник). Зная, что Старец этот – подвижник, я подумал, что он любит говорить о Боге. Долго я с ним беседовал, и потом просил его сказать душе моей слово, чтобы я исправил свои ошибки. Он немного помолчал и затем сказал:

«В тебе видна гордость... Зачем ты так много говоришь о Боге? Святые любовь Божию скрывали в своей душе, а говорить любили о плаче».

Отче Т..., ты смирил мою душу, которая любит Творца.

Любит душа моя Господа, и как скрою огонь сей, который согревает душу мою?

Как скрою милости Господни, которыми увлечена душа моя?

Как забуду милости Господни, в которых душа моя познала Бога?

Как могу я не говорить о Боге, если душа моя пленена Им?

Как буду молчать о Боге, когда дух мой распален любовью к Нему день и ночь? И разве противник я плача?

Что ты, Отче, вещал душе моей: зачем о Боге много говорю?

Ведь душа моя любит Его, и как скрою любовь Господню ко мне?

Я достоин вечных мук, но Он простил меня и дал мне благодать Свою, которая не может скрыться в душе.

Разве ты не знаешь, что я тебя люблю, и стал говорить о Боге, думая, что и твоя душа любит Бога и согрета любовью Божиею?

Но что скажу я душе моей? Скрой слова Господни в себе? Но ведь об этом знают все небеса; и я буду спрошен: зачем скрыл я милости Господни и не сказал о них людям, чтобы все любили Бога и нашли в Нем покой?

Ведь Владыка всех нас милостиво зовет: «приидите ко Мне все труждающиеся, и Я упокою вас».

Душа моя знает сей покой в Боге, и потому я, любя Бога и брата моего, говорю о милосердии Божиим.

Я думал, что душа твоя веселится о Боге также, как и моя, но ты смирил мою душу, сказав: «Зачем ты много говоришь о Боге?»

Но ведь я истину говорю, что Господь наш милостив и прощает людям грехи их.

Итак, сомкну уста мои молчанием, и буду петь песнь Богу душою, чтобы веселился наш Господь, ибо Он безмерно любит

нас, и пролил кровь Свою, и дал нам Духа Святого.

* * *

Отец Кассиан говорил, что еретики все погибнут. Я не знаю этого, но я верю только Православной Церкви: в Ней радость спасения во Христовом смирении.

Благодарю Тебя, Господа и Создателя моего, что Ты милостиво смирил душу мою, и открыл мне путь, которым шли Святые Твои. Ты любишь плачущих, и путем плача шли к Тебе все Святые. Ты любишь смиренных, и Своею благодатию учишь их любви и смирению, чего боятся враги наши бесы. Ты радуешься, Господи, о смиренной душе; дай же мне, Милостивый, идти к Тебе путем Святых Твоих, путем смиренного плача, который Ты показал мне.

* * *

Был у нас в монастыре послушник, который упал с дерева при сборе маслин, и отнялись у него ноги. Когда он лежал в больнице в Преображенском корпусе, умер монах, лежавший рядом с ним, на соседней кровати. Служитель стал готовить тело умершего к погребению, и попросил больного послушника поддержать иголку.

Больной ответил: «Что ты меня беспокоишь?» Но после этого слова душа его стала немирна, и тогда позвал он духовника и исповедал ему свой грех преслушания.

Мудрый поймет, почему душа монаха стала немирна, а немудрый скажет, что это пустяки.

* * *

1-го июля 1932 г. пришел ко мне со Старого Русика Отец Пантелеймон. Я спросил его, как он поживает, и он с радостным лицом отвечает:

- Очень я радуюсь.
- Почему же ты радуешься, – спрашиваю его.
- Все братья меня любят.
- За что же они тебя любят?
- Я всех слушаюсь, когда меня кто куда пошлет, – говорит он.

И подумал я: легок путь в Царствие Божие. Он обрел покой через послушание, которое творит ради Бога, и потому на душе

его хорошо.

* * *

Иеромонах Отец И... мне рассказывал, что у нас на Крумнице стал помирать один схимонах, и не может помереть. Ему говорят: «Ты не исповедал грехов своих, и потому не помираешь». Он говорит: «Я дважды исповедался, но думаю, что грехи мне не прощены, и я хочу исповедаться у Игумена Макария». По его желанию так и сделали: приехал из Монастыря Игумен Макарий и исповедал схимонаха, и тогда тот спокойно и в мире скончался.

Отец Иеромонах И... спросил меня, почему это так, и я ответил ему, что хотя он и исповедался, но не было у него веры, что грехи прощены, и по его душевному расположению, т. е. по неверию его, так и было. Но мы должны иметь крепкую веру, что в Церкви нашей все установлено Духом Святым, и тогда по вере своей человек получает от Господа благодать.

Молодой монах

БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, Господи, что сегодня Ты прислал мне раба Твоего, молодого монаха, имя которого скрою, чтобы не пал он от тщеславия, и обесценится тогда его святая жизнь.

Этот молодой монах, в беседе по любви, сказал мне, что он за тридцать лет своей жизни никогда никого не оскорбил. Я смотрел на него, и душа моя смирилась в прах пред ним.

С детства душа его возлюбила Бога и он, созерцая духом Господа, не смел оскорбить кого-либо, и за это Господь сохранил его от грехов.

Вот за этих людей, думаю, Господь сохраняет мир, ибо они так приятны Богу, и Бог всегда послушает Своих смиренных рабов, и нам всем бывает хорошо за их молитвы.

Благодарю Тебя, Господи, что Ты показал мне Твоего раба.

И сколько еще есть святых, которых мы не можем знать, но душа слышит приход святых и изменяется во смирении Духа Христова. Дух Божий живет во святых, и душа чувствует пришествие Его.

О, Господи, дай, чтобы все люди были подобны этому молодому монаху. Весь мир красовался бы славою, потому что

благодать Божия жила бы в мире обильно.

Дух Святой дает душе познать любовь Божию и любовь к человеку. Дух Святой научает душу кротости и смирению, и она покойна в Боге, и забывает все горести этого мира, ибо Дух Святой утешает ее. Души святых вкушают Духа Святого еще на земле. Это и есть то «Царствие Божие...», которое «внутри нас», как говорит Господь.

* * *

Сегодня мы с Отцом ... говорили о благородстве души.

Действительно она благородная, ибо приняла благородство от Самого Господа, которое Он дал ей, любя ее. И мы должны хранить его; а хранится оно все тем же благородством, которое дал душе Господь.

Когда по воскресении Господь явился ученикам Своим, и стал говорить Апостолу Петру, то не укорил его, но благородно спросил:

«Любишь ли Меня?» (Ин.21:15). Это ласковое слово отеческой любви Господа учит нас, чтобы и мы также поступали с людьми, когда кто-нибудь нас обидит. В этом и есть благородство Христово, и оно непостижимо человеку, и познается только Духом Святым.

Слава Господу и Его милосердию, что Он научает нас Духом Святым, а то бы мы не знали, какой наш Господь.

Орел и петух

ЛЕТАЛ ОРЕЛ в высоте, наслаждался красотой мира и думал: «Я пролетаю большие пространства и вижу долины и горы, моря и реки, луга и леса; вижу множество зверей и птиц; вижу города и селения, и как живут люди; а вот деревенский петух ничего не знает, кроме своего двора, где видит всего лишь немного людей и скота; полечу к нему и расскажу о жизни мира».

Прилетел орел на крышу сельского дома и видит, как храбро и весело гуляет петух среди своих кур, и подумал: «значит он доволен своею судьбою; но все-таки расскажу ему о том, что знаю я».

И стал орел говорить петуху о красоте и богатстве мира. Петух сначала слушал со вниманием, но ничего не понимал. Орел, видя, что петух ничего не понимает, опечалился, и стало ему тяжело говорить с петухом; а петух, не понимая, что говорит орел, заскучал, и стало ему тяжело слушать орла. Но каждый из них оставался доволен своею судьбою.

Так бывает, когда ученый человек говорит с неученым, но еще более, когда духовный говорит с недуховным. Духовный подобен орлу, а недуховный петуху; ум духовного день и ночь поучается в законе Господнем и молитвою восходит к Богу, а ум недуховного привязан к земле или занят помыслами. Душа духовного наслаждается миром, а душа недуховного остается пустою и рассеянною. Духовный, как орел летает в высоте, и душою чувствует Бога, и видит весь мир, хотя и молится в темноте ночи, а недуховный наслаждается или тщеславием, или богатством, или ищет плотских наслаждений. И когда духовный встречается с недуховным, то обоим им скучно и тяжело общение.

Беседы с детьми⁴⁵

МИЛЫЕ ДЕТИ бегают по лугам, рвут цветы, поют и радуются, потому что их веселит благодать Божия. Но вот увидели они монаха и говорят ему:

– Смотри: Господь украсил небо звездами и землю реками и садами; орлы высоко под облаками летают и наслаждаются красотой природы; птицы весело поют в рощах и полях, а ты, монах, сидишь в келлии и не видишь всей красоты Божией. Сидишь и плачешь. О чем ты плачешь в своей маленькой келлии, когда солнце светит, весь мир в красоте, и всюду радость на земле?

Так спрашивали дети монаха, но он отвечал им:

– Дети, вы не понимаете моего плача. Душа моя плачет о вас, что вы не знаете Бога, Который создал всю эту красоту. Душа моя знает Его, и всем вам я хочу этого знания, и поэтому скорблю и слезно молю Бога о вас, чтобы и вы познали Господа Духом Святым.

– Что значит познать Господа Духом Святым?

– Умом, дети, познать Господа нельзя. Но вы читайте Божественное Писание, в нем живет благодать, которая будет улаживать вас, и так вы познаете Господа и будете с радостью работать Ему день и ночь.

Когда же познаете Господа, тогда уйдет желание смотреть на этот мир, но душа будет стремиться видеть славу Господню на небесах.

– А нам нравятся цветы, и мы любим гулять и веселиться.

– Вы любите гулять по полям и рвать цветы; вы любите петь и слушать пение птиц, но есть на небе прекраснее всего этого, – рай, где живет Господь со ангелами и святыми.

Там тоже есть веселие и поются песни, но иные, лучшие, и когда душа услышит те песни, то не может забыть их никогда, и уже не влекут ее песни земные.

– Но мы любим петь.

– Пойте, дети, Господу Духом Святым; пойте во смирении и любви.

– А почему ты плачешь, мы не понимаем?

– Я плачу о вас, детки. Глядя на вас, жалею вас и прошу Господа, чтобы хранил Он вас, чтобы познали вы Творца и Господа своего. Я смотрю на вас, и вот, вы похожи на отрока Христа, и хочу, чтобы вы не потеряли благодать Божию и не стали бы, когда вырастете, похожи на врага за плохие мысли. Я хочу, чтобы вы всегда были похожи на Сына Пречистой Матери Божией.

Этого желает душа моя вам. Об этом я и молюсь. Мне жалко всех детей на земле, и потому я плачу за всех невинных детей и сирот. Я плачу, дети, за мир и сетую о всем народе Божиим.

«Господи, пошли милость Твою на детей земли, которых Ты любишь, и дай им познать Тебя Духом Святым, и научи их славить Тебя.

Слезно прошу Тебя, услышь молитву мою, и всем дай познать славу Твою Духом Святым».

– Дети, любите Бога, как любят Его Ангелы на небесах.

– Мы никогда не видали Бога, как можем мы Его любить?

– Детки мои возлюбленные, вы думайте о Боге всегда, что Он вас любит, и дал вам жизнь для того, чтобы вы вечно с Ним жили и наслаждались Его любовью.

– Как можем мы знать, что Бог нас любит?

– По плодам, детки, познается любовь: – когда мы в любви Божией, то боимся греха, и на душе покойно и весело, и хочется помнить Бога все время, и хочется молиться, и в душе хорошие мысли.

– Как узнать, какие мысли в нас живут, и какие из них хорошие или плохие?

– Чтобы распознать мысли добрые от злых, нужно держать ум свой чистым в Боге.

– Не понимаем, как можем мы держать ум в Боге, когда мы не видели Бога и не знаем Его; и что значит – чистый ум?

– Детки, вы помышляйте, что Бог вас видит, хотя вы Его не видите. Так вы будете ходить всегда пред лицом Господа. Хотя это малая любовь, но если сохраните слово мое, то оно приведет вас к большой любви, и тогда Духом Святым вы познаете все то, что я вам говорю, и чего сейчас вы еще не понимаете.

XX. Аскетические мысли, советы и наблюдения

МЫСЛИ МОИ пережиты долгими годами. Божии милости были со мною без конца. И если бы Господь не вразумлял меня, как Добрый Пастырь, Своею благодатью, то враги поглотили бы меня.

Я пишу милости Господни, и мне легко писать, ибо душа моя знает Господа Духом Святым, и знает, как много Он любит человека. По множеству любви и кротости Своей Он не помянет нам грехов наших.

Дух мой ненасытно желает то молиться, то писать, или говорить о Боге, мирских же дел душа моя не хочет слышать.

* * *

Если ты говоришь или пишешь о Боге, то молись и проси у Господа помощи и вразумления, и Господь будет тебе содействовать и вразумлять.

И если есть у тебя недоумение, то сделай три поклона и скажи: «Господи, Ты видишь, Милостивый, душа моя в недоумении и я боюсь погрешить. Вразуми меня, Господи».

И Господь непременно вразумит, потому что Он очень близок к нам. Если же ты усомнишься, то не получишь просимого.

Так Господь сказал Петру: «Почто усумнелся еси, маловере?» (Мф.14:31), когда тот стал утопать в волнах. Так и душа, когда усомнится, то начинает утопать в плохих помышлениях.

«Господи, даруй нам полную веру к Тебе Духом Святым».

* * *

Кому не дано учить, а он учит, тот оскорбляет величие Божие.

* * *

Есть люди, и даже великие, которые, когда приходит недоумение, не спрашивают у Господа; а надо прямо говорить: «Господи, я человек грешный и не разумею, как должно, но Ты, Милостивый, вразуми меня, как нужно поступить». И милостивый Господь не хочет, чтобы душа наша была в

смущении от врага, и внушает, что надо делать и чего не делать.

* * *

Когда мы многое знаем, то возблагодарим Господа за данное знание. Но одного знания недостаточно; надо чтобы были плоды Святого Духа в душе, хотя бы малое зерно, которое в свое время вырастет и принесет обильный плод.

* * *

Я пишу, и мне легко писать, потому что душа моя знает Господа. Но лучше молиться нерассеянно, ибо молитва дороже всего. Но непрестанно пламенно молиться душа не имеет сил, и потому надо давать ей отдых от труда молитвенного, тогда можно читать, или размышлять, или писать о Боге. Кому как внушает Господь.

Хорошо поучаться в законе Господнем день и ночь. Чрез это душа обретает покой в Боге, и Господь объемлет всю душу; и тогда для нее нет ничего, кроме Бога.

Когда душа в Боге, то мир забыт совсем, и душа созерцает Бога. А в другое время Господь двигает душу Своею благодатью молиться за весь мир; иногда же за одного кого-либо.

Когда и как хочет Господь. Но чтобы видеть тайны Божии, надо усердно просить у Господа смиренного духа, и тогда мы познаем их Духом Святым.

* * *

Знай, что когда случится беда народу, и душа заплачет пред Богом за этот народ, то он будет помилован. Для этого Дух святой коснулся души и дал ей молитву за людей, чтобы они были помилованы. Так Милостивый Господь любит создание Свое.

Возможно, что кто-нибудь подумает: как же я буду молиться за весь мир, когда сам за себя не могу молиться?

Но так говорят те, кто не познал, что Господь слушает наши молитвы и приемлет их.

Молись просто, как дитя, и Господь услышит твою молитву, ибо Господь наш настолько Милостивый Отец, что мы ни понять, ни вообразить этого не можем, и только Дух Святой открывает нам Его великую любовь.

* * *

Кто любит скорбящих, тому Господь дает пламенную молитву за людей. Они молятся со слезами за народ, который любят и за который скорбят, но скорбь эта – угодная Богу.

Господь избирает молитвенников за весь мир. Киевскому подвижнику Парфению, желавшему узнать, что есть схима монашеская, Божия Матерь сказала: «Схимник – это молитвенник за весь мир».

* * *

Господь хочет всех спасти, и по благодати Своей призывает весь мир. Воли от души Господь не отнимает, но благодатью Своею толкает ее к добру и влечет к Своей любви. И когда хочет Господь кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание за него молиться, и помогает в этой молитве. Поэтому должно знать, что когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы.

Но не должно смешивать желание молиться, которое внушает Господь, с желанием (которое рождается) по пристрастию к тому, о ком молишься.

Когда молитва идет от чистой скорби о живом или умершем, то в ней нет пристрастия. Душа в этой молитве скорбит о нем и усердно молится, и это есть признак милости Божией.

* * *

Душа моя испытала и видела великие милости надо мной и над теми, за которых она молилась; и я понял, что когда Господь дает скорбь о ком-нибудь и желание молиться о нем, то это значит, что Господь хочет помиловать того человека. Поэтому если кому придет скорбь о ком-либо, то надо молиться за него, потому что Господь, ради тебя, хочет помиловать его. И ты молись. Господь услышит тебя, и ты прославишь Бога.

* * *

Всякая мать, когда узнает беду о детях, то тяжело страдает или даже умирает. И я испытал подобие. Одно срубленное и очищенное дерево быстро катилось по подкосу на человека. Я видел это, но от великой скорби не мог ему крикнуть: «уйди скорей»; у меня заболело и заплакало сердце, и дерево

остановилось. Человек этот был для меня чужой: я не знал его, а если бы это был родной, то, думаю, вряд ли остался бы я жив.

* * *

Молитва горделивых – негодна Господу; когда же душа смиренного скорбит, то Господь непременно послушает ее. Один старец-иеросхимонах, живший на полугоре Афона, видел, как молитвы монахов восходили к небесам, и я этому не удивляюсь. Тот же старец, когда был мальчиком, видя скорбь своего отца по случаю сильной засухи, грозившей погубить весь урожай, пошел в коноп на огороде и стал молиться:

«Господи, Ты Милостивый, Ты нас создал. Ты всех питаешь и одеваешь; Ты видишь, Господи, как скорбит мой отец о дожде, Ты пошли на землю дождь».

И собрались тучи, и пошел дождь, и смочил землю.

А один старец, который жил при море у пристани, рассказывал мне:

«Была темная ночь. Пристань была полна лодками рыбаков. Началась буря и скоро усилилась. Лодки стали биться одна о другую. Люди старались их привязывать, но было невозможно в темноте и в бурю. Все смешалось. Рыбаки стали кричать, что есть силы, и стало страшно слушать крики испуганных людей. Я заскорбел о народе и слезно молился:

«Господи, укроти бурю, утиши волны, скорбящих людей Твоих пожалей и спаси. И скоро буря престала, утихло море, и успокоенные люди благодарили Бога»⁴⁶.

* * *

Раньше я думал, что Господь творил чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешному сотворит Господь чудо, как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его молитвы.

Многие по неопытности говорят, что такой-то святой сделал чудо, но я узнал, что это Дух Святой, Который живет в человеке, творит чудеса. Господь хочет, чтобы все спаслись и вечно были с Ним, и потому слушает молитвы грешного человека, ради пользы других, или самого того, кто молится.

* * *

Кто просит у меня молитв, за тех слезно прошу Господа: «Господи, дай им Духа Твоего Святого, да познают Тебя Духом Святым».

* * *

Господь любит нас грешных без конца, и дает человеку Духа Святого, и душа Духом Святым знает Господа и блаженствует в Нем, благодарит и любит Его, и от великой радости жалеет весь мир, и сильно желает, чтобы все люди познали Бога, потому что и Сам Господь того всем желает. Но поистине это возможно только по благодати даже и в малой мере. А без благодати человек подобен скотине.

О, как жаль тех людей, которые не знают Бога. А мы, православные христиане, счастливы, ибо знаем Бога. Научил нас Дух Святой. Он научает нас и врагов любить.

* * *

Человек, покамест не узнает большего, доволен тем малым, что имеет. Он подобен петуху деревенскому, который живет на малом дворе, видит немного людей и скота, знает десяток своих кур, и доволен своей жизнью, потому что большего не знает.

А орел, который летает высоко в облаках и видит зорким глазом дали, и слышит издалека запахи земли, и наслаждается красотой мира, знает многие страны, моря и реки, видит множество зверей и птиц, не будет доволен, если посадить его с петухом на малом дворе.

И человек, покамест не узнает большего, бывает доволен тем малым, что имеет. Так часто бедный крестьянин бывает доволен тем, что есть у него пропитание и одежда, и благодарит за это Бога. Но ученый человек, развитой наукою, не будет доволен такою жизнью, и ищет простора для своего ума.

Так же бывает и в духовной жизни. Кто не познал благодати Святого Духа, тот подобен петуху, который не знает орлиного полета, не понимает сладости умиления и любви Божией. Он познает Бога из природы и из Писания; он удовлетворяется правилом, и тем бывает доволен, как доволен петух своею долею и не скорбит, что он не орел.

Но кто познал Господа Духом Святым, тот молится день и ночь, потому что благодать Святого Духа влечет его любить Господа, и от сладости любви Божией он легко несет все скорби земли, и душа его непрестанно скучает только о Господе и всегда ищет Благодати Святого Духа.

* * *

Кто хочет непрестанно молиться, тот да будет во всем воздержен и послушен старцу, которому служит. Он должен чисто исповедоваться и помышлять, что и духовником его и старцем управляет Господь благодатью Своею, тогда не будет у него плохих мыслей против них.

Такого человека за его святое послушание будут учить благие мысли от благодати, и он будет преуспевать во смирении Христовом. Если же подумает: мне нет нужды советоваться с кем-нибудь, и оставит послушание, то станет раздражительным, и не только не преуспеет, но и потеряет молитву.

Чтобы удержать молитву, надо любить тех людей, которые тебя обижают, и молиться за них до тех пор, пока душа не примирится с ними, и тогда даст Господь непрестанную молитву, ибо Он дает молитву молящемуся за врагов.

В молитве учитель – Сам Господь, но надо смирять свою душу. Кто правильно молится, у того на душе мир Божий. У молитвенника должно быть милующее сердце ко всей твари.

Молитвенник всех любит и всех жалеет, ибо благодать Святого Духа научила его любви.

* * *

Молитва – дар Святого Духа. Бесы всеми силами стараются отвести человека от памяти Божией и от молитвы. Но душа, любящая Бога, скучает о Боге, и прямо к Нему молится: «скучает душа моя по Тебе и слезно ищу Тебя!»

* * *

У молящегося сердце молится без принуждения: сама благодать творит молитву в сердце. Но ты смирай себя, как можно больше; держи ум свой в сердце и во аде. Чем больше смиришь себя, тем большие получишь дары от Бога.

* * *

Слава милосердию Господа, что Он дает нам грешным быть в Боге.

Чтобы пребывать в Боге, будь доволен тем, что имеешь, хотя бы ты и ничего не имел. Будь доволен и благодари Бога, что у тебя ничего нет.

Будь доволен тем, что ты служишь Богу, и он поставит тебя со Святыми.

* * *

Кто хочет любить Господа, тот должен любить врагов и быть незлобивым; тогда Господь дает радость непрестанно славословить Его день и ночь, и ум твой будет забывать мир; а если и возвратится и вспомнишь, то усердно будешь молиться за мир.

Так жили Святые, ибо Дух Божий учит душу молиться за людей.

* * *

Дух Святой учит любить Бога, а любовь хранит заповеди. Господь сказал: «Кто любит Меня, тот заповеди Мои сохранит» (Ин.14:15). Если бы Адам любил Господа, как Божия Матерь, то сохранил бы он заповедь. И мы видим на опыте, что кто любит Бога, у того ум управляется Божиею благодатью и тонко видит все козни врага. Когда же Господь утешает душу, тогда она не видит уже врагов, но созерцает только одного Господа.

* * *

Послушливый закону Божию будет понимать, как хороши все заповеди Господни. Какую ни возьми заповедь, она приносит радость и веселие. Возьмите первую – любить Бога.

Если ты помышляешь, что Господь нас любит, то за это помышление тебе будет дан мир. Возьмем вторую – любить ближнего. Если ты помышляешь, что любит Господь людей Своих и что в них живет Дух Святой, то душа твоя усладится законом Божиим, и тогда будешь гнаться за ним день и ночь, и будет дано тебе рассуждение добра и зла.

* * *

Когда Господь хочет утешить скорбящую душу, то дает ей радость, слезы, умиление, и мир душевный и телесный, а иногда и Сам Себя являет душе.

Апостолы видели Господа во славе, когда Он преобразился на Фаворе, а после, во время страданий Его, малодушно разбежались. Так немощен человек. Воистину мы – земля, да еще грешная. Поэтому и сказал Господь: «Без Меня не можете творить ничего" (Ин.15:5). Так и есть. Когда в нас благодать, тогда мы истинно смиренны, тогда мы умны, послушливы, кротки, любезны Богу и людям, а когда теряем благодать, то высыхаем, как розга, отрезанная от лозы.

Кто не любит брата, за которого умер Господь в великих страданиях, тот отпал от Лозы (от Господа), но кто борется с грехом, тому поможет Господь.

* * *

Человек иногда немоществует так, что нет у него сил даже муху прогнать, и от души не может он отогнать плохие мысли, но и в этой немощи Божия милость хранит человека, и нет плохих помышлений, но один Бог и в душе, и в уме, и везде.

* * *

Человек сам по себе немощен, как цветок полевой: все его любят, и все его топчут ногами.

Так и человек: иногда он в славе, а иногда в бесчестии.

Но кто любит Бога, тот благодарит Господа за все скорби и пребывает покоен и в чести и в поношениях.

* * *

Я считаю, что кушать надо столько, чтобы после кушанья хотелось молиться, чтобы дух всегда горел и ненасытно стремился к Богу день и ночь. А жить надо просто, как малые дети; тогда благодать Божия всегда будет в душе: за любовь Господь дает ее туне, и с этой благодатью душа живет как бы в другом мире, и влечется туда любовью Божию так, что на этот мир не хочет смотреть, хотя и любит его.

* * *

Как узнать, любит ли меня Господь, или нет?

Вот признаки.

Если ты крепко борешься с грехом, то любит тебя Господь. Если ты любишь врагов, то еще больше ты любим Богом. А если душу свою полагаешь за людей, то много любезен Ты Господу, Который и Сам положил душу Свою за нас.

* * *

Раньше я не знал, что значит – душа больная, а теперь отчетливо вижу это и в себе и в других.

Когда душа смирится и предастся на волю Божию, то становится здоровою и бывает зело покойна в Боге, и от этой радости молится, чтобы все познали Господа Духом Святым, Который ясно свидетельствует душе спасение.

* * *

«Господь с небес призывает на (всех) сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога» (Пс.13:2).

Монах день и ночь поучается в законе Господнем, и также день и ночь непрерывно ведет войну с неприятелем. Он должен взять семь крепостей.

Первая крепость – отсечь свою волю.

Вторая крепость – предать себя в послушание старцу.

Третья крепость – иссушить себя ради Бога.

Четвертая крепость – иметь нестяжание.

Пятая крепость – победить самолюбие.

Шестая крепость – смирить себя.

Седьмая крепость – отдать свою душу Богу, т.е. во всем предаться воле Божией.

Теперь посмотрим – какие же награды за победы получает монах от Господа еще на земле.

Первое – мир совести. Второе – душа и тело имеют мир от Господа. Третье – душа любит Бога и, созерцая Его, помышляет, что любит нас Господь. Четвертое – душа от любви Божией любит и ближнего своего, как самого себя. Пятое – душа упокоевается в Боге и созерцает величие Божие и милосердие. Шестое – душа ходит по земле и работает руками, но ум прилепился к Богу и, созерцая Его, забывает землю, ибо любовь Божия влечет душу Любимого любить. Седьмое – душа чувствует благодать Божию в мыслях своих. Восьмое – душа чувствует благодать в сердце своем. Девятое – душа чувствует благодать Божию и в теле своем. Десятое – от любви Божией раскрывается Царствие Небесное, и душа Духом Святым знает какой наш Господь.

* * *

За писание мое, кто будет читать, за все простите, за ошибки мои, и прошу вас молиться за меня.

Но писал я потому, что влекла меня любовь Божия, в которой я сытости не знаю. Я сидел, и вся душа моя была занята Богом, и ни единая мысль не приближалась ко мне и не мешала уму моему писать о любимом Господе. И когда я пишу слово, то другого еще не знаю, но рождается оно во мне, и я пишу его. Когда же кончаю писать, то помыслы, бывает, приходят и тревожат мой слабый и немощный ум, но я тогда жалуюсь Милостивому Господу, и Господь милует меня, падшее создание Свое.

Мысли об исходе

Я ЛЕЖУ телом на земле, но рвется дух мой видеть Господа во славе. Хотя и много я грешен, но Господь дал мне познать Его Духом Святым, и душа моя знает Его, знает, как безмерно Он милостив и какой Он радостный.

Душа до благодати Божией боится смерти.

Боится душа и Самого Бога, потому что не знает, насколько Он смирен, и кроток, и милостив. И никто не может понять любовь Христову, если не вкусит благодати Святого Духа.

Братья мои о Господе возлюбленные, – Милостивый Господь свидетель души моей, что я пишу истину. И знайте, братья, и никто себя да не обманывает: кто брата не любит, тот и Бога не любит. Верно об этом говорит Писание, и его надо в точности исполнить, и тогда узришь ты сам в душе своей милость Господню, которая пленит твою душу, ибо сладка благодать Господня.

* * *

Юноша ищет себе невесту, а девушка ищет себе жениха. Это земная жизнь, Богом благословенная. Но та душа, которую изберет Себе Господь и даст ей вкусить сладость любви Божией, земную жизнь не равняет с любовью Божией, но занята бывает Единым Богом, и ни к чему земному не привязывается. И если приходят к ней земные мысли, то она не услаждается ими, ибо не может возлюбить земное, но вся желанно стремится к небесному.

* * *

Божия Матерь с Иосифом Обручником болезнью искали Христа, когда Он остался в Иерусалиме и беседовал в храме со старцами; и лишь после трех дней нашли Его.

Сколько скорбела душа Божией Матери за эти дни?

Она помышляла: «Где Ты, Сыне Мой любезный? Где Ты, Свете Мой драгоценный? Где Ты, утроба Моя возлюбленная?»

Так каждая душа должна искать Сына Божия и Сына Девы, доколе не обрящет Его.

* * *

Душа, познавшая любовь Божию Духом Святым, умирая, испытывает некоторый страх, когда ангелы поведут ее ко Господу, потому что, живя в мире, она повинна грехам. Но когда увидит душа Господа, то возрадуется от Его милостивого кроткого лица, и Господь не помянет ей грехов по множеству кротости и любви Своей. От первого взгляда на Господа вселится в душу любовь Господня, и она от любви Божией и сладости Духа Святого вся изменится.

* * *

Наши отцы перешли от земли на небо. Что они там делают? Они пребывают в любви Божией и созерцают красоту Лица Божия.

Красота Господня пленяет всякую душу радостью и любовью. Эта красота и на земле познается, но отчасти, ибо совершенной любви бренное тело не может вынести. На земле Господь дает душе столько, сколько может она вместить и сколько хочет щедрая рука Господня.

* * *

Душа моя приблизилась к смерти и сильно желает видеть Господа и вечно быть с Ним. Господь простил мне множество грехов и дал мне Духом Святым познать, как много Он любит человека. Все небо удивляется воплощению Господа, как Он, Великий Господь, пришел нас грешных спасти и приобрел нам вечный покой Своими страданиями, и душа не хочет помышлять ничего земного, но влечется туда, где Господь.

Милы сердцу слова Господни, когда Дух Святой дает душе их разуметь. Когда Господь жил на земле, то множество народа

ходило за Ним, и по несколько дней не могли оторваться от Господа, но голодные слушали Его сладкие слова.

Душа любит Господа, и все, что мешает думать о Боге, печалит ее. И если еще на земле душа так сильно услаждается Духом Святым, то тем более там будет она наслаждаться.

«О, Господи, как возлюбил Ты создание Свое».

«Твой тихий, кроткий взор душа забыть не может».

* * *

Душа моя, Господи, занята Тобою целый день и всю ночь, и ищу Тебя. Дух Твой влечет меня искать Тебя, и память о Тебе веселит мой ум. Душа моя возлюбила Тебя, и радуется, что Ты – мой Бог и Господь, и до слез скучаю я по Тебе. И хоть в мире все красиво, но ничто земное не занимает меня, и душа жаждет только Господа.

Познавшая Бога душа ничем не может удовлетвориться на земле, но все стремится ко Господу и кричит, как малое дитя, потерявшее мать:

«Скучает душа моя по Тебе, и слезно ищу Тебя».

* * *

Душа от любви Господа, стала как бы безумною: сидит, молчит, говорить не хочет; и как безумная смотрит на мир, и не хочет его, и не видит его. И люди не знают, что она созерцает любимого Господа, и мир остался как бы позади, и забыт, и душа не хочет мыслить о нем, потому что нет в нем сладости.

Так бывает с душой, которая познала сладость Духа Святого.

«О, Господи, дай нам сию любовь во всем мире Твоём!»

«О, Душе Святой, живи в наших душах, да все согласно славим Творца, Отца, и Сына, и Святаго Духа».

"А м и н ь".

Часть третья. Об основах православного подвижничества.

«И плачет душа моя за весь мир» (из «Писаний» Старца Силуана)⁴⁷

Избранная мною тема мне представляется самой актуальной не только для тех, кто именуется подвижником в узком и, так сказать, специальном смысле этого слова, например, монахи, отшельники, пустынники, но и вообще для всякого христианина. Больше того, – актуальность и «современность» этого вопроса во все века, во всякую эпоху пребывают неумаленными по самому существу той жизни человеческого духа, которая имеется здесь в виду.

В данном случае, считаясь с наличным настроением аудитории, я буду стремиться к тому, чтобы говорить, как человек свободный от того, что кто-нибудь назвал бы академическими условностями, чтобы не придать нашей беседе характера отвлеченного умствования.

Это еще и потому, что в действительной жизни Церкви богословие мыслится, прежде всего, как пребывание в Боге.

Отвлеченное богословие, как академическая наука, хотя и является для Церкви Христовой некоторой неизбежностью в исторической условности мира сего, однако, всегда таит в себе опасность отрыва от подлинной жизни в духе и легко может свестись к философским созерцаниям без веры, или псевдовере, как выразился один из русских философов, в которой нет спасающей и обновляющей нас силы.

Этот час я не хотел бы провести бесплодно, вне жизни. Наоборот, мое желание – войти возможно глубже именно в жизнь. По мере того, как в мире нарастает «динамика гибели», растут и страдания человечества, а вместе возрастает осознание необходимости преодоления их. Как бы ни были неоправданными эти страдания, являющиеся следствием только греха и никак не объективных, т. е. данных Богом, условий жизни человечества, они все же составляют реальность, с силою захватывающей всех нас. Все неизбежно

страдают. Одни в отрицательном смысле, включаясь в общий поток страстей мира сего; другие – в положительном, т. е. в силу любви своей к человечеству. И так как смысл бытия нашего не в страданиях, свидетельствующих о несовершенстве нашем, то неизбежно встает задача преодоления их, спасения от них, что в жизни разумного человека становится свободным подвигом, аскезой.

Подвижничество, аскетизм, как труд духовный, неотъемлемо не только от всех известных истории великих и невеликих религий, но и вообще от всякой человеческой культуры, даже и безрелигиозной. Все религии: язычество, буддизм, иудейство, магометанство, все современные нам формы пантеизма, теософии, эзотеризма, антропософии и подобных им мистических течений, и наконец – наше христианство, имеют свою аскетическую культуру, отличную в той или иной мере от других, в силу различия догматического сознания, лежащего в основе всякой религии вообще и аскетики в частности. Эту интересную саму по себе тему сравнения аскетических культур и их зависимости от догматического сознания сегодня мы оставим в стороне. Моя задача – нарисовать возможно короче и в то же время яснее общую картину православного подвижничества, и говорить я собираюсь, как православный христианин. Для нас – христианин лишь тот, кто принимает Христа, как абсолютную Истину и Правду, как единственного Бога-Творца и Бога-Спасителя.

Мы решительно отвергаем всякую попытку поставить Христа хотя бы и на почетное место, но все же в ряду других «основателей религии» или «великих Учителей человечества», и христианство предстает нам во всей своей исключительности, и ни в каком случае не рассматривается нами лишь как одна из «традиций», в ряду других аскетических культур и традиций, как это делают некоторые. Мы исходим из слов Христа: «Никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф.11:27), или: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин.14:6), или «если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах своих» (Ин.8:24) и другие Заповеди Христа суть отражения в нашем мире вечной Божественной жизни, и вместе путь к ней.

Всякое созерцание, как бы ни казалось оно высоким и даже божественным, вне Христа для нас не есть Свет Божества.

Исходя из этого положения, мы и определяем как смысл и цель православного подвижничества – хранение заповедей Христа, стремление к тому, чтобы заповеди эти стали единственным вечным законом всего нашего бытия. И если вы спросите, какие именно заповеди, то ответ следующий: первая заповедь – «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею». «Вторая, подобная ей, – Возлюби ближнего, как самого себя». Ибо, по слову Христа, «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мк.12:30–31; Мф.22:40). Итак, определив цель и смысл христианского подвижничества, перейдем к рассмотрению тех форм, в которые облекается эта жизнь в Боге, когда она претворяется в наше человеческое действие.

Наше понимание аскезы синтетически может быть определено как свободно-разумный подвиг и борьба за достижение христианского совершенства. Но совершенство, мыслимое нами, не заключено в тварной природе человека и потому не может быть достигнуто простым развитием возможностей этой природы, взятой в самой себе, в своей ограниченности. Нет, совершенство наше лишь в Самом Боге и есть дар Святого Духа. Отсюда аскеза, как таковая, никогда у нас не становится целью; она лишь средство, лишь проявление нашей свободы и разумности на пути к стяжанию дара Божия. Как разумный подвиг в своем развитии, наша аскеза становится наукой, искусством, культурой. Но, снова скажу, как бы ни была высока эта культура, взятая в своем человеческом аспекте, она имеет весьма условную ценность. Посты, воздержание, бдения; суровый образ жизни, нищета, понимаемая как нестяжание, как нежелание «иметь», как свобода от власти над нами вещественного мира; послушание, как победа над своей эгоистической, «индивидуальной» волей и как одно из высоких и прекрасных выявлений нашей любви к Богу и ближнему; отшельничество, как следствие искания внутренней клетки, где можно «помолиться Отцу в тайне»; поучение в слове Божиим,

не в смысле «внешнего», так сказать академического знания, а как напоеание себя тем духом благодатной жизни и богопознания, который заключен в Священном Писании и в творениях Св. Отцов; целомудрие, как преодоление плотских «бессловесных» движений и вообще «комплекса плоти» чрез пребывание в памяти Божией; мужество, долготерпение и смирение; сострадание и милостыня, как выражение любви к Богу и ближнему; вера, как тот же подвиг любви, – все это может и должно быть разумным и свободным подвигом человека; но доколе не придет всеутверждающее действие Божественной благодати, доколе все это останется лишь человеческим действием и следовательно – тленным. В силу этого все в нашем подвиге сводится к исканию слияния нашей воли и нашей жизни с волею и жизнью Самого Бога. Выражается это и достигается, гл.образом, в молитве, и потому молитва есть вершина всех аскетических деланий; она есть центр, от которого всякое иное действие черпает свою силу и утверждение. В молитве – культура православного аскетизма достигает своего наивысшего проявления и совершенства. Чрез истинную молитву совершается наше вхождение в Божественное Бытие силою Духа Святого. Вот почему преимущественное внимание и главная сила подвижника отдаются именно деланию молитвы. Молитва может быть бесконечно разнообразною и по формам, и по своему достоинству. Наиболее совершенной является так называемая – ЧИСТАЯ МОЛИТВА. Ради достижения этой чистой молитвы, христианин-подвижник оставляет все прочее как бы позади себя.

И в этом оставлении заключена сущность того, что всем вам известно как монашеское отречение от мира. Возможно, что кому-нибудь покажется переход нашего слова к монашеству несколько внезапным, или в какой-то мере сужением темы более общего характера. Но я полагаю, что если мы узнаем о сущности монашества, то после каждый из нас легко найдет приложение этому познанию во всех других формах человеческой жизни, ибо монашество не есть иная вера, чем у прочих христиан. Монашество есть лишь иной образ жизни,

вытекающий, однако, из тех же самых заповедей Христа, соблюдение которых неизбежно сопрягается с подвигом. Нет христианина не подвижника, и потому когда мы говорим о сущности монашеского делания, то говорим о том, что близко и родственно всякому православному. И если мы теперь обратимся к тем формам, в которые выливается монашество, то, естественно, в нем должны будем остановиться на тех «обетах», которые дает монах, на их смысле и соответствии цели нашей.

Встретившись с идеей монашеских обетов и отречения от мира, многие могут заметить: разве подлинную жизнь возможно строить на отрицании и на отречении? Конечно, нет.

И заповеди Христа носят положительный характер – «люби», и вообще жизнь в Боге должна быть вся лишь положительным актом. Там, где действует Божественная любовь, там подвига, понимаемого, как отрицательное волевое усилие для преодоления тех или иных своих влечений, нет. Кто полон любви Христовой, в ком эта любовь стала как бы природою, тому нет нужды отрекаться от каких-бы то ни было привязанностей к миру вещей, от рабства страстям, ибо он свободен от всего подобного. В этом состоянии всякое действие в плане духовном, т.е. в плане заповедей Христовых не есть нечто, достигаемое насильем над собою, но лишь выявление любви, беструдное и даже сладостное. Но вследствие падения человека, чисто положительное действие по заповедям евангельским, как непрерывное пребывание и возрастание в добре, как Божественная любовь, в пределах этой жизни неизбежно переплетается с отрицательной формой аскетизма, как противления действующему в нас «закону греховному». «Мир во зле лежит», – говорит Писание (1Ин.5:19). Зло же в том, что человек стал рабом греха.

Освобождение свободного по первожданной своей природе человека, возрождение его к вечной Божественной жизни, преображение и обожение всего его бытия происходит чрез сочетание Божественного и человеческого. В последнем, т. е. человеческом плане, преобладает отрицательное действие, в первом, т. е. Божественном, – всегда только положительное.

Нужно ли говорить, что мысль об отречении от мира привела к тому, что большинство людей видят в монашестве нечто весьма скорбное, тяжелое, мрачное? Не так, однако, смотрели и смотрят те, кто избирал этот путь. Преп. Федор Студит, например, в своем восторге от этого образа жизни, называл его «третьей благодатью». Первая благодать – это закон Моисея. Вторая – «благодать на благодать», которую все мы приняли от полноты Христа, по слову Иоанна Богослова (Ин.1:16). И наконец, третья – монашеский образ жизни, данный человеку, понимаемый, как небесная жизнь, как сведение ангельского мира на землю, как достижение и реализация в истории того, что по существу своему лежит за ее пределами.

Епископ Игнатий Брянчанинов, занимающий одно из первых мест в ряду Отцов Русской Церкви, просиявших в прошлом, весьма богатом духовно, так говорит о монашестве: «СОВЕРШЕНСТВО ХРИСТИАНСКОЕ» состоит в чистоте сердечной, коей является Бог, обнаруживающий Свое пребывание в сердце многоразличными дарами Духа Святого. Достигнувший сего совершенства есть светильник, не телесным служением, но служением духа исполняющий заповедь любви к ближнему, руководящий спасающихся, восставляющий их от падений, целящий их душевные раны. МОНАШЕСКИЙ ЛИК доставил Церкви Христовой пастырей, которые не препретельными словами человеческой мудрости, но словами Духа споспешествуя учению чудесами, пасли и утверждали Церковь.

Вот почему Церковь по окончании мучений представлена бежавшею в пустыню. Туда бежало совершенство церковное, источник света церковного, главная сила Церкви воинствующей. Кто были Златоуст, Василий Великий, Епифаний, Алексий и Филипп митрополиты, – словом, все святые пастыри? Но и не в чине архиерейском, а в простом монашеском есть много светильников от Антония Великого, Иоанна Дамаскина, Сергия Радонежского и Георгия Затворника.

Веру утверждая, ереси обличали и попрали. Без монахов пропало бы христианство в мирянах. Вот сколь необходимо в Церкви Христовой СОВЕРШЕНСТВО, без которого и СПАСЕНИЕ

с самою верою легко может утратиться, и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученные долгим временем, в различение добра от зла (Евр.5:14). Сего совершенства достигали в первенствующей Церкви аскеты и мученики, после – монахи. Безбрачие, нестяжание, пост, труд, бдение, деятельная любовь – это орудия, средства к достижению совершенства, но не самое СОВЕРШЕНСТВО.

Скажут: «Какой гордый отзыв о монашестве, обличающий гордость сердца». Отвечаем: в темной комнате значительная нечистота не приметна; в освещенной яркими лучами солнца тонкий прах весьма заметен и беспокоит хозяина. Дух Святый есть учитель смирения; вселившись в сердце, вздыхает воздыханиями неизглаголаннкими и показывает человеку ничтожность праведности его, как говорит Исаия: вся наша правда, яко порт жены блудницы. Настоящая дьявольская гордость – отвергать дар Божий существующий, как бы не существующий»⁴⁸.

Если мы не хотим потерять вдохновения в нашем стремлении к заповеданному нам Христом совершенству – «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф.5:48), то не должны мы упустить из виду указанного сознания Св. Отцов о монашестве. Действительно, если мы сосредоточимся на видении только внешней стороны нашей церковной повседневности, то легко можем прийти в упадок духа и даже «соблазнимся». Когда же мы будем носить в себе сознание глубокой сущности Церкви и данной нам в Ней Божественной жизни, тогда никакие внешние обстоятельства, как бы ни были они порой трудны или неприглядны, не сдвинут нас с камня любви Христовой, по слову пророка Давида: «Мир мног любящим закон Твой, Господи, и несть им соблазна» (Пс.118:165).

Итак, покамест ограничимся сказанным вступлением и перейдем к беседе о монашестве. Здесь нам придется говорить о трех родах призвания, о трех отречениях, о трех видах креста, о трех степенях монашеского пострига. Среди подвижников наблюдается некоторое различие в понимании того или иного

вопроса. Принятие общего в своей глубине учения и традиции Церкви не исключает таких различий в частностях.

Так, например, среди афонских монахов возможно встретить тенденцию единого пострига.

Это особенно наблюдается среди пустынников, в маленьких обителях, в скитах, и реже в монастырях. Совершается один постриг, сразу в великую схиму. Один раз делает человек это решение, и навсегда. Но в более широком опыте Церкви мы видим традицию трех степеней монашества: первая – рясофор, т. е. рясоношение без произнесения обетов; вторая – малая схима, т. е. мантия; и третья – великая схима. Эти три ступени монашеского состояния находятся в соответствии с тремя отречениями, о которых говорят Святые Отцы, и особенно Авва Пафнутий, в книге Преп. Кассиана Римлянина (3-е собеседование), и Преп. Иоанн Лествичник (2-е слово, параграф 9).

Остановимся немного на этих трех отречениях.

Авва Пафнутий, о котором в книге Преп. Кассиана говорится: «В лике святых, как чистейшие звезды сиявших в ночи мира сего, на подобие великого светила блистал светлостью знания – Святой Пафнутий». Этот великий Пафнутий говорил: «Есть три образа призвания, также признаем необходимыми и три отречения для монаха, каким бы образом он ни был призван».

Первое призвание – непосредственно от Бога; второе – через людей; и наконец, третье – по нужде.

Для первого характерно некоторое вдохновение, которое исполняет сердце человека даже во сне, неудержимо влечет его к любви Божией, к заповедям Христа, учит Авва Пафнутий.

Второе – через людей, когда кто воспламеняется желанием Божественным посредством слова человеческого или влияния святых людей.

Третье – по нужде, в силу постигающих нас бедствий, опасностей для жизни, потери близких родных, что толкает человека обратиться к Богу.

К учению Святых Отцов позволим себе приложить некоторые наши наблюдения, возможность которых была нам

дана в многолетнем духовном общении с многими подвижниками Святой Горы. Некоторые люди, воспитывающиеся в Церкви с Ее вековыми традициями, с бесподобным богослужебным культом, Божественными Таинствами, неисчерпаемыми молитвенными и догматическими сокровищами, в силу порождаемого всем этим внутреннего удовлетворения и покоя не доходят до острого кризиса. Их духовное возрастание протекает без бурных надломов. Иногда в таких душах еще с детства пробуждаются глубокие и сильные влечения к Богу, которые доминируют над всем, и они просто и как бы естественно приходят к монашеству.

Совершенно другое видим мы в тех, которые так или иначе теряли Бога, далеко уходили от Него или даже боролись с Ним. Их «обращение» обычно принимает форму острого внутреннего кризиса, часто с надрывами и надломами; в таких случаях бывают возможны нервные заболевания и другие патологические явления вплоть до сумасшествия. Духовное возрождение таких людей, иногда от последних падений во всех смыслах, происходит в силу ясно ощущаемого действия благодати, которая в плане психологическом проявляется как особого рода «решимость». Благодать, вводя человека в мир Божественного света, при всей своей влекущей силе, не лишает свободы воли и не совершенно освобождает от дальнейшей брани и даже колебаний. И познавшие благодать подвергаются искушениям и даже могут дойти до демонического омрачения, и тогда полученное познание, оставившее неизбежно глубокий след в умном сознании человека, может быть отдано на служение злу. «И будет последняя человеку тому горше первых», – говорит Христос (Мф.12:45; Лк.11:26). Иногда, впрочем, изливания благодати бывают настолько обильными, что душа в глубоком чувстве ясно ощущает свое воскресение. Тогда внутреннее свидетельство Духа об истине бывает столь очевидно, что в душе не остается уже места для сомнений или колебаний.

Любовь к Богу заполняет все существо и влечение к Нему преобладает над всем прочим. В таких случаях душа бывает утвержденною на всю последующую жизнь и получает свободу

от внутренних конфликтов в самой глубине своей; нет в ней тогда мучительных исканий истины, и весь дальнейший подвиг ее сводится только к стремлению осуществить в жизни своей познанное в час посещения.

Сейчас не остановимся более на этом вопросе.

Скажем только, что Св. Отцы никогда не умаляли никакого рода призвания, потому что история Церкви знает немало случаев, когда призванные по третьему образу, т. е. по нужде, достигали в конце своего пути большего совершенства, чем призванные даже по первому. Итак не на начало пути, а на конец и завершение его смотрели Отцы.

В некотором соответствии трем родам призвания находятся и три отречения, и три ступени монашеского посвящения. По Св. Пафнутию эти три отречения идут в таком порядке:

1-е – когда мы телесно оставляем богатства и стяжания мира сего; 2-е – когда мы оставляем прежние нравы и страсти, как телесные так и душевные. И, наконец, 3-е – когда мы отвлекаем ум от всего видимого и временного и погружаемся духом в созерцание невидимого и вечного. Великий Авва Пафнутий говорит: «Необходимы эти три отречения, чтобы достигнуть совершенства».

Здесь нам представляется чрезвычайно интересным привести учение о необходимости трех отречений другого великого наставника восточного монашества, Преп. Иоанна Лествичника (VI в.), который говорит так:

«Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречений. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей. Второе есть отречение своей воли. И третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием»...

Если мы теперь попытаемся провести сравнение между учением одного и другого Святого, то в первый момент создастся впечатление, что объемы указанных трех отречений у них не совпадают. Св. Иоанн начинает как будто большим, а кончает меньшим, чем Св. Пафнутий. Последний, в своем пояснении, отречение от родных сводит воедино с оставлением прежних обычаев, образа мышления, привычек моральных и

вообще житейских страстей, т. е. во втором отречении. Иоанн же – требует этого, т. е. оставления всех вообще людей, в том числе и родителей, уже на первой ступени. Во втором он говорит только об отречении от своей воли, и в третьем – всего лишь об отвержении тщеславия. Мне хочется здесь отметить, однако, удивительное единство духа и традиции при всем наружном различии формулировок, свидетельствующих только о самостоятельности исследования вопроса в самом опыте жизни. Единственное различие в объеме первого отречения. Св. Пафнутий для вступающего на путь подвижничества считает достаточным в первом отречении оставление только внешнего мира и вещественных стяжаний, и уже в последующей жизни ставит борьбу со страстями и навыками прежней жизни.

Св. Иоанн с самого начала требует отречения от всех человеков, иначе ненадежным считает он исход из мира. Дальше, т. е. во втором отречении, он говорит о борьбе со страстями, уже более таким образом указуя на самый центр этой борьбы, и в этом, несомненно, превосходство его формулы. Но и в третьем отречении формула Иоанна тоже более совершенна, оставаясь в существе содержания своего вполне подобной формуле Св. Пафнутия. Последний, в третьем отречении, говорит об отвлечении ума от всего видимого и погружении духа в созерцание невидимого и вечного. В душе еще не очистившегося от страстей подвижника эта формула может возбуждать действие воображения, и «невидимое и вечное» как-то еще стоит вне человека. Формула же Иоанна – «отвержение тщеславия» – вводит аскета в самую глубину внутренней борьбы, не позволяя уму мечтательно парить в высоких сферах и заставляя его быть до конца трезвенным.

Я позволил себе сказать Вам мое мнение о превосходстве формулировки трех степеней отречения у Св. Иоанна перед формулировкой Аввы Пафнутия, но, повторяю, они совершеннее в своем, так сказать, аскетико-педагогическом аспекте, но по существу своему они остаются совершенно едиными. Попытаюсь дать этому некоторое пояснение.

Отречение Иоанна от тщеславия есть не что иное, как аскетический прием или путь к переселению духа нашего в мир

вечный. В этом отречении заключено преодоление власти мира над нами и победа над ним.

Кто же есть побеждающий мир? Мы знаем в Церкви ряд святых особого рода – юродивых. В этой форме христианского подвига особенно ярко выявляется именно третья степень отречения. Цель юродивого – быть презираемым от мира и от людей. Многие не могут понять этого подвига и видят в нем извращение, но по существу своему – это высшая степень бежания от славы человеческой, в чем и состоит победа над миром. Господь говорит: «Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь. Я славы от человека не принимаю, Но знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу... Как можете вы веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого Бога, не ищите» (Ин.5:40–44). Из этих слов Христа мы видим, что принятие славы от человека – есть препятствие даже для веры. Хочу сказать, что если самую жизнью будем исследовать Иоанново отречение от тщеславия, то увидим, что оно вернейшим образом приводит именно к тому, что человек умом своим, духом своим переселяется в мир Божественный, выходя из мира человеческого. Это состояние имеет и иное выражение, а именно – удаление в пустыню, как говорит пророк Давид: се, удалихся бегая и водворихся в пустыни» (Пс.54:8). Вот и Ап. Павел говорит: «людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? Людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым» (Гал.1:10). И затем тут же, немедленно говорит: «Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал.1:11–12). Итак, если Евангелие сие не от человека и не от человека научаются ему, то несомненно, что третье отречение по Иоанну, т. е. от тщеславия, как бы прямым путем приводит к переселению духа нашего в мир Божественный.

Пойдем дальше.

Учение о трех отречениях, необходимых для восхождения к совершенству, совпадает со словом о трех крестах им сообразных. Каждое отречение, в сущности, есть восприятие

креста. И у Свят. Отцов мы находим строгое предостережение о том, чтобы восхождение на крест совершалось согласно силе каждого. Попытки взойти на крест, соответствующий последнему отречению, сурово наказуются, если они совершаются преждевременно, т. е. не с тем познанием, каковое их должно сопровождать. Я сказал о познании, но предпочел бы говорить скорее об опыте и действительном духовном состоянии человека. Кто прежде совершения меньшего, читая о деяниях Св. Отцов гордостно порывается взойти на высоту чистой молитвы, этого последнего креста, тот бедственно низвергается на землю. Особенно сильно говорит об этом Преп. Исаак Сирийский (Ниневийский). У нашего отечественного богослова-аскета Епископа Феофана Затворника Вышенского есть замечательное слово о Трех крестах. По нему, первый вид креста

– это внешний крест, слагающийся из бед и скорбей, постигающих человека во время земной жизни. Второй крест – это внутренняя борьба человека со страстями и похотями. И третий – есть крест предания себя на волю Божию. Сей последний, по Феофану Затворнику, есть следствие духовных благодатных дарований и в более совершенной форме свойствен лишь совершенным. Здесь снова мы встречаемся с иными формулировками, но с неизменным по существу содержанием и духом. Однако показание, что полное предание себя на волю Божию есть не что иное, как третье отречение, мы отложим до другого времени, а сейчас перейдем к вопросу о трех степенях и трех основных обетах монашества.

Выше мы уже упоминали о том, что первоначальный постриг совершается без произнесения обетов вступающим на монашеский путь.

Этот постриг на Афоне в греческих обителях рассматривается скорее как молитва благословения на ношение монашеского платья. В этом чине дается начинающему монаху право «носить рясу», откуда и название «рясофор» (т. е. рясоношение). Перед совершением этого пострига дается наставление о смысле монашества и о необходимости отречения от мира и родных. Обетов, однако, вступающий не произносит, и таким образом эта степень есть по существу еще

период испытания и подготовительного обучения в подвижничестве.

Вторая степень

– «малая схима», или иначе – «мантия».

При постриге в мантию монах уже произносит обеты. Причем эти обеты даются не постепенно, а в своей совокупности, те же обеты повторяются, в несколько измененной форме, и при постриге в высшую степень монашества, в

«великую схиму», обычно именуемую просто «схима».

Вопрос о трех основных обетах, произносимых сразу при восхождении в указанные степени монашества, а не последовательно, внешне стоит как бы в противоречии с тем порядком или той структурой, которую мы только что нарисовали в слове о порядке отречений. Но это только внешнее расхождение, а никак не по существу. И в том и в другом случае мы имеем скорее дело с постепенным возрастанием в познании духовном. Три обета связаны единством цели, так же, как и три отречения. Повторение одних и тех же обетов при постриге в мантию и в схиму имеет в виду не временность их, а возрастание в познании силы и значения их. Если внешняя форма изменяется мало, то внутреннее сознание человека может изменяться весьма существенно в своей глубине. Чтобы не потерять нам из виду самое существо христианской духовной жизни, подчеркнем здесь снова, что все эти чины посвящений, постригов и обетов – не суть совершенная необходимость для достижения Божественной любви и совершенства. Последнее возможно и вне монашества. Но подобно тому, как сказано о Христе, что «Он возрастал и укреплялся духом» (Лк.1:80), развивается и растет каждый человек, и опыт Церкви показал пользу указанных методов. И Ап. Петр говорит: «Братья, старайтесь более и более делать твердым ваше звание и избрание: так поступая, никогда не преткнетесь, ибо таким образом откроется вам свободный вход в вечное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа» (2Пет.1:10–11).

Вот обеты, произносимые при постриге в малую схиму:

1) Пребудешь ли в монастыре и в постничестве даже до последнего твоего издыхания?

2) Хранишь ли себя в девстве и целомудрии и благоговении?

3) Хранишь ли даже до смерти послушание к настоятелю и ко всей во Христе братии?

4) Терпишь ли всякую скорбь и тесноту монашеского жития Царствия ради Небесного?

В великую схиму:

1) Отрицаешься ли мира и того, что в мире, по заповеди Господней?

2) Пребудешь ли в монастыре и в постничестве даже до последнего издыхания твоего?

3) Сохранишь ли послушание даже до смерти к предстоятелю и ко всему во Христе братству?

4) Претерпишь ли всякую скорбь и тесноту монашеского жития Царствия ради Небесного?

5) Сохранишь ли себя в девстве и целомудрии и благоговении?

На все указанные вопросы дается ответ: «Да, Божиим содействием».

Возможно недоумение: если при постриге в мантию четыре, а в схиму – пять обещаний, то почему говорится о ТРЕХ обетах?

Предание церковное сводит существо монашеского пострига к трем обетам, а именно: послушание, целомудрие и нестяжание. И мы сейчас последуем этому порядку, оставляя до времени более подробное исследование этого вопроса, который еще более усложнится, если мы ознакомимся с содержанием последований постригов. Так в словах Игумена мы увидим указания постригаемому и на другие «обетования»

(т. е. договоры, заветы), например: очистить себя от всякой скверны плоти и духа, стяжать смиренномудрие, отложить дерзость житейского обычая, пребыть в молитве терпеливым, не расслабляться в посте, не лениться в бдениях. И однако все сие суммируется в трех обетах: послушания, целомудрия и нестяжания.

Постригающемуся в мантию Игумен дает и такое наставление: «Подобает тебе, начавшему путь, ведущий в Царство Небесное, не возвратиться вспять (назад), иначе не будешь управлен в Царство Небесное. Да не предпочтешь что-либо Богу, да не возлюбишь ни отца, ни мать, ни братьев, ни иных кого-либо от своих, ни даже самого себя, да не возлюбишь больше Бога, ни все царства мира, или покоя, или чести...»

При постриге в схиму отречение от мира выражено еще более сильно. Там Игумен говорит: «Скажу тебе всесовершеннейшее житие, в котором по подражанию Господне жителство (т. е. жизнь, подобная Христу) выявляется... Отречение есть не что иное, как обещание креста и смерти.

Знай себя от нынешнего дня распятым и умерщвленным миру совершеннейшим отречением, ибо ты отрицаешься родителей, братьев, жены, чад, родства, дружества обычного (отрицаешься) мирского мятежа, попечений, стяжаний, имений, тщетной и суетной славы. К тому же имеешь еще отвергнуться не только от всего сказанного, но еще и своей души, по слову Господа (Лк.1:26)... Итак, если воистину ты решил последовать Ему, и если неложно желаешь назваться Его учеником, то от нынешнего дня приготовься... к подвигам духовным, к воздержанию от плоти, к очищению души, к последней нищете, к доброму плачу, и (вообще) ко всему скорбному и болезненному, что заключено в радостотворном по Богу житии». И дальше говорится: «будешь алкать и жаждать, нагствовать, терпеть укоризны, и досаждения, и унижения, и изгнания... и когда все это претерпишь, то радуйся, потому что велика твоя награда на небесах. Итак, радуйся радостью, и веселись веселием, что ныне избрал тебя Господь Бог и разлучил от мирского жития и поставил тебя пред лицом Своим... в воинстве ангелоподобного жития... Ему всецело работать, горняя мудрствовать, вышних искать, ибо наше житие, по Апостолу Павлу, на небесах»... И дальше: «О, новое призвание! О, дар таинства! Сегодня ты принимаешь второе крещение⁴⁹, брат, богатством дарований человеколюбца Бога очищаешься ты от грехов своих и становишься сыном света, и Сам Христос наш радуется вместе со святыми Ангелами о покаянии твоём,

закалая тельца упитанного»... Далее постригаемый призывается «ходить достойно звания», говорится и о некоторых деталях аскетического образа жизни, который является выражением этого «хождения, достойного звания».

Когда мы впервые, и даже не впервые, встречаемся с такими формулами, то истинный смысл их не вполне раскрывается нам. Только отчасти мы улавливаем или догадываемся о том, к чему призывается человек.

Действительное же раскрытие содержания и силы этих слов дается не иначе, как в опыте жизни, и опыте нелукавом, искреннем. Надо сказать, что призыв монаху отречься от любви родных и вообще мира, чтобы жить по подобию Христа в самом опыте приводит душу к глубочайшему внутреннему – разрыву, или, выражаясь современным языком, «конфликту».

В душе человека порождаются великие бури, и всякий, кто не имеет за собою надлежащего руководства, истекающего из тысячелетнего опыта Церкви, может нередко не только недоумевать, но и потеряться. Св. Иоанн Игумен Синайский в своем творении «Лествица», одном из самых гениальных аскетических писаний Св. Отцов, говорит так: «Необходимо, чтобы море сие (т. е. жизни души нашей) задвигалось, возмутилось и рассвирепело, дабы посредством этой бури извергнуть на землю... все то гнилое, что реки страстей внесли в него.

Рассмотрим внимательно, и увидим, что после бури на море бывает глубокая тишина» (Сл.4, параграф 59).

Трудно найти слова, которые пояснили бы необходимость доведения внутреннего «конфликта» до последней возможной степени с тем, чтобы раскрылись глубины души. Как покажешь в словах необходимость совмещения в нашей душе одновременного пребывания и во аде, и в Боге? Как объяснить, что только при этом условии достигается полнота человеческой жизни и вместе та устойчивость подлинно здорового духа, которая устраняет внутренние колебания? Кто из нас не знает болезненность смены духовных «восхождений» и «падений»? И вот, когда человек нисходит во ад внутренней борьбы,нося в себе Бога, тогда избегает он патологических колебаний, нет

тогда «восхождений» и «падений», о которых мы постоянно слышим от людей.

Нет, потому что все совмещено. Мы заповедь имеем от Христа – уподобиться Богу, и жизнь эта у Отцов именуется «наукою из наук» и «искусством из искусств». И познается она не иначе, как из опыта.

Возможен вопрос: в словах последования пострига мы слышим так много «жестокости». Как можно совместить это с «жизнью по подобию Христа»? Где та кротость и та любовь, к которым нас призывает Господь?

Понятия духовного плана весьма различествуют с понятиями душевного, «психического» плана. Попробуйте выяснить обыденные понятия, например, о святости, любви или кротости, и увидите, что они не совмещаются с таковыми понятиями в Евангелии. Так, кротость многие понимают, как естественный «тихий нрав».

Иначе определяет ее Иоанн Лествичник⁵⁰.

Он говорит: «Кротость есть такое состояние ума, когда он непоколебим пребывает и в чести в бесчестии... кротость есть недвижная скала, возвышающаяся над морем раздражительности... утверждение терпения; дверь и даже мать любви; дерзновение в молитве; вместилище Духа Святого; узда неистовству, подательница радости, подражание Христу»... Отсюда видим, что это есть нечто несравненно большее, чем «психическое» состояние. Это и есть мужество, берущее на себя тяготы и немощи других. Это есть постоянная готовность претерпеть поношения или не поколебаться внутренне при прославлении. Кротость есть спокойная решимость на всякую скорбь и даже на смерть. В ней заключена великая сила и победа над миром.

Христос говорит: «Блаженны кроткие, потому что они наследуют землю» (Мф.5:5), т. е. победят и овладеют миром в высшем смысле этого слова.

Не грубой материальной силой покорится земля, т. е. мир, а кротости.

Сделав это, сравнительно, длинное отступление с целью более рельефно представить вам общую картину смысла и духа

монашества, перейду к раскрытию духовного содержания каждого из трех основных обетов, что является, так сказать, центром настоящего доклада. Многие о монашестве думают, что главнейшее отличие его от обычного общечеловеческого образа жизни заключается в безбрачии, но я, следуя святым древним Отцам и современным подвижникам, большее значение отдаю послушанию, потому что нередко люди проводят свою жизнь в безбрачии, не становясь монахами не только в смысле сакраментальном, но и по духу. И нестяжание, если понимать его, как способность удовлетворяться очень малым, возможно встретить у людей весьма далеких от монашеского духа.

Впрочем установление порядка важности основных обетов не составляет моей цели. Скорее иное я хотел бы показать, а именно, что чрез слияние всех трех обетов в единое целое создаются условия, благоприятствующие достижению главной цели подвижника – бесстрастия и чистой молитвы.

* * *

ПОСЛУШАНИЕ – основа монашества. Слово о нем чрезвычайно трудно, потому что, начинаясь от казалось бы грубых и наивных форм, оно возводит человека в тот мир, который неопишимо, ибо ни одно человеческое понятие неприменимо к нему. Послушание есть тайна, которая открывается только Духом Святым, и вместе оно есть таинство и жизнь в Церкви. Послушание, как отречение от своей воли и разума, может показаться делом, противным замыслу Божию о человеке, который наделен богоподобной свободой и призван к Божественному господству в силу этой свободы. Отдавая свою волю и свое рассуждение во власть другого лица, хотя бы и священного, многие ощутили бы потерю почвы под собой. Этот шаг показался бы им броском в темную пропасть, потерей своей личности, преданием себя в самое ужасное рабство, как бы самоуничтожением. Но тем, которые последовали верою учению Церкви и совершили такое отречение в духе этого учения, послушание открылось как невыразимо великий дар свыше.

Послушника можно сравнить с орлом, который на сильных крыльях подымается в высоту и спокойно смотрит на отделяющее его от земли пространство, чувствуя свою безопасность, свое господство над высотой, которая для других и недоступна и смертельно страшна. С доверием, с готовностью, с любовью, с радостью отдавая свою волю и всякий суд над собой духовному отцу, послушник тем самым совлекается тяжелого груза земной заботы и познает то, чему невозможно определить цены – ЧИСТОТУ УМА В БОГЕ.

Монашество прежде всего есть – чистота ума. Без послушания невозможно достигнуть ее, и потому без послушания нет монашества.

Непослушник – не монах в подлинном смысле этого слова. Вне монашества возможны достижения великих дарований Божиих, вплоть до мученического совершенства, но чистота ума есть особый дар монашеству, неведомый на иных путях, и познает монах это состояние не иначе, как чрез подвиг послушания. Вот почему мы и считаем его главной основой монашества, в которой заключены два других обета, как некое естественное следствие. Иоанн Лествичник, например, говорит так: «...матерь чистоты есть безмолвие с послушанием.»

Приобретенное в безмолвии бесстрастие тела, при частом сближении с миром, не пребывает непоколебимо; от послушания же происходящее – везде искусно и незыблемо» (Сл. 15, параграф 37). И о нестяжании он же говорит, что предавший и самую душу свою будет ли помышлять о стяжаниях? ... Так послушание, «уклонением от мира и отвержением своей воли, ... как златыми крылами, безленостно восходит на небо» (Сл. 4, параграф 1) бесстрастия.

Послушание есть духовное таинство в Церкви, и потому отношения между старцем и послушником имеют священный характер.

Как сказано выше, таинство это для послушника состоит в том, чтобы научиться творить волю Божию, чтобы вступить в сферу воли Божественной и тем приобщиться Божественной жизни; а для старца в том, чтобы молитвою и подвигом своей жизни привести послушника к познанию этого пути и воспитать в

нем истинную свободу, без которой невозможно спасение. Истинная свобода там, где Дух Господень, а потому и цель послушания, как и вообще христианской жизни, – стяжание Духа Святого.

Старец никогда не стремится поработить волю послушника своей «человеческой» воле, но в ходе повседневной совместной жизни возможны такие положения, когда старец настаивает на исполнении своего приказанья, до чего истинный послушник никогда не должен бы доводить своего старца.

Подвиг старца тяжелее подвига послушника в силу великой ответственности его пред Богом.

Но ответственность пред Богом падает на старца только в том случае, когда ученик творит послушание старцу; если же нет, то всю тяжесть ответа за свои действия несет сам послушник, теряя тем самым то, что достигает подвижник послушанием. Цель старца, однако, совсем не в том, чтобы освободить ученика от ответственности, но в том, чтобы научить послушника подлинно христианской жизни, и подлинной христианской свободе, для чего необходимо чрез подвиг послушания преодолеть в себе страсть любоначалия и властолюбия. Человек, порабащающий своего брата-сочеловека или хотя бы посягающий на его свободу, тем самым неизбежно губит и свою свободу, потому что самый факт такого посягательства есть уже отпадение от той Божественной жизни-любви, к которой призван человек.

Одно из главнейших препятствий к достижению того состояния, к которому зовет нас заповедь Христа, есть наша САМОСТЬ, эгоизм. Послушание есть лучший путь к победе над этим последствием первородного греха в нас. Отсекая свою волю перед братом, мы преодолеваем то «рассечение», которое внесено грехопадением Адама в наше естество, единое от начала. Откуда в нас борьба волей? Ведь в Боге – единая воля.

Отсекая свою волю перед Богом, предаваясь на волю Божию, «ненавидя» нашу маленькую «индивидуальную» волю, мы становимся способными вместить и носить в себе действие Божественной воли. Совершенствуясь в послушании, и Богу и

брату, мы совершенствуемся в любви, мы расширяем свое бытие, и пределом этого расширения является полнота, которую мы понимаем, как вмещение каждым человеком всей полноты всечеловеческого бытия и той полноты бытия вечного, к которой благоволение Божие влечет человека.

Ибо нет пределов любви Божией к человеку, и хотя по существу Своему Бог пребывает и вечно пребудет недостижимым и несообщимым твари, но по действию Своему, по благодати Своей Он благоволит соединяться с человеком настолько тесно и настолько полно, что человек становится богом, подобным Богу-Творцу по образу бытия своего.

Божественное Откровение говорит: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем» (Апок.3:21).

Современный интеллигентный человек, со своим развитым критическим подходом ко всему, – к подвигу монашеского послушания – несравненно менее способен, чем простой человек, неискушенный любопытством ума. Образованному человеку, полюбившему свой критический ум, привыкшему смотреть на него, как на свое главное достоинство, как на единственную надежную базу своей «личной» жизни, нужно прежде, чем стать послушником, отречься от этого своего богатства, и если не отречется, то, по слову Христа (Лк.14:33), "неудобно" внидет в Царство. Но как же отречься? Ведь тот, пред кем отсекается воля, такой же человек, а нередко может представляться нам, как стоящий даже и ниже нас. Он судит по внешности, как вообще свойственно судить «рассудочному» человеку, и потому не находит пути живой веры.

Св. Иоанн говорит, что послушник, «продающий себя в добровольное рабство, взамен получает ИСТИННУЮ СВОБОДУ» (Сл. 4, параграф 5). Так в конечном итоге опыт послушания становится опытом подлинной свободы в Боге.

В опыте стояния пред Божественной истиной подвижник с великой силой убеждается в несовершенстве своего ума-рассудка. Убедиться в этом – важный этап в жизни аскета. Чрез недоверие своему уму-рассудку монах освобождается от того кошмара, в котором живет все человечество.

Есть две категории монахов: одни имеют дар простой, непосредственной веры, и они легко становятся на путь истинного послушания; другие, хотя и имеют горячее устремление к Богу и ревность жить по заповедям Господним, но с великим трудом освобождаются от доверия к себе и научаются послушанию.

Когда же, полный веры в Бога, хранящего нас, и к своему духовному отцу, отречется монах от своей воли и своего рассуждения, тогда из глубины внутреннего опыта он с радостью убеждается, что пришел к «источнику воды, текущей в жизнь вечную».

В акте отвержения своей воли и рассудка, ради пребывания в путях воли Божией, превосходящей всякую человеческую премудрость, монах, в сущности, отрекается ни от чего другого, как только от страстного, самостного (эгоистического) своеволия и своего маленького беспомощного умишки-рассудка, и тем проявляет и подлинную мудрость и редкой силы волю особого, высшего порядка. Этим путем послушник легко, непонятным для самого себя образом, восходит на тот уровень, которого никогда не могут достигнуть, или хотя бы понять, люди даже самой высокой интеллектуальной культуры. Этот уровень, как сказано выше – чистота ума в Боге. Послушание есть – путь веры, побеждающей мир (1Ин.5:4). Но тайну сию не все воспринимают. Епископ Игнатий Брянчанинов в одном из своих писем говорит: «Мы веруем, научаясь так веровать от Святых Отцов, что если кому Господь... не даст уразуметь пути послушания, тот от человеков ничего не примет и хотя бы имел пред собою самих Святых Апостолов, то и на них будет метать камнями»⁵¹.

Монашеское послушание не есть – «дисциплина». Ни одно человеческое общественное учреждение не может существовать без координации действий членов его. Таковая координация достигается через дисциплину, сущность которой сводится к подчинению человеческой воли младшего – человеческой воле старшего или «большинства». Подобное подчинение обычно держится на принуждении; но даже и при добровольном разумном принятии дисциплины, как необходимого условия

существования общества, она не перестает быть дисциплиной по своему второму признаку, т. е. подчинения человеческой воле.

Послушание монашеское есть – религиозный акт, и, как таковой, непременно должен быть свободным, иначе он теряет свое религиозное значение. Послушание только тогда духовно плодотворно, когда оно носит характер свободного отсечения своей воли и рассуждения перед старцем ради искания путей ВОЛИ БОЖИЕЙ. В этом искании воли Божией и заключена сущность нашего послушания.

Послушник осознает свою недостаточность для непосредственного познания воли Божией и потому приходит к духовному отцу, которому, как он верит, дано лучше познавать ее. Старец, духовный отец, не убивает воли послушника и не порабощает ее своей человеческой воле, но несет трудный подвиг ответственного служения, через которое становится соучастником в Божественном акте творения человека. Условия повседневной жизни часто бывают таковыми, что старец, слабый физически, может нуждаться в услугах послушника, но это не изменяет указанной выше сущности послушания. Но если в монастырях игумен и другие наставники вынуждаются прибегать к человеческому принуждению своего братства, к «дисциплине», то это есть верный признак снижения монашества и, быть может, полной потери разума о том, в чем цель и сущность его.

Вопрос послушания в опыте жизни связан тесно с вопросом выбора или нахождения духовного наставника, старца, но мы оставим его сейчас, чтобы не продлить слишком нашего слова. Скажем только, что по наставлению Преп. Симеона Нового Богослова и других Отцов, кто истинно и смиренно, со многими молитвами ищет себе наставника в путях Божественной жизни, тот, по слову Христа «ищите и обряцете», найдет.

Невозможно исчерпать этой темы. Послушание имеет много сторон, и возможны самые разнообразные положения. Общее правило – не доверять себе. Это особенно важно для начинающих, но и состарившиеся в монашеском подвиге не оставляют его. Всякое дело, всякое начинание должно

твориться по благословию, чтобы актом этого благословения всему придать характер Божьего дела. Все «житейские мелочи» и не-мелочи требуют познания воли Божией, ибо в жизни человека ВСЕ ВАЖНО. Чрез благословение вся жизнь приобретает священный характер и всякое дело только тогда становится подлинно вечным, когда совершено во имя Бога.

Христос сказал: «Всякое растение, которое не Отец Мой небесный насадил, искоренится» (Мф.15:13). Чрез послушание жизнь вечная становится реальностью еще отсюда. Добрый послушник ощущает присутствие Духа Божия, Который дает душе не только глубокий мир, но и несомненное чувство «перехода от смерти в жизнь».

* * *

ДЕВСТВО И ЦЕЛОМУДРИЕ – второй основной обет монашества. Понятие о девстве, как о жизни по образу Иисуса Христа, странным образом, настолько мало усвоилось современному миру, даже христианской части его, что в плане этого обета особенно приходится доказывать его догматическую обоснованность.

Тысячелетний опыт Церкви с неоспоримой достоверностью показал, что исключение половой функции из жизни человеческой личности не только не влечет за собою вреда для психического или физического здоровья человека, но и обратное, а именно, что правильное прохождение этого подвига повышает и физическую выносливость, и долговременность жизни, и психическое здоровье, и духовное развитие. За последние десятилетия возможно отметить немалое число научных трудов, подтверждающих вышесказанное, и этому факту приходится только радоваться, так как никогда не прекращались извращенные толкования монашеского целомудрия и даже сопротивления ему, как явлению, якобы патологическому или противоестественному. Однако, должно сказать, что весь современный научный опыт в этой области еще не настолько значителен, чтобы мог он идти в сравнение с непрерывным многовековым опытом Церкви и как-то обогатить его, и потому, понятно, интерес монахов к нему еще не велик.

Оставляя сейчас в стороне более широкое исследование этого вопроса с догматической и антропологической стороны, скажу только, что для нас основным и бесспорным доказательством оправданности этого обета, к которому в конце концов сводятся и все другие доказательства, является тот «образ» жизни, который дал нам Господь в Себе: «Образ дах вам...» (Ин.13:15). Говорить, что жизнь Христа противостоит естественной, дерзнет разве только совершенно безумный.

Перед нами же, христианами, стоит безусловная задача – уподобится Христу во всем, чтобы чрез это уподобление Человеку-Христу достигнуть уподобления Богу, как последней цели и высшего смысла нашего бытия. Св. Варсануфий Великий говорит о послушании, что оно «возводит на небо и приобретших его делает подобными Сыну Божию» (Ответ 248). Но то же самое должно сказать и о девстве и целомудрии. По мысли Св. Мефодия Олимпийского (311), выраженной им в «Пире десяти дев», творении, суммирующем взгляды Церкви первых веков на девство – стать действительно по подобию Божию возможно не иначе, как только восприняв в себя и выявив в своем земном бытии черты того образа, который дан нам Иисусом Христом. В самом деле, мы постоянно встречаемся с учением Церкви о спасении, понимаемом как обожение; но спрашивается, – где можем мы найти достоверный и, так сказать, очевидный, осязаемый (1Ин.1:1) критерий в этом плане? Несомненно, что только в меру нашего уподобления Богу, явившемуся во плоти уподобляемся мы Богу и в Его надмирном, вечном бытии. Именно таким образом всегда шла богословская мысль Церкви с первых лет Ее истории. Это отразилось и в посланиях Апостолов, и в богослужебных текстах⁵², и в памятниках святоотеческой письменности. Приведу для примера некоторые из них.

В первом из двух «Посланий о девстве» (Гл.8), приписываемых Св. Клименту Римскому (311)⁵³ читаем: «Утроба святого девства носила Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, и в тело, которое воспринял Господь наш, и в котором

совершил Свою борьбу в этом мире, Он облекся от Святой Девы. Познай же в этом величие и славу девства.

Хочешь быть христианином? – «Подражай Христу во всем». Иоанн был Ангелом, посланным пред лицом Господа, и в рожденных женами не восставал больший его, и сей святой Ангел Господа был девственником...

Другой Иоанн, который возлежал на персях Господа, много любившего его, тоже был святым⁵⁴, и потому так возлюбил его Господь.

Затем идут Павел, Варнава, Тимофей и другие, имена которых написаны в книге Жизни, все они возлюбили святость, и в этом подвиге беспорочно совершили течение свое, как «истинные подражатели Христа и сыны Бога Живого...», ибо «подобные Христу – совершенно подобны Ему».

Св. Киприан Карфагенский (258 г.), в книге «Об одежде девственниц» (написано в 249 г.), о достоинстве девства говорит: «Девы – цветок церковного ростка; слава и украшение благодати духовной... хвалы и чести непорочное и неповрежденное творенье; образ Божий, соответствующий святости Господа; светлейшая часть стада Христова... и чем больше изобилует девство в числе своем, тем больше радость матери (Церкви) умножается»⁵⁵.

Св. Мефодий Олимпийский в вышеупомянутом «Пире десяти дев» говорит о девстве как о деле «чрезвычайно великом», как о «таинстве».

И несомненно, если брак есть таинство, то и девство также есть таинство Церкви.

Девство и целомудрие, понимаемые в христианском смысле, весьма существенно отличаются от того, что вне христианства разумели и доньше многие понимают под этими словами. Понятия «девство» и «целомудрие», близки, но не тождественны. В порядке словоупотребления при постриге лицами, пришедшими к монашеству после брака или после внебрачного общения, дается обет целомудрия, т. е. дальнейшего полного воздержания; для лиц же, не познавших акта общения с другим телом, он становится обетом девства.

Целомудрие, как показывает и самое слово, понимается как целостность или полнота мудрости. В Церкви с ним связано представление не только преодоления плотского влечения и вообще «комплекса плоти» и в этом смысле «победы над естеством», но и достижение совокупности совершенств, свойственных мудрости, что выльется в постоянное пребывание в Боге «всем умом, всем сердцем». В своем более полном осуществлении подвиг целомудрия восстанавливает девственное состояние человека по духу, не изменяя факта потери девства по телу.

Девство же подлинное Святыми Отцами определяется как состояние вышеестественное. В своей совершенной форме оно понимается как непрерывное пребывание в божественной любви, как осуществление заповеди Христа – любить Бога «всем сердцем, всем умом, всей душой, всею крепостью». При свете этого критерия, всякое отступление ума и сердца от любви Божией рассматриваются, как «духовное прелюбодеяние», т. е. преступление против любви.

Девство не есть наивное неведение естественной и вполне нормальной человеческой жизни.

Величайший и единственный по совершенству пример, Приснодева Мария, на благовестие Ангела о рождении от Нее Сына, ответила вопросом: «Как возможно это, когда я мужа не знаю?» и тем показала Свою ненаивность (Лк.1:31–34).

Нерастленность по плоти – не есть еще девство. Один из величайших святых нашей Церкви, Василий Великий, с горечью говорил о себе: «Хоть жены и не познал, но я не девственник», т. е. в более совершенном смысле этого слова⁵⁶. Помимо актов общения с другим телом, есть немало иных форм растления и самораствления, о которых у нас, в Православной Церкви, не принято говорить «по виду», чтобы не порождать в уме говорящего или слушающего каких-либо образов греха. И не познавший физического акта, если только умом поползнется и будет мечтательно желать такового, уже не вполне девственник.

По церковному представлению – есть три степени духовного состояния человека: вышеестественное, естественное и, наконец, ниже, – или противоестественное. К

первому относится девство и монашеское целомудрие, понимаемые, как дар благодати; вторым является благословенный брак; всякая же иная форма плотской жизни – духовно будет или ниже, или даже противоестественною.

Сказано у Отцов: «Не посягай на вышеестественное, чтобы не попасть в противоестественное». Отсюда правило:

– никого не должно допускать к монашеству без предварительного испытания. Монах, не хранящий целомудрия, в порядках спасения стоит много ниже благочестного брака, почитаемого в Церкви спасительным путем. И если принять во внимание, что принеся обеты – лишается права на освященный Церковью брак, то всякое нарушение монахом целомудрия рассматривается, как падение, и при том падение в нижеестественное. Нормальный, неизвращенный брак сохраняет человека и физически и нравственно, тогда как всякий иной образ плотского удовлетворения, хотя бы и в форме только мечтания о нем, разлагающе действует на всего человека, т. е. и на психику, и на тело. Это разрушительное действие особенно усиливается, когда преткновению подвергается монах, нарушающий тем самым данные пред Богом обеты, потому что в таком случае внутренний конфликт от потери благодати принимает несравненно более глубокий характер, и мучительные угрызения совести могут доходить до мрачного отчаяния.

Мечтания о плотском общении, при отсутствии нормального физического акта, многих довели до глубоких душевных заболеваний и даже до полного сумасшествия. Об обилии таких бедственных случаев прекрасно знают психиатры⁵⁷

Монашеское целомудрие, как воистину «человеческая» жизнь по образу совершенного Человека-Христа не может быть основано на отрицании половой жизни, на осуждении благословенного Богом и Церковью брака, на отвращении или унижении того акта, посредством которого «человек рождается в мир» (Ин.16:21). Церковь в Своих соборных постановлениях отвергает тех, кто ищет монашества по гнушению браком или гордostному унижению его⁵⁸.

Поэтому всякого, ищущего монашества, Отцы испытывали – имеет ли он подлинное призвание к нему. Различны степени такого призвания. Некоторым дано было познать состояние благодатного богообщения такой меры, когда и ум их и тело ясно ощущали свое освящение. Для таковых совершенное воздержание от плотской жизни, не только в форме физических актов, но и в самой мысли⁵⁹ становится категорическим императивом духа. Меньшею степенью является состояние, при котором душа испытывает лишь влечение к целомудрию; ум таковых стремится к чистоте и в силу внутренней «жажды» освящения интуитивно отталкивается от плотских «помыслов».

Многие вступают в монашеский подвиг, исходя из этого состояния, которое, хотя и менее надежная основа, чем первое, однако тоже есть положительное призвание свыше. Опыт тысячелетий показал, что любовь Божия возможна и в браке, но любовь умеренная.

Когда же эта любовь переходит некую грань и достигает большей силы, тогда душа человека интуитивно отходит от всего того, что как-то не согласуется с этой любовью. Не мне найти рациональное объяснение этому замечательному явлению в области религиозной психологии, повторяющемуся в веках с удивительной закономерностью. Быть может оно и вообще не подлежит рациональному определению. Я лично исхожу из данных святоотеческих творений и отчасти из тех наблюдений, возможность которых мне была дана, как духовнику. Из многих бесед с подвижниками я вынес крепкое убеждение, что когда душа в опыте своем познает любовь Христову, тогда, от сладости любви сей, порождается в ней неудержимое влечение к Богу, непрестанное «скучение» о Нем, и вместе необъяснимая печаль о мире, следствием чего является совершенно беструдное и как бы естественное отстранение всяких чувственных наслаждений, от которых эта Божественная любовь остывает и гаснет.

Таково свойство большой любви Христовой, что она не терпит снижения до плотских наслаждений вообще, и тем более полового, как наиболее сильного из них. Ум человеческий от действия любви Божией совлекается земли и очищается от

всякого образа; половое же общение слишком глубоко поражает душу именно земными образами. Мы знаем, что многие к этому относятся совершенно иначе; но не к ним ли применимы слова Писания; «Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих во век, зане суть плоть» (Быт.6:3)?

Самый опыт жизни показывает подвижнику, что всякого рода чувственные наслаждения, будь то зрительные, вкусовые, слуховые, осязания или обоняния, отвлекают душу от того, что безмерно выше и несоизмеримо драгоценнее, лишая ее дерзновения в молитве; тогда как страдательное состояние плоти, наоборот, очень часто содействует очищению ума и восхождению его к созерцанию.

Целомудрие, когда оно является глубокой потребностью духа, естественно приводит к тому, что называют «суровым образом жизни», или «постническим житием». Все, что не является совершенно необходимым для существования, отстраняется, чтобы дух имел наибольшую свободу в созерцании.

Если бы принятие пищи или сна не было бы безусловной необходимостью для физического существования, как это видим в отношении половой жизни, подвижник целомудрия никогда бы не коснулся пищи и «не дал бы сна очам своим», все силы ума своего отдавая на мысль о Боге и на молитву. Вот почему в правильно поставленной монашеской жизни такие вещи, как, например, курение, исключены.

Грех не в том или ином естественном отпадении человека, а в страстях. Св. Пимен Великий сказал: «Мы не телоубийцы, а страстеубийцы». Борьба православного подвижника – не против тела, а против страстей и «духов злобы поднебесных» (Еф.6:12), ибо от Бога нас удаляет не тело, призванное быть сосудом или «храмом живущего в нас Духа Святого» (1Кор.6:19), а сладострастие, т. е. страсти с их наслаждениями.

Православное подвижничество утверждено на догматическом сознании, что жизнь разумной твари составляется из соединения двух волей, двух действий: божественного и человеческого. В силу этого и девство и

целомудрие суть не только дар благодати, но и следствие разумного подвига. Всякий дар благодати неизбежно в мире сем сопрягается с великим подвигом разумного хранения ее. То, чему научает благодать во время своего пребывания с человеком, в том должен он оставаться и во время отступлений ее в форме осязаемого действия, сохраняя себя в том же строе жизни, как если бы благодать не отступала от него. Здесь получает начало волевое усилие подвижника и необходимость аскетического воспитания. Св. Григорий Нисский в своем слове «О Девстве» (Гл.4) говорит так: «Подвиг девства есть некое искусство и сила божественной жизни, научающая живущих во плоти уподобляться бесплотному естеству»⁶⁰.

И в той части, где действует разумная человеческая воля, хранение девства и целомудрия становится аскетической культурой и искусством. Сегодня мы не имеем цели подробнее остановиться на этом предмете. Скажу только, что самым существенным моментом в этом «искусстве» является «хранение ума». Важнейшее правило в этом подвиге – «не отдать ума». Без этого – никакие телесные подвиги не достигают искомой цели, тогда как аскетически воспитанный ум может сохранить не только свою чистоту и свободу, но и покой тела и даже в таких условиях, при которых другим это дело покажется невозможным.

И снова, для большего утверждения, скажем, что нашей Церкви глубоко свойственно сознание исключительности этого пути, вытекающее не только из опыта, но и из слов Самого Христа, сказавшего: «Не все вмещают слово об этом» (Мф.19:11). Отсюда – предварительное внимательное испытание ищущих монашеского пострига; отсюда и отказ от безбрачного клира в миру, за редкими и в большинстве случаев вынужденными исключениями. В этом, впрочем, проявилось и благоволение Церкви к чистому браку, настолько большое, что последний вовсе не рассматривается, как препятствие к совершению даже божественнейшего таинства Евхаристии⁶¹.

Великий Иоанн Лествичник, свое поразительное слово «О целомудрии» (15-е) заканчивает так: «Кто, будучи во плоти,

получил и здесь победную почесть, тот умер и воскрес, и здесь познал начало будущего нетления».

* * *

НЕСТЯЖАНИЕ – третий из основных обетов, является вполне естественным дополнением первых двух, составляя с ними неразрывное единство в целях достижения чистой молитвы и, вместе, наибольшего уподобления Богу, чрез уподобление Христу, настолько не искавшему стяжаний на земле, что «не имел, где приклонить главу» (Мф.8:20). И опыт ясно показывает всякому человеку, что для того, чтобы чисто молиться, необходимо уму нашему освободиться от отягощающих его образов вещества.

В монашеском обете нестяжания ударение падает на борьбу со страстью «любостяжания» или «сребролюбия» и «вещелюбия». При этом монах обещает не столько жить в нищете (западный обет «нищеты»), сколько освободить свой дух от желания «иметь», знаком достижения которого является сильное желание «не иметь», до такой степени, что истинный подвижник нестяжания перестает щадить и самое тело свое. Только при этом условии и возможна подлинно царственная жизнь духа.

Вначале каждый говорит себе: как могу я освободиться совсем от вещей? Я сам вещественен по телу, и жизнь этого тела неизбежно связана с веществом же? Итак, что же – не должен ли я умереть?.. Нет, не об этом речь. Благоразумный подвиг состоит в том, чтобы ограничить себя тем минимумом вещей и вещества, без которого жизнь стала бы уже невозможной. Причем мера этой возможности различная у каждого⁶².

Современный мир не смог построить свою жизнь так, чтобы иметь достаточный «досуг», свободное время на молитву и на духовное созерцание Божественного бытия. Причина этому – алчная страсть «иметь».

Эту страсть любостяжания Ап. Павел назвал идолопоклонством (Кол.3:5), а Св. Иоанн Лествичник – «дщерью неверия» ... «хулою на Евангелие, отступлением от Бога» (Сл. 16). Подлинное христианское нестяжание – миру

неведомо, непонятно. И если сказать, что в своем развитии оно простирается на стяжания не только материальные, но и на «интеллектуальные», то большинству оно покажется просто безумием. В своих научных познаниях люди видят свое духовное богатство, не подозревая при этом, что есть иное, высшее познание и подлинно несравненное богатство, приносящее великий покой.

В погоне за материальным комфортом, люди утратили комфорт духовный, и современный материалистический динамизм все более и более приобретает демонический характер. И неудивительно, ибо это есть не что иное, как динамика греха.

Любовь к стяжаниям изгоняет любовь к Богу и человеку. И люди не видят этого, и не хотят понять, что из неправды этих устремлений, владеющих умами и сердцами людей, истекают бесчисленные страдания всего мира. Св. Лествичник говорит: «Сребролюбие (т. е. любостяжание) есть и называется «корень всех зол» (1Тим.6:10); «и действительно оно таково, ибо порождает хищения, зависть, разлучения, вражды, ... жестокость, ненависть, убийства, войны» (Сл. 17-е).

Итак, чтобы вырваться из плена низменных забот, чтобы очистить свой ум и дать духу нашему наслаждаться воистину царственной, вернее – богоподобною, свободною, необходимо отречение и в этом порядке, ибо, по слову Иоанна Лествичника, «нестяжательный муж молится чистым умом... вкусивший вышних благ, легко презирает земные...

Нестяжательный – владыка над миром... сын беспристрастия... все, что он имеет, он считает за ничто» (Сл. 17), и, когда не имеет, не печалится, но живет так же, как бы имел.

Сказав вкратце об основных обетах монашества, я, надеюсь, дал возможность понять в известной мере сущность православного подвижничества, что и является темой нашей беседы. Однако, чтобы несколько пополнить картину самого монашества, с одной стороны, с другой – избежать недоумений, позволю себе сказать еще и об обете – «пробыть в монастыре и в постничестве даже до последнего издыхания», который в

последовании пострига в мантию стоит первым, а в схиму – вторым вопросом.

В этом вопросе есть два момента: один – пребыть в монастыре, другой – пребыть в постничестве. Первое вообще не является неотъемлемым признаком монашества, как это свойственно другим обетам. Монашество возможно и вне монастыря: в миру, в пустыне. В большей части житий святых из монахов мы встретимся с фактом вольного или невольного оставления того монастыря, в котором было принято пострижение, и однако это не являлось ни падением, ни отречением, ни даже нарушением монашества. Многие были изъяты из своих монастырей на иерархическое служение в Церкви; многие были переведены в другие монастыри по тем или иным причинам; многие получили благословение от своих монастырей на исход с какою-либо благою целью; и, наконец, бывали случаи даже бегства из своих монастырей по причине «неудобства спасения» в них.

При постриге в монашество вне монастыря этот вопрос обычно опускается; остается только вопрос о прибытии в постничество до последнего издыхания. Однако он вполне естественен и навсегда останется как составная часть пострига в монастырях, потому что всякий, принятый в братство монастыря, становится сообладателем всего, что принадлежит монастырю, и соучастником во всех отношениях, т. е. и жизни внешней, и жизни внутренней.

Принимая так тесно нового члена в свою духовную семью, братство монастыря, естественно, хочет иметь с его стороны обещание верности, чтобы все прочие, старые члены могли с полным доверием положиться на него во всем.

Сущность же второго момента, а именно: « пребыть в постничестве до последнего издыхания », в том, что обеты монашеские имеют характер не временный, на какой-то срок, а неизменный, непреложный, и даже выходящий за пределы земной жизни.

Господь сказал: «Никто, возложивший руку свою на плуг, и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк.9:62). Здесь словом «благонадежен», а в славянском

«управлен», переведено греческое выражение, означающее: удобно, должным или соответствующим образом положенный. И в самом деле, если обеты монашеские принимать только как временные, то это значит не понимать их действительного смысла и превратить их всего лишь в некое благочестивое упражнение, тогда как, по существу, это есть оставление младенческого возраста и переход в совершенный возраст. Апостол Павел говорит: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, мыслил, рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое» (1Кор.13:11). Младенчество проходит безвозвратно не столько в смысле времени, сколько в смысле содержания жизни. Как могут исчезнуть приобретенные опыт, знание, разумение?

Подобным образом и в приносимых обетах выражается иное сознание жизни вообще, ее смысла, цели, содержания. Обет целомудрия, скажем, чем будет отличаться от временного воздержания всякого иного человека, если смотреть на него только как на временное упражнение? Или, если смотреть на послушание тоже только как на временное упражнение, то где сознание, что чрез послушание нами ведется борьба с узостью нашей «самости», эгоизма, с тем, чтобы сделаться вместилищем божественной воли Отца Небесного? И нестяжание также; если видеть в нем только временное пребывание в лишениях, то где разумение, что в этом обете заключено наше стремление, помощью Бога, преодолеть вообще власть вещества над духом нашим?

Итак, конечно, «не удобно» положен для Царствия тот, кто возвращается вспять от данных им обетов. И можно сказать, что когда наличествует это возвращение вспять, то это в большинстве случаев значит, что обеты были принесены без надлежащего разума, без соответствующего состояния духа. Иначе говоря, не были сохранены они потому, что и приносились не должным образом.

* * *

Вначале мы говорили о трех родах призвания, о трех отречениях, о трех видах креста, о трех степенях монашества. Но вот у Св. Григория Богослова есть еще слово о трех

рождениях, через которые должен пройти человек в своей жизни. В поэме-письме «К Витилиану от сыновей», развивая свой взгляд на подвижничество, он говорит, что «по первому рождению от плоти и крови люди являются на земле и скоро исчезают; затем (следует рождение) от Духа чистого (Святого), когда на омытых водою (крещения) приходит (свыше) просвещение. Третье же (рождение) слезами и болезнями очищает (в нас) образ (Божий), омраченный злобою (непотребством греха). Из сих (рождений) – первое человек имеет от отцов, второе – от Бога, в третьем же он сам себе родитель, являясь миру благим светом»⁶³.

Тон речи Святого дает понять, что последнее рождение есть завершительное. Смысл его в том, что человек, получив дар благодати и познав при свете ее божественную жизнь, а вместе и свое падение, болезненным подвигом полагает себя в добре. Именно этот момент разумного самоположения в Божественном добре и является основным в жизни христианского подвижника.

Проявляется он, как глубокая неудовлетворенность духа нашего всем, что есть на земле, и тоскою о Боге, жаждою Бога, горячим исканием Его.

Этот смысл, думаю, заключен и в словах Старца Силуана:
«Скучает душа моя о Господе, и слезно ищу Его.
Как мне Тебя не искать? Ты прежде взыскал меня,
И дал мне насладиться Духом Твоим Святым.
И душа моя возлюбила Тебя».

Примечания

¹ - Здесь и далее замечания игумена Никона. По указанию свв. отцов (например, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова, еп. Игнатия Брянчанинова), человек переживает состояние полной оставленности, сознание своей гибели, бессилия и прочее для того, чтобы стяжать смирение и вполне оценить благодать Божию, вполне оценить Спасителя и Его дары человеку, и не приписать даров Божиих себе, своему подвигу. Это смирение начальное.

² - Объясняется жизнью человека. Чем больше грешит человек и не кается по силе своей, тем слабее говорит совесть, которая дает человеку чувствовать грех. Можно быть мертвым душою и не ощущать никакого интереса к духовной жизни, не ощущать греха и раскаяния. По мере исполнения заповедей Божиих оживает душа, очищается, делается способной сильнее ощущать грехи, даже самые мелкие, пока не дойдет до духовного видения своей греховности. Это – «1-е духовное видение», по учению преп. Петра Дамаскина. Он говорит: «Первый признак здоровья души есть видение грехов своих, бесчисленных, как песок морской».

³ - «Свободное действие Духа Божия» на человеке не означает действия произвольного, беспричинного. Оно происходит в полном соответствии с духовным устроением человека, в чем проявляется и «свобода» человека, почти совсем им утерянная. У него осталась свобода только «желать» (да и то может быть не всегда), а делать он без помощи благодати Божией ничего не может.

⁴ - Это так, если подвиг правильный и ведет к смирению. Если же подвиг неправильный, то он может удалить от Бога и вместо плодов Духа Святаго принести плоды бесовские.

⁵ - Грех состоит в нарушении воли Божией, законов бытия, установленных Богом. Грех есть беззаконие (1Ин.3:4).

⁶ - Карфагенский собор правилом 130 предаёт анафеме тех, которые говорят, что святые в молитве Господней слова: «остави нам долги наша» произносят «по смирению, а не по

истине». слова преп. Исаака Сирина о покаянии (Слово 71, с. 523, Москва, 1858 г.). Сисой Вел. просил перед смертью время на покаяние. Арсений Великий всю жизнь оплакивал свои грехи. Макарий Египет. сказал братии Нитрийской горы при последнем свидании: «восплачьте, братия», – и все заплакали. Все произведения еп. Игнатия Брянчанинова есть призыв к покаянию. И прочее, и прочее... Истинная любовь невозможна без смирения, душою которого на земле является покаяние.

⁷ - Подвижник с таким состоянием не может «примириться».

⁸ - При правильном подвиге это дается в конце подвига, когда достигнуто бесстрастие, а при неправильном скоро приводит к «прелести» со всеми последствиями ее: высокоумием, тщеславием, гордостью, бесовскими видениями.

⁹ - Вследствие неправильности подвига.

¹⁰ - его.

¹¹ - прим. 1) Как это совместить?

¹² - По Игнатию Брянчанинову и всем свв. отцам, молитва человека должна быть молитвою "покаяния", а не исканием благодати. Искание благодати есть признак «скрытой гордости». Все – неоплатные должники перед Богом, недостойные милости Божией. Мы все достойны ада. Вот что значили слышанные слова.

¹³ - Совсем не так.

¹⁴ - «Новое» – «держи ум твой во аде», а не ищи благодатных состояний, которых ни один человек не достоин. Долг наш перед Богом неоплатный. Наше дело сознавать этот долг и умолять Бога о прощении и благодарить Его за все милости. А дать благодать – дело милости Божией, а не плата за труд. Мы – рабы, которые обязаны исполнить все повеленное, чего не мог сделать вполне никто. Но и сделав, мы должны считать себя «рабами ничего нестоящими» (Лк.17:7–10).

¹⁵ - Путь ко спасению, единственно верный: считать себя недостойным благодати.

¹⁶ - Единственно правильный путь есть путь сознания своего недостойнства быть с Богом, сознания своей гибели и

плача о помиловании, путь покаяния. «Аще сотворите вся повеленная вам, глаголите яко раби неключими есмы, еже должны бехом сотворите, сотворихом». – Все заповеди мы обязаны выполнять, но благодать Духа Святаго и Царствие Божие дается не за дела, а исключительно по милости Божией. Старцу Силуану и было дано указание – не искать благодатных состояний, счесть себя недостойным их, и добиваться «держанием ума во аде» глубоко искреннего от всей души сознания, что он падшее существо, недостойное Царствия Божия и каких-либо даров от Бога, что его дела и подвиги сами по себе не имеют положительной цены без смирения, а могут удалить от Бога. Предлагалось увидеть грехи свои бесчисленными, как песок морской, увидеть и бессилие, невозможность своими подвигами победить их, прийти к нищете духа, которая есть начальная ступень к особому благодатному смирению. Это все и познал Старец, как далее видно из его собственных слов.

¹⁷ - т. е. чередование одного с другим.

¹⁸ - т. е. около 1925 г.

¹⁹ - на Афоне во время ночных служб и особенно всенощных бдений, которые длятся по 8 и 9 и более часов, читают вслух много поучений из Святоотеческой письменности

²⁰ - 1Кор.13

²¹ - Духовные отцы давали совет не от себя, а по состоянию спрашивавшего, так что спрашивающий при желании мог выполнить совет. Не исполнявший совета или заповеди Евангелия должен был сознавать себя грешным в этом и приносить покаяние и смиряться.

²² - Совет Варсонофия Великого. – в печатном издании, по которому подготовлена электронная версия, сноска в тексте отсутствует.

²³ - ...Апостолов и Святых Отцов...

²⁴ - Смотрите его прекрасные главы «О Пастырях и духовниках» и друг.

²⁵ - ...что нетрудно...

²⁶ - Вся статья «О послушании» написана от «ума», а не из опыта и знания современного состояния Церкви. Жизнь самого старца Силуана показывает, что у него не было опытных руководителей, и вследствие этого он шел неверным путем и мог бы погибнуть в «прелести», если бы не особая милость Божия.

²⁷ - Автор (иер. Софроний) упускает из виду или же не усвоил вполне следующих положений: 1. Каждый человек находится в состоянии падения, при котором Слово Божие может быть понято очень ограниченно. 2. По мере роста внутреннего, «нового» человека, открывается и более глубокий скрытый смысл Писания. И как духовному росту человека поставлен идеал: «Будьте совершенны, яко же Отец ваш небесный совершен есть», – так и понимание Слова Божия беспредельно углубляется. «Мы имеем ум Христов», – говорит Апостол Павел, «подобны мне бывайте, якоже аз Христу» и под. При росте духовном открываются такие тайны через Слово Божие и через внутреннее озарение («помазание», по ап. Иоанну; «звезда утренняя», по ап. Петру; «Дух Св. научит вас всему»), о которых ветхий человек не может ничего знать. Поэтому богословы академические, не пришедшие от ветхости своей в состояние обновления, пробавляются "молоком" (Евр. 5, 13) Слова Божия, переливая его в разные формы. Потому и протестанты никогда не войдут в глубину познания Слова Божия, что толкуют его своим падшим разумом. Обновляется же христианин (и только христианин) исполнением заповедей Божиих, всех заповедей (а не по выбору), и покаянием, постоянным, глубоким, приводящим к смирению.

²⁸ - Калибою на Афоне называется отдельный домик для пустынника

²⁹ - Общежительные монахи или пустынники на Афоне мяса вообще не едят по слову Апостола: «Если пища соблазняет брата моего, не стану есть мяса во век» (1 Кор, 8, 13).

³⁰ - В течение года по уставу Монастыря совершается всенощное бдение 66 раз

³¹ _

³² - Преп. Исаак Сирин. Слово 42, стр. 263, изд. М., 1858 г.

³³ - «погружается в духовный эгоизм» – странное объяснение, наивное.

³⁴ - Здесь мы употребляем это слово, следуя общепринятой богословско-философской терминологии (от «Онтология» – учение о бытии)

³⁵ - По уставу – в мантию, но на Св. Горе вообще существует тенденция к упрощению, и мантию монахи обычно не носят, за исключением Иеромонаха, Канонарха и Екклезиарха при совершении ими служения в храме

³⁶ - Об этом случае известно и мне. При переписке Старца с разными лицами я служил ему в качестве секретаря. Старец рассказал мне, как во время молитвы Бог открыл ему о состоянии дочери этой женщины.

³⁷ - Все подчеркивания и многоточия принадлежат автору этих писем.

³⁸ - «нет ни единой моей (?) мысли» – таковых мыслей немало, о чем свидетельствуют «Писания Старца Силуана».

³⁹ - «Отечник» Еп. Игн. Брянчанинова, стр. 336, § 58. «Авва Пимен сказал: Воля человека есть медная стена между ним и Богом; она камень противобьющий». Слова Ст. Силуана: «и не дает с Ним сблизиться или созерцать Его милость», лишь по смыслу согласны с тем, что сказал Св. Пимен Великий. Подобным образом и в некоторых других случаях цитаты Старца Силуана неточны, и являются скорее интерпретацией.

⁴⁰ - 27-ми лет

⁴¹ - Память 24 мая

⁴² - В данном случае под послушанием разумеется – работа или служение, возложенное на монаха

⁴³ - Именованье – Старец в русском церковном сознании преимущественно употребляется по отношению к подвижникам, которые прошли долгий искуc, которые опытно познали духовную брань, которые многими подвигами стяжали дар рассуждения, которые, наконец, способны молитвою постигать волю Божию в человеке, т. е. в той или иной мере получили дар прозорливости, и потому способны духовно руководить

обращающихся к ним. Но на Афоне именование – старец, как почетное, приобрело и другие, так сказать, местные значения. В Русском общежительном скиту Св.Апостола Андрея Старцем называют Игумена. На «келлиях» – настоятеля «келлии» (маленькая обитель, подчиненная какому-либо монастырю). Членов Совета или Собора Старцев называют «соборными старцами». Нередко старцем называют вообще старого подвижника-монаха. В Пантелеимоновом монастыре подчиненные монахи, в знак почтительности, старцем называют своего начальника, т. е. старшего, заведывающего мастерской или тою службой, на которую назначен монах. Со временем это почетное именование утвердилось в Монастыре за старшими мастерских или служб. Старец Силуан в данном случае имеет ввиду это последнее, местное, монастырское значение слова.

⁴⁴ - В переводе на европейское время – 9 часов вечера.

⁴⁵ - Во время Русско-Японской войны (1904–1905 гг.) Отец Силуан, как запасной гвардеец (вместе с другими русскими монахами Святой Горы, состоявшими в запасе), был вызван по мобилизации в Россию. Выехал он из Монастыря 30-го декабря 1904 г. и возвратился снова на Афон 16-го октября 1905 г. В третьей части нашей книги мы объясним несколько подробнее причины, по которым О. Силуан не был послан на фронт, а отпущен домой. Приехав в свою семью, он, как монах, ради безмолвия и свободного исполнения монашеского правила, устроил в поле уединенную маленькую келлию, где и провел время своего пребывания на родине. В этот период своей жизни он беседовал иногда с детьми села, которые приходили к нему. Он рассказывал нам свои очень интересные наблюдения над детской душой, о том, как с самого малого возраста душа человека может определяться в своем отношении к Богу. Приводимые здесь беседы являются воспроизведением тех, которые он вел тогда с детьми. Возможно, что в чистых душах детей отпечатлевался светлый образ любящего монаха, но нельзя не отметить, что по своему содержанию слова Старца доступны лишь взрослым людям.

⁴⁶ - Здесь в третьем лице Старец рассказывает о случае, бывшем с ним самим

⁴⁷ - Доклад, прочитанный 30 ноября 1952 г. в зале Объединения «Православное Дело» в Париже. По существу своего содержания этот доклад представляет собой одну из глав неопубликованной до сего времени III части книги «Старец Силуан», где предполагалось изложение основ православного подвижничества и монашества с целью более близко ознакомить читателей книги с этим вопросом и тем облегчить для них понимание опыта и жизни Старца. Этим и объясняется сведение рассматриваемой весьма широкой темы об основах подвижничества к его конкретной форме, а именно – образов пострижения и содержания обетов, равно как и опущение в плане опыта, догматики и антропологии тех положений, которые трактуются в первой части книги.

⁴⁸ - «Христианское Чтение» 1895 г. Вып.3, стр.569, «Письма аскета»

⁴⁹ - Выражение «второе крещение» надо понимать в том смысле, что постриг монашеский по величию своему и по братству излияния Св. Духа на человека подобен Таинству крещения, которое, как таковое, по исповеданию нашему, всегда остается «единым» (Символ веры), не повторяющимся.

⁵⁰ - Слово 2. «О кротости, простоте и незлобии, которые не от природы происходят, но приобретаются тщанием и трудами»

⁵¹ - Письма Еп. Игн. Брянч. Выпуск 1, Серг. Посад, 1913, стр. 25

⁵² - «...Бог, нас ради явился по нам человек: подобным бо подобное призвав...» Акафист Божией Матери. Кондак 10-й

⁵³ - Памятник этот, существующий только на латинском языке, должен быть отнесен к III веку

⁵⁴ - Здесь из контекста очевидно, что под словом «святым», и немного ниже под словом «святость» должно разуметь – «девственником» и «девство»

⁵⁵ - Flos est ille ecclesiatici germinis, decus adque ornamentum gratiae soiritalis... laudis et honoris opus integrum adque incorruptum. Dei imago respondens ad sanctimoniam Domini, illustrior portio gregis Christi... quantoque plus copiosa virginitas numero suo addit,

faudium matris augecit» De hab. virginum. Cap. 3 (189. Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum. Vindobonae. 1868)

⁵⁶ - Не ручаюсь за точность этой ссылки. В моих старых заметках эти слова связаны с именем св. Василия Великого. При устном докладе ссылки не сопровождалось точным указанием в творениях Св. Отцов мест, откуда они взяты. Самая цель и смысл доклада не требовали того. Теперь же, при печатном издании доклада, я хотел бы проделать эту работу, но, к сожалению, условия моей жизни в настоящее время лишают меня физической возможности вполне осуществить это

⁵⁷ - В «Пире десяти дев» Св. Мефодий Олимпийский, между прочим, говорит о том, как постепенно сознание человечества развивалось и вырастало духовно до познания совершеннейших форм жизни – целомудрия и девства. Исторически эволюция эта имела следующие этапы. Сначала, «пока мир еще не был наполнен людьми», и человечеству надлежало «плодиться и множиться» мужи вступали в брак со своими сестрами. Затем, когда умножился род человеческий и распространился по земле, тогда Божественный промысл пророческим учением отводит людей от этого образа жизни к более высокому нравственно, и браки с сестрами стали считаться «кровосмешением». Далее люди переходят к понятию единобрачия (моногамии), «чтобы не совокуплялись со многими, подобно животным, и как бы родившиеся для совокупления», и чтобы не были «прелюбодеями». Затем христианство научает людей еще более высокому сознанию о жизни, и Церковью вводится новое ограничение браков уже по признаку степеней духовного родства; так запрещаются, например, браки двух братьев на двух сестрах, и подоб., что вне Церкви остается непонятым даже доселе. Апостольским учением люди возводятся к уразумению «целомудренного брака» и «нескверного ложа», откуда, наконец, восходят до познания христианского девства, «научаясь возвышаться над плотью и вступая в безмятежную пристань нетления...» Здесь мне хочется отметить чрезвычайную своевременность проповеди целомудрия и девства в наши дни. Отступления от установленного Церковью брачного союза и всякое

преступление против него не только снижают образ человеческого бытия, но влекут за собою и худшее: разложение личности, творящей грех; распады семей, разложение государств, разрушение и гибель целых стран и народов. В связи со всем этим нужно сказать, что если бы духовная эволюция человечества продолжалась бы в том направлении, как указывает Св. Мефодий, то один из очень важных и тревожных для современных умом вопросов, а именно – вопрос регуляции народонаселения на земле, получил бы наилучшее и действительно достойное человека «богосыновнее» разрешение. Дикие, преступные и совершенно безумные теории регуляции народонаселения путем взаимоистребительных войн тогда потеряли бы всякую почву в сознании людей, и жизнь на земле стала бы воистину подобной небу. «Да придет царствие Твое».

⁵⁸ - 51-е Апост.правило; 9-е и 14-е правила Гангрского Собора

⁵⁹ - Даже в состоянии сна

⁶⁰ - Gregorii Nysseni – Opera, ed. W. Jaeger. Vol. VIII, 1. Opera ascetica. Leiden 1952. pp. 276, 24–277, 3; Migne P. G. 46, 348 B.

⁶¹ - Здесь хочется напомнить о том, что Св. Пафнутий, сам будучи девственником, на Первом Вселенском Соборе, по свидетельству Созомена, был решительным сторонником не считать целомудренный брак препятствием к священнослужению. Среди целого ряда соборных постановлений, касающихся этого вопроса, хочется отметить 13 правило Шестого Всел. Собора, где весьма решительно отклоняется практика Римской Церкви, не допускающая клириков иметь брачный союз

⁶² - Хорошо об этом учила Преп. Синклития. ее житие, составленное Св. Афанасием Вел. Память 5 января.

⁶³ - Gr. Naz carm. 2, 2 (поем). 3, 260–268; Migne P. G. 37, 1498A – 1499A